

Дарья Кузнецова

Цена ошибки некроманта

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Работа судьи сложна и неблагодарна, особенно если выполнять ее честно. Лавиния Шейс рискнула жизнью, защищаясь от сфабрикованных обвинений, и сумела сохранить доброе имя. Вот только с душевным равновесием все не так просто, и Лавиния по настоянию целителя отправляется отдыхать подальше от столичной суеты, туда, где ее никто не знает. Но... Один труп. Один некромант. Несколько случайных совпадений. И об отдыхе остается забыть.

- [Дарья Кузнецова](#)
 -
 - [Глава первая,](#)
 - [Глава вторая,](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая,](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая,](#)
 - [Глава девятая,](#)
 - [Глава десятая,](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая,](#)
 - [Глава тринадцатая,](#)
 - [Глава четырнадцатая,](#)
 - [Глава пятнадцатая,](#)
 - [Глава шестнадцатая,](#)
 - [Глава семнадцатая,](#)
 - [Глава восемнадцатая,](#)
 - [Глава девятнадцатая,](#)
 - [Глава двадцатая,](#)
 - [Глава двадцать первая,](#)
 - [Глава двадцать вторая,](#)
 - [Глава двадцать третья,](#)

- [Глава двадцать четвертая,](#)
 - [Глава двадцать пятая,](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Дарья Кузнецова

ЦЕНА ОШИБКИ НЕКРОМАНТА

Глава первая, в которой каникулы оказываются неизбежны

— Привет! Ну как ты тут? — Смутно знакомый голос вырвал из липкого тумана полусна, в котором я плавала уже непонятно сколько времени.

С трудом разлепив глаза, я несколько секунд разглядывала склонившуюся надо мной женщину — красивую, яркую. Короткие черные волосы, серые лукавые глаза, родинка над бровью, придающая насмешливый вид.

Ангелика.

Имя всплыло из глубины памяти, потянуло за собой какие-то обрывки событий и разговоров. Я на мгновение прикрыла глаза, пытаюсь собрать фрагменты в связную картину. Секунда-другая — и это худо-бедно получилось.

Мы подружки, она — журналист. Надежная, но вечно занятая.

— Привет. — Получилось едва слышно. — Слабость ужасная. Вспоминать сложно.

— Ну меня-то ты хоть помнишь?! — возмутилась она.

— Помню, — улыбнулась я. — Немного. Обрывками.

— Ох, бедняжка, как они тебя измордовали! — насупилась Ангелика и угрюмо качнула головой. — Уроды. А еще врачами себя называют! Ничего, вот ты выздоровеешь, я про их бесчеловечные эксперименты такой матерьяльчик накаताю, они у меня...

— Не надо! — поспешила оборвать ее. — Меня же предупреждали. Кажется... Я точно помню, что все могло обернуться хуже, так что они молодцы... — И осеклась, потому что длинная фраза выпила последние силы.

— Ну ладно, ладно, ты только не нервничай! — отмахнулась Ангелика. — Я так, ворчу просто. Тем более они говорят, что всего самого плохого ты избежала, дальше просто нужно восстановиться, и память в порядок придет. Держись, милая, ты молодец!

— Я... не помню. Все получилось? — пробормотала я. — Мне, кажется, говорили, но...

— Не то слово! Там, снаружи, так штормит — жуть! — Серые глаза восторженно блеснули и по-кошачьи мстительно сощурились. — Не без моего, конечно, участия. Так бы они, может, по-тихому все слили, отправили тебя на больничный, и ладно, но кто ж им даст!

— Не понимаю, — нахмурилась я. — Что с моими делами?..

— Никакого пересмотра, не волнуйся. А ты теперь — символ справедливого возмездия, подвижница и героиня.

— Что?.. — В голове и так все путалось, а непоследовательность собеседницы только еще больше усложняла ситуацию. Я никак не могла взять в толк, о чем она говорит.

— Так, извини, он же меня предупреждал, что с тобой сейчас нужно поосторожней, — тряхнула короткой стрижкой Ангелика, красиво всплеснув руками. — Рассказываю. Ты помнишь, как здесь оказалась?

— Да. Я согласилась на полное ментальное сканирование. Это был единственный способ доказать, что... — Я снова осеклась и прикрыла глаза, потому что от разговора и попыток напрячь память закружилась голова.

— Тихо, тихо, без нервов! В общем, ты согласилась на ментальное сканирование, чтобы доказать, что ты — не продажная сволочь, взятки не брала и вообще настоящая судья, полностью достойная этого звания. Ну а поскольку сканирование показало, что ты почти неприлично чиста перед законом, поднялась грандиозная буча. — Ангелика самодовольно улыбнулась. — Во-первых, твоего этого уroda уже размазали отсюда до самой Сердцевины. А во-вторых, ты теперь безумно популярна в народе. Сама понимаешь, продажные судьи и вообще взяточничество властных структур — тема привычная, что ни день — кого-нибудь ловят на горячем, а тут вдруг ты, зверь мифический и редкий. Так что можешь преспокойно выздоравливать и возвращаться в строй, тебя никто не посмеет и пальцем тронуть. Народная героиня, страдальца за правду и невинная жертва злодеев.

— Урод... Это ты про Тамиана? — уточнила слабо.

— Ну разумеется! Еще скажи, что ты по нему скучаешь и жалеешь его!

— Нет. — Я устало прикрыла глаза, за которыми начала пульсировать боль.

— Ну и спасибо Творцу! Есть уже как минимум один плюс: ты избавилась от этого слизняка. — Подруге Тамиан никогда не нравился, поэтому такое отношение меня совсем не удивило. — Так, милая, что-то я тебя совсем утомила, — сообщила Ангелика. — Отдыхай, я обязательно еще приду! И не забивай себе голову этим мерзавцем, а то знаю я тебя. Он был тебя недостоин и теперь наконец освободил место для настоящего мужчины, — подытожила она, пожала мне руку и поцеловала в щеку, обдав морским бризом любимых духов. — Все, Винни, не скучай и поправляйся, ты умница!

Я нашла в себе силы улыбнуться в ответ и попрощаться, не открывая глаз. Но наказ подруги волей-неволей выполнила: ни забивать чем-то голову, ни скучать просто не получалось — сразу после ее ухода вымотанный разум ухнул в темноту забытья.

Заметный прогресс наметился, если верить целителю, через пару дней после визита Ангелики — я сама плохо могла отслеживать время. Но в очередной раз проснувшись и ощутив непривычную ясность сознания, испытала облегчение.

— Вы молодец, Лавиния, — похвалил менталист, подтвердив мою субъективную оценку результатами осмотра. Этот пожилой мужчина с залысинами походил на старого пса — бесконечно усталые глаза с мешками под ними и словно бы извиняющаяся улыбка. При взгляде на него болеть сразу становилось совестно: он страдает, мучается, заботится о твоём здоровье, а ты тут лежишь и бездельничаешь. — Очень сильная. Теперь уже можно уверенно заявлять, что сканирование прошло успешно. Конечно, нужно еще наблюдать, возможны какие-то отсроченные последствия, и реабилитация необходима, но самых неприятных сценариев мы с вами избежали.

— Это радует, — улыбнулась я ему. — Значит, мне скоро можно будет отправляться домой?

— Ну... еще несколько дней я вас понаблюдаю, это обязательно, а потом — да, можете идти. Только вот домой я бы не рекомендовал. — Ответная улыбка у менталиста получилась виноватой и грустной. То ли сама по себе, то ли из-за общего выражения лица.

— Почему?

— Наш институт столько, сколько вы здесь находитесь, осаждают журналисты: Конечно, в это крыло им ходу нет: у нас очень строгий контроль посещений и хорошая охрана. Специфика такая: всем нашим пациентам, не только вам, нужен покой и тишина, никаких потрясений и никакого шума, поэтому — только родные и близкие и только по предварительной договоренности, вроде как с вашей подругой было. Но пролезть пытаются. А там, в городе, их уже ничто не остановит.

— Да уж, — кисло ответила я. Конечно, Ангелика с самого начала предупреждала, что интерес ее коллег неизбежен, но одно дело — на словах и о будущем, которое еще, может, не настанет, и совсем другое — понимать, что за дверью кружит стая грифов. — И что вы посоветуете?

— Пока отдыхать. И потом — тоже. Поезжайте куда-нибудь к морю, в тихое сонное местечко. Ну знаете, из таких, где самое большое событие кварты^[1] — роды у соседской кошки. Не в туристический город, не на курорт, а именно в какую-нибудь творцом забытую глушь. И лучше всего — под чужой фамилией.

— И по поддельным документам? — не удержалась я от улыбки.

— Это было бы идеально, но этого я вам не предлагал, — очень серьезно ответил менталист, заговорщицки склонившись ко мне.

— Вы думаете, поможет?

— Не знаю. Но вам нужен покой как минимум на ближайшую пару декад. Никаких потрясений, никаких переживаний, а дома это вряд ли получится, так ведь?

— Да, пожалуй. Спасибо, я подумаю, — пообещала неуверенно.

Думать не хотелось. Потому что в голову лезли исключительно гнусные мысли, от которых и без того нерадужное настроение только еще больше портилось. Пожалуй, единственное, что меня сейчас радовало, — это успех ментального сканирования, авантюры, на которую я решилась от отчаяния. Пересмотра моих вердиктов за последний год не будет, а значит, кто бы ни стоял за всей этой историей, желаемого он не добился. Больше того, я даже выжила и осталась в своем уме, что можно считать откровенной удачей: ментальное сканирование потому и используют только в крайних случаях — слишком велик риск необратимых повреждений. Но когда тебя загоняют в угол, и не на такое пойдешь.

Такое везение утешало слабо. Когда единственный стимул — жить назло врагам, это не очень-то хорошо.

Нет, несмотря на общее паршивое настроение, состояние и ощущение безысходности, умирать я не собиралась. Выкарабкаюсь. Выучу урок, в следующий раз буду гораздо аккуратнее и все такое. Просто... наверное, менталист прав. Нужно отдохнуть, сменить место и окружение. Сбежать? Пусть так. Сейчас это уже не побег, а тактическое отступление для перегруппировки сил. В конце концов, генеральное сражение я уже выиграла.

— Вы точно хорошо себя чувствуете? — забеспокоился целитель.

— Это не имеет отношения к процедуре, — поморщилась я.

— Так и я специалист не по сканированию, а по голове, — улыбнулся он. — Рассказывайте. Что случилось?

Я неопределенно пожала плечами. Как-то странно это — вываливать личное на постороннего человека. А с другой стороны... эти люди выпотрошили мои мозги и знают обо мне, наверное, больше, чем я сама. Более чем уверена: он в курсе, что именно меня угнетает, но проявляет вежливость. Или, может быть, использует какой-то особенный медицинский подход.

— Я не знаю, как жить дальше. После... всего. Как можно доверять людям? Как смотреть в глаза коллегам, которые раньше улыбались, а потом стали поливать грязью? Не все, конечно, но... Противно.

— Отдохните, Лавиния, — тепло улыбнулся мужчина, пожал мою руку, расслабленно лежащую поверх тонкого больничного одеяла. — Я понимаю, о чем вы, и у вас, конечно, есть повод для переживаний. В конце концов, разочаровываться в людях всегда тяжело. Но я уверен, вы справитесь, вы молодая и очень сильная. Просто переживания наложились на последствия процедуры, поэтому вам сейчас так трудно. Мало того что потрясение, так еще организм истощен: не физически — психологически. Это, получается, как обычная простуда: если сильный иммунитет, то она проходит быстро и легко, а если нет — может надолго затянуться. У вас сейчас, продолжая аналогию, иммунитет очень ослаблен процедурой.

— То есть на скорое облегчение рассчитывать не приходится? — усмехнулась я.

— На полное восстановление понадобится кварта или больше, но самочувствие выравниется уже через пару декад, а с ним и настроение. А пока возможна чрезмерная или сниженная эмоциональность, чувствительность, утомляемость... В общем, вам точно нужно отдыхать. И аккуратно принимать лекарства.

— Хорошо, я поняла. Постараюсь быть дисциплинированным пациентом.

— Я в вас не сомневался. Да, еще одно! Приходил следователь, очень хотел с вами поговорить, когда сможете.

— Следователь? А по какому вопросу? — сразу же насторожилась я. За последние перед сканированием дни я уже так наговорила с этими людьми, что вряд ли скоро смогу спокойно с ними общаться.

— Он не говорил, но держался очень вежливо. Гитон Марг, кажется, так.

— Гитон? — Я еще больше растерялась. — А ему-то я зачем могла понадобиться?..

— Вы его знаете? Мне сообщить, что вы не желаете его видеть?

— Нет, напротив, я с ним поговорю. Да, я его знаю, он... хороший следователь.

Менталист еще немного посидел со мной, пытаясь отвлечь и развлечь, а после отправился к остальным своим немногочисленным пациентам.

Следователя Марга я знала достаточно давно и очень уважала: серьезный, опытный мужчина, отличный специалист, въедливый и аккуратный — идеал своей профессии. Пересекались мы нередко, с ним было одно удовольствие работать. Если Гитон приходил за каким-то постановлением, это всегда было оправданно и почти всегда — результативно.

Вот только одна проблема: Марг состоял в отделе убийств, и я понятия не имела, что ему могло понадобиться. Свои судебские обязанности я сейчас выполнять не могла, ему прямая дорога к кому-то, занявшему мое место, как частное лицо я ему тем более неинтересна. Когда я успела стать свидетелем или, хуже того, обвиняемой в убийстве?!

Однако бегать от следователя я в любом случае не собиралась, это глупо. Он все равно найдет способ поговорить, и лучше сделать это

добровольно поскорее, чем полдекады спустя по повестке в допросной УСД — Управления следственных дел.

Явился Марг очень скоро, не прошло и пары часов. С небольшой картонной коробкой в руках и, к моему удивлению, один; обычно его сопровождал кто-то из молодежи — и из соображений передачи опыта, и для всяческой беготни и оформления бесчисленных бумажек.

Очень примечательный тип: чрезвычайно высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, он напоминал кузнечика, да еще хромал и всегда ходил с потертой тяжелой тростью. Я знала, что трость эта с сюрпризом, — внутри прятался клинок; как-то доводилось выносить вердикт по делу о превышении Мартом полномочий. А вот лицо, в пику сложению, у него было очень располагающим, приятным, даже красивым: тонкое, одухотворенное, с большими темными глазами, в обрамлении слегка выющихся темно-серых волос.

Такая наружность скорее подошла бы художнику, но досталась сыщику, чем тот с удовольствием пользовался. Незнакомые люди легко верили в его безобидность, рассеянность и доброту. Опасное заблуждение, когда имеешь дело с одним из лучших боевых некромантов столицы, пусть и занимающим сейчас вполне мирную должность.

— Добрый день, Лавиния, — улыбнулся он, кажется, вполне искренне.

— Здравствуйте, Гитон. А он добрый? — спросила осторожно, поглядывая на коробку.

— На мой вкус, так неплохой. — Марг опустился на стул рядом с постелью, протянул упаковку мне: — Вот, это вам. Я решил, что навещать кого-то в больнице без гостинца — невежливо.

— А вы пришли просто меня навестить? — Я еще больше насторожилась, но в коробку заглянула. Там обнаружилось четыре пирожных, чуть помятых во время переноски, но все равно очень аппетитных на вид.

— Не просто, — успокоил следователь. — Но одно другому не мешает. Я хотел поговорить с вами о Тамиане Юрде.

— Я не хочу о нем говорить, — отрезала я.

— И все-таки вынужден настоять. — Гитон с извиняющимся видом развел длинными руками.

— Зачем вам это? — спросила мрачно.

— Дело в том, что позавчера Тамиан Юрд был убит, дело это поручили мне, и начальство всех мастей требует результатов еще вчера... Ну, вы знаете, как это бывает. Лавиния? Вам плохо?

— Нет, я... — пробормотала тихо. — Подайте халат, пожалуйста, он вон там, на вешалке. Я не могу обсуждать такое лежа.

Гитон не заставил себя упрашивать. Поднялся, достал из шкафа халат, придержал, пока я пыталась попасть дрожащими от слабости руками в рукава. Смысла стесняться и отсылать следователя не было, в кровати я лежала в более чем пристойной больничной пижаме. А Марг — не мужчина сейчас, следователь.

Одевшись и запахнув халат, я села на край постели поверх одеяла. Гитон, все это время наблюдавший за мной с интересом, как энтомолог за занятой букашкой, вернулся на свой стул.

Я силилась ощутить хоть что-то, но новость не тронула. Совсем. Как будто речь шла о ком-то чужом, постороннем. Не мужчина, которого я искренне любила почти год, а просто строчка некролога в газете.

Интересно, это та сниженная эмоциональность, о которой предупреждал менталист? Или для меня Тамиан умер раньше, за последнюю квартиру, пока длилось разбирательство и пока я выслушивала унижительные обвинения, терпела допросы и пыталась выдержать устроенную травлю?

— Как он умер?

— Ему перерезали горло в подъезде собственного дома. Одним движением, напали сзади, нож самый простой, брошен рядом с трупом, на нем никаких следов. Явно работал профессионал. Вошел за ним, схватил за волосы, чирк — и нет. — Гитон изобразил жестами.

— Мне, надеюсь, не надо доказывать, что я уже несколько дней не покидала этой палаты? И организовать убийство у меня тоже не было возможности.

— Ну что вы, Лавиния, — укорил он. — Я ни за что не поверю, будто вы решили его убить, да еще теперь, полностью оправдавшись по предыдущему делу. Впрочем... Даже если бы решили, мне бы никто не позволил вас подозревать.

— Почему?

— Нас журналисты сожрут с потрохами, если вас сейчас еще в чем-то обвинить. Но это все ерунда, речь о другом. Когда точно вы

познакомились с Юрдом? При каких обстоятельствах?

Познакомились с Тамианом мы просто — в кафе недалеко от моего дома. После окончания дел я любила там сидеть в одиночестве — приводила в порядок мысли. Пила вкусный кофе, позволяла себе пару пирожных — за моей фигурой приходится следить, иначе она начинает расползаться и стремиться к идеальной форме, то есть к шару.

Юрд был... интересным. Наверное, хорошим психологом. Не красавец и не воплощенная девичья мечта, но очень обаятельный. Обычно я в такие моменты предпочитаю одиночество, но тогда почему-то поддаюсь на самую банальную из возможных попыток познакомиться. Почему такая красивая женщина скучает одна, позвольте присесть, позвольте угостить вас вином...

Я здраво отношусь к своей внешности. Понимаю, что не роскошная красавица, которой вслед оборачиваются, но знаю и плюсы — например, пышная грудь, выразительные ярко-синие глаза. Поэтому внимание Тамиана меня не насторожило, он был не единственным, но польстило, потому что интересные мужчины знакомились со мной не слишком часто.

Он ухаживал. Тоже банально, но редкой женщине будут на самом деле неприятны всякие типичные мелочи вроде цветов и конфет. Не расспрашивал о моей работе, не пытался в нее лезть. О том, что я судья, узнал якобы случайно только через кварту наших встреч, но это вроде бы ни на что не повлияло. Был интерес к моей работе, но как будто совершенно невинный, мимолетный, просто как к части моей жизни. О себе говорил, что работает в большой торговой компании, ведущей дела с Сердцевиной и поставляющей туда продукты.

Я влюбилась. Сама не поняла, как это произошло — легко, медленно, исподволь. Сначала было любопытно и приятно, потом я начала чувствовать себя рядом с ним счастливой.

Л чуть больше трех декад назад все закончилось. И счастье, и любовь, и репутация...

Тамиан Юрд оказался посредственным адвокатом, нанятым одной местной юридической конторой в Сердцевине, — поэтому я и не узнала его, нам негде было пересечься. Как меня только ни полоскали за эту связь! А Тамиан... ничего личного, просто работа. И

предложение о браке, которое я приняла за декаду до обнародования правды, тоже было только работой.

Пересказ истории вышел сухим, безэмоциональным. Наверное, дело все же не в последствиях сканирования — у меня было достаточно времени, чтобы все отболело и отмерло. Поначалу я еще пыталась обманывать себя и твердить, что все это происходит не на самом деле, а теперь... Опускаться до такого самообмана — уже диагноз.

— Только я не понимаю, чего именно вы хотите от меня, — подытожила я пересказ. — Мне кажется, все это уже выясняли, и рассказывала я не по одному разу. Не вам, конечно, но... При чем тут эта история? Или вы полагаете, что убили Юрда именно из-за нее?

— Это одна из версий, — кивнул Марг. — Как минимум потому, что в последний год он занимался почти исключительно вами. Конечно, Юрд был нечистоплотен в делах, и наверняка нажил себе достаточно врагов раньше, и вполне мог удрать из Сердцевины от них, чтобы спрятаться, и маскировка закончилась вместе с этим большим и шумным скандалом. Но сомневаюсь, потому что не того полета он птица, чтобы год искать по всем лепесткам. Нет, я почти уверен, что все связано с последними делами.

— Я уважаю ваше чутье, Гитон, но это сомнительно. Если тот, кто заказал меня, готов на убийство, зачем было городить такие сложности? Гораздо проще сразу убить и договориться с другим судьей. Разумеется, есть риск после этого опять наткнуться на кого-то принципиального: что бы ни говорила пресса, а я не одна такая честная. Не все и не на все закрывают глаза за деньги, уверяю. Но этот риск есть в любом случае.

— Вот и начальство мое то же самое говорит, — сказал Марг. — И мягко, но настойчиво подталкивает к разработке прежних контактов Юрда. Между тем у меня есть версия, почему против вас сплели такую сложную интригу, не поскупившись на деньги, а теперь вдруг начали устранять свидетелей. До сих пор не удалось точно установить, по чьему заказу работал Юрд. Да никто, честно говоря, особо и не пытался. Ну что ему можно предъявить? Что он лгал женщине о своей профессии? Вы не хуже меня понимаете, что привлечь организатора можно в лучшем случае за клевету, и то он, скорее всего, выкрутится и отделается необременительным штрафом. Но есть одна деталь: после

всей этой истории Юрда лишили адвокатского статуса. Он и до сих пор висел на волоске, а весь этот скандал стал последней каплей. И со средствами к существованию у него стало совсем туго.

— Вы думаете, он начал шантажировать организатора? — сообразила я. — За что его и убрали?

— Вероятно. И не исключено, что шантажировал Юрд не подробностями вашей подставы, за такое много не получишь. Он наверняка неоднократно встречался с заказчиком и мог увидеть или услышать что-то, не предназначенное для его ушей, или найти намеренно, для подстраховки. И, вполне возможно, не о вашем враге. Я склоняюсь к мысли, что убийство его организовал кто-то другой. Как вы верно отметили, совсем другой стиль работы.

— Как-то все это... притянута за уши.

— Может быть. Да вы не волнуйтесь, я все версии разрабатываю. И прежних недругов, и варианте вами, и какие-то иные личные связи вроде мести давнишних любовниц или недовольных клиентов. Но чутье потребовало все же поговорить с вами.

— Боюсь, ничем не смогу помочь, — я развела руками.

— Это не единственная причина моего визита. Кроме того, я хотел вас предупредить... — после короткой паузы проговорил мужчина, чуть хмурясь. — Если я прав и мы имеем дело со сговором нескольких лиц, то вам может угрожать серьезная опасность. Они убрали свидетеля, могут и вас... заодно.

— Но какой смысл делать это теперь, когда я доказала собственную невиновность? Теперь уже пересмотреть мои дела будет невозможно.

— Из мести, полагаю.

— Гитон, вы, простите, говорите какую-то ерунду. У них был такой неторопливый, продуманный, аккуратный план, с помощью которого меня пытались подставить. Без малейшего риска для организатора, без возможных негативных последствий, то есть проработанный кем-то чистым перед законом и не желающим мараться. А тут вдруг вы приходите и говорите, что те же люди собираются меня убить. Вы всерьез верите в это? — нахмурилась я. — А совпадение, будто Юрд что-то где-то услышал, и вовсе отдает бредом.

Поведение Марга откровенно настораживало. Повода не доверять этому мужчине у меня не было, он давно зарекомендовал себя как надежная и честная ищейка. Но сейчас явно юлил.

— Ладно. — Гитон вздохнул и потер переносицу. — У меня есть непроверенный и довольно ненадежный источник, который уверен, что вас собираются убить. Вы очень многим как кость в горле, и то обстоятельство, что вы и сейчас сумели выкрутиться, стало кое для кого последней каплей. Я не назову имени и тем более не имею никаких весомых доказательств, я даже не уверен, что попытка найма действительно увенчалась успехом. И если бы речь шла о ком-то другом, я бы не беспокоился. В конце концов, мне собственное начальство по голове настучит, если я попытаюсь озвучить эти подозрения. Но лично вас я уважаю и не хотел бы, чтобы вы пострадали. Поэтому решил предупредить.

— И для этого зашли настолько издалека? — Я поморщилась. — Гитон, вы снова темните. В конце концов, вы не найдете ни одного судьи, кому так или иначе не грозили всем, вплоть до смерти. Приговоренный, его родственники, недовольные слишком мягким вердиктом родственники пострадавшего. Обещают достать, пугают связями и угрожают расправой — и после суда, и во время, и до. Почему именно сейчас вы уверены, что мне грозит настоящая опасность? В ближайшую квартиру я вряд ли вернусь к работе, все мои текущие дела переданы коллегам. Да и потом... несмотря на всю эту шумиху, еще неизвестно, смогу ли я — и дадут ли мне! — работать. Даже если я вполне восстановлюсь после сканирования, во что искренне верит целитель.

— Сложно с вами, — улыбнулся Марг. — Хорошо, начистоту. Пока вы... болели, Юрд был очень нервным и очень много болтал. Подозреваю, он просто чувствовал, что на его шее затягивается удавка. И, подозреваю, сказанное им надо делить на десять, но...

— Он наговорил что-то про меня? — нахмурилась я, впервые за последнее время испытывая в адрес бывшего возлюбленного эмоции: раздражение и сожаление, что при последнем разговоре удержалась от оплеухи.

— Не прямо. Он просто говорил, что подстраховался и в случае его смерти один надежный человек, до которого никому не дотянуться и которого никто не найдет, обнародует некие сведения. Поскольку про

смерть его не написал только ленивый, а ничего провокационного до сих пор не всплыло, есть два варианта: либо это была ложь, либо этот человек по каким-то причинам не мог обратиться в УСД или к другим серьезным людям. И тут на ум приходят именно вы.

— Вот сволочь. То есть он меня еще и после смерти подставил? — возмутилась я. — Но почему? Кто в это поверит? После такого скандала...

— Многие люди не верят прессе. А вы не хуже меня знаете, что любую информацию можно вывернуть как угодно, и найти в этом скандале признаки вашего сговора с Юрдом — тоже, было бы желание. И я не утверждаю, что все обстоит именно так, но в любом случае посоветовал бы вам побережться.

— А почему нельзя было сказать об этом прямо?

— Потому что я понятия не имею, насколько все это правда. До сих пор неясно, кто мог организовать вашу травлю и подослать Юрда, у меня десяток фамилий в разработке. Ну и кроме того, рассказать детали вашей с ним истории знакомства сейчас можете только вы, а они мне в любом случае нужны. А еще есть ряд вопросов о том, как он вел себя за этот год, не было ли чего-то странного,стораживающего. Я понимаю, что сейчас вам сложно вспомнить — и по моральным причинам, и по сугубо физиологическим. Но очень надеюсь, что вы подумаете и дадите мне хоть какие-то зацепки. Он же не мог совсем ничего не говорить о собственном прошлом! Положим, о работе-то помалкивал, но влюбленные люди вообще редко говорят о рутине, это прерогатива давно сложившихся пар. Ничего не приходит на ум?

— Как вы правильно заметили, вспоминать, особенно мелочи, мне сейчас сложно. Но я поняла, постараюсь. Это все, о чем вы хотели поговорить?

— Конечно нет. Я хотел предложить вам на некоторое время уехать из города.

— А вы не думаете, что там меня будет куда проще достать?

— Если вы просто уедете — разумеется. Но есть одна идея...

Идея Марта оказалась довольно простой и сводилась к банальной ловле на живца. Правда, надо отдать ему должное, поработать приманкой лично мне никто не предлагал, мое место должна была занять какая-то коллега следователя. Немного грима, немного правильной одежды, ментальный слепок — и, если верить Гитону, ее

даже хорошие знакомые от меня не отличат. Высказывание о том, что у меня типичная внешность и ее несложно будет скопировать, по-женски не польстило, но лучше быть обычной и живой, чем красивой отправиться в печь.

Да и не очень-то умно обижаться на правду. Мы с Ликой всегда смеялись, что из нас можно собрать одну идеальную женщину, если не по характеру, то уж внешне — точно. Она слишком худая, очень переживает из-за отсутствия у себя груди и других аппетитных округлостей, а я — веду с этими округлостями неравный бой почти всю жизнь. У нее красивое лицо и изумительные волосы, но глаза — тусклые, глубоко посаженные, что она старательно исправляет косметикой. Мое же лицо до крайности заурядное, его невозможно запомнить, тонкие слабые волосы самого распространенного в нашем лепестке базальтового оттенка — невнятно темно-серого, пыльного; зато очень красивые глаза, глубокого и яркого синего цвета. В общем, так и напрашивается идея собрать одно совершенство и выбросить все остальное.

А женщину, которой предстояло меня заменить, Марг грозился привести для знакомства. Конечно, не ради удовлетворения любопытства, встреча требовалась ей для работы. Меня же некромант планировал аккуратно спровадить на отдых. По чужим документам. Интересно, это он с моим целителем пообщался или они просто думают в одну сторону?..

— А потом кто-нибудь распознает подделку, и меня посадят. Прекрасная идея! — проворчала я.

— Не волнуйтесь, не распознает, — улыбнулся Марг. — Вы что-нибудь слышали о городке с названием Клари?

— Первый раз слышу. — Я задумчиво качнула головой. — А чем он знаменит?

— Ничем. Нам он подходит как раз тем, что это маленький городок на побережье. Там красивые пейзажи, чистое море, прекрасный воздух. Но самое главное — никаких туристов. Сонное уютное захолустье, где любой приезжий сразу оказывается как на ладони. Там к вам точно никто не сумеет подобраться.

— Да, только и я там буду чужой. Я прекрасно знаю такие захолустья, сама в подобном родилась. Мне же местные и не дадут жизни.

— О, об этом не беспокойтесь. Тамошний шериф — мой старый знакомый со времен службы у Разлома. Боевой некромант большой силы и опыта и вообще очень надежный, хороший человек. Я ему напишу, он вас примет, так сказать, под крыло. Устроит все с жильем, подберет хорошую комнату у какой-нибудь местной пожилой вдовы, ну и присмотрит заодно, чтобы вам никто не угрожал.

— Напишите? — растерялась я. — Там что, зеркальной линии нет?!

— Есть. — Мне показалось или он правда смутился? — Только на прием она работает плохо, не везде. Оттуда мигнуть можно, а вот туда — уже труднее, не всегда сигнал проходит. И ловит не везде, это надо в специальное место идти.

— То есть там все настолько глухо?

— Зато отдохнете, — оптимистично заявил Марг. — Вам же как раз и нужно тихое, спокойное место, чтобы восстановиться. И никаких журналистов, никаких напоминаний о неприятных моментах!

— Ну да. А еще меня можно посадить в одиночку, там тоже никаких напоминаний и безопасно.

— Ну зачем вы так, Лавиния? Там изумительно красивые места, природа. Я бывал в тех краях, прекрасное место для отдыха. И люди хорошие, дружелюбные.

— Да, только чужаков не любят... Я правильно понимаю, что, если я не соглашусь на этот вариант, ловить на живца вы все равно будете, только уже прямо на меня?

— Могу дать слово, что лично я никаких слухов о вас не распускал и вообще не имею к этому отношения, — с легким укором заверил следователь. — Лавиния, я уже говорил — я очень уважаю вас как специалиста и искренне желаю уберечь. Среди судей по уголовным делам крайне мало людей, с которыми по-настоящему приятно работать.

— Хорошо, я вас поняла, — после короткой паузы сдалась я. — Целитель тоже настаивал на отдыхе где-нибудь в тихом месте, и природа, конечно, подойдет для этого лучше, чем человеческое общество. А этот ваш... надежный сослуживец — он вообще нормальный? Не принимайте на свой счет, но вы не хуже меня знаете, что многие боевые некроманты, мягко говоря, не в себе. Конечно, служба у Разлома — то еще испытание, и я им искренне сочувствую,

но... Не хотелось бы лично сталкиваться с последствиями их травм. Мне сейчас собственных хватает.

— Об этом не волнуйтесь, Адриан вполне здоров.

— И именно поэтому забился в такую глушь? — не поверила я.

— Все гораздо проще! — рассмеялся Гитон. — Он там родился. Потом заболела мать, он уехал ухаживать за ней, ну и остался в конце концов там. Разлом ни при чем, Адриан в принципе очень спокойный человек и не любит шума, так что там он на своем месте. Не волнуйтесь, я бы ни в коем случае не отправил вас к психопату.

— Очень на это надеюсь. Как вы планируете все это организовать?..

Однако ответить Гитон не успел. Дверь распахнулась, впуская разъяренную, как порождение Разлома, Ангелику. В ярко-алом брючном костюме, с ярко-желтым шелковым шарфом, она напоминала сполох пламени — очень подходящий образ. Ей вообще идут сочные цвета и немного безумные наряды, я бы в подобном смотрелась чудовищно.

— И что это такое?! — Подруга уперла руки в бока и мрачно уставилась на следователя. — Кто давал вам право...

— Лика, не кричи, — попросила я. — Мы просто разговариваем, Гитон зашел меня навестить. — Я кивнула на коробку, до сих пор сиротливо стоявшую на тумбочке.

— Так я и поверила! — буркнула она, но уже спокойнее — кажется, поняла, что никто меня не мучает. — Он не имеет права тебя допрашивать без адвоката!

— Лика, я законы знаю получше тебя, — проворчала я недовольно. — Сядь, не стой в дверях. Кстати, вот, — кивнула на подругу, обращаясь к следователю. — Как вы планировали обмануть ее?

— Что значит «обмануть»? — опять взвилась Ангелика. — Я так и знала, что он тут не просто так!

— Да, пожалуй, об этом я не подумал! — засмеялся Гитон, полностью игнорируя возмущенную журналистку. — И много у вас таких вот знакомых?

— Только Лика, я... не особо общительна, — ответила не без смущения.

Не слишком приятно осознавать и тем более признавать вслух, что на тридцать шестом году жизни у тебя из всех близких людей — единственная подруга, с которой ты уехала из родного города, чтобы учиться. Родители посчитали тебя предательницей и не желают видеть, в школе друзей тоже не было, одни приятели, в университете — та же картина. А коллеги...

— Винни? Да о чем вы вообще?!

Следовательно явно этого не хотелось, но пришлось рассказывать Ангелике все. К удивлению Марга, журналистка пришла в восторг от плана и горячо его одобрила, даже изъявила желание поучаствовать для поддержания легенды. Гитон поглядывал на меня озадаченно, но вопросов не задавал. А я... Творец, ну это же Лика! Она всегда была авантюристкой.

В итоге окончательный план они разрабатывали без моего участия и не в моей палате. Впрочем, это даже к лучшему: долгий разговор со следователем и попытки покопаться в памяти здорово утомили, поэтому после ухода гостей я опять улеглась спать — разболелась голова, да и настроение после всех этих размышлений сильно испортилось.

Я, конечно, с самого начала пыталась понять, кому было выгодно меня затравить. До такой степени, что не пожалели денег нанять Тамиана Юрда на целый год, да еще столько тянули с разоблачением. Это можно было считать единственной подсказкой: стоило рассматривать лишь те дела, которые длились достаточно долго, то есть были начаты до нашего знакомства и окончены незадолго до разоблачения. Но с учетом всех сроков апелляций и прочих деталей список расширился до упомянутого Мартом десятка имен.

Увы, все дела, в которых замешаны большие деньги, быстро не заканчиваются. Кроме того, популярна практика передавать дело тому, кто сопровождал расследование с самого начала, то есть подписывал санкции на обыск, разрешал слежку и прочее. Следствие же само по себе порой тянется годами.

Причем я почти не сомневалась, что поначалу никто не планировал затягивать это так надолго. Тамиан, скорее всего, должен был найти ко мне подход, отыскать слабости и рычаги давления. Но, видимо, наниматель вскоре понял, что добром со мной договориться нельзя, — если рассчитывал замять дело. Ну или посчитал достаточно

честной и благонадежной — если искренне переживал за исход, но его направление на первых порах устраивало.

В любом случае делал все это человек расчетливый, осторожный и явно не желающий всерьез нарушать закон, не испытывающий недостатка в деньгах. Травлю организовали тщательно, с умом, подогрев прессу, и я даже подозревала, что организатор не только планомерно шел к своей цели, но и получал удовольствие в процессе. И чтобы теперь вот так перерезать горло свидетелю? Не верю.

Да, Юрд много болтал. Когда в прессе в очень грязной форме всплыла информация о связи и якобы сговоре судьи с адвокатом, Тамиан не стал играть несчастную жертву и в личной беседе почти сразу заявил мне, что с самого начала все было спланировано. Вообще много чего наговорил, что не хочется лишний раз вспоминать. Как я ему надоела, как ему было противно, как...

Этот разговор я предпочла бы забыть навсегда, но именно он засел в памяти чересчур крепко.

Конечно, Юрд в перспективе легко мог проболтаться о том, кто ему за все это заплатил, и напугать «работодателя» проблемами — для богатых людей репутация тоже очень важна. Или узнать что-то еще, не связанное с моим делом, как и говорил Марг. Вот только я никогда не поверю, что человек, который сплел такую сложную красивую интригу, не нашел бы способа избавиться от Юрда аккуратнее, чем ножом по горлу. Да и в то, что разом два человека независимо друг от друга твердо решили меня устранить, поверить сложно.

В общем, если Тамиан и узнал лишнее, то не об этом человеке и, скорее всего, с ним никак не связанное. А единственной внятной угрозой мне могла служить только последняя, озвученная Мартом, то есть кто-то может подумать, будто Юрд оставил мне какие-то сведения. Хотя тоже нелепица какая-то.

Нет, Гитон точно не сказал правды, кого и почему он хотел ловить. Впрочем, несмотря на сомнительность версий следователя и откровенное замалчивание им причин собственного поведения, я вполне верила в его благонадежность и доброе ко мне отношение и не возражала против предложенного плана всерьез. Это действительно лучший вариант — временно сменить обстановку и фамилию.

Считается, что перемены отлично помогают справиться с хандрой, вот и проверю.

Глава вторая, в которой случайный попутчик портит отпуск

Говорят, все боевые некроманты безумны. Кто-то в большей степени — и его изолируют от общества, кто-то в меньшей и даже кажется нормальным. То ли они все изначально такие, потому что дар сказывается, то ли становятся после службы у Разлома, понятия не имею.

Я раньше, стараясь быть справедливой и не судить поспешно, считала все это байками. Ну примерно как журналистов поголовно считают беспринципными падальщиками, готовыми ради хорошего материала продать родную семью, а у меня перед глазами есть Ангелика. Которая своего, конечно, не упустит, но никогда не пойдет на подлость.

Оправдывая некромантов, я каждый раз вспоминала Гитона Марга. Он казался спокойным, рассудительным, умным человеком, гораздо более нормальным, чем основная масса моих знакомых. Но теперь уверенность в этом пошатнулась.

Просто никогда прежде мне не доводилось видеть его в работе, только в короткие моменты деловых встреч по вопросам того или иного расследования, когда Гитон был подготовлен, аккуратен и невозмутим. Оказывается, между этими встречами Марг кардинально менялся. Он был не просто энтузиастом своего дела, а самым настоящим фанатиком. Гитон жил только работой и думать о чем-то еще не мог, кажется, чисто физически, а окружающих людей воспринимал исключительно как фигурантов, нынешних или будущих. И отношение это очень утомляло, я искренне сочувствовала его коллегам и особенно подчиненным.

Думать, что Марг отправил меня к еще одному боевому некроманту, не хотелось, но думалось. Я пыталась успокоить себя теми объяснениями, которые приводил сам следователь, — что шерифу просто уютнее в родном городе, но альтернативные теории возникали одна за другой. Что он дичится людей, псих-одиночка и вообще жертва

Разлома в самом худшем варианте, с кошмарами, галлюцинациями и припадками ярости, почему и забился в дальний угол. А учитывая, что в таких маленьких городках шериф — это, считай, главная власть, делалось совсем уж не по себе. Утешало только обещание Ангелики поднять панику, если вдруг я перестану выходить на связь.

В остальном же я из подготовки этой поездки выпала совершенно. Было не по себе от ощущения, что меня несет мощный поток, но возразить не хватало ни воли, ни сил. И вот как раз это пугало особенно: я привыкла самостоятельно выбирать судьбу, а здесь — чувствовала себя потерянной. И, боюсь, дело было совсем не в последствиях сканирования, а в моем личном Разломе, после которого невозможно остаться прежней.

Наш мир напоминает цветок с пятью лепестками. Есть Сердцевина — это один огромный город, в котором разные расы прихотливо смешаны и живут достаточно мирно. Этому способствует и постоянное присутствие там Творца, который хоть и редко вмешивается в дела своих детей, но не может на них не влиять, находясь рядом.

Три лепестка — это миры стихийных рас. Водные амфиры живут в Черном, воздушные венги — в Синем, а огненные деморы — в Красном. Я видела стихийных только мельком, в столице, они очень редко до нас добираются. Эти лепестки далеко, сообщаются с нами только через Сердцевину, и долгое время их жители считались сказками. Крылатых венгов называли ангелами, вестниками Творца, рогатых деморов — демонами, его злейшими врагами.

Никто, конечно, не ответит, откуда взялись эти мифы, но считается, что прежде мир имел другую форму — был почти круглым бутоном, и все расы могли общаться свободно. А потом расцвел, что обернулось для обитателей множеством потрясений, заставивших забыть прежнюю жизнь. На память остались только сказки, причудливо искаженные временем.

Мы живем в Белом лепестке, воплощении Духа. Или, как иногда говорят, Смерти. Менталисты, некроманты и нейтралы, устойчивые ко многим видам магии, — это таланты нашей расы. И долгое время из всех соседей мы общались только с жителями Зеленого, перевертышами: два близких лепестка соприкасаются.

Увы, общение это очень редко было мирным, добрососедства не получалось. Нескончаемые войны велись одна за одной, пока в последнюю из них не произошло страшное. Очевидцев не осталось, поэтому никто не может сказать, что именно тогда случилось, но это точно не было вмешательством Творца. Вдоль почти всей линии соприкосновения лепестков пролег Разлом. Черная бездна постоянно исторгает из себя хищных нематериальных тварей, выпивающих из людей чувства, разум и душу.

Я никогда не видела Разлома. Рядом с ним способны выживать только обученные некроманты, они как-то умеют противостоять его разрушительной воле, а все прочие... Чаше всего нейтралы вроде меня заканчивают в тех местах прыжком в ничто, а менталисты очень быстро выгорают.

Разлом возник чуть больше столетия назад, и, насколько я знаю, до сих пор нет ни одного внятного объяснения его природы и уж тем более — способа его уничтожения. Перевертыши, которым тоже с их стороны приходится несладко, винят в его появлении нас, мы — их, но обоим соседям ничего не остается, кроме как бороться с угрозой. Сообщаются два лепестка теперь через узкий Перешеек и о войне уже не помышляют.

Поначалу глупые дети просили Творца о помощи, но он оказался глух к мольбам. Наш бог слишком справедлив, чтобы исправлять наши ошибки. Собственно, тогда и стало окончательно ясно, что Разлом сотворили люди.

За эти годы он незаметно вошел в нашу жизнь. Даже те, кто никогда его не видел, с детства привыкают жить рядом с ним. Потому что в любом ребенке к тринадцати годам может проснуться дар некроманта, который означает неизбежное знакомство с Разломом и его порождениями. Боевые будут противостоять хищным духам, мирные, из которых часто выходят потом целители, — спасать и защищать боевых.

Про Разлом пишут книги, его рисуют, им ругаются, он стал термином в психологии и экономике — частью нашей жизни. Иногда кажется, что часть эта неотъемлема, она была всегда и останется навечно.

Сидя в пустом купе готового к отправлению поезда, я рассеянно думала именно об этом. О Разломе на краю лепестка, с которым мы

научились жить и быть счастливыми, и о разломе в моей собственной жизни, к которому еще предстояло привыкнуть.

И хотя я испытывала облегчение оттого, что суета закончилась, я скоро отправлюсь в путь, решение принято и не изменится, все равно грызло неприятное чувство, что это попытка сбежать от проблем. Как было — уже не будет, и вряд ли я смогу даже после окончательного восстановления нормально работать. Не дадут.

Попроситься, что ли, к Маргу стажером?..

Мои вялые, унылые мысли прервало появление попутчика, и одновременно с этим мимо окна медленно поплыл перрон с провожающими.

Соседом по купе оказался грузный мужчина средних лет, суетливый и потеющий. Он постоянно утирал платком лоб, вздыхал, то и дело пытался найти что-то в своем небольшом саквояже и опять вздыхал — тяжело, хрипло. Мужчина этот вызывал усталую жалость и легкую досаду на себя за недавнее нытье. Что ни говори, а мне все-таки очень повезло: я жива, почти здорова и достаточно молода, чтобы выучить этот урок и идти дальше. А здесь человек явно болен, но ничего, не страдает и не ноет, даже радуется жизни.

Непонятно, правда, что именно я должна была выучить. Что любой может предать? Что людям нельзя доверять? Не уверена, что хочу делать такие выводы...

Необременительный разговор о погоде и столице мой сосед поддержал с воодушевлением. Он, к счастью, оказался не местным жителем и столичными сплетнями не очень-то интересовался, приезжал сюда по делам и сейчас возвращался домой, к жене и детям. Очень боялся, что что-нибудь забыл, поэтому дергался то и дело проверять гостинцы и рабочие документы. Со мной он должен был ехать всего сутки, его родной город располагался не так уж далеко.

Для меня вообще-то стало новостью, что в этот Клари ходят поезда. Правда, вскоре выяснился подвох, который меня успокоил: это событие происходило два раза в декаду и шел туда не весь состав, а один вагон. Его в Фонте, крупном городе в восьми часах пути от Клари, отцепляли и ставили довеском к товарному. В городке имелся приличный рыболовный флот, добыча которого перерабатывалась там же, на заводе, так что сообщение с ним было все же весьма активным.

В Фонте я заранее предчувствовала неприятности. Одно дело — просто ехать куда-то на поезде, который вряд ли куда-то денется целиком, а вот куда и как нас перецепят — это большой вопрос. Проводница, молодая энергичная женщина, успокаивала, что у них все всегда точно и аккуратно и таких серьезных осечек не бывает, в худшем случае — пара часов опоздания, и я даже делала вид, что верю. Но успокоюсь, наверное, только тогда, когда окажусь в той самой симпатичной уютной комнате в доме у какой-то мирной старушки, которой грозился Марг.

Ненавижу путешествия.

В качестве страховки я везла с собой письмо от следователя к его другу-шерифу. Что-то подсказывало, что почта до города Клари приедет со мной вместе, в том же самом товарном составе, так что надежды на радужную встречу было немного. Впрочем, ладно, доберусь как-нибудь.

Если не считать этих опасений, дорога выдалась очень скучной и нескончаемой. До Фонта было больше двух суток пути, и время я коротала за чтением, чаще всего — в вагоне-ресторане. Хуже всего было ночью: я и так слишком хорошо выспалась за дни в больнице, а тут еще вагон качался, да и первый попутчик похрапывал. Несильно, вполне мог бы гораздо громче, но эти звуки все равно норовили доконать.

Впрочем, когда сосед распрощался и вторую ночь я встретила в одиночестве, легче не стало. Отвратительное состояние: накопившаяся монотонная усталость давила на виски, глаза закрывались сами собой, но дальше дело не шло и заснуть все никак не выходило. Я ворочалась, то и дело поправляла подушку, потом садилась и зажигала свет. Немного читала, быстро начинала клевать носом, снова укладывалась — и все повторялось по новому кругу.

Уснуть в итоге сумела только к утру, кажется, просто потому, что поезд сделал длинную остановку и перестал качаться. И неожиданно для себя самой проспала аж до полудня — все-таки мне повезло, что билет на соседнее место до Фонта никому не понадобился.

Тоже та еще странность. Неужели в Клари регулярно ездит кто-то, готовый покупать такие дорогие билеты? В вагоне имелось одно двухместное купе — первый класс, два обычных четырехместных — второго класса, а остальную часть вагона отдали под третий класс —

ряды коек в два яруса, разделенных перегородками на небольшие закутки. Такое смешение показалось странным, хотя я и не могла назвать себя знатоком поездов, слишком редко путешествовала.

Да что там, если совсем честно — всего три раза в жизни ездила куда-то дальше столичного пригорода. Первый раз — когда мы с Ангеликой сбежали из родного городка, и два раза во время учебы, когда мы еще пытались навещать малую родину.

В ожидании прибытия воспользовалась тем, что купе в моем единоличном распоряжении, и минут пятнадцать провела перед висящим на двери зеркалом, пытаясь сделать что-то с волосами. Вовремя, что и говорить! Заниматься этим надо было перед отъездом, а сейчас... В последнюю кварту было совсем не до прически, поэтому когда-то аккуратная стрижка неровно обросла и потеряла форму. Кроме того, волосы у меня тонкие, после мытья пушатся, а без него уже на третий день, который как раз сейчас наступил, выглядят жутко грязными. А если прибавить беспокойную ночь, после которой они прихотливо торчали во все стороны... тихий ужас. Хорошо меня Лика не видела!

Но, с другой стороны, меня начала беспокоить собственная прическа, а это добрый знак.

Отчаявшись в итоге изобразить что-то приличное, я бесхитростно собрала волосы в два куцых и очень воинственных хвостика, как делала всегда, занимаясь домашним хозяйством. В сочетании с прямой синей юбкой и белой блузкой выглядело убийственно. Но увы, в моем гардеробе просто нет достаточно легкомысленных вещей, с которыми такая прическа смотрелась бы более уместно: статус не позволял.

В купе первого класса проводницу можно было вызвать с помощью специального звонка, но, поскольку размещалась она буквально за стенкой, я решила не дергать человека и заглянуть к ней самостоятельно, чтобы взять кофе и задать несколько вопросов.

Кофе у проводницы, как я уже знала, имелся, причем очень неплохой, и небольшая машинка для его приготовления, работающая на огненных кристаллах, — тоже. Этот бодрящий напиток вошел в моду в нашей части мира сравнительно недавно, уже после Разлома, когда мы начали активнее торговать с Сердцевинной. Кофе является национальным продуктом в Красном лепестке, и долгое время только там его выращивали. У нас тоже пытались, но получалось плохо. До

тех пор, пока во время недавней войны деморов с венгами в наших краях не осели некоторые беженцы из Красного лепестка.

— Скажите, а в поезде, случайно, нет душа? — спросила я без особой надежды, ожидая, пока небольшая машинка перестанет жужжать и дышать паром.

— Не в этой жизни, — весело улыбнулась в ответ проводница. — Сама каждый раз жду не дожусь Фонта, там будет полно времени, можно сходить.

— Ой, нет, я в таком случае лучше до Клари потерплю! — поспешила я отказаться от этой идеи.

— Напрасно, там на вокзале очень приличные душевые, он же почти новый.

— Нет, не в этом дело. Я редко путешествую и очень боюсь отстать от поезда, поэтому...

— А-а, ну тогда не знаю, обрадую я вас или расстрою, но вагон будут перестегивать без людей, — развеселилась девушка. — Так что выйти все равно придется.

— Но почему? — растерялась я.

— Состав товарный, положено. — Проводница пожала плечами. — Если так боитесь — пойдемте вместе, буду рада компании, а то моя подруга поменялась на этот рейс, и я уже предвкушала прогулку в одиночестве.

— С большим удовольствием! Вряд ли поезд уедет без вас.

— Этот может! — рассмеялась собеседница. — Татина, лучше Тати.

— Тогда — Винни, — ответила я.

Запоздало испугалась и попыталась вспомнить, под каким именем тут нахожусь, и с облегчением сообразила: поменяли только фамилию, все же имя у меня не менее распространенное, чем цвет волос.

Татина умела расположить к себе, приободрить и поднять настроение, ее оптимизм легко и ненавязчиво заражал — именно то, что было мне сейчас нужно, буквально подарок Творца. В душу она не лезла и подробностями моей жизни не интересовалась, я отвечала взаимностью, и оставшиеся свободные полчаса мы, попивая кофе, болтали о вещах важных, но совершенно безобидных: об одежде, уходе за волосами и прочих милых женскому сердцу мелочах.

Потом я ушла к себе в купе — в вагоне уже поднялась суета, в Фонте сходили многие, и я не стала дольше отвлекать Тати от ее обязанностей. Договорились, что она всех выпустит, проверит вагон, сообщит начальнику поезда, что все нормально, и потом зайдет за мной.

Я в конце концов решила дожидаться ее снаружи, подышать относительно свежим воздухом — за всю дорогу не выходила из поезда, малодушно уступая иррациональным страхам. Однако вскоре об этом пожалела. Фонт встретил шумом, суетой и ужасной погодой: с неба сыпал частый мелкий дождь, горсти которого швырял в лицо сильный порывистый ветер. Если в столице осенью еще даже не пахло, то здесь она бушевала вовсю. Интересно, и в Клари такой же... курорт?

Пока ждала на перроне Татину, успела замерзнуть. И хотя, повинувшись наитию и паранойе, я взяла с собой достаточно теплое пальто, от ветра оно спасало мало. А зонт так и вовсе рвется из рук невоспитанным псом, не защищая при этом от воды.

— Все, я готова! Пойдем. А ты чего такая синяя? — искренне удивилась Тати и, подцепив меня под локоть, бодро потащила вдоль быстро опустевшей платформы.

— Холодно же! — пояснила очевидное. — Я вообще не мерзлявая, но тут...

— Погоди, ты что, без ветряка?! — ужаснулась она.

— Да как-то необходимости не было никогда...

— Тогда сначала в магазин зайдём, — решила Татина. — Как можно ехать в эти места без ветряка?! Все равно придется брать, а здесь точно выйдет дешевле и проще, чем в Клари.

Я не то что не стала возражать — искренне поблагодарила за идею.

В Шорре, столице, очень мягкий климат, за что я ей искренне признательна: на мой вкус, он идеален. Нет сильных морозов зимой, нет иссушающей жары летом, переходы от сезона к сезону — плавные. Так что для защиты от непогоды вполне хватает обыкновенной одежды, нет необходимости прибегать к помощи артефактов, легкие чары от промокания на пальто не в счет.

Ветряками, грелками и пузырями называли небольшие подвески в виде брелочков, которые обычно нашивались на верхнюю одежду под

подкладку. Полезная вещица содержала артефакт несложного плетения и кристалл-накопитель соответствующей силы и защищала от непогоды в той или иной степени. Все, что требовалось от хозяина одежды, — менять камни по мере истощения.

Подобрать нужный ветряк нетрудно, мы потратили на это минут десять. Вот совместить несколько артефактов разного стихийного наполнения в одной вещи сложно, и первое, о чем предупредил продавец, — это не использовать подвеску одновременно с другими. Но о том, чем это чревато, я и так прекрасно знала: в шоррских судах постоянно рассматриваются дела, связанные с этим нарушением техники безопасности, и по каким только статьям не проходят разбирательства! От попыток нерадивых граждан взыскать с артефакторов компенсацию до покушений на убийство, порой успешных.

В той же лавке я аккуратно прикрепила ветряк специальной булавкой к воротнику: пришить, конечно, надежнее, но не заниматься же этим прямо сейчас! И в очередной раз отметила, как даже одна маленькая деталь способна существенно изменить настроение и отношение к жизни: с ветряком Фонт показался мне гораздо более симпатичным и дружелюбным городом.

А уж когда Тати сдала меня с рук на руки парикмахеру, настроение скакнуло на недостижимую в последние дни высоту. Я даже не вспомнила о собственном страхе отстать от поезда, когда Татина оставила меня наводить красоту и убежала по своим делам. Творец с ним, с поездом, в конце-то концов! Деньги и документы у меня при себе, а там как-нибудь доберусь.

Впрочем, Тати показала себя ответственным человеком, и еще через час мы вдвоем сидели в привокзальном кафе, весьма довольные жизнью. Большой зал П-образной формы казался неожиданно уютным — несмотря на обилие посетителей и плотно стоящие столики, здесь было достаточно тихо, негромко играла ненавязчивая музыка. Явно не обошлось без заглушающих артефактов, что приятно удивило.

Когда мы устроились за одним из круглых столиков на удобных стульях с ажурными плетеными спинками, двое мужчин за соседним некстати перешли от мирной беседы к скандалу. Я бы, может, ничего не заметила, но тот из них, что сидел к нам спиной, вдруг подскочил с места, да столь резко, что стул отлетел прямо к нам.

— Ты об этом пожалеешь! — пригрозил он хрипло и добавил пару грязных ругательств. После чего поднял стул, невнятно буркнул в нашу с Татиной сторону извинения и направился к выходу. Черные короткие волосы, черный распахнутый плащ, крыльями плеснувший по воздуху, — мужчина напоминал тощего грача, правда, лица его я так и не увидела.

— У тебя есть несколько дней передумать, — бросил ему вслед собеседник. Не знаю, слышал ли уходивший, но мы, видимо, находились достаточно близко, чтобы магия не сработала.

Второй, оставшийся сидеть, показался смутно знакомым, хотя на первый взгляд не было в нем ничего запоминающегося — узкое, бледное, в обрамлении коротких пепельно-серых волос, с прямым носом и тонкими губами. Приятное, располагающее... Точнее, казавшееся таковым, пока мужчина не расплылся в улыбке. Приторная, сальная, она вызвала нестерпимое желание умыться, словно в лицо плеснули какой-то дрянью. И вот ее я точно уже видела. Но где?..

— Ну надо же, как мне сегодня везет! — протянул незнакомец, проворно поднимаясь. В фигуре тоже не было ничего примечательного — худощавая, чуть сутулая. — Легендарная Лавиния Шейс собственной персоной! Какими судьбами в этих краях? Вы же затворничаете в столице! — Он не просто подошел, но без приглашения уселся к нашему столику.

— Не понимаю, о чем и о ком вы говорите, — как можно тверже и спокойнее ответила я.

Татина на незнакомца смотрела с опасливым любопытством, однако, опередив меня, коснулась маленькой хрустальной пирамидки в центре стола. Из нее вылетел голубоватый светлячок, до сих пор медленно плававший внутри стекла, и устремился прочь, за официантом.

— Ну брось, Винни, тебя любой шоррский житель в лицо знает, — фамильярно подмигнул мужчина. — Так какими судьбами здесь, в этой глуши, такой славный улов?

— Вы сумасшедший. Или вы сейчас же уйдете, или вас уведут, — продолжила я в том же тоне, не позволяя себе ввязаться в разговор.

— Напрасно ты так, с прессой дружить надо. — И опять эта тошнотворная улыбочка.

— Добрый день, вы определились с заказом? — возник рядом официант.

Нет пока, нам не дают, — обратилась к нему Тати с вежливой улыбкой. — Вот этот мужчина к нам пристаёт, вы не могли бы позвать охрану?

— Вот так, значит? — усмехнулся так и оставшийся безымянным тин. — Напрасно, госпожа Шейс, напрасно, — с угрозой в голосе добавил он и опять поднялся. — У меня пока есть дельце поинтересней, но и о тебе я не забуду. Руки убери! — буркнул он официанту. Бросил несколько купюр на столик, за которым до этого сидел, и направился к выходу.

— Какой неприятный тип, — заметила Татина, когда официант все-таки принял заказ. — Ты его знаешь? Что ему от тебя было нужно?

— Понятия не имею, кто это, — ответила искренне и уже гораздо менее честно добавила: — И он явно меня с кем-то перепутал, моя фамилия Раке. Хотя совпадение, конечно, забавное...

— Ну в таком случае мне жаль твою тезку, очень противный хмырь, — хмыкнула Тати. Поверила или нет — непонятно, но настаивать на другой версии не стала. — Интересно, чем она так знаменита?

Я только развела в ответ руками, и собеседница, к счастью, оставила эту тему и переключилась на менее щекотливые.

И я наконец узнала, откуда взялся такой странный вагон от столицы до Клари. От Фонта к побережью ходили и другие составы, но там были в основном сидячие места — ехать недалеко, стоит гораздо дешевле.

Дело оказалось в одном богатом промышленнике. Он занимался переработкой рыбы, владел несколькими заводами и имел в Фонте, да и во всей этой области, большое влияние. Этот господин опасался автомобилей, но очень любил железную дорогу — наверное, не наигрался в детстве, как смеялась Татина, — и все свои поездки старался совершать именно на поездах. В Клари располагался один из его заводов, а в стороне от города у промышленника имелся большой особняк, где он любил отдыхать. А автомобильная дорога туда шла всего одна, довольно опасная, часть которой пролежала по весьма крутому серпантину.

В общем, ничего удивительного, что в Клари этот тип предпочитал добираться поездом. Раньше вагон тоже ходил по тому же расписанию, но обычный, третьего класса. Промышленник же оплатил замену и еще регулярно доплачивал, чтобы первый класс придерживали за ним до последнего, так что убытков железная дорога не несла.

— Очень приятный мужчина, забавный, — с улыбкой поделилась Татина, которая в этом вагоне каталась уже второй год и имела возможность познакомиться. — Шутит всегда и совсем незаносчивый. Но теперь его, наверное, долго не будет, до самой зимы: он терпеть не может местную осень.

— А ты хорошо знаешь Клари?

— Нет, откуда! Да и зачем? Поезд приходит туда глубокой ночью, а в полдень уже обратно. Честно говоря, там вообще делать нечего, не представляю, зачем тебя туда вообще понесло.

— Мне сказали, это прекрасное место для отдыха, — с сомнением ответила я. — Хотя мне эта идея чем дальше, тем меньше нравится.

— А почему нельзя было отдохнуть где-нибудь на курорте? Прости, но ты совсем не похожа на любительницу тихой деревенской жизни, — хихикнула проводница.

— Врач сказал — нужно тихое место, — призналась я.

Речь об этом раньше не заходила, да и не стала бы я поддерживать эту тему. Но после стычки с незнакомцем чувствовала себя немного виноватой перед Татиной. А еще я достаточно к ней привыкла и уже не испытывала протеста против разговора по душам.

— Врач? — озадачилась собеседница.

— Менталист, — поделилась чуть смущенно. Эту часть моей временной биографии мы с Маргом согласовали, поэтому наговорить лишнего я не боялась. — Рекомендовал тишину, покой и перемену места.

— Но зачем сюда-то? — еще больше растерялась она. — Уж лучше теплое море и интересные мужчины!

— Вот как раз чтобы без последнего, — вяло улыбнулась я. — Я... в общем, сложное расставание с бывшим и...

— Ой, извини! — опомнилась Тати. — Тогда конечно. Мне тоже после Брайла тошно было на мужиков смотреть, казалось, что они все

такие же сволочи. И тут твой доктор прав: Клари, наверное, подойдет лучше всего!

Одна из извечных женских тем на удивление подняла настроение и еще больше нас сблизила. Татина искренне пожаловалась на своего бывшего, я — почти честно — на своего, и это взбодрило не хуже сеанса у менталиста. В конце концов к поезду мы возвращались, довольные жизнью и друг другом, и я даже не поглядывала nervно на часы, боясь опоздать. Да я вообще об этом собственном страхе забыла.

Свой вагон Тати нашла без труда. Он стоял в самом конце длиннющего грузового состава где-то на задворках вокзала, просто посреди пути без платформы рядом, и мне с трудом верилось, что вот точно так же в этот самый вагон садится один из богатейших людей этого края лепестка. Но повода не верить Тати не было.

У вагона уже собралась небольшая кучка пассажиров, стремящихся попасть внутрь и укрыться от моросящего дождя. Оставив меня с будущими попутчиками, Татина умчалась куда-то вперед, вдоль состава. Несколько ожидающих проводили ее тоскливыми, полными надежды взглядами, но окликать не стали.

Между собой пассажиры не разговаривали — погода не располагала. Как мокрые воробьи, все нахохлились под куполами зонтов, и даже обладание защитными артефактами людей не бодрило. Опознать, кто из них что предпочитал, было нетрудно: чью-то одежду, как и мою, ветер не трепал безжалостно, а ласково и едва ощутимо поглаживал, у кого-то подол длинной светлой юбки не отяжелел от воды и не потемнел от грязи, кто-то стоял к ветру спиной в расстегнутом, небрежно наброшенном на плечи пальто, не боясь холода.

Хорошая вещь артефакты. Наверное, если бы не они, уроженцы нашего лепестка могли бы обижаться на Творца и считать себя обделенными. Магия облегчает жизнь всем остальным обитателям мира, а нам... Ментальная магия и некромантия слишком узкоспециализированны и слишком сложно их назвать даром, потому что куда чаще они оказываются ближе к проклятию.

Но у нейтралов есть одно преимущество: лишены собственной магии, только мы способны создавать сложные артефакты. Маг просто не в состоянии так тонко сплести нити чар в предмете, его собственная сила будет создавать помехи. Так что наш лепесток в

итоге здорово отличается от всех остальных: там артефакты — экзотичная диковинка, а у нас — необходимая часть жизни.

Раньше с ними была только одна сложность: заряжать магией накопители могли только некроманты, помещая туда диких духов. Подобные вещицы довольно капризны в обращении и требуют сложных преобразователей для использования в быту. Но теперь, когда налажена торговля с Сердцевиной и универсалами из Зеленого лепестка, такой проблемы нет, накопителей много и стоят они сравнительно недорого: для их наполнения не нужна собственная сила мага — в кристаллы идет та, что рассеяна в пространстве.

Иногда кажется, что из меня мог получиться очень хороший артефактор. Эта работа требует аккуратности и внимания, почти как моя собственная. Правда, нужна еще математика, а ее я не могу назвать любимой наукой, но... интересно все же, как сложилась бы моя жизнь, если бы без малого двадцать лет назад я выбрала другой путь?

Полусонные размышления о смысле жизни прервало возвращение Татины, она завозилаь возле вагонной двери, громыхая железом. Пара мужчин тут же вызвалась помочь, и отказываться Тати не стала, так что уже через десяток секунд дверь гостеприимно распахнулась — где-то высоко вверху, над неудобной железной лестницей.

Все же я очень не люблю путешествовать.

Пассажиры собрались в кривоватое подобие очереди, еще несколько минут, показавшихся особенно долгими, ушло на посадку, и я с облегчением опустилась на застеленную койку в купе. Чувствовала себя в этот момент так, словно вернулась домой после долгого, сложного пути. Неожиданное ощущение, забавное — как быстро человек ко всему привыкает!

Я устроилась на своей койке с книжкой в намерении скоротать так ближайшие часы. От Фонта до Клари недалеко, и обычные пассажирские составы добираются за три-четыре часа, но наш поезд груженный, поэтому ползти это расстояние он собирался почти шесть часов. Как объясняла Тати, все дело в извилистом и сложном пути, по которому состав тащился весьма неспешно. Сейчас вдоль побережья строилась новая железная дорога, прямая и более скоростная, но проехать по ней удастся в лучшем случае через пяток лет.

Поезд тронулся тяжело, медленно, натужно. Наш, самый последний, вагон дернуло, под полом низко и угрожающе лязгнуло, но

на этом все успокоилось. Потом грохнула входная дверь, что заставило меня отвлечься от книги... и мысленно выругаться.

— А это становится все интересней! — оскалился безымянный журналист, перегораживая щуплой фигурой узкий проем, как будто намереваясь не дать мне сбежать. — И что же ты забыла в Клари?

— Опять вы? — бросила я раздраженно. Подниматься не стала — слишком много чести, да и все равно он выше. — И не хамить вы, как я понимаю, не умеете? — спросила задумчиво.

— Ха! Ну точно, собственной персоной. — Журналист поставил небольшой саквояж на соседнюю койку, плюхнулся рядом с ним. — Да я с тобой вообще могу не говорить! Я редактору такую новость в клювике принесу — он мне за одну только нее отвалит круглую сумму. Был бы я не так занят сенсацией покруче, взялся бы за тебя. — Он снова фамильярно подмигнул. — Так все-таки что ты забыла в Клари? Ставлю на любовника! С которым вы лихо натянули нос всей Шорре. А? Честная судья, да еще баба... Пфф! Так я и поверил! Ну признайся, как ты их всех надула? Я никому не скажу!

Я слушала болтовню этого скользкого типа вполуха и раздумывала, что делать. Конечно, выслушивать его все оставшееся время пути я не собиралась, но с ходу придумать, чем заткнуть, не могла. Всегда завидовала людям, которые способны найти остроумный ответ на какую-нибудь гадость сразу, по горячим следам, потому что сама обычно терялась. Вот как сейчас. Вроде и не задевает — понятно же, что человек дрянь, и странно было бы принимать близко к сердцу его болтовню, но все равно... Неприятно горячо в затылке, ком в горле, колотье в пальцах, и сердце стучит как-то нервно, дергано, как будто происходит нечто важное, серьезное.

А еще нужно будет, как приедем в Клари, сразу же связаться с Мартом и сообщить, что план его благополучно рухнул. Принесла же нелегкая сюда этого проныру...

Но от поиска если не изящного, то хотя бы достойного выхода из положения меня спасла Патина. Разглагольствования так до сих пор и не назвавшегося соседа прервал стук в дверь, проводница заглянула внутрь:

— Госпожа Раке, можно вас на пару слов?

— Да, конечно! — кивнула я и принялась обуваться. Подхватила сумку...

— Сбегаешь? — ухмыльнулся сосед. — Далеко все равно не убежишь, Клари-то маленький!

— Просто не хочу оставлять без присмотра деньги, — ответила я. И вышла, очень довольная собой и своим быстрым и, кажется, вполне уместным ответом.

— Извини, я не успела тебя предупредить. — Тати кивнула на дверь. — Чего он к тебе прицепился?

— Еще бы я знала! А больше свободных мест нет?

— Нет, что ты, тут никогда мест не бывает. Пойдем лучше ко мне, не так уж долго ехать.

Тут ее внимания возжелал один из пассажиров, и Татина, махнув рукой на свое купе, отправилась решать вопрос до крайности смущенного мужчины, у которого что-то пролилось.

Вернулась она минут через двадцать, слегка взъерошенная и взмыленная, но вроде бы бодрая. И тут же принялась возиться с чаем и кофе — для пассажиров, для меня и для себя.

— А ты не боишься оставлять с этим типом вещи? — любопытствовала она.

Я в ответ продемонстрировала прихваченную сумку:

— Все ценное — вот, а там только одежда и книги. Главное, чтобы он не решил отыгаться на тебе за мой побег.

— Ну... Как-нибудь справлюсь, — оптимистично отмахнулась девушка. — Не он первый, не он последний. Пассажиры разные попадают.

Однако третировать проводницу журналист не стал. Через полчаса затребовал себе чай, еще через полчаса — стакан воды и утомился. Даже, как сказала сама Татина, не пытался ничего у нее вызнать про меня и вообще был погружен в какую-то толстенную книжку.

Так я и провела остаток пути в купе у Тати. Мы болтали; когда она куда-то убегала, я читала роман, который машинально сунула в сумку.

Многие мои коллеги не любят детективы, мол, и в жизни хватает. А мне они, наоборот, очень нравятся, гораздо больше, чем жизненные истории. Может, отдельные книги и не особенно достоверны, но главное в них — счастливый финал, в котором негодяи неизменно несут наказание за совершенные преступления, причем несут его

именно виновные, безо всяких сомнений. А если замешана еще и любовь, то оторваться от такой истории мне особенно трудно.

С хорошей книгой и в приятной компании несколько часов дороги прошли незаметно и даже приятно, так что даже уходить не хотелось. Но когда до станции оставалось меньше четверти часа, я решила вернуться в купе — собрать вещи и вообще подготовиться к выходу.

В купе оказалось темно, а свет из коридора отчеркнул только белый край левой койки. Темнота дохнула на меня очень странным и смутно знакомым запахом — густым, тяжелым, железисто-острым. Я еще не поняла, что это такое, но сердце кольнуло дурное предчувствие и нестерпимо захотелось захлопнуть дверь.

Ругая себя за этот необъяснимый страх, но не имея при этом сил переступить порог, я нашарила сбоку от двери выключатель. Холодный голубоватый свет плеснул по стенам.

Несколько секунд я, не шевелясь, разглядывала представшую картину, просто не понимая, что именно вижу. Темные пятна. Неправильные силуэты. Острые, колкие тени. Стук в ушах — не то колеса поезда, не то кровь.

Судорожно вздохнув, я захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, зажав ладонью рот. К горлу подступила тошнота, перед глазами заплясали темные мушки.

Все-таки снимки с мест происшествия не отражают и десятой доли того, что видят глаза очевидцев...

— Милая девушка, что с вами? — Кто-то подхватил меня под локоть. Я с трудом сфокусировала взгляд на пожилом мужчине в стильном зеленом пиджаке. — Вам нехорошо?

Я только кивнула, потому что говорить пока не могла. Но когда участливый попутчик потянулся к двери, явно намереваясь завести меня в купе, мгновенно опомнилась. Накрыла его ладонь на ручке двери, сжала — подозреваю, от нервов слишком крепко, судорожно.

— Не открывайте. Не надо. Позовите проводницу. — Голос звучал тихо и сипло, словно карканье простуженной вороны.

— Но вам нужно присесть! — попытался воззвать к моему разуму мужчина. Однако силу, к счастью, применять не стал.

— Нужно, — покладисто кивнула я и закричала как можно громче: — Татина! Тати!

Мужчина от неожиданности шарахнулся, а проводница выглянула из своего купе.

— Что?.. Винни, ты чего? — встревожилась она, подошла. — Да ты белая совсем! Что случилось?!

— Ты можешь связаться... — я осеклась, но так и не придумала, — с кем-нибудь? Здесь есть охрана? Начальник поезда?..

— Связаться могу, но толку? Состав-то грузовой, не дойдет сюда начальник. Винни, что произошло?

— Этот... — Я кивнула на дверь. — Сосед. Он... он убит.

— Творец! Винни, да что за глупости? Откуда ты знаешь? Может, он просто спит! — Татина решительно схватила меня за плечи и отодвинула от двери.

— Тати, не надо туда заглядывать, это...

— Брось! — одернула она меня. Строго зыркнула на пассажира, который продолжал машинально держаться за ручку, — тот поспешно отдернул ладонь.

— Тати, это... плохая идея, — договаривала я, когда проводница уже распахнула дверь.

Любопытный пассажир заглянул через ее плечо — и, испуганно охнув, отпрянул. Татина на глазах позеленела, зажала обеими руками рот. Воспользовавшись тем, что она больше не держит дверь, я опять ее закрыла. Стук заставил Тати дернуться всем телом — и очнуться. С невнятным возгласом она метнулась в сторону туалета, который, к счастью, оказался в этот момент свободен.

— Творец! Да что там случилось? — пробормотал побледневший мужчина.

— Не знаю, но... вы из Клари? Там найдется хоть один приличный полицейский?

— Что? — растерянно переспросил он. Потом встряхнулся и, опомнившись, все-таки ответил: — Да, конечно! Полиция! Местный шериф, Адриан Блэк, весьма разумный мужчина... Но надо же сообщить!

— Надо, — согласилась я. — А вы?..

— О, простите, я не представился! Зенор Донт, я аптекарь из Клари.

— Лавиния. Я еду туда в отпуск, только вот... что-то он, похоже, не задался. — Я нервно усмехнулась и кивком указала на дверь.

Наше знакомство прервало появление Татины — бледной, с лихорадочно блестящими глазами и облепившими лицо волосами, мокрыми от небрежного умывания.

— Творец... — пробормотала она. — Почему я тебя не послушала?! Я же теперь спать не смогу...

— Тати, надо сообщить машинисту, начальнику поезда... кто тут еще есть? — напомнила я. — Пусть вызовут полицию. И до ее прибытия, наверное, никого нельзя выпускать из вагона. Да! А ты можешь закрыть это купе?

— Да, точно, — заторможенно кивнула она. Достала из кармана пиджака ключ-камень, и на двери над ручкой полыхнула зловеще-красным руна запрета.

Потом проводница шагнула в свое купе, а аптекарь опять обратился ко мне:

— А у вас крепкие нервы, Лавиния. Вы, случайно, не следователь?

— Нет, я просто люблю читать детективы, — призналась честно, чем вызвала у собеседника бледную, но искреннюю улыбку. — А нервы... Я выросла на ферме, где разводили скот.

Вот почему запах в купе показался знакомым. Так пахло на бойне — там, где разделявали туши. Запах свежей, обильно пролитой крови.

От такого сравнения меня саму передернуло и опять замутило. Спину словно огладило сквозняком, и я обхватила себя руками за плечи. Перед глазами в красках встала картина: распростертое на койке, частично сползшее с нее тело с красно-бурым месивом на месте живота и горла. Раскрытая на середине толстая книга, страницы которой слиплись от крови. Мутные стеклышки мертвых глаз.

Творец! Не представляю, кто и как мог с ним это сделать. Да еще так тихо, что мы с Татиной за тонкой стенкой не слышали ни звука...

— Пообещали вызвать полицию, когда местная связь добьет, — пробормотала Татина, выходя к нам. Она мелко дрожала и тоже, как я, обнимала себя за плечи. — Десять лет на железной дороге работаю, пять лет училась. Я, конечно, всякие байки слышала, но чтобы вот такое на самом деле... — Тати передернула плечами и опять прижала ладонь к губам.

— Так. Девушки, давайте не будем стоять в проходе, — взял себя в руки аптекарь. Приобнял нас обеих за плечи и мягко подтолкнул к

двери в купе проводника.

Там, усадив, куда-то исчез, но вернулся буквально через несколько секунд — мы с Тати даже еще не пошевелились, не говоря уже о том, чтобы о чем-то заговорить. Татина вообще, кажется, оставалась на грани обморока, я... Хотя и чувствовала себя лучше, но все равно не представляла, как быть дальше.

Нет, теорию-то я помнила прекрасно. Осмотр места происшествия, необходимые экспертизы, опрос свидетелей, обыски... Но связать с реальностью вот эту стройную и понятную схему, пестрящую ссылками на заученные без малого наизусть законы и акты, никак не выходило. Я слишком привыкла смотреть на них с другой стороны. Да и... Даже если бы я сообразила именно сейчас, с чего надо начать, все равно не имела права действовать: это не моя работа, я не могу в нее лезть.

Остается надеяться, что старый сослуживец Гитона Марга окажется хотя бы вполовину таким же толковым.

Вернувшийся аптекарь накапал нам обоим какой-то сильно пахнувшей спиртом и травами настойки, разведя ее водой, подумал и выпил того же средства сам.

Ночь обещала быть долгой.

Глава третья, в которой разбиваются надежды

— Я все понимаю, но придется подождать приезда полиции! — в который раз пыталась утихомирить возмущенных пассажиров Татина. Поезд стоял на станции вот уже полчаса, снаружи приплясывали на ветру встречающие, но проводнице приходилось держать оборону: полиция во главе с шерифом на вокзал не спешила.

Столпившиеся в коридоре люди возмущенно гомонили, менялись местами, хлопали дверьми и ругались, но хотя бы не пытались пока идти на штурм. Только попытки Тати успокоить их чаем и аптекарской настойкой ни к чему не приводили. Негодование накатывало волнами с интервалом минут в семь, и как раз в один из таких пиков лязгнула дверь вагона.

Люди загомонили громче, а потом порядок в одно мгновение навел громоподобный бас:

— А ну заткнулись все!

Тишина повисла звонкая, нервная. Грохнули шаги, и в проеме купе проводника, где сидели мы с аптекарем, возникло... Судя по криво сидящей и грязной темно-зеленой форме, оно было местным шерифом. И я мысленно послала пару проклятий Маргу, который уверял меня в дружелюбии этого... существа.

Адриан Блак напоминал медведя. В той степени, что если поставить их рядом, так сразу и не поймешь, где человек, а где животное. Будь он не некромантом, а уроженцем Зеленого лепестка, я бы поставила свою зарплату за квартиру на то, какую он имеет вторую ипостась.

Высокий, широкий — в узкий коридор вагона он помещался только боком; казался грузным, но я почти не сомневалась, что впечатление это, как и с медведем, обманчивое. Нечесанные взъерошенные волосы имели неопределенный буро-серый цвет, и я вот так сразу не могла определить, где там заканчивается естественный цвет и начинается вода и... кажется, тоже грязь? Да и морда... то есть, конечно, лицо, но все-таки больше морда местного шерифа вполне соответствовала общему впечатлению: помятая, небритая, с резкими

скулами и тяжелым подбородком, с глубоко посаженными темными глазами под густыми бровями.

Я надеюсь, всему этому есть какое-то внятное объяснение. Потому что с первого взгляда казалось, что Блэк беспробудно пил где-то в подворотне, где его разыскали и притащили сюда. Я даже принялась, пытаюсь — и одновременно страшась — уловить густой дух перегара. Но то ли стоял он далеко, то ли...

В повисшей тишине шериф обвел нас с аптекарем, сидевших в купе проводницы, тяжелым взглядом совершенно больных глаз с отчетливой сеткой полопавшихся сосудов. Я встала, непроизвольно расправив плечи и выпрямив спину, — с таким человеком трястись точно не следует.

Неужели он правда пьяный? Или с похмелья?.. Пьющий боевой некромант — это... Помогите нам всем Творец!

Но ни я, ни аптекарь его пока не заинтересовали.

— Что тут? — обратился шериф, кажется, к Тати, стоявшей чуть дальше по коридору.

— Труп, — сдавленно пискнула она, откашлялась и продолжила: — Один из пассажиров, он... Вот, в общем, он тут.

— Адриан, да что происходит? — послышался сварливый старческий голос с капризными нотками. — Сколько можно нас тут держать?!

— Сколько нужно, — огрызнулся тот. — Госпожа Дхур, займите свое место. И все остальные — тоже.

Послушались его беспрекословно и безропотно — то ли уважали, то ли боялись.

Следом за монументальным шерифом шагнул еще один мужчина — немолодой, в синем кителе. Наверное, тот самый машинист или начальник поезда. Я не утерпела, выглянула в коридор.

С лязгом открылась дверь купе первого класса. Несколько секунд шериф стоял на пороге, хмурясь и кривя губы — не то брезгливо, не то досадливо. Шагнул внутрь. За ним качнулся машинист — но тут же отшатнулся и благоразумно отступил назад, к Татине, тоже недовольно морщась.

Блэк вышел из купе, грохнув за собой дверь. Бросил взгляд вдоль коридора, в который высовывались любопытные лица пассажиров. Обернулся в нашу сторону, встретился взглядом со мной.

Потеснив — а вернее, едва не размазав по стенке, — машиниста и Тати, приблизился и навис надо мной, замершей в проеме купе. Принюхался — буквально, я видела, как трепещут крылья широкого кривоватого носа.

Я машинально ответила тем же и с облегчением обнаружила, что перегаром от шерифа все-таки не несет. Только потом, сыростью и, кажется, гарью — тоже сногшибательный дух, но гораздо менее пугающий.

— Кто такая? — спросил, хмурясь.

— Здравствуйте, — проявила я вежливость. — Лавиния Раке, я соседка погибшего по купе. И нашла его, собственно, тоже я.

— Нашла, говоришь? — пробормотал шериф, окинув меня еще одним тяжелым, враждебным взглядом. Не покидая дверного проема, рыкнул куда-то в сторону выхода, так что меня чуть не снесло обратно в купе звуковой волной: — Завр! Ко мне!

Через пару мгновений загрохотали подкованные ботинки.

— Капитан? — Загадочного Завра я не видела, но очень ярко представила, как он вытянулся перед шерифом по стойке «смирно».

— Выпускать по одному. Местных переписать, обыскать, снять отпечатки аур. Всех чужих — в участок, утром разберемся. Выходить по одному! — рявкнул он вглубь вагона. — Личные вещи оставлять на местах. Вплоть до документов и вставных челюстей!

Пассажиры вяло взроптали, на что шериф возразил резким:

— Кого что-то не устраивает — законсервирую вместе с вагоном.

— Стойте, в какой участок?! — опомнилась я наконец. — На каком основании?!

— Как подозреваемых и возможных соучастников. — Блак опять повернулся ко мне.

Рядом с таким громилой было не по себе, все-таки на его стороне неоспоримое физическое преимущество. Но...

— Да вы даже не спросили, что произошло! Кто дал вам право нас в чем-то обвинять?!

— Мне хватает того, что здесь мертвечиной разит на весь вагон! — выцедил он и наставил на меня широкий палец с коротко обрезанным ногтем, обведенным траурной каймой. — И от тебя тоже пахнет!

— На себя посмотрите! — возмутилась я. — Вы обязаны обследовать место происшествия, произвести...

— Умная? — оборвал шериф, отступая в сторону и освобождая дорогу долговязому черноволосому мужчине в сержантской форме. — Вот ты мне это все в письменном виде и изложишь. В изоляторе. Завр, разговорчивую — в одиночку! Выдать бумагу и карандаш, чтобы не скучала. Ты давай за ней, — обратился он, кажется, к Тати, потом обернулся к коридору: — Кто там еще из чужих есть?

— Да вы!.. — выдохнула я, не находя от возмущения слов.

— Пойдемте. — Завр шагнул ближе и протянул мне руку. — Не надо, не обостряйте, — добавил тише и мягче, пока шериф рокотал остальным пассажирам про правила покидания вагона. — Переночуете в участке, у нас там тепло и чисто. — Глядел он просительно, выразительно изогнув брови. Лицо у сержанта было открытым, приятным, мимика — живой, а взгляд — как у старой служебной собаки, умный и бесконечно печальный. Невольно вспомнился менталист, вызывавший похожие ассоциации. — С капитана станется вас отнести, оно вам надо? — добавил совсем уж тихо, чтобы громогласное начальство не слышало.

— Это нарушение закона, — проворчала я, все же шагнув ему навстречу: последний аргумент оказался решающим.

Но Гитону Маргу я этого хорошего, надежного сослуживца припомню. Попросит он у меня разрешение на обыск задним числом, да еще побыстрее... Приеду в столицу — я ему такую веселую жизнь устрою, он у меня в бумажках захлебнется. Да я только ради этого вернусь к своей прежней работе, несмотря на все опасения!

Если, конечно, выйду из местного участка живой.

Впрочем, всерьез бояться не получалось: есть Ангелика, и если я с ней не свяжусь завтра, она поднимет панику. А даже если бы ее не было... Это здесь шериф — правая рука Творца, но даже если захочет, вынести приговор он не сможет, все равно придется отправить меня вместе с материалами в Фонт. А уж там вряд ли кто-то позволит себе нечто подобное.

— Сумку! — Лапа Блака перегородила коридор.

На пару секунд я замерла в растерянности, не понимая, чего еще он от меня хочет, но потом сообразила: я продолжала нервно цепляться

за ручку сумки, которую не выпускала из рук с того самого момента, как попыталась с ней вместе вернуться в купе. Рефлекс, надо же...

Я молча сунула имущество шерифу, и тот освободил проход.

А снаружи меня встретил ветер. Он пах остро и солоно, непривычно, странно — и хлестал почище розог. Судорожно всхлипнув, я обхватила себя за плечи в попытке согреться: тонкая блузка — плохая защита от такого мокрого шквала.

Возле вагона ждали еще двое полицейских младших чинов, один держал в руках аурограф — артефакт для фиксации отпечатка внешних слоев ауры. Ну хоть что-то у них тут организовано нормально!

Я без лишних уговоров сунула дрожащую руку в небольшой черный ящик. Поежилась, когда по коже словно прошлись мелкими иголками, но дождалась, пока артефакт мелодично пиликнет, сообщая об окончании процедуры.

— Часто приходится сдавать? — Завр кивнул на коробочку, когда ее хозяин разрешил мне убрать руку.

— Нет, — отозвалась я. — Послушайте, а мы можем уже пойти в этот ваш участок? Если я тут еще и простужусь, то засужу вашего начальника к демонам!

Ну вот, я знаю Блака всего несколько минут, а его общество уже дурно влияет. Не припоминаю за собой привычки грозить кому-то судом. Наверное, это какой-то внутренний протест против произвола шерифа: легкость и небрежность, с которой он нарушал все мыслимые законы и правила, вызывала оторопь и... видимо, желание доказать ему, что закон — он все-таки един для всех, что бы ни думали по этому поводу разные индивиды.

— Извините, я... — растерянно пробормотал Завр и беспомощно огляделся. — Ладно, только давайте быстрее. Я сейчас вернусь, прикрой, — бросил он третьему полицейскому. Тот понимающе кивнул. — Пойдемте.

— Руки! — буркнула я возмущенно, стряхнув с локтя крепкие пальцы мужчины. — Я вроде бы пока только задержана, а не арестована, и вроде бы не сопротивляюсь.

— Извините, — повторил Завр виновато и больше хватать меня не стал.

К счастью, далеко идти не пришлось, полицейский фургон ждал возле самых путей, понадобилось только обойти вагон и преодолеть

несколько десятков метров через разъезды. Впрочем, к концу дороги я все равно перестала чувствовать конечности и даже при большом желании не смогла бы поддерживать разговор, если бы конвоир его затеял: слишком стучали зубы.

Транспорт, к моему облегчению, оказался не мрачной клеткой для перевозки заключенных, а обычным, пассажирским — еще не автобус, но уже не классический фургон. В квадратном кузове — два ряда сидений вдоль стен, пространство посередине занято парой намертво прикрученных прямо к полу ящиков непонятного назначения — небольших и, кажется, жестяных. В какой-нибудь из них я бы, пожалуй, поместилась, если ужаться. Очень надеюсь, что они не арестованных в этих банках перевозят...

Оставляя задержанную одну Завру не пришлось, он сдал меня с рук на руки скучающему водителю, обаятельному мужчине с темными волосами непривычного красноватого оттенка — видимо, среди его недавних предков затесались выходцы из Зеленого лепестка.

— Устраивайтесь поудобнее и не грустите, — весело обратился ко мне водитель, развернувшись на своем месте боком и разглядывая меня с интересом. Я только и смогла, что отрывисто кивнуть в ответ. Мужчина озадаченно нахмурился, а потом брови его удивленно выгнулись: — Э, а чего это вы такая синяя? Замерзли, что ли?

На мой новый отрывистый кивок водитель отреагировал еще большим удивлением, а когда я передернулась от прокатившейся по телу крупной дрожи, мужчина опомнился.

— Э нет, так не пойдет. Сейчас, где-то у меня тут было...

Место между единственным входом и водительским сиденьем занимал еще один ящик, в него-то мужчина и закопался, что-то невнятно бормоча. Наконец на свет он извлек толстую промасленную тряпку, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении курткой. Расправив ее, водитель приблизился ко мне с некоторым опасением во взгляде, как будто этой самой курткой ему предстояло ловить какое-то очень кусачее животное.

— Только она не очень чистая, но больше ничего нет... Надо?

Я опять отрывисто кивнула. Да плевать уже на блузку! Здоровье дороже, а так до воспаления легких недалеко...

Мои плечи в толстую, тяжелую, пахнущую смазкой робу водитель укутал сам — заботливо, отечески. Обернул, поправил... Я прикрыла

глаза, пытаюсь дышать неглубоко и одновременно зарыться в куртку поглубже, — да, пахла она резко и неприятно, но была теплой. Причем теплой в прямом смысле — кажется, где-то под этим ящиком располагалось горячее сердце автомобиля, которое неплохо ее подогрело.

Окинув меня задумчивым взглядом, водитель вдруг радостно просиял и раздосадованно хлопнул себя ладонью по лбу, после чего опять зарылся в свой ящик. А через несколько секунд сел рядом со мной, прижимая к груди потертый жестяной термос.

Кажется, я уже люблю этого человека...

Обжигающе-горячую крышку-кружку водителю пришлось вкладывать в мою руку почти силком. Сначала разжать судорожно стиснутые пальцы, потом — пристроить трясущуюся ладонь на гладком бортике. Правда, выпустить мою руку из своей он так и не решился: видимо, понимал, что я скорее разолью напиток на себя и еще обварюсь ко всему прочему, чем напьюсь.

— Э! И точно ледышка, — хмыкнул он, выпростал из-под куртки вторую мою ладонь, сжал своей свободной. Руки у него были рабочие — грубые, жесткие, такие же промасленные, как роба на моих плечах. Но восхитительно горячие. Нет, определенно, я уже его люблю! — Что там стряслось-то такое?

— Труп, — лаконично выдохнула я. Меня все еще трясло, так что строить длинные фразы пока даже не пыталась.

— Эге! — неопределенно присвистнул мужчина. — Да вы пейте, пейте чай, простудитесь еще! Что вы в таком виде выскочили? Не лето же...

Я с шумом отхлебнула восхитительно горячей и изумительно сладкой жидкости, не чувствуя другого вкуса, кроме сахара.

— Меня ваш ше... риф не спрашивал! — Поведение Адриана Блака настолько возмущало, что я даже сумела выпалить все это на одном дыхании, всего единожды запнувшись в середине.

— С ним бывает. — Улыбка у мужчины оказалась замечательной — лучистой, искренней. Я даже непроизвольно растянула дрожащие губы в ответной.

— Он всегда такой?

— Какой? — уточнил водитель.

— Громкий и грубый.

— Да нет, что вы! — заступился он за своего начальника. — Адриан — хороший мужик и шериф хороший. Просто третьи сутки уже на ногах, а ему не спать вредно.

— Это всем вредно, — проворчала я, потихоньку оттаивая. Во всех смыслах.

— Это да. Но ему совсем вредно. Некроманты... — Водитель недвусмысленно покрутил пальцем у виска, я согласно хмыкнула. — Я, кстати, Владимир, можно Влад.

— Вы из Зеленого лепестка... Владимир? — спросила, пробуя на вкус непривычное имя.

— Ну да, — улыбнулся он.

— Как же вас сюда занесло? — пробормотала я задумчиво. — Лавиния. Можно Винни.

В странных вещах проявляется у меня перемена места и обстоятельств. Кажется, я за последние десять лет столько не представлялась сокращенным именем, сколько за эту поездку.

Впрочем, за все эти годы я и с людьми столько не знакомилась в неформальной обстановке, все больше по работе...

— Так получилось, — со смешком отмахнулся мужчина. — Родители переехали по работе, отец у меня целитель. Ну а я потом тоже вот прижился... Встречный вопрос: а как в эту глушь занесло такую женщину, как вы?

— Какую? — совершенно искренне растерялась я.

— Роскошную, — широко улыбнулся он.

— Грубая лесть, но все равно приятно, — не удержалась от ответной улыбки. — Вообще-то я ехала отдохнуть в тихом, спокойном месте по рекомендации одного знакомого. Но что-то пошло не так. — Я бросила выразительный взгляд на окно, об которое ветер разбивал крупные дождевые капли, и поежилась. Бедные остальные пассажиры, сколько их там мурыжить будут?

— Эй, ладно, отдохнете еще! — жизнерадостно заверил водитель. — Тут красиво. Правда, погода сейчас... Но это ненадолго. А чего вас капитан сюда погнал-то? Неужели подозревает?

— Понятия не имею. — Напоминание об этом человеке заставило неодобрительно поморщиться. — Он даже спрашивать ничего не стал и что-то смотреть — всех выгнал. И всех приезжих отправил в

изолятор, так что скоро еще придут жертвы его произвола. А еще он грозился всех вместе с вагоном законсервировать. Что это значило?

— Э! Ну да, оно и понятно... — задумчиво протянул Владимир.

— Понятно что?

— Так Вит, ну, доктор наш, грозился убить любого, кто его до утра тронет. Может, как врач, если вдруг роды или что еще срочное, он и пойдет навстречу, но труп смотреть...

— И что?

— Ну, капитан — он очень сильный некромант. И он умеет трупы консервировать, если все в небольшом помещении произошло.

— Консервировать?.. — тупо переспросила я, после чего наконец сообразила: — Погодите, то есть изолировать от потока?

— Э... наверное. Я не очень в этом понимаю.

Ну Марг! Ну удружил!

Сырая магия — это поток, в каждом лепестке он свой. Сквозь Зеленый идет поток смешанной, разнородной магии; Сердцевина, как линза, разлагает его на составляющие, усиливает и направляет чистые «цвета» в стихийные лепестки, а в наш Белый она отражает все то, что не удалось изменить, а также часть изначальной, смешанной силы, измененной по сравнению с исходным материалом.

Вроде бы до сих пор ведутся споры, откуда и куда течет эта сила, смешивает Сердцевина цвета или разлагает, через Зеленый или все-таки через Белый лепесток наш мир сообщается с межмировым пространством. Честно говоря, я никогда не интересовалась этим вопросом и понятия не имею, как все это высчитывали и доказывали, поэтому знания мои ограничиваются университетским, а скорее школьным, курсом мироведения.

Но как бы ни было все устроено на самом деле, а именно этот общий поток подгоняет все перемены, которые происходят в мире. Мы все находимся внутри него, пусть даже самые сильные маги неспособны ощутить его течение и силу, только кажущуюся статичной. Часто поток этот связывают со временем — и технически, и аллегорически.

Существует... трудно назвать эту грандиозную систему скромным словом «чары». Скорее методика и сложный комплекс действий, позволяющий выключить некий сравнительно небольшой и относительно замкнутый объект из потока. Не знаю, способны ли на

что-то подобное маги из других лепестков, но наши некроманты умеют.

Что в таком состоянии происходит с предметами, достоверно неизвестно, но живые существа от такого умирают. Наверное, мгновенно. И, наверное, совершенно безболезненно: у них просто останавливается сердце и перестает работать мозг. Считается, что невозможно вырвать из потока душу и именно насильственное разделение души и тела приводит к смерти.

Способ этот имеет массу недостатков и ограничений, поэтому используют его крайне редко, но все равно статус такой процедуры и ее результатов вполне четко определен законом. И, как ни странно, исключение места происшествия из потока является не только допустимым, но даже рекомендуемым следственным действием, если вдруг нет возможности провести полноценный осмотр. «Странно» — потому что от местного шерифа не приходилось ждать какого-либо уважения к законам.

А еще, насколько я знала, «в поле» для проведения такой процедуры требовались усилия двух-трех некромантов.

Если этот медведь в одиночку способен изолировать от потока целый вагон, да еще так спокойно, что ему на третий день без отдыха проще поступить так, чем все-таки разбудить врача, это наталкивает на определенные мысли. Как минимум о том, что Адриан Блэк — самый сильный некромант из всех, кого я знаю.

Нет, я точно припомню Марту этого сослуживца!

Считается, что чем больше сила, тем разрушительней она сказывается на разуме человека. Таких магов ни в коем случае нельзя считать дураками, да и статистику никто не ведет, это все больше стереотипы, но...

В этот момент наш разговор прервался громким стуком в единственную дверь — пришли остальные полицейские вместе с остальными несчастными, кому по прихоти местного шерифа предстояло провести ночь в камере. Впрочем, не такие уж они были несчастные, по меньшей мере верхнюю одежду им забрать разрешили, я одна мерзла. Логично, конечно, потому что мое пальто осталось на месте преступления, но утешает слабо.

Владимир тут же отвлекся на своих коллег и остальных пассажиров. Я подвинулась, уступая часть сиденья взволнованной и

расстроенной Татине, и поделилась с ней чаем, раз уж хозяин не отобрал термос.

Атмосфера в фургоне воцарилась на удивление мирная и дружелюбная. Пассажиры ворчали и ругали шерифа, но устало и хмуро, без огонька, — то ли их впечатлили угрозы, то ли заставляло смириться понимание непреодолимости сложившихся обстоятельств. Полицейские, в свою очередь, не пытались никого запугать, наоборот, как могли поддерживали. Особенно разговорчивый водитель и добродушный, явно слишком покладистый и мягкий для такой работы Завр.

Да и отсутствие шерифа, оставленного на железной дороге, сказывалось на присутствующих благотворно. Оставили бы его там насовсем, а?

— До чего жуткий тип, — пробурчала Татина, слегка успокоившись сладким чаем.

Фургон ехал не спеша, потому особо не громыхал и на ухабах подпрыгивал умеренно, так что пить можно было почти без риска облиться.

— Ты с ним раньше не сталкивалась? — понимающе уточнила я.

— Творец миловал, — отмахнулась Тати с содроганием. — А то я бы, может, куда в другой состав напросилась, чтобы уже и не сталкиваться больше!

— Хорошо тебя понимаю, — вздохнула в ответ. — Я тоже уже всерьез пожалела, что решила поехать именно сюда.

— Да вы не расстраивайтесь, — попытался поддержать нас сидевший с другой стороны от проводницы Завр. — Завтра капитан поутихнет и всех отпустит. Если, конечно, никто из вас не убийца.

Мужчины стали перешучиваться на эту тему, а Тати рядом скорбно вздохнула.

— Не понимаю, что там вообще случилось, — призналась она. — Кто его убил? Когда? И как так, что мы ничего не слышали? Там же такие тонкие стенки! Звукоизоляция есть, конечно, но не настолько хорошая, чтобы не слышать крик.

— Или он не кричал, — задумчиво пожала я плечами. — Кто убил... Ну, учитывая его манеру общения, врагов у него могло быть предостаточно, тем более он, насколько я понимаю, был журналистом.

— Откуда ты знаешь?

— Что-то он такое болтал про своего редактора, — пояснила рассеянно. — Убили наверняка с помощью духа.

— А это-то ты откуда взяла? — изумилась Тати.

— Да, мне тоже интересно, — высунулся из-за нее Завр, который явно прислушивался к моим рассуждениям.

— Так шериф же сказал, — растерялась я от такого внимания.

— Когда?

— Ну, он говорил, что в вагоне несет мертвечиной.

— Так это про кровь, — возразила Татина и побледнела, прикрыв ладонью рог, — видимо, вспомнила. — Пахло действительно... ужасно.

— Нет, при чем тут кровь! — отмахнулась я. — Некроманты так о духах всегда говорят и о враждебных проявлениях своей магии, это их профессиональный жаргон. Чаше, правда, про существ Разлома, а не просто так... — добавила, поколебавшись.

В столичном УСД некромантов хватало — едва ли не половина следователей из числа боевых, а не один только Гитон Марг. В полиции вообще их полно, они тяготеют к силовым структурам: вырабатывается привычка во время обучения и службы, и в обычной рутинной жизни найти применение их дару не так-то просто. Да и в университете со мной училось достаточно некромантов, причем все — старше остальных студентов, успевшие отслужить. Так что, можно сказать, с магами этой специализации я общалась всю свою жизнь. Пусть шапочно, но кое-что о них знала.

— Ты что, хочешь сказать... — пробормотала Татина, потом затрясла головой. — Нет, даже слышать не хочу! Ты точно своих детективов перечитала, не обижайся, но...

— Очень может быть, — улыбнулась я.

Твари Разлома обычно возле этого самого Разлома и остаются. Но иногда — чаще, чем думают средние обыватели, но реже, чем полагают сторонники разнообразных теорий заговора, — они встречаются и в остальных частях мира. И встречались всегда, еще до возникновения Разлома. Многие серьезные артефакты работают на силе духов, и человеческая жадность пополам с безалаберностью нередко приводит к трагедии, когда какое-то из таких существ вырывается на волю. Я уж не говорю о спонтанных появлениях

потусторонних тварей, которые случаются в крупных городах: там больше добычи.

Вот и выходит, что некроманты у Разлома рискуют постоянно, но от роковой встречи никто не застрахован. Тут, конечно, речь о случайности не шла, дух явно послужил орудием убийства. И жертв могло быть куда больше, а так...

Просто еще одно напоминание о хрупкости жизни. Вот был несколько часов назад неприятный, гадкий, мелочный, но живой и чувствующий человек, а вот уже лежит со вспоротым брюхом и таращится в потолок стеклянными глазами на чудовищно спокойном, умиротворенном даже, лице человека, который не успел понять, что умер.

Картина залитого кровью купе так ярко отпечаталась в сознании, что стоило немного расслабиться и отвлечься от происходящего вокруг, и она снова вставала перед глазами. В объеме, цвете и запахах.

Всерьез меня накрыло уже в обещанной одиночке, и впору было даже поблагодарить шерифа за такую заботу. Конечно, ограничься все только лишь обнаружением трупа, и было бы легче, но... навалилось. И усталость нескольких дней пути, когда я не могла толком выспаться, и стычка с некромантом, и осадок от общения с ныне покойным журналистом, чьего имени я так и не узнала, и мерзкая погода. И вообще вся эта поездка, которая изначально вызывала скепсис и, можно уже сказать твердо, не задалась с самого начала. И, конечно, то, что подтолкнуло уехать.

Мне было не то чтобы жаль себя, но до слез обидно. Глупый, банальный, но оттого не менее навязчивый вопрос: за что? Я бесчисленное число раз задавала его себе раньше, когда только выслушивала первые обвинения и еще не верила, что все это происходит на самом деле. Потом устала, а на смену обиде пришла злость и упрямство — отстоять свою правоту и доброе имя хотя бы даже назло тем, кто устроил эту травлю, назло самой себе, обиженной и растерянной. И вот опять.

Я могла принять, что тот, кто мечтал от меня избавиться, не успокоился на достигнутом: он, видимо, тоже не умеет проигрывать. Я готова была смириться с вынужденным отъездом. Но... Творец! Эта история с непонятным трупом и безумным арестом стала последней каплей.

Я лежала на тонком казенном матрасе, на застиранную наволочку сбегали обиженные злые слезы, и повторяла этот вопрос без ответа: «За что?» За что мне все это? Что я сделала не так? Всегда старалась быть справедливой, быть честной и тактичной, тщательно взвешивала все решения и не позволяла себе идти на поводу у эмоций. Да я ради этого профессию выбрала — чтобы сделать мир чуточку более справедливым, правильным! И что теперь?..

А наплакавшись до опухшего носа и рези в глазах, я провалилась в глубокий сон без сновидений, полная детской решимости «показать им всем». Кому и что, правда, придумать уже не успела.

Глава четвертая, в которой письмо находит адресата

Адриан чувствовал себя словно с похмелья. Воспоминания о вчерашнем дне — смутные и обрывочные, голова тяжелая и горячая, мысли вязкие, во рту мерзкий привкус, в висках тяжело стучит — самое время зарекаться «больше никогда». Только надо вспомнить, что именно «никогда», и вот тогда уже — больше ни-ни.

Полежав несколько минут в постели, мужчина вдруг сообразил, что пару симптомов можно если не отбросить, то существенно ослабить без лекарств и каких-либо еще усилий. Достаточно просто убрать с подушки Гайку, которая устроилась вокруг его головы меховой шапкой с подогревом и вибрацией. Стучало не в голове, просто кошка урчала, а в черепе гуляло эхо.

Прислушавшись к ощущениям, Адриан обнаружил и Кактус, которая растеклась по его груди, и даже гордая недотрога Вакса лежала рядышком, теплым клубком грея бедро.

— Выложился я, да? — со смешком спросил он, чуть запрокинув голову.

— Мрр! — подтвердила рыжая Гайка, ткнувшись усатой мордой в глаз. Если она почти всегда валялась где-то на нем, стоило лечь или хотя бы сесть, то остальные приходили редко, обычно по очереди, изгоняя младшую подлизу. А вот так вот дружно облеживали хозяина, только когда тому случалось добегаться без малого до истощения или банально заболеть.

Кактус встала и бесцеремонно потянулась, не сходя с человека. Вакса, когда он зашевелился, поспешила сбежать, привычно брякнулась об пол с таким звуком, что Адриан первое время удивлялся, как она ничего себе не ломает.

Мужчина сел на постели, опираясь на руки, сгоняя вторую кошку. Гайка невозмутимо стекла в оставшуюся от его головы ямку на подушке. Стук в висках прекратился, голове стало легче, но тело показалось тяжелым и непослушным, а руки едва не тряслись от слабости.

Тихо ругаясь сквозь зубы, некромант заставил себя встать, открыл окно, впуская в комнату холодный сырой ветер. И, по ощущениям, в голову тоже — от свежего воздуха в ней заметно прояснилось, хотя обрывки воспоминаний вчерашнего дня стали еще более жидкими и тусклыми.

Выгнать из тела слабость помогла зарядка под неодобрительным немигающим взглядом желтых глаз Ваксы: кошка не понимала, как можно заниматься какой-то ерундой, вместо того чтобы кормить ее. Но орать и путаться под ногами было ниже ее достоинства, так что оставалось практиковаться в ментальном воздействии. А ее младшие подруги принимали жизненную несправедливость философски: рыжая продолжала дрыхнуть вполглаза, а серая Кактус предпочитала караулить у миски.

— Какая отвратительная рожа, — пробормотал Адриан, разглядывая опухшую со сна небритую физиономию в зеркале в ванной. Задумчиво поскреб сизый, с каким-то темным налетом, подбородок.

— Мря? — возмутилась снизу разговорчивая Гайка.

— Да я не про тебя, не ворчи, — хмыкнул мужчина.

Умыться, побриться, принять душ — всего двадцать минут, но к концу традиционных утренних процедур он окончательно почувствовал себя человеком. Правда, не мешало бы поспать еще часов восемь, потому что голова все еще плохо соображала, пальцы слегка подрагивали, а в груди зияла сосущая пустота — обычное ощущение от перерасхода сил.

— И на что я вчера так выложился? — рассеянно спросил он у трусящей впереди, задрав хвост, Гайки.

Он хорошо помнил, что опять пришлось выходить в море. В Акулей Глотке застрял корабль, да, как назло, с серым грузом, да груз тот еще и повредился... Полтора десятка трупов, два десятка чуть живых от страха членов команды пополам с пассажирами и три озверелых духа. Будь его воля, Адриан бы там их всех и оставил, потому что идиотов он не любил.

И дело совсем не в том, что кто-то решил разжиться левыми душами. Как некромант, знающий их силу и возможности, которые давало подобное имущество, Блак мог понять и заказчика, и контрабандистов как таковых. Но не тех придурков, которые

догадались перевозить подобный груз морем, да еще без сопровождения толкового некроманта.

Но пассажиров действительно было жаль, да и работа есть работа, поэтому пришлось выйти в море на помощь береговой охране. Некроманты — они как кошки, воду не любят, так что со своими некромантами у смежников тоскливо. Да и Акуля Глотка — почти территория Клари, потому что в сильный отлив туда можно дойти пешком.

Однако, помимо вполне отчетливых воспоминаний о морских приключениях, занозой в мозгу сидело зыбкое ощущение, что это не все и вечером случилась еще какая-то задница. Впрочем, беспокоило это обстоятельство мало: судя по тому, что проснулся он в собственной постели, живым и даже почти здоровым, размеры этой... неприятности не столь уж велики. Поэтому можно не дергаться, а спокойно покормить кошек и позавтракать — или ближе к полудню это уже можно считать обедом? Но именно в такой последовательности, потому что, во-первых, под их полными укора вечно голодными взглядами кусок в горло не полезет, а во-вторых, надо же поблагодарить зверье за долготерпение. Даже Гайка обошлась без истошных воплей, а честно ждала, пока человек проснется. Человек оценил.

А обуваясь в прихожей, Адриан неожиданно обнаружил там предмет, которого в этой самой прихожей быть не могло: на полке для обуви лежала сумка. Обыкновенная женская сумка коричневого цвета, с блестящими металлическими фитюльками и ручками неопределенной длины — вроде и на плечо не закинешь, и в руке держать неудобно.

Если бы к сумке прилагалась женщина — ладно, такое с ним случалось. Обычно не в Клари, здесь он осторожничал, но это хоть как-то можно было понять. Если бы женщины не было, но была ее обувь — это был бы серьезный повод для паники, потому что во весь рост встал бы вопрос, куда он эту женщину дел. Каких-то агрессивных наклонностей Адриан за собой прежде не замечал, даже в состоянии, близком ко вчерашнему, но все когда-то случается впервые.

А вот сумка отдельно от остальных частей вызвала растерянность.

— Интересно, я ее украл? — поинтересовался он у Кактуса, которая старательно утепляла собственной шерстью свежие брюки,

вдохновенно отираясь о ноги мужчины.

— Мяс! — укоризненно сообщила Гайка, сидевшая в дверях. Мигнула глазами по очереди и очень по-человечески грустно вздохнула. Мол, дурак ты, хозяин.

Адриан с интересом заглянул в сумку — и вдруг отчетливо, с пугающей ясностью вспомнил ее хозяйку. Если точнее, сначала он вспомнил весьма аппетитного вида грудь, к которой хозяйка прижимала это имущество, а потом, по цепочке, и все остальное. И саму женщину, и другую женщину, уже в форме проводницы, и еще толпу народа.

И разящий мертвечиной свежий труп.

Тихо выругавшись себе под нос, Адриан глянул на часы и выругался еще раз. После чего, едва не споткнувшись об обиженно мявкнувшую Гайку, выскочил из дома. Детали вчерашних событий из памяти ускользали, но главное — что в участке просто так сидит несколько приезжих — он вспомнил. И всю дорогу мысленно костерил свою память, контрабандистов и некоего идиота, который не нашел другого времени и места, чтобы убиться.

В доме, где он жил, шериф видел два неоспоримых достоинства: солидных размеров сад с двумя десятками старых деревьев и главное — расположение в пяти минутах неспешной ходьбы от участка. Сегодня Адриан дошел за три, старательно не переходя на бег, чтобы не спровоцировать среди мирных граждан Клари панику. А они и так норовили поинтересоваться, куда спешит Блак и не надо ли ему чем-то помочь.

Ничем не поможешь. Это не лечится...

Клари — небольшой, но все-таки город, поэтому отделений полиции тут имелось целых три. Другое дело, что два из них представляли собой крошечные каморки, «отгрызенные» у других учреждений: одно располагалось на первом этаже городского госпиталя, а второе — вообще в здании школы. С отдельным входом, но сам факт служил неиссякаемым источником тем для обсуждений и шуток.

Шериф же размещался в том, что гордо именовалось «центральной полицейским управлением города Клари». Не то дом, не то сарай — одноэтажное приземистое строение с парковкой, на которой скучали все казенные автомобили. То есть оба, фургон и

легковая рабочая лошадка, на которой Адриан, его заместитель или еще кто-нибудь мотались при необходимости в Фонт. А чуть в стороне, под отдельным навесом, прятался основной городской транспорт.

По городу полицейские, как и остальные жители, предпочитали передвигаться на велосипедах — и быстро, и удобно. Все, кроме Блака, который утверждал, что ему несолидно, да и выглядит он на двухколесном коне как собака на заборе, шериф же должен внушать уважение, а не смешить горожан. И ему даже верили — все, кроме его заместителя и по стечению обстоятельств старого друга Кириана Клетта. Тот единственный знал, что Адриан попросту не умеет.

С улицы посетитель попадал в небольшой предбанник, где вообще-то полагалось сидеть специально обученному полицейскому — проверять и выписывать пропуска, а также охранять коллег от всяческих вредных пришельцев. Здесь даже имелось несколько стульев для ожидающих и стол, но последний был девственно-пуст, а первые... Уже давно сюда выселяли из остальных кабинетов негодную мебель, поэтому Адриан никому не советовал бы присаживаться на эти стулья.

Дальше тянулся длинный коридор, первая дверь справа вела в общий зал, слева их было три — в кабинет шерифа, который тот делил с помощником, в вечно закрытый архив и в туалеты. Дверь в торце скрывала изолятор на три камеры, и вот там охрана уже случалась.

Бросив взгляд в сторону местных «клеток», Адриан решительно свернул налево. Перед тем как идти разгребать последствия вчерашней горячности, следовало для начала узнать последние новости.

— Ну надо же, пришел! А я уж прикидывал, где тебя разыскивать и кого на это организовать, чтобы паники не случилось, — поприветствовал его заместитель, прерывая свое занятие и разминая пальцы: до прихода начальника Кириан бодро стучат по кнопкам пишущей машинки.

— Дома меня разыскивать, — проворчал Адриан и шмякнул на стол зама сумку.

— Не твой цвет, — рассеянно заметил Кир.

— Что?

— Говорю, цвет не твой. Да и фасон малость неожиданный. — Клетт сдержанно улыбнулся.

— Тьфу! Глянь, что там? Я вчера из поезда машинально прихватил.

Кириан бросил насмешливый взгляд на начальника, шумно пьющего воду прямо из графина, но пишущую машинку аккуратно отодвинул. Развернул угольно-черный нейтрализующий коврик, достал такие же перчатки — досмотр так досмотр, но всем правилам. Адриан потому ему сумку и сунул, что знал собственную неуклюжесть в таких вопросах, бороться с которой сейчас не было ни сил, ни желания. Осмотреть бы осмотрел, но наследил бы, как стоя грешников.
[2]

— Ты этих не допрашивал? — Адриан неопределенно дернул головой.

— Ты их туда посадил, ты перед ними и красней, — невозмутимо припечатал Кир. — Лавиния Раке, — прочитал, разглядывая паспорт. На столе уже лежала не заинтересовавшая мужчину книга и выпотрошенная косметичка. — Забавно, в жизни она выглядит моложе, чем на фотографии. «Мовестир»...

— Что? — Шериф подошел к замку, глянул через плечо.

— Рецепт на лекарство, кажется. — Кириан продемонстрировал слегка мятую бумажку с печатями. — Ты не знаешь, что это такое?

— Первый раз слышу.

— Ага, а вот и он! — На свет появилась плотно закупоренная стеклянная баночка с медово-желтыми капсулами внутри. — Жаль, инструкции нет. Непонятно, что им лечат.

Следом на коврик переместилась горка ничем не примечательных женских мелочей — связанное зеркальце в изящном металлическом, наверное серебряном, корпусе с чеканным узором, складная щетка для волос, флакончик духов, пара ручек, связка ключей, несколько салфеток и носовых платков, карманная складная отвертка, при виде которой Клет уважительно хмыкнул. Металлическая коробочка с гигиеническими принадлежностями, маленький фонарик, горка конфетных фантиков и несколько конфет, еще одна маленькая сумочка с кусками таблеточных упаковок, на некоторых даже название не помещалось, но кое-какие Кириан узнал. Ничего интересного — легкое обезболивающее, таблетки от укачивания, для желудка, пачка пластыря...

Горка потихоньку росла и, кажется, давно уже переросла размеры сумки.

— Там что, прямая связь с Разломом? — не выдержал Адриан.

— Можно подумать, Ты никогда не досматривал женские сумки! — рассмеялся в ответ Кириан. — По этому же можно прекрасный психологический портрет составить.

— И что ты можешь составить?

— Ну... Женщина предусмотрительная, аккуратная. Самостоятельная, организованная...

— Организованная? — не поверил шериф. — А как это связано с кучей фантиков?

— Сладкое любит, — пожал плечами Кир. — Но вообще, я про остальное. Смотри: таблетки у нее отдельно, причем не целые упаковки, а по чуть-чуть, если вдруг станет плохо. И это именно личная аптечка, не по назначению врача. Назначенного — вон, целый пузырек. Косметика декоративная — отдельно, аккуратно разложена. Туалетные принадлежности — отдельно. Да, ну и конечно, она особа романтическая и немного авантюрная.

— «Конечно»?

— Я про книгу. Женский романтический детектив, то есть приключения и любовь.

— Ты что, читал?

— Эту нет, но автор знакомый, — невозмутимо признался Кириан. — Хорошая развлекательная литература. Так, ну с основным отделением все, карманы... О! Весьма предусмотрительная особа, — улыбнулся он, выложив из бокового кармашка презерватив в блестящей упаковке. — А она мне уже нравится.

— Может, проститутка? — предположил Адриан.

— Дан, ну как ты можешь так о незнакомой женщине? — Кир бросил на него укоризненный взгляд. — Я, конечно, понимаю, что досмотр и обыски — не твое и ты от них всегда бегаешь, но не до такой же степени! Ты от вчерашнего, что ли, не отошел?

— Не знаю, может быть, — не стал спорить шериф. — Соображаю туго, факт. Но я, извини, не могу представить другой ситуации, чтобы женщина таскала резинки, это, по-моему, дело мужика.

— Как мало ты знаешь о женщинах! А так и не скажешь, — с иронией улыбнулся Кир. — У тех, кто продает любовь, их обычно пачка разных, на любой вкус, а тут... Скорее уж она в постоянных отношениях с довольно безалаберным мужчиной. Впрочем, учитывая, что лежит он тут, судя по упаковке, давно, я бы все-таки поставил на предусмотрительность. Слушай, мне нравится эта женщина! Надеюсь, она не убийца.

— Убийство, точно! — опомнился Адриан и качнулся к собственному столу. — Надо же группу собрать и пойти все там осмотреть.

— Надо, — согласился Кириан.

Новомодная зеркальная линия, быстрая и удобная, до Клари пока не дотянулась. Какие-то были сложности с передачей сигнала через местные горы, Адриан не вдавался в подробности, да и море осложняло работу решительно всей магической техники — на то оно и море. А вот более простая и надежная местная переговорная линия существовала и вполне успешно действовала, километрами проводов опутав город. Связать ее с Фонтом собирались лет двадцать назад, но потом появились зеркала, областной центр от старой связи отказался почти полностью, оставив несколько резервных линий для особых случаев, а Клари... Клари теперь ждал, пока наверху найдут другой способ связать городок с центром, и от трудностей со внешним сообщением не очень-то и страдал.

— Ого! — Кир вдруг присвистнул, отвлекая шерифа от попыток вспомнить номер единственного местного судмедэксперта, он же патологоанатом, он же начальник лаборатории при госпитале, порой исполняющий обязанности хирурга.

— Что у тебя там?

— Паспорт. Лавиния Шейс.

— Погоди, но была же другая... — растерянно проговорил Адриан и осекся, потому что друг без лишних слов продемонстрировал ему одинаковые обложки двух документов. — Однако это становится все интереснее!

— Хм, тут еще письмо, — сообщил Кириан, доставая из внутреннего, потайного, отделения сумки небольшой конверт. — Ты будешь смеяться, но оно для тебя.

— Издеваешься? — озадачился шериф и вернулся к столу зама. — От кого?

— Некий Ги... Творец, ну и почерк! Гитон Марг вроде. Знакомо?

— Да, но... — Адриан развел руками. — Я ни демона в происходящем не понимаю. Читай.

— Может, ты все-таки сам? Оно запечатано, — предупредил Кириан.

— Ну да, сам! Сам я его до ночи читать буду, тем более даже ты почерк не разбираешь. Читай, вряд ли Гитон что-то столь уж интимное пишет. — Шериф поморщился.

— А кто это вообще?

— Сослуживец. Он старше меня, так что ты его не застал.

— Хороший сослуживец?

— Надежный, — пару секунд поколебавшись, ответил Адриан. — Читай.

Живучесть стереотипа о неадекватности некромантов объяснялась просто: они действительно все в той или иной мере были не в себе. Постоянное ментальное давление близкого Разлома, пусть и ненаправленное, сказывалось на несущих службу людях. Собственно, срок этой службы определялся по факту, на общем осмотре раз в полгода, но результатам которого часть списывалась «на берег».

Точно определить какую-то закономерность, почему один выходит из строя уже через год, а другой и через десять лет неплохо себя чувствует, пока не сумели. Это не было связано с уровнем силы и интенсивностью службы, с проведенным вблизи Разлома временем, даже с боевым или мирным направлением работы. Просто на одних действовало так, на других — иначе. Ничего не решал вахтовый метод службы и другие ухищрения. Может, помогло бы ограничение срока службы годом или двумя, но... Разлом большой, духов много, а вот некромантов — мало. Не говоря уже о том, что первый год службы приходилось только привыкать к особенностям местности: одно дело изучать в теории, а совсем иное — столкнуться со всем этим на практике. Все, кто там бывал, сходились в одном: подготовиться к этому невозможно.

Самое интересное, далеко не на всех Разлом действовал разрушительно. Один сослуживец Адриана, например, до службы был очень нервным и даже трусливым, а после — заметно успокоился.

Другой вдруг приобрел абсолютный музыкальный слух. У третьего проснулся талант к математике, хотя прежде сложные формулы вызывали ступор. Правда, даже на них превышение предела воздействия сказывалось разрушительно — просто более внезапно. И это объяснить тоже пока не получалось.

Адриан отделался, если разобраться, легко. Он всего лишь дурел с недосыпу и вообще от усталости и с трудом воспринимал текст. Мог при необходимости прочесть какой-то документ, но это требовало заметных усилий и занимало много времени, особенно если текст был не печатным, а рукописным. И если ради дела он еще мог с собой побороться, то любимое прежде развлечение — чтение — пришлось оставить, потому что радости процесс больше не приносил.

На службе же, к общему удовольствию, основную часть бумаг взял на себя Кириан. Со своей любовью к порядку Клет содержал документацию в идеальном состоянии, и ему именно бумажки доставляли наибольшее удовольствие.

Письмо оказалось коротким, предельно сухим и конкретным. Детали Гитон расписывать не стал, но о том, кто такая Лавиния Шейс и почему он отправил ее именно сюда, рассказал. И к концу письма Кириан начал поглядывать на друга и начальника со смесью иронии и сочувствия.

— Честная судья, которая взятки не берет? — переспросил Кир. — Я понимаю, почему он постарался ее спрятать. Это же уникальный представитель вида! А ты ее в одиночку... Ай-ай-ай, нехорошо так со столичной знаменитостью!

— Считаю, определил в отдельный вольтер повышенной защищенности. Как ценного представителя уникального вида, — проворчал Адриан, справляясь с растерянностью и определенной толикой смущения. Вчера он явно погорячился, и если свои к его манере привыкли, то как отреагирует эта столичная штучка — большой вопрос. — Ладно, собери там кого-нибудь из ребят, кто скучает, а я Траса выловлю. Надо место преступления все-таки осмотреть и труп забрать...

— Дан, а ты ничего не забыл? — Кириан насмешливо приподнял брови, не двигаясь с места.

— Например? Сказать тебе спасибо? — спросил шериф недовольно.

Да знал он, знал, что Кир имел в виду. И даже понимал его правоту, но... Вот именно сейчас залитое кровью купе поезда представлялось гораздо более приятным и уютным местом, чем родной участок, нелюбимый обыск — занятым и увлекательным, а труп — весьма интересной компанией. Главное, молчаливой.

— Это тоже можно, но вообще-то я про людей, которые сейчас сидят в изоляторе. Долго ты планируешь их там мурыжить? И нет, даже не надейся. Опрашивать будешь сам и извиняться тоже. На твоём месте я бы начал именно с них. Завтраком их, конечно, накормили, да и крыша там больше не течет, так что в камерах даже в дождь вполне терпимо, но это не оправдание. Труп придется подождать, но он не обидится, я уверен. Дан, да приходи ты уже в чувство, а? Я начинаю ощущать себя твоим папашей! — ворчливо закончил Кир.

Адриан тихо ругнулся, зажмурился, помассировал виски.

— Ладно, ты прав. Хоть ты бы меня вовремя домой отправлял, что ли... — пробормотал он.

— Во-первых, я не самоубийца, чтобы лезть под руку, когда тебя несет. А во-вторых...

— Да понял я, понял, ты мне не папаша и уж тем более не мать, — оборвал шериф. — Это были мысли вслух, не обращай внимания. Собери группу.

Кириан молча направился к переговорному аппарату, а Адриан пошел в изолятор, освобождать «отдыхающих».

Конечно, в идеале не стоило терять время и следовало провести допрос с осмотром места происшествия параллельно, в конце концов, их же двое. Но с одной стороны, Кир был прав: шерифу стоило если не извиниться, то уж хотя бы исправить последствия самостоятельно, а с другой... Теоретически он мог доверить заму осмотр места преступления, но именно что теоретически.

Кириан, также боевой некромант, провел у Разлома три года. Может, продержался бы дольше, потому что на последнем осмотре менталисты уверяли, что Клет вполне годен к службе. Но его списали после трагической истории, к которой Разлом имел опосредованное отношение. Группа Клета столкнулась с неожиданно большой стаей тварей, и до подхода подкрепления из всех продержался только Кириан.

Разлом сделал его более спокойным и уравновешенным, «привил» педантизм, впрочем, в той степени, когда эта привычка еще не становилась болезненной. Клет просто любил порядок, но его отсутствие не вызывало острой реакции. А вот та стычка нанесла серьезную травму: Кир начал бояться крови и покойников. И все, что сумели сделать менталисты, — вернуть ему контроль над собой даже в моменты страха. То есть он не убегал, не бился в истерике и не падал в обморок, но находиться рядом с трупом спокойно не мог.

Конечно, сейчас некроманты не потрошили трупы, как в старые темные времена, вообще, работа с мертвой плотью теперь считалась грязной и безнадежно устаревшей, так что даром своим Кириан пользоваться мог и много других важных вещей делать — тоже. Но посылать его на нынешнее место преступления — идея не то что сомнительная, а откровенно издевательская.

Начать разговор Адриан решил с простого, под определение которого подходило двое приезжих мужчин, которых он не запомнил, а значит, возле пострадавшего купе не видел.

С первым повезло: заключение отставной военный шофер Савин Тург воспринял философски. Даже шутил, что давно так хорошо не высыпался, да и удобно, транспорт не пришлось искать, чтобы добраться от станции. Сюда он приехал из Фонта надолго, в гости к дочери, которая вышла замуж за местного, а сейчас родила тройню, так что помощь родителя оказалась более чем кстати. Этому шериф объяснил, как добраться от участка до нужного дома: семью эту он, конечно, знал, ее вообще весь город знал, все-таки нерядовой случай.

Со вторым повезло чуть меньше. Иреной Олен ворчал и грозил жалобами, но вяло, без огонька, и было очевидно, что никуда он жаловаться не пойдет. Потому что понимает: в лучшем случае местную полицию пожурят, и то вряд ли. Отнеслись к задержанным достаточно бережно, разместили в приличных условиях, голодом не морили, а в остальном — шериф имел право задержать всех до выяснения обстоятельств и уточнения личности, даже несмотря на наличие документов. Подписку о невыезде Олен подписывал нехотя, но, выяснив, что завод считается территорией города, заметно повеселел: он приехал по рабочим делам именно туда. Олен оказался артефактором, специалистом по крупным промышленным установкам, а вникнуть в подробности Адриан и не пытался.

Ничего полезного по делу ни один сказать не мог. Артефактор всю дорогу не вылезал из своих записей и не мог даже внятно ответить, с кем он вообще ехал в купе от самой столицы, а кто присоединился позже. Счастливый же дед то ли не видел убитого, то ли не запомнил, зато прекрасно запомнил судью Шейс, причем по тому же самому признаку, по которому ее вспомнил сам Адриан: проще говоря, оценил фигуру. Ну, еще отметил то обстоятельство, что с проводницей эта дама общалась очень дружески и всю дорогу просидела у той в купе. Ничего подозрительного не видел и не слышал.

Татина Грог, та самая проводница, оказалась более ценным источником информации — после того, как перекипела, поругалась и настроилась на помощь следствию. Поначалу, правда, пыталась запереться и увилить, но быстро одумалась. Рассказала о том, что Морриг Вист, как звали убитого, прицепился к Лавинии еще в Фонте, очевидно перепутав ее с кем-то. Заверила, что соседка убитого всю дорогу была у нее на виду, но с ее слов передала и предположение о том, что покойный был журналистом, и кое-что еще интересное.

Адриан к этому моменту уже знал, что журналист как раз ничего не перепутал, но сообщать об этом постороннему человеку не собирался. Да и напрасно Татина пыталась выгораживать новую приятельницу, кажется, больше убеждая себя, чем шерифа: всерьез подозревать судью Шейс ему было не с чего.

В такую уж благонадежность и честность этой особы верилось с трудом, но Блак прекрасно понимал, что причина недоверия в стереотипах. Он хорошо помнил Гитона Марга, взявшего шефство над ним самим и еще несколькими юнцами, впервые увидевшими Разлом, и рекомендации его верил. Точнее, по возможности собирался связаться с ним лично и уточнить, действительно ли Марг давал такую рекомендацию, но больше для успокоения паранойи, чем из реальных сомнений.

Косвенно правдивость письма подтверждалась тем, что женщина буквально бежала из столицы в эту глушь. «Разумные» люди не вляпываются в такие истории, они предпочитают договариваться и живут припеваючи, а вот принципиальные упрямы — мешают, слишком уж неудобные.

С другой стороны, могло стать, что у госпожи судьи все же был покровитель, но он сам впал в немилость. В конце концов, женщина

явно не бедствовала: первый класс от столицы до их побережья стоил недешево, Адриан как-то любопытствовал. Но это так себе аргумент, может, она просто экономная, а путешествовать любит с комфортом.

Главное, все это вместе очень плохо сочеталось с убийством. Если Лавиния Шейс — та, о ком писал Гитон, что нетрудно проверить, особого резона убивать соседа у нее не было, даже если он ей чем-то угрожал. Да еще таким образом. Нет, при желании накрутить подходящую версию Адриан мог, но предпочитал не перегибать палку. Тем более перед разговором с задержанной.

С проводницы шериф тоже взял подписку, против которой женщина не очень-то возражала. Особенно когда выяснила, что вагон ее останется здесь как минимум на ближайшие несколько дней, пока экспертизу не сделают.

— Группа готова, Вит обещал приехать на место, — вставил Кир, когда проводница вышла.

— Ну подождет для разнообразия, не все же нам его, — поморщился шериф и кивнул заглянувшему рядовому, чтобы вел последнюю из задержанных. Надо с ней как-то договариваться и искать общий язык, раз уж Гитон просил приглядеть. Оставалось надеяться, что госпожа судья не станет вредничать и тоже пойдет навстречу.

Глава пятая, в которой происходит допрос

Не зря говорят: все, что ни делается, к лучшему. Если бы не было этой истории, мне пришлось бы среди ночи разыскивать шерифа, чтобы передать письмо, или, скорее, гостиницу, потому что ломиться среди ночи к незнакомому человеку я бы постеснялась. Если бы шериф оказался более вменяемым типом, мне пришлось бы сразу искать с ним общий язык, держать себя в руках, вежливо улыбаться и все такое. А так...

Выплакавшись ночью и хорошенько выспавшись в тишине маленькой камеры, я нашла себя утром в гораздо лучшем настроении, чем было в дороге или даже перед отъездом. Во мне сидела странная и необоснованная, но оттого не менее крепкая уверенность, что хуже уже не будет, дальше все непременно начнет меняться к лучшему. И вроде умом я понимала, что Блэк, например, может обвинить меня в убийстве, и вряд ли разобраться в этом будет легко, но почему-то оставалась спокойна.

Я прекрасно слышала голоса в коридоре и знала, что шериф наконец-то соизволил приступить к выполнению своих обязанностей, поэтому обулась, расправила блузку, одернула юбку и села на кровать в ожидании, когда очередь дойдет до меня. Судя по всему, начать местный хозяин решил с мужчин, подвернувшихся вовсе уж случайно, и по этой логике мне предстояло стать последней.

Пожалуй, единственным, что всерьез отравляло сейчас жизнь, оставалась невозможность принять душ, и я жалела, что не последовала в Фонте примеру Татины. Но продолжала надеяться, что все это разрешится быстро и я смогу наконец нормально вымыться и переодеться.

На последнем предположении мысли споткнулись. Некстати вспомнилось, что чемодан так и лежит под койкой в купе первого класса, на койке следы крови, а купе вместе со всем вагоном выключено из потока. И забрать вещи я смогу только тогда, когда это позволит шериф, а если шериф упрется, то я останусь даже без сменного белья. Конечно, его можно купить, потому что магазины...

На этом мысли опять споткнулись — я вспомнила, что сумка моя тоже у этого медведя. А значит, у него все деньги и документы. Оба паспорта. И если Блак «случайно» потеряет письмо Гитона, он может на совершенно законных основаниях привлечь меня за использование фальшивки. То есть не совсем «может», мою судейскую неприкосновенность восстановили, для этого ему придется обратиться в высшие инстанции, и все это, с учетом отсутствия тут зеркальной линии, затянется очень-очень надолго...

Творец! В каком помрачении рассудка я находилась, когда соглашалась на эту аферу?!

Когда за мной наконец пришли, настроение за всеми этими размышлениями заметно упало, но все же приглашение к разговору я восприняла с радостью: всяко лучше тупого ожидания.

Полицейский участок, судя по всему, был небольшим, да это и неудивительно — в Клари со всеми его окрестностями жило несколько тысяч человек. Впрочем, окрестностей тех было немного, городок лежал в маленькой удобной бухте, отрезанной от остальной цивилизации довольно крутым горным хребтом, и много домов на узкой полосе берега и предгорий просто не поместилось бы. Соответственно всех представителей власти тут было — мэр и уже знакомый мне шериф. Причем, судя по манере последнего держаться и самоуверенности, именно он тут самый главный.

Нет, все же я это Гитону припомню...

Молодой плотный парень в слегка тесноватой ему в животе форме проводил меня по короткому коридору в кабинет — небольшой, но очень уютный, неожиданно с парой крупных цветков в горшках. Наверное, местная уборщица развела, потому что... Секретаря тут нет, а младшие чины наверняка обитают в другом помещении. Не сам же шериф подобным развлекается!

Впрочем, цветы могли быть имуществом заместителя — кажется, именно с ним вместе Адриан Блак занимал кабинет. И выглядело все это... своеобразно.

Комната делилась на две части. Справа, у стены, на темной половине, обитал медведеподобный шериф. За его спиной стоял тяжелый сейф, высились забитые книгами и лохматыми старыми папками шкафы, на столе среди гор бумаг стояла покрытая вековым налетом кружка, пестрели клочки разнообразных бумажек. За

очередной стопкой папок притаилось даже грязное блюдо, которое выглядывало из-под засыпавших его бумаг, словно из засады. Симпатии к Блаку все это не добавило, хотя сам он сегодня выглядел куда приличней, чем вчера, и уже не напоминал пропойцу.

Второй обитатель кабинета, разместившийся между двух кристально чистых окон, прикрытых аккуратными белыми жалюзи, являл собой полную противоположность медведю во всем. Идеальный порядок, все бумажки лежат в аккуратных стопках, стерильная чистота, и никаких следов еды. Да и выглядел заместитель шерифа так, словно Творец подбирал эту парочку специально: белобрысый, худощавый, с узким длинным лицом и голубыми глазами. Впрочем, когда я заметила на столе заместителя собственную сумку, выпотрошенную и чуть ли не вывернутую наизнанку, симпатия растаяла, не успев родиться.

— Доброе утро, госпожа Шейс, садитесь, — первым нарушил тишину шериф и кивнул на стул перед своим столом.

Против этого я возражать не стала.

— Вижу, содержимое моей сумки вы изучили со всем тщанием, — не удержалась от замечания. — Надеюсь, досмотр проведен по всем правилам, в присутствии понятых? Про судебную санкцию и разрешение судейской коллегии уж не спрашиваю, откуда бы им взяться.

— А у вас на лбу не написано, кто вы, — огрызнулся шериф. — И что-то никакого удостоверения мы не нашли, так что про коллегию можете и не вспоминать. Санкция мне тут тем более не нужна. А осматривали мы сумку с целью установления ее принадлежности. На ней тоже не написано, кто хозяин.

— Вы сами у меня ее отобрали!

— И где гарантия, что вы не отобрали ее у кого-то еще? — усмехнулся он. Криво так, по-звериному.

Ну и рожа...

— Это официальное обвинение?

— Госпожа Шейс, не желаете кофе? — вдруг вклинился белобрысый заместитель и поднялся со своего места.

— Не откажусь, — согласилась я, от неожиданности замешкавшись с ответом на несколько секунд.

На светлой половине кабинета, в углу за шкафом, обнаружился не замеченный мной раньше небольшой столик, на котором темнел перевернутый конус кофеварки, а также стояла подставка с чашками и какими-то баночками.

— Тебе не предлагаю, не косись на меня так, — невозмутимо продолжил мужчина, кажется обращаясь уже к своему начальнику. — Я помню, что ты не любишь эту... черную жижу.

Шериф мрачно молчал, сверля заместителя взглядом, а моя неприязнь к Блаку еще немного окрепла: не понимаю я людей, которые не любят кофе, а тех, кто его ругает, искренне недолюбливаю. Глупость, конечно, и ни о чем конкретном человеческие вкусы не говорят, но в случае с шерифом я готова была видеть в этом знак.

— Сливки предложить не могу, но есть сахар и специи.

— Нет, спасибо, я пью черный.

— Замечательно. Да, прошу прощения, я нечаянно вас перебил, — напомнил зам.

Конечно, совершенно нечаянно!

Не знаю, как Блаку, а мне стало стыдно за собственное поведение. Нечего и гадать, прервал нашу перепалку заместитель шерифа намеренно, чтобы не дать в пылу ссоры наговорить лишнего, и был абсолютно прав. Видимо, начальника своего он знает очень хорошо. Жаль, что не этот человек оказался приятелем Марга, иметь с ним дело было бы куда приятнее. Надо хотя бы узнать его имя...

— Скажите, Лавиния, как давно вы знаете Моррига Виста? — Похоже, шериф тоже сделал выводы из вмешательства своего зама, которые совпали с моими, и заговорил ровно и по-деловому.

— Я понятия не имею, о ком вы, — пожала плечами, кивком благодаря помощника шерифа за протянутую чашку. — Хотя нет, догадываюсь... Это мой покойный сосед, верно?

— Он самый. Хотите сказать, вы не были знакомы? Он вас узнал.

— Может быть, это его работа. Но я не знаю его и никогда не слышала этого имени. Впрочем, моя память наверняка еще не до конца восстановилась, и я могла где-то с ним пересекаться, но точно не знакома лично.

— Чего он хотел от вас? Шантажировал?

— Может быть, собирался, не знаю. Он хотел сообщить кому-то в столицу, что я здесь.

— И вы?..

— И я планировала предупредить об этом Марга, как только найду в этом городе место, где работает зеркальная линия. В конце концов, это была его идея — отправить меня сюда.

— В Клари не работает зеркальная линия, — возразил шериф.

— Это я знаю. Но он уверял меня, что откуда-то отсюда все же можно выйти на связь, и необязательно ехать для этого в Фонт. То есть связаться с городом не получится, но... Почему вы так странно на меня смотрите?

— Я полагаю, до Головы Чайки вы не дойдете, — сообщил мужчина, окинув меня выразительным оценивающим взглядом. — И уж точно не в таком виде.

— До какой Головы?.. — растерялась я.

— Чайка — это утес над морем, одна из вершин окружающего долину хребта, — пояснил Блак. — Не самая высокая гора и не самая крутая, но вряд ли столичная штучка вроде вас туда залезет. В ясную погоду на самой ее вершине, Голове, можно поймать зеркальную линию.

— Что, и все? Только там? — пробормотала я, пропустив мимо ушей «столичную штучку». Пренебрежение в словах шерифа, конечно, задело, но... По сути-то он прав, карабкаться в горы — это вообще последнее, что могло прийти мне в голову. Проще уж нанять машину в Фонт!

— Только там, — подтвердил мужчина. — Был тут один, высчитывал все, где передатчики можно поставить, так и не высчитал. Если прижмет, туда кого-то из мальчишек посылают, но не в такую погоду, сейчас смысла нет.

— И кто знает, что место для связи здесь всего одно и именно там?

— Все, кому это интересно, — отозвался Блак. — Вряд ли Марг мог не знать.

— Я ему это припомню, — тихо пробормотала я, мысленно выругавшись. Пока еще не знаю как, но бумажками этот человек не отделается! — Погодите, но как тогда собирался связываться со своим редактором этот журналист? А он явно собирался!

— Выясним, — расплывчато пообещал шериф. — Значит, вы утверждаете, что планировали сообщить об этом журналисте Маргу, и

только?

— А что еще я могла сделать? Если вы намекаете на убийство, то напрасно, мне не было смысла его убивать.

— С ваших слов, — уточнил мужчина. — Как и то, кто вы такая и зачем вы сюда приехали.

— Хотите сказать, письмо от Марга вы не нашли?

— Нашел. Но я не помню его почерка, — пожал плечами Блэк, не сводя с меня тяжелого взгляда.

Несколько секунд висела звенящая, напряженная тишина, а потом я снова вспыхнула:

— Знаете что!.. Если вы планируете голословно обвинять меня и дальше, можете вернуть в камеру. Все равно вам придется отправиться в Фонт и установить мою личность, раз уж у вас на руках два моих паспорта, а уж там мне и доступ к зеркалу предоставят, и внимание судейской коллегии. И вот тогда вы уже точно не сумеете отговориться этим нелепым «у вас на лбу не написано». А даже если попытаетесь задержать меня тут... Раз уж я не вышла на связь и не выйду в ближайшем будущем, через несколько дней здесь будет моя подруга, и будьте уверены, она все это так просто не оставит!

Выпала и запоздало осознала: нет никакой гарантии, что Ангелика действительно поднимет панику сразу. Когда Марг отправлял меня сюда, заведомо зная, что связаться с окружающим миром быстро не получится, он наверняка предусмотрел способ успокоить Лику и не позволить ей ломать планы.

А потом стало совсем уж не по себе. Вдруг возникла паническая мысль, что обо всех идеях Гитона Марга я знаю только с его слов и не могу с уверенностью утверждать, говорил он мне правду или нет. То есть не могу точно знать, с какой именно целью он сослал меня в это место, что написал своему сослуживцу и что планировал предпринять в действительности. И вообще-то большой вопрос, насколько я могу ему доверять!

Творец! И почему такая светлая мысль возникла в моей голове только теперь?..

— Не волнуйтесь, госпожа Шейс, вас никто всерьез не подозревает в убийстве. Дан?

Наверное, какие-то из этих мыслей отразились на моем лице, иначе почему бы заместитель шерифа решил вдруг меня поддержать?

— Не подозревает, — после неприятно долгой паузы все же подтвердил Блак. — Но у вас был конфликт с убитым.

— У меня был конфликт с половиной столицы! Предлагаете всех убить? — возмутилась я. — Впрочем, простите, я забыла, вы же сомневаетесь в моей личности! Ну так поезжайте в Фонт и проверьте, сколько можно?!

— Не орите так, — поморщился шериф. — Вы в суде себя так же ведете, судья Шейс?

Я задохнулась от возмущения, открыла рот, чтобы возразить... и медленно выдохнула, прикрыв глаза и спрятавшись за полупустой чашкой. Несколько секунд помолчала, пригубила остывший до самой удобной температуры кофе, пытаюсь взять себя в руки. Похоже, вот и она — повышенная эмоциональность, о которой предупреждал менталист.

— Нет. Только после... болезни, — пробормотала тихо. — Простите. А у убитого не только со мной был конфликт. Не удивлюсь, если в столице у него обнаружится скандальная репутация любителя чужого грязного белья. И вообще окажется, что он не гнушался шантажа. Да и сюда он ехал по какому-то делу, а меня хотел... разоблачить просто заодно, раз уж попалась под руку.

И я постаралась в подробностях припомнить все. И того мужчину, с которым журналист ругался в Фонте, и то, что сам Вист успел сказать в купе. Впрочем, много времени это все не заняло, и я сейчас жалела, что даже не попыталась подробнее расспросить попутчика о цели его поездки.

Когда Блак не пытался меня обвинять и не цеплялся попусту к словам, впечатление он производил гораздо более приятное. Во всяком случае, допрос вести явно умел, и под конец этого короткого делового разговора я даже сумела вспомнить, что все-таки слышала имя Виста. От Лики, причем исключительно как ругательство. Что-то она такое говорила про позор профессии, но в подробности я, конечно, не вдавалась. Очень хотелось посоветовать Блаку запросить информацию в столице, но рекомендации свои я оставила при себе: ну не совсем же он идиот, правда?

— Вот, прочитайте и распишитесь, если все верно. — Заместитель шерифа принес мне заполненный протокол, который успел незаметно составить, и обменял на опустевшую чашку.

Почерк у мужчины оказался идеальным — ровным, разборчивым, аккуратным. У меня так не получается, даже если стараюсь и пишу медленно, а он ведь успевал конспектировать во время разговора! По содержанию вопросов тоже не возникло — ничего лишнего, все на месте. Не знаю уж, как он успел, но явно чувствовался большой опыт. Шериф подмахнул бумагу не глядя.

— Я могу теперь забрать свои вещи? — спросила я наконец, так и не дождавшись комментариев по этому поводу, а выпотрошенная сумка продолжала сиротливо лежать на столе.

— Забирайте, — кивнул Блэк.

И под непонятными, но пристальными взглядами мужчин я с облегчением принялась собирать все вываленное обратно. Помощь никто не предложил, и это к лучшему: так помогут, что потом ничего не найдешь.

Поначалу даже порадовалась, что теперь у меня хотя бы есть деньги. Точную сумму наличных я, конечно, не помнила, но общий вид кошелька и его содержимого не возбуждал подозрений в краже. Однако по мере возвращения содержимого в бесчисленные кармашки мое самообладание все сильнее трещало по швам, а движения делались нервными, резкими.

Это оказалось демонски унизительно — вот так собирать вещи под задумчивыми взглядами мужчин. Личные, интимные даже предметы. Как будто меня саму раздели и пристально осмотрели со всех сторон, а теперь наконец милостиво разрешили одеться.

Умом я понимала, что эти двое — взрослые люди, и вряд ли у них, как у младшеклассников, вид женских гигиенических принадлежностей может вызвать бурную реакцию, они не такое видели и не за тем лезли в мою сумку. И, казалось бы, после всех событий последней квартиры пора бы уже отрастить толстую шкуру, но... Как же мерзко!

— Где вы планируете остановиться? — Голос шерифа заставил меня дернуться от неожиданности.

С ответом я так сразу не нашлась — просто не думала раньше над этим вопросом. Я же ехала к надежному человеку и была уверена, что уж с жильем проблем не возникнет. А теперь...

— Здесь есть приличные гостиницы? — спросила мрачно.

— Есть. Но номер вы заранее не заказывали? Вы всегда так путешествуете — в никуда? — с насмешкой спросил шериф.

И я снова не выдержала.

— Я ехала по рекомендации человека, которому всецело доверяла, — выцедила зло, вцепившись в висящую на плече сумку так, что пальцы свело. — И этот человек уверял меня, что со всем необходимым поможет его надежный товарищ. Очевидно, верила я ему совершенно напрасно, потому что, как вижу, врал он во всем, начиная с особенностей местного климата и связи и заканчивая надежностью его якобы товарищей. Мне, конечно, раньше следовало сделать выводы о целесообразности доверия людям как такового и уж точно не стоило соглашаться на поездку в эту творцом забытую дыру, гостеприимство которой оставляет желать лучшего. Если для вас назвать адрес — чрезмерное усилие, что ж, прекрасно, я спрошу кого-нибудь еще, надеюсь, где-нибудь в окрестностях найдется человек, способный на элементарную вежливость. Но перед этим я бы хотела получить свои вещи. Или хотя бы официальный документ об их изъятии в качестве улики с подробной описью.

В горле стоял колющий, горький комок, и я чувствовала, еще немного — и сорвусь или в крик, или в слезы.

Демоны бы побрали этих менталистов с их побочными эффектами...

— У вас что-то пропало? — мрачно спросил шериф, кивнув куда-то в сторону.

Я не сразу сообразила, о чем он, поэтому замешкалась.

— Я имею в виду те вещи, которые остались в вагоне. Я так понимаю, место происшествия вы еще не осматривали? Прекрасно. Значит, я поеду туда с вами.

— Вот еще посторонних на месте преступления мне не хватало! — проворчал Блак.

— Поскольку это мои вещи, я желаю, чтобы осмотр производился в моем присутствии. Имею право.

— Да уж, права вы свои явно знаете назубок. — Мужчина поморщился.

— А вы к этому явно не привыкли, да? С деревенскими-то проще, им что сказал — то они и выполняют, независимо от законности.

— Нечего вам там делать, вещи потом заберете. Ничего с вами до вечера не случится без них, — возразил он.

— Уже случилось. Может, для вас, конечно, нормально — декадами не менять одежду, а я к такому не привыкла и привыкать не намерена. Я уж не говорю о том, что со здешней «курортной» погодой чудо, что я до сих пор не заболела.

— Не знаю, какая из вас судья, но уже догадываюсь, за что вас дома хотят убить, — мрачно хмыкнул Блэк. — И начинаю жалеть, что у них это не получилось.

— Госпожа Шейс, — не дав мне ответить на оскорбительное высказывание, опять вмешался заместитель шерифа, — не могли бы вы подождать снаружи? Только внимательно осмотрите стул, если соберетесь сесть, он может быть в аварийном состоянии. Надо сделать пару звонков, а потом вы проедетесь с группой до станции и заодно взглянете, может, в купе чего-то будет недоставать.

— Благодарю, — сумела я все же выцедить и вышла. Даже дверью не хлопнула.

— Какого демона ты... — начал Адриан, когда женщина вышла и аккуратно закрыла за собой дверь.

— Она действительно имеет право присутствовать при осмотре собственных вещей, — отозвался Кириан, без труда догадавшись, что хотел высказать начальник. — Хочет — пусть едет, в чем проблема-то?

— До чего же вредная баба! — поднимаясь с места, проворчал шериф не то в ответ на вопрос, не то просто выражая негодование.

— Декада, — лаконично отозвался Клет, аккуратно сворачивая коврик.

— Что — декада?

— Или меньше, — окинув друга оценивающим взглядом, рассеянно добавил заместитель.

— Что — меньше? Кир?

— Я говорю, не пройдет декады, и либо вы с этой женщиной окажетесь в одной постели, либо кто-то кого-то посадит. Причем, скорее всего, — она тебя: за превышение полномочий и другие мелочи, на которые ты по привычке не обращаешь внимания. Но я бы все-таки поставил на постель.

— Тебя Грута укусила, что ли, что ты решил свахой поработать? — поморщился Адриан, обводя задумчивым взглядом кабинет. Открыл ближайшую дверцу шкафа, закрыл.

Аделия Грута была известной городской сплетницей и сводней. Бойкую женщину неопределенного возраста «от сорока до бесконечности» откровенно побаивался весь Клари, потому что ее предсказания относительно личной жизни сбывались вопреки всякой логике и здравому смыслу.

— Заметь, про свадьбу я ни слова не говорил, — возразил Кириан. — Но если тебя интересуют вводные, послужившие основой для такого вывода... Ты весь разговор так откровенно пялился на ее грудь, что даже мне было неловко. А поскольку женщины подобное замечают очень быстро, но она не попыталась двинуть тебе по морде или хотя бы призвать к порядку и вообще, кажется, не обратила внимания... — Он выразительно развел руками. — А что ты ищешь?

— Уже нашел, — отмахнулся Блак, вытаскивая с одной из полок непонятный темный сверток.

— Что это?

— Не важно. Группа где?

— Обещали ждать в фургоне, наверное, уже там.

— Надо пройтись по списку пассажиров, местных опросить, кто что видел. Сам или пошлешь кого — на твое усмотрение. Кроме госпожи Дхур, я к ней сам зайду, — после паузы решил он.

— Какое благородство, — с иронией прокомментировал Кириан. — Боишься, что старуха молодежь съест без соли?

— Нет, просто она вряд ли кому-то еще все расскажет. А она, даром что старая, идеальный свидетель, каждому бы такую наблюдательность и внимание к деталям. Надо еще сообщить пассажирам, что вечером они смогут забрать свои вещи из вагона, думаю, несколько часов нам на обыск хватит. Да, кстати, об обысках. Ты по контрабандистам...

— Отчет почти готов. А с судьей ты этой все-таки как-нибудь помягче, не рычи на нее так, ей без тебя несладко. — Как оказалось, рано Адриан расслабился, к прежней теме друг все-таки вернулся.

— Ты о чем?

— Ты правда, что ли, только ей на грудь пялился? — Кир вопросительно вскинул брови с явным недоверием в глазах. — Да ее

же чуть не трясло под конец, я так и думал — сейчас разрыдается. Ну и так, по совокупности... Ей явно здорово досталось, это же очевидно — и из той истории, которую тебе сослуживец написал, и по ее собственным оговоркам. Ну ладно она на взводе, но ты-то можешь не отвечать тем же?

— Ладно, мамочка, не ругайся, я буду хорошо себя вести, — отмахнулся Адриан и шагнул к выходу, разворачивая сверток, в котором Кир наконец опознал форменный плащ. Не полицейский, а армейский, из прошлой жизни, отлично знакомый по службе у Разлома.

И Кириан подумал, что пари все-таки стоило бы заключить, только не с самим Адрианом, чтобы не натворил глупостей. Потому что вкусы друга он прекрасно знал, и госпожа Шейс отвечала им от строгих туфель на каблуках до стриженной макушки. А все остальное поведение говорило только об одном: Адриан вспомнил вчерашнее, и ему за это стыдно, вот и рычит. Да и приглянулась она ему, но резкий характер все портил. Кир готов был поклясться: догадайся госпожа судья улыбнуться и напомнить, что она слабая беззащитная женщина, по-человечески попросив помощи, и могла бы брать шерифа голыми руками, а так... Нашла коса на камень.

Но озвучивать эти выводы он, конечно, не собирался. Зачем, если гораздо интереснее наблюдать за происходящим со стороны?

Глава шестая, в которой находят кое-что интересное

Заместитель шерифа с каждой минутой нравился мне все больше, жаль, я так и не выяснила, как его зовут. Не знаю, какой он следователь и насколько хороший человек, но психолог точно отменный. Во всяком случае, в коридор он меня выставил очень вовремя, потому что еще немного и...

Творец! Да когда же это закончится?! Я ведь даже в детстве плаксой не была, и сразу после сканирования мне совсем не хотелось реветь, хотя и было очень себя жаль. А тут... Наорала на человека, вывалила на него свои переживания, даром ему не нужные, еще минута — и точно разрыдалась бы. Хороша бы я была! Тоже мне, судья. Видел бы меня в этот момент кто-то из коллег! Или, хуже того, кто-то из врагов...

Представив последнее, я искренне ужаснулась. Пожалуй, зря я начала ругать Марга. Он хоть и жук, и подставил меня всерьез, но... Все-таки забраться в эту глушь было хорошей идеей. Здесь меня никто — теперь никто — не знает, и поведение мое не вызовет вопросов. Подумаешь, какая-то нервная особа! Мало ли таких в мире.

В общем, к тому моменту как Адриан Блак вышел из кабинета, я успела взять себя в руки и даже немного пожалеть, что отсюда не слышно, что происходит за дверью. То ли чары какие-то звукоизолирующие, то ли просто дверь толстая, то ли мужчины говорили слишком тихо. Хотя последнее сомнительно: шериф так басит, что даже его шепот должен был слышаться отлично.

— Возьмите. — Блак закрыл дверь и протянул мне какую-то большую черно-зеленую тряпку.

— Что это? — опешила я от такого поворота.

— Плащ.

— Спасибо, обойдусь. Мы едем?

Блак смерил меня странным немигающим взглядом, взмахнул своей тряпкой, то есть плащом, расправляя. Я запоздало попыталась отшатнуться, но мужчина оказался проворней, и мои плечи все-таки накрыла тяжелая холодная ткань. От плаща пахло странно — сыро,

слегка химически, горьковато-резко. Но, на удивление, неприятным запахом не показался. Мужчина стянул края плаща у меня на шее, набросил на голову огромный широкий капюшон.

— Что вы... — опомнилась я.

— Едем, — коротко обронил Блэк, развернулся и зашагал к выходу.

Пришлось почти бежать за ним, на ходу подбирая слишком длинный плащ, волочившийся по полу.

Наверное, раз уж начала показывать гордость, следовало бы стянуть плащ и попытаться вернуть его шерифу, но тут я придержала собственное недовольство. Гордость, конечно, иногда бесценное качество, но не когда она граничит с глупостью. А если я сниму плащ и начну совать его мужчине с требованием забрать обратно, то выглядеть это будет именно глупо. Потому что, готова поклясться, одежду он назад не примет.

Снаружи погода и не думала налаживаться. Налетевший шквал обдал нас водой, дернул полы плаща, но внутрь не забрался.

Признавать это тяжело и неприятно, но Блэк был совершенно прав.

— Передайте мою благодарность вашему заместителю, — попросила я, догнав широко шагающего шерифа сразу за выходом.

— Что? — нахмурился мужчина. Ему непогода, похоже, не доставляла никаких неудобств. На форме, что ли, артефакт пришит?

— За плащ. Это ведь он передал?

Блэк бросил на меня непонятный взгляд, помолчал пару секунд.

— Передам, — буркнул он.

Что это значит, я так и не поняла, а спросить не решилась. Да и не успела бы, потому что мы дошли до уже знакомой по вчерашней поездке машины, возле и внутри которой скучали несколько полицейских.

— Госпожа Раке? А что это вы с нами? — любопытствовал один из них, когда мы все разместились в салоне фургона. Завр — вспомнила я его фамилию.

— Опасается за свои вещи, — хмыкнул шериф, воспользовавшись моим замешательством, с ходу внятно объяснить, зачем я это делаю, не получилось.

— Ну это вы напрасно, — обиделся Завр. — У нас все аккуратно и не ворует никто.

— Я и не думала об этом, — поспешила заверить его. Ссориться со всей местной полицией глупо, достаточно мне одного шерифа. — Просто... — Я замялась, судорожно пытаюсь подобрать достойное оправдание.

— В детектива захотелось поиграть? — засмеялся один из них, тоже смутно знакомый. — Как в ваших книжках?

Я была готова искренне поблагодарить и даже расцеловать его за такую замечательную версию, которую безо всякого подтверждения с моей стороны охотно подхватили все трое, и даже знакомый по вчерашней поездке водитель поддержал смехом. Всяко лучше, чем признаваться, что сглупила и погорячилась. Только настороженно глянула на шерифа, который мог легко опровергнуть сказанное или придумать какую-нибудь гадость в своей обычной манере.

Однако Блэк помалкивал, задумчиво разглядывая меня с легкой усмешкой в уголках губ. Даже неожиданно. Правда, под таким его взглядом стало еще больше не по себе, чем вчера, когда шериф ругался. Потому что вчера он казался грубым и неотесанным болваном, а сейчас...

Чистый и в свежей форме, он уже не походил на пьяницу, но стал казаться еще более звероватым. Такое бывает с очень темноволосыми мужчинами: даже гладко выбритая, кожа на лице выглядит сизой, что придает откровенно разбойный вид. А уж вкупе с остальными чертами лица, слегка взъерошенными волосами и, конечно, цепким тяжелым взглядом его наружность откровенно пугала. Взгляд — особенно. Я как-то вдруг запоздало вспомнила, что передо мной не увалень-здоровяк, грозный только физической силой, но очень опытный и, что уж там, талантливый некромант, а значит, точно не дурак.

Остается надеяться, что он не станет мстить за несколько резких слов в свой адрес, сейчас-то вон не стал. Главное, забрать свои вещи и постараться больше с ним не сталкиваться.

С этой надежды мысли перескочили на другое. Железнодорожная платформа находилась вдалеке от города. Рассмотреть вчера в темноте я ничего, конечно, не могла, но в карту ради интереса заглядывала и не могла припомнить где-то поблизости какого-то жилья. Но тогда интересно, как вчера добирался домой шериф?

Перед глазами встал образ трусящего по улице косматого медведя, и я даже тряхнула головой, отгоняя яркую картинку. Нашла о чем думать! Остальные-то пассажиры как-то разъехались, вот и шерифа небось кто-то подвез. Да и не может он быть медведем на самом деле, потому что некромант, а одновременно быть перевертышем и владеть магией нашего лепестка невозможно.

Об этой особенности знает каждый ребенок: магия двух разных лепестков не смешивается, да и перемещается она из лепестка в лепесток очень неохотно. Например, если двое приезжих заведут ребенка, то он унаследует магию родителей через них, а вот дети смешанной крови почти всегда получают местную магию. У стихийных иногда случаются отклонения, когда в ребенке проявляется магия другой стихии, например, у огненного демора — вода или воздух, но никогда две сразу.

Под разговор о качестве детективной литературы, в который втянули и меня, дорога прошла незаметно.

Мужчины в своем отношении к подобным книжкам разделились на три характерные группы.

Завр, который с самого начала показался мне очень добродушным и мягким человеком, неведь зачем попавшим в полицию, придерживался дипломатичной точки зрения, что каждый выбирает книги себе по душе и, если он никому этим не вредит, — то какая разница, что читает?

Второй полицейский, пожилой лысый тип с вислыми усами, который и подкинул мне эту идею, читал исключительно серьезную, проверенную временем литературу или что-то нехудожественное, а к легкому чтиву относился со снисходительной насмешкой.

Ну а третий, которого я по понятным причинам сразу же невзлюбила, искренне считал все женские книжки по умолчанию глупыми и бессмысленными, а женщин — неспособными написать что-то приличное. С ним я изо всех сил старалась не ругаться, потому что бесполезно, но все равно не удержалась и несколько раз эмоционально высказалась...

Хорошо, что дорога оказалась не очень долгой.

А еще, наверное, хорошо, что в разговоре не участвовал Блак. Или, может, лучше бы участвовал?.. Тогда бы я, выслушав все, что думает этот человек о женских вообще и о моих умственных

способностях в частности, окончательно с ним разругалась и, может, не косилась бы настороженно, ожидая подвоха. Но шериф слушал спор молча, все так же неопределенно улыбался, то поглядывал на меня, то смотрел вперед, в лобовое стекло. Допускаю, что он вообще нас не слушал, но все равно под тяжелым взглядом делалось не по себе: я оказалась заложницей первого впечатления и теперь не могла отделаться от мысли, что за каждым моим движением следит опасный хищник, который только и ждет момента вырвать горло.

Творец! До чего все-таки... своеобразный мужчина.

От точки, где остановился автобус, до станции пришлось немного пройти. При свете дня и под низким серым небом выглядело это место весьма уныло: широченное полосатое полотно железнодорожных разъездов, справа — закрытые сейчас ворота, мостовой кран за ними и какие-то склады, впереди темнеют на фоне леса разномастные потертые вагоны. Влево убегают блестящие рельсы, на которые я покосилась с тоской. Чуть в стороне, тоже слева, небольшой сарайчик — кажется, он выполнял тут функции вокзала. Пассажирский вагон стоял ближе к нему.

Шериф, не обращая внимания на нас, зашагал к месту преступления. Завр вежливо предложил мне локоть, и пренебрегать опорой я в этот раз не стала: добродушный сержант нравился мне все больше. Да мне вообще все местные, похоже, нравились, кроме Адриана Блака. «Ну почти», — поправила я себя, бросив задумчивый взгляд на затылок идущего впереди полицейского, ругавшего мои любимые книги.

— А док опять опаздывает, — проворчал он, обращаясь к шагающему рядом вислоусому.

— Док не опаздывает, док задерживается, — возразил тот. — Не дай творец, Блесс сегодня опять «нырнул», мы его тогда вообще не дождемся.

— Да не должен, — вставил Завр. — Он вроде только вышел, теперь пару кварт проработает.

— Вы о чем? — не выдержала я.

— Да хирург из госпиталя, — смущенно пояснил сержант. — Он так-то хороший врач, но...

— Поддает он, — через плечо бросил прямолинейный старший. — Доктор Трас вообще-то живых резать права не имеет, он

же по трупам. Но когда Блесс «ныряет», а это обычно на декаду-полторы, больше его заменить некому. Лет пять назад наш хирург был толковым, а теперь... Люди предпочитают или к доку под нож, или уж до Фонта дотерпеть, даже когда Блесс трезвый.

— Какой ужас, — совершенно искренне посочувствовала я местным жителям.

— Док Трас — хороший врач, — вступился за него Завр. — Он раньше и был хирургом, говорят, вроде аж в столице, только ушел потом. Не то скандал случился, не то просто ему надоело с живыми...

— Тихо! — рявкнул шериф, за спиной у которого мы остановились.

Я дернулась от неожиданности и нервно поправила плащ, а мужчины осеклись.

Возвышавшийся в паре метров впереди вагон вот так, вблизи, смотрелся зловеще. Он выглядел мокрым, но вода не стекала по окнам, не срывалась струйками со специальных защитных козырьков; капли росчерками застыли на стеклах, а свежие струи дождя словно огибали синие железные стены. Сквозь черные окна не проглядывали желтые занавески, да и наверху откинутой лестницы, за приоткрытой дверью, словно притаилось что-то темное, жуткое. Я искренне порадовалась, что по-прежнему цепляюсь за локоть Завра и рядом, помимо него, еще трое спокойных, уверенных в себе мужчин. Потому что одна я бы к этому вагону точно не подошла.

Первый раз вижу предмет, полностью выключенный из потока, да еще такой большой и на открытом пространстве. Все же шериф — исключительно сильный маг...

Магия нашего лепестка совсем не похожа на бурную стихийную, она очень редко имеет внешние проявления. Менталисты при всем их могуществе совершенно незаметны, нейтралы — тем более. Выглядеть эффектно может только магия некромантов, когда кто-то из них призывает или изгоняет духа.

Духов призывают либо для разговора, либо для заключения в кристалл-накопитель или какой-то другой сосуд, то есть в качестве источников энергии. Очень могущественных источников, не чета стихийным. И духи бывают двух типов: разумные, сохранившие память прошедшей жизни, и... все остальные, дикие. И если первые, как люди, ведут себя очень по-разному и использование их в

технических целях строжайше запрещено и приравнивается к лишению свободы живого человека, то вторые — неизменно агрессивны, опасны и очень полезны. Хотя никто, честно говоря, до сих пор не знает, что вообще представляют собой последние. То есть вроде бы какие-то теории существуют, но я не слышала, чтобы какую-то из них сумели доказать и приняли как основную.

Большинство обывателей никогда не видели некромантов в деле. Я была бы в их числе, если бы не учеба: в университете нас учили допрашивать и духов, хотя, конечно, для студентов-нейтралов это больше теоретическое знание, которое вряд ли пригодится на практике.

Впрочем, теперь я уже сомневалась, что работа с духами — самая зрелищная часть этой магии. То, что делал сейчас Блак, впечатляло.

Вокруг неподвижной и словно бы расслабленной фигуры некроманта завивались ленты тумана. Я не могла сказать, возникли они постепенно, сгустившись из окружающей сырости, или уже такими плотными стекли с пальцев мужчины. И уж тем более не могла уверенно утверждать, сколько в том, что видится мне белесой дымкой, настоящей влаги и есть ли она там вообще.

С десяток секунд туманные плети ластились к ладоням некроманта, обвивали его ноги, делая похожим на утопающий в облаках утес. А потом медленно потекли к вагону, набирая силу, расходясь широким конусом, обретая плотность и густую молочную белизну.

Лавина ударилась о колеса вагона, но не остановилась — потекла вокруг и под него, поползла по стенам, карабкаясь все выше. В сплетении переменчивых линий чудились то оскаленные пасти, то кричащие лица, то мчащийся вперед табун лошадей.

За полминуты туман погреб под собой вагон до самой крыши и замер, как будто переваривая добычу. Чудилось, что сейчас он опадет — и не останется ничего, только пустые рельсы. Однако через несколько мгновений дымка начала таять под ударами дождевых капель, покрывалась норами и кавернами, щупальца ее скрючивались, съеживались. Уже через минуту последние клочья тумана остались только в темноте между рельсами — грязно-серые, словно остатки прошлогоднего весеннего снега.

Умытый туманом, вагон стал обычным, окна его прозрели, а по крыше забарабанил дождь. Но после таких «водных процедур» я окончательно пожалела, что навязалась в компанию к Блаку. Все-таки в Разлом эту следственную работу, я еще побарахтаюсь и попробую вернуться на свое место. Пусть ответственности больше, но мои нервы, похоже, окончательно привыкли тянуть именно ее, а не вот эти... новые впечатления.

Шериф в прежнем молчании, не оборачиваясь, зашагал к вагону. Мужчины спокойно последовали за ним, и мне ничего не оставалось, как продолжить опираться на локоть сержанта.

По крутой лестнице я забиралась последней. Завр протянул руку помощи, но мне просто не хватило бы ладоней ею воспользоваться: одной я держала полы длинного плаща, чтобы не наступить на них, второй крепко цеплялась за перила и добровольно выпустить их не рискнула бы.

Нет, все-таки я слишком привыкла к городу со всеми его удобствами. И терпеть не могу путешествия.

Внутри уже басил-Блак, отдавая приказы подчиненным, так что к тому моменту, как я подобралась к купе первого класса, двое полицейских уже прошли дальше по вагону, осматривать вещи остальных пассажиров, а Завр протиснулся мне навстречу и умчался за понятиями.

Шериф, стоявший в проходе купе, запнулся об меня взглядом.

— Почему вы гоняете именно его, а не рядового? — вырвалось само собой. Но это даже к лучшему, потому что вопрос был достаточно безобидным, и он явно отвлек Блака от каких-то кровожадных мыслей в мой адрес.

— Завр вызывает доверие, — неожиданно ответил мужчина.

— То есть?

— То есть он лучше находит общий язык с людьми, ему доверяют и помогают, — еще неожиданней пояснил Блак, опускаясь на корточки в проходе, чтобы внимательно разглядеть купе.

Так и хотелось спросить, в сравнении с кем лучше, уж не с самим ли шерифом, но я волевым усилием сдержалась. Ну что за детский сад, в самом деле? Сейчас Блак ведет себя на удивление спокойно и ровно, не насмехается и не пытается задеть, так надо воспользоваться шансом на примирение!

— Значит, когда вы вошли, свет не горел, — задумчиво пробормотал он. — Нашарили выключатель... Где вы стояли?

— Вот примерно там, где вы сейчас.

«Передняя ваша часть», — добавила про себя.

Блак покосился на выключатель, опять обвел взглядом купе — медленно, явно подмечая детали. Я стояла сбоку и совершенно не рвалась заглянуть внутрь, пока там лежал труп.

— Вам знакома эта вещь? — спросил шериф, поднимаясь. Он когда-то успел натянуть черные защитные перчатки и сейчас продемонстрировал мне висящий на мизинце брелок.

На короткой цепочке с кольцом болтался стеклянный шарик с парящим внутри островерхим зданием смутно знакомых очертаний. Я машинально протянула руку, чтобы взять вещь и рассмотреть, но сама же опомнилась и отдернула, не коснувшись стеклянной поверхности. Не стоит хвататься голыми руками за улики, на которых точно нет моих следов.

— Первый раз вижу, но здание внутри кажется смутно знакомым.

— Это Рассветная башня, одна из достопримечательностей Фонта, — просветил шериф.

— А-а, — со значением протянула я. — Нет, это точно не мое. Я не люблю такие безделушки.

— Слишком дешево? — Он насмешливо вскинул брови.

— Слишком бессмысленно, — ответила спокойно. — Их обычно привозят из поездок просто для галочки, без души и желания сделать приятно. Достаточно дешево, чтобы купить горсть, раздать едва знакомым людям и выкинуть из головы.

— Не любите сувениров?

— Не люблю лицемерия. Если уж привозить что-то кому-то из поездки — привозить то, что нужно и понравится именно ему, и выбирать персонально. А чем вас так заинтересовала эта безделушка? — поспешила я сменить тему: уж слишком личный оттенок начал принимать разговор.

— К ней был привязан пожиратель, прикончивший вашего соседа.

— Пожиратель? — переспросила я, инстинктивно качнувшись прочь от купе, но поспешила взять себя в руки.

— Не беспокойтесь, его здесь давно нет. Да и в реальном мире, подозреваю, уже тоже, — заверил некромант.

Насмешничать и высказываться по поводу моего страха не стал, и это немного смутило. Может, он правда решил пойти на мировую?..

— А разве они способны вот так... выпотрошить? — Голос под конец все-таки дрогнул.

— Еще как, — криво улыбнулся мужчина.

— И почему он тогда не сожрал весь вагон?

— Потому что вагон двигался, а пожиратель не успел обрести плоть. — Шериф пожал плечами. — Он был заключен в этот сосуд. Когда из него выполз... ну это еще предстоит выяснить, как и когда. У него было два желания: жрать и освободиться от остатков поводка. Накинулся на первое живое существо в поле досягаемости и, получив от него необходимую энергию, разорвал привязь и только после этого воплотился. И обнаружил себя посреди дорожного полотна.

— В каком смысле?

— Поезд движется, сосуд лежит внутри. Когда дух привязан к сосуду, он движется вместе со своим вместилищем. Нет привязки — лети своим ходом за поездом. Ну а поскольку пожиратель не только агрессивен, но еще и непроходимо туп, догадаться это сделать он не мог.

— То есть где-то по горам шастает эта голодная тварь?

— Проверить стоит, но маловероятно, он в воплощенном виде без дополнительной подпитки долго не просуществует, а там места пустынные, тем более среди ночи. Вот если бы поезд стоял — тогда было бы весело, да, одним покойником не обошлось бы.

Меня передернуло от этого «весело», но высказываться вслух я не стала. Некроманты — он и почти все такие, тут уже не в конкретном господине Блаке дело. Но это и понятно: те, кто работает со смертью, всегда относятся к ней спокойнее, чем рядовые обыватели.

Пожиратели — это одни из самых мерзких потусторонних тварей. Впрочем, немерзких тварей среди этих существ исчезающе мало. До того как люди с ними столкнулись, считалось, что полностью уничтожить душу невозможно. Люди этого не могут до сих пор, а вот такие сущности — вполне.

Мне в судебной практике довелось вести единственное дело, в котором была замешана подобная тварь, еще о паре слышала от коллег. Использовать подобную сущность как орудие убийства — очень заманчиво, потому что с гарантией лишает следствие главного

свидетеля, покойника, который хоть и не способен указать на организатора, но уж всяко в красках вспомнит, с кем у него были конфликты. Погибшие насильственной смертью, как правило, очень жаждут покарать убийцу.

Однако с пожирателями рискуют связываться очень немногие. По одной простой причине: контролировать эту тварь невозможно. Она нападает на первую подходящую жертву, оказавшуюся в поле досягаемости, после чего переключается на следующую, и остановить это существо под силу только хорошему некроманту.

Впрочем, если его не окажется поблизости, тварь все равно долго не протянет: пожиратель исключительно, запредельно туп, он просто не способен вовремя остановиться. Поэтому, разорвав пару десятков жертв, он просто лопается от переизбытка энергии, устраивая мощный взрыв. Кажется, когда мы еще воевали с Зеленым лепестком, их пытались использовать как орудие для диверсий.

— Лавиния, это ваш чемодан? — окликнул меня вновь опустившийся на корточки шериф, закончив манипуляции с объемной разновидностью аурографа, предназначенной для считывания энергетического фона помещения.

— Где? — спросила, не трогаясь с места.

— Здесь, на кровати, — насмешливо отозвался мужчина.

— Мой — маленький, голубого цвета. На колесиках, — не поддалась я.

— Ну... учитывая, что второй — черный, выходит, этот — ваш. — Блак опять искоса глянул на меня.

— Погодите, как «на кровати»? — опомнилась я. — Он же был внизу, под койкой! И я его не доставала...

— Значит, осмотреть его решил ваш сосед, — предположил мужчина. — Может, именно за это и заплатился...

— Что вы имеете в виду?

— Судя по всему, пожиратель набросился на него в тот момент, когда он открыл ваш чемодан, или немного погодя. Навести пожирателя на конкретную цель невозможно, поэтому вполне может быть, что сосуд подбросили вам. И убить тоже пытались вас.

— Неужели вы уже не думаете, будто я могла его прикончить за то, что полез в мои вещи?

Блак сначала поднял на меня взгляд, усмехнулся. Опять встал, навис, разглядывая с гастрономическим интересом. Я ответила упрямым взглядом в глаза, нечего показывать этому хищнику свой страх. Ухмылка шерифа стала шире, глаза как-то странно сверкнули — словно собственным, не отраженным, блеском.

— Морально, может, и смогли бы, технически — вряд ли.

— И почему так изменилось ваше мнение за пару часов?

— Я не понял, вам настолько понравилось в изоляторе, что не терпится туда вернуться? — со смешком спросил некромант.

От такого закономерного щелчка по носу я немного стушевалась, но не отступила:

— Я хочу понять, чего от вас ждать. То вы меня обвиняете во всех грехах творения, то просто рычите, теперь вот, наоборот, уверяете, будто покушаться могли на меня. Может, уже определитесь?

— А вам как больше нравится? — глумливо уточнил шериф.

— Держаться от вас подальше!

— Тогда какого же демона вы в меня вцепились клещом? — Он насмешливо вскинул брови.

От продолжения разговора меня спас грохот шагов в тамбуре и голос Завра:

— Капитан, я привел понятых!

— Наконец-то, — отозвался Блак. — Пройдите, не мешайте, — велел мне.

Упираться не стала: молча и не глядя в купе миновала открытую дверь, протиснувшись мимо некроманта так, чтобы случайно его не коснуться, и остановилась в метре дальше по коридору, у двери в купе второго класса.

Понятыми оказались, судя по ярко-красным робам и черным рукам, работники железной дороги. Да оно и понятно, кого тут еще отыщешь в такую погоду! Один взглянул на место происшествия мельком и отшатнулся, побледнев, второй оказался заметно крепче: обвел взглядом, сделал отвращающий жест, но остановился так, чтобы все видеть.

Блак одобрительно кивнул и взялся за обыск основательно. А я отвернулась к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и прикрыла глаза. Чувствовала себя в этот момент круглой дурой и законченной истеричкой.

Вот зачем я напросилась с шерифом? Ну не думала ведь в самом деле, что он станет что-то мне подбрасывать, красть или с маниакальным видом рыться в нижнем белье?!

И зачем цепляюсь к нему? Ведь первая же сейчас начала, а Блак был вполне вежлив и сдержан, насмешничать начал только после того, как я сама его к этому вынудила. Да, вчера он повел себя некрасиво, и сцена в кабинете возмутила меня до глубины души, но... Ведь ничего такого уж ужасного он не сотворил. Да и утром я сама старательно провоцировала конфликт. А некромант рычал, скалился, да, только не укусил ни разу, даже в шутку...

Тьфу, ну вот опять! Что же я так прицепилась к его сходству с животным, а?

Неужели настолько боюсь? Я всегда, сколько себя помню, от страха только больше лезла на рожон. Наверное, если бы умела драться, то и с кулаками бы кидалась на обидчика. Впрочем, это, если вспомнить детство, ни разу мне и не пригодилось бы: те сверстники и ребята постарше, которые пытались меня задирать, обычно тушевались от неожиданной реакции, а после и сами предпочитали не связываться. С возрастом, конечно, научилась отвечать спокойно, да и... почему-то никакие угрозы «найти, достать, порезать от уха до уха» никогда всерьез не трогали, даже когда звучали очень иносказательно от спокойных и вежливых мужчин в элегантных костюмах.

Как будто в детство вернулась. То слезы, теперь вот ершистость эта... Точно ведь последствия сканирования. Творец! Когда это закончится?! И закончится ли вообще с такой заменой отдыху, прописанному менталистом?..

Глава седьмая, в которой жизнь начинает налаживаться

Никаких полезных находок Адриан от обыска остального вагона не ждал, так и получилось. Если убийце хватило наглости связаться с пожирателем и ловкости обставить все так, что эту тварь даже не услышали за пределами купе первого класса, вряд ли он мог оставить при себе какие-то значимые улики.

А по меньшей мере одна такая когда-то существовала: сосуд, в котором переносили духа. Хлипкая безделушка, купленная в неизвестном ларьке, не могла удержать сущность достаточно долго и достаточно крепко, значит, пересадили ее туда уже в поезде из более надежного вместилища. Но оно наверняка валяется где-то под откосом вдоль дороги или кануло в пропасть. Причем расспрашивать об открытых окнах бессмысленно, потому что есть окно в туалете и там свидетелей не окажется с гарантией.

К сожалению, для пересадки пожирателя не требовался дар некроманта, существовал десяток простых способов: дух сам рвался ослабить режим заключения. Это затолкать его обратно нужна сила и опыт, а ту г... Оставалась слабая надежда, что более внимательный анализ брелока поможет установить способ, которым воспользовался убийца, и это даст зацепку.

По-хорошему, все это следовало сделать вчера и отпустить пассажиров с миром и личными вещами, но изменять прошлое Блэк не умел. А теперь предстояло как-то вернуть чемоданы хозяевам, да еще проследить, чтобы ничего не пропало и не поменяло владельца.

— Судя по степени окоченения, мертв часа три-четыре, — бодро сообщил Вистон Трас, невыразительной наружности, но заметных талантов мужчина средних лет. — Имею в виду, до того момента, как ты все это... законсервировал. — Он неопределенно взмахнул рукой в защитной перчатке. — Точнее скажу после вскрытия. От чего именно умер, от травм или от иссушения души, вот так с ходу не отвечу, но попробую установить, задачка любопытная. Впрочем, разница

небольшая, оба повреждения наверняка нанес пожиратель, так что тебе такие тонкости неинтересны. Жрали его лежащего. Вероятнее всего, мужчина стоял в проходе, потом то ли отшатнулся, то ли упал на койку, ну и... уже не встал. Да это ты и сам, думаю, понял.

— Понял. Почему он не кричал?

— Ты это у меня спрашиваешь? — Доктор отвлекся от осмотра и поднял насмешливый взгляд на шерифа.

Сквозь толстые линзы энергетических очков, слабо светящихся зеленым, глаза его казались огромными и словно нарисованными на этих самых стеклах. Забавный оптический эффект, не больше; для того, кто их носил, очки ничего не увеличивали, просто позволяли видеть магию. Адриан знал об этом только в теории: как сильному некроманту ему такие вещицы даже в руки давать не стоило, пользоваться ими без вреда для артефакта могли только нейтралы.

— Если у тебя есть этому объяснение — то у тебя, — невозмутимо пожал плечами некромант. — Вдруг он резко онемел? Или его парализовало?

Доктор Трас несколько раз задумчиво моргнул очками и опять вернулся к осмотру трупа.

— Я проверю дыхательные пути и кровь. Но вряд ли, ищи другие объяснения.

— Вит, я тебе рассказываю, с какого конца трупы потрошить надо? — мрачно спросил шериф. — Вот и ты не учи меня работать.

— Подумать только, какой нежный и трепетный! — фыркнул Вистон, которого ворчание некроманта не беспокоило. — Ладно, все, этого можно забирать на опыты. Есть у тебя пара крепких парней? Я на труповозке, но один.

Парни, конечно, нашлись, но с выносом тела пришлось повозиться. Повезло только в одном — оно еще не до конца окоченело, так что под собственный тихий мат и угрожающий рык шерифа полицейские сумели упаковать труп в мешок и выволочь наружу, позволив Адриану продолжить осмотр уже без фонащего смертью тела. Те следы, которые могли затоптать, он к этому моменту уже снял, а теперь следовало более внимательно изучить остальное.

И начал он с лежащего на койке чемодана госпожи Шейс, в котором, впрочем, не нашлось ничего не только предосудительного, но вообще интересного. Блузки, юбки, ботинки в отдельной матерчатой

сумке. Еще несколько тощих плоских мешочков. В один Адриан заглянул в полном недоумении — он понятия не имел, что можно в таких перевозить, — и пару секунд озадаченно разглядывал аккуратно сложенное кружевное женское белье, терзаемый одним вопросом: зачем? В смысле не белье зачем, а упаковка такая. Потом опомнился и оглянулся на дверь, морально готовый отбивать нападки нервной госпожи Шейс, но возмущенной женщины в проходе не обнаружилось, так что он поспешил вернуть вещь на место.

Еще в чемодане нашлось четыре книги, все те же женские детективы. Правда, что ли, ей так хотелось поучаствовать в живом расследовании?..

Собственно, на этом все. На удивление скромный багаж для такой женщины, Адриан ожидал куда большего.

— Лавиния! — позвал он.

Госпожа судья появилась на пороге через несколько секунд, когда некромант успел задаться вопросом, не ушла ли она куда-нибудь, устав ждать. Плаща на женщине не было, но куда тот делся, Адриан спрашивать не стал.

— Да? — спросила ровно, чуть хмурясь.

— Посмотрите, ничего из вещей не пропало? Или, может, появилось? — попросил он, по возможности потеснившись. Купе было просторнее соседних, но все равно поместиться в проходе вдвоем было трудно, особенно с габаритами некроманта.

Госпожа Шейс молча подошла к чемодану, склонилась и принялась перебирать вещи. Через пару секунд шериф поймал себя на том, что не следит, как стоило бы, за процедурой осмотра, а неотрывно пялится на выразительные округлости женской фигуры, очень волнующе очерченные узкой синей юбкой. Провокационная поза только дополнительно к этому располагала, и Адриан искренне пожалел, что не освободил купе.

Но тут же рассудительно возразил себе, что ничего эдакого он не делает и почему бы не полюбоваться, если есть на что? В конце концов, дама и правда полностью в его вкусе: и глазищи яркие — такие, что ух! — словно прямо в душу заглядывают, и фигура женственная, округлая, и посмотреть есть на что, и подержаться. Рука буквально чешется и сама тянется легонько шлепнуть, или аккуратно сжать, или и то и другое...

Впрочем, нет, вот об этом лучше не думать, а то настроение становится совсем уж нерабочим.

— А? — очнулся Адриан. — Вы что-то сказали?

— Говорю, все на месте, ничего не пропало. — Лавиния выпрямилась и обернулась. — И не добавилось. Я могу забрать вещи?

— Да. — Шериф волевым усилием взял себя в руки. — Но подождите до завершения осмотра, чтобы не таскать туда-сюда. К тому же не пойдете же вы с ними пешком.

— А есть какие-то варианты? — озадачилась она.

— Мы вас отвезем.

От такого простого и, казалось бы, очевидного ответа женщина заметно смешалась, как-то странно выгнула брови, отчего выражение лица сделалось детским и беспомощным. Но тут же опять посерьезнела, слегка нахмурилась и, вдруг опустив взгляд, проговорила:

— Шериф, я...

— Адриан.

Она коротко кивнула, неглубоко вздохнула и заговорила снова:

— Адриан, я должна извиниться за свое поведение сегодня. То есть если бы вы вчера не начали... Не важно, — одернула себя Лавиния и еще больше нахмурилась. — Это никак не оправдывает моего собственного поведения. Сложно контролировать эмоции, менталист об этом предупреждал, — пробормотала она совсем уж тихо, себе под нос.

— Менталист? — Блэк, конечно, расслышал.

— Последствия ментального сканирования, — нехотя пояснила женщина.

Адриан растерянно вскинул брови, не зная, что сказать. Ни про какое сканирование Гитон Марг ему не писал — не то не посчитал нужным, не то счел вмешательством в личную жизнь, но некромант примерно догадался, в какой момент жизни и как это произошло с госпожой судьей.

Однако развивать тему он не стал, вряд ли женщине приятно все это вспоминать. Самым разумным показалось ответить на предыдущие ее слова.

— Все хорошо, — серьезно кивнул Блэк. — И вы правы, я вчера действительно... Не в себе был. И тоже прошу прощения.

— Мир? — неуверенно предложила Лавиния, протягивая руку.

— Мир, — согласился он.

Посмотрел на неловко повисшую в воздухе ладонь, потом на свою — и принялся аккуратно стаскивать защитную перчатку. Женщина бросила на него неуверенный виноватый взгляд, понимая, что со своим жестом она тут очень некстати, но извиняться и идти на попятную оказалось уже поздно.

Миниатюрной Лавиния себя никогда не считала и не ощущала, но рядом с этим мужчиной получала множество новых впечатлений. Во всяком случае, когда он подчеркнуто аккуратно сжал ее пальцы, почувствовала себя пугающе хрупкой, да и руку словно сунула медведю в пасть. Дрессированному и сытому. Пока...

— Вам холодно? — хмуро спросил Блак, выпуская ее ладонь.

— Что? — растерянно переспросила Лавиния.

— Руки холодные.

— А, нет, это у меня почти всегда так. Здесь тепло, я же вот даже плащ сняла. Кстати, я могу забрать пальто? — Женщина кивнула на одежду, висящую на плечиках у двери.

— Да, но после окончания осмотра, — кивнул шериф, опять аккуратно натягивая перчатку.

Вообще-то обычно их не берегли и считали если не одноразовыми, то близко к тому. Но по мнению артефакторов, создававших подобные вещицы, пользовались ими люди гораздо более средней комплекции, чем Адриан Блак, а типы его пропорций попросту не существовали. Поэтому приходилось заказывать для себя персонально, да и оплачивать из собственного кармана, хочешь или нет — приучишься экономить.

Адриан опять приступил к работе, и Лавиния вышла в коридор, чтобы не мешаться. Впрочем, почти сразу пришлось вернуться.

— Скажите, вы видели раньше эту вещь?

Папка была самой обыкновенной — на завязках, из плотного темно-красного картона и довольно потертой. С первого взгляда ее сложно было заметить, частично прикрытую залитым кровью одеялом.

— Не уверена, она неприметная. А что там внутри?

— Какие-то записки и газетные вырезки, весьма много. — Адриан продемонстрировал перечисленное и отложил папку на небольшой столик под окном. — Ладно, это надо внимательно изучать.

Госпожа судья так и осталась стоять в проходе, наблюдая за осторожными и неторопливыми движениями некроманта. Чувствовала она себя после объяснения очень глупо и неловко: как и следовало ожидать, при ближайшем рассмотрении шериф оказался совсем не таким ужасным, как казался издалека. Но женщина все равно никак не могла отделаться от ощущения жертвы под взглядом хищника. И хотя умом понимала, что никакого вреда он не причинит, хотел бы — уже сделал бы, спокойствия это не добавляло.

Адриан тем временем с недовольным видом прибавил к папке толстую книгу «История Разлома». Если газетные вырезки он еще мог осилить самостоятельно, то здоровенный том точно предстояло изучать Киру. К этой своей проблеме Блэк давно уже привык и не видел особой трагедии при нынешнем уровне развития звукозаписи, часто способной заменить книги, но иногда — раздражало. Вот как сейчас. Кириану он, конечно, всецело доверял, но собрать в голове цельную картину так было сложнее.

«Историю Разлома» эту Адриан прежде не читал, но слышал хорошие отзывы. Интересно, зачем она понадобилась журналисту, если он действительно журналист?

Но думать предстояло потом, а пока мужчина сдвинул лежащий на койке чемодан госпожи Шейс, освобождая место, и взялся уже за вещи убитого. Записная книжка в стопку к книге, деньги, документы, смена одежды...

Довольно странная смена. Часть — явно очень дорогая, из хорошего материала, в основном брюки. Часть, особенно рубашки и нижнее белье, — дешевка низкого качества. Есть вещи совсем новые, есть со следами починки. Чем бы этот тип ни зарабатывал на жизнь, постоянством его доходы не отличались. Правда, ничего интересного там больше не обнаружилось.

А вот добравшись до верхней одежды, висевшей справа и слева от двери в изножье коек, Адриан опять обнаружил кое-что интересное: темные потеки на рукаве бежевого женского пальто, и это явно была не кровь. Может, окажись они на одежде покойного, шериф и внимания на них не обратил бы, но со сложившимся образом госпожи Шейс такая небрежность не сочеталась и сильно бросалась в глаза.

— Лавиния, вы знаете, что это? — спросил он, снимая пальто вместе с вешалкой и демонстрируя женщине рукав.

— Вот же... — тихо пробормотала та и потянулась пощупать пятно, но Адриан на всякий случай отдернул одежду. Хозяйка опомнилась и подняла взгляд на шерифа, качнула головой: — Нет, понятия не имею, откуда это. Но пока мы гуляли по Фонту — точно не было, я бы заметила.

— Уверены? — на всякий случай уточнил Адриан. — Может, с крыши вагона что-то капнуло, когда заходили?

— Уверена, — решительно подтвердила она. — Я... в общем, это пальто — мое любимое, и я бы точно заметила, если бы куда-то вляпалась. Может, не сразу, но когда вешала — определенно.

— Тогда у меня плохие новости: я не могу его вернуть, пока не выяснится, что это.

— Этот человек пил чай, может, от него? — неуверенно предположила Лавиния. Расставаться с одеждой явно не хотелось.

— Чай ваш сосед пил почти сразу после отъезда из Фонта, пятно уже давно бы высохло и как минимум посветлело. Да и по виду не похоже, слишком темное, — пояснил Адриан, принюхиваясь к ткани. Но пахло от нее только духами госпожи Шейс, и то едва уловимо, — легкими, свежими, ненавязчивыми. Очень приятными.

— Да и если вернете его потом, носить станет невозможно, — печально вздохнула Лавиния, тоскливым взглядом провожая пальто в недра объемистой сумки, где исчезали все прочие улики.

— Почему? — озадачился Адриан.

— Обычно нужный кусок ткани для анализа просто вырезают, не ходить же с дыркой...

— Обычно, но не всегда ведь. Полагаю, Вистон согласится пойти навстречу и обойдется с вашей одеждой аккуратно, — сказал мужчина.

— Спасибо. А мне придется еще на некоторое время лишиться вашего заместителя плаща. Передавайте ему мои извинения...

— Во-первых, это мой плащ. А во-вторых, носите сколько потребуется, — ответил Блэк, упаковывая улику.

— Извините, — смущенно пробормотала Лавиния, но шериф на это отвечать не стал.

— Отойдите, пожалуйста, — попросил он.

Женщина, опомнившись, вышла, давая возможность некроманту продолжить осмотр.

Никаких потеков на стене и на полу рядом с пальто Адриан не заметил, но добросовестно взял пробы.

— Вы думаете, эти следы имеют какое-то значение? — не выдержала Лавиния.

— Понятия не имею, — честно признался шериф. — Но они есть, и они довольно свежие. И мы пока не знаем, как именно обеззвучили комнату. А вариантов два: либо зелья, либо артефакты, потому что никаких уроженцев других лепестков в вагоне не было, менталистов тоже, а некромантское воздействие я бы заметил. Так, а где там понятые вообще? — запоздало опомнился Адриан, и обыск продолжился.

Меня окончательно оттеснили от купе двое рабочих и полицейский с планшетом, куда он спешно записывал под диктовку начальства протокол осмотра. Отстранение подумалось, что с таким подходом и с такими понятыми Блак при желании мог «найти» на месте происшествия что угодно. И зря я ругала свое везение: окажись шериф действительно плохим, недобросовестным и мстительным человеком, давно вернулась бы в камеру с официально предъявленным обвинением.

В вагоне группа провела несколько часов, и когда обыск наконец закончили, оставив одного дежурить и раздавать вещи владельцам, остальные высыпали на улицу с равным облегчением. Понятые, тихо ругая между собой полицейских, не дающих работать, потрусили к складам.

Я обратно к фургону шла уже немного в другой компании, рядом с шерифом, не рискуя, впрочем, за него цепляться, — творец знает, какотреагирует! Да и не так уж мне требовалась опора: заполучив свои вещи, я первым делом переобулась, а в ботинках было гораздо удобнее.

Для разнообразия мысли мои занимали вопросы простые и безобидные, а главное, уже не очень мрачные. Во-первых, я никак не могла определиться, как быть с верхней одеждой и нужно ли искать магазин или потерпеть несколько дней. А во-вторых, поглядывала на свой чемодан, который сейчас без малейшего усилия нес шериф, и понимала, что не такой уж он большой, и зря я переживала, и надо

было взять побольше... Чемодан, имею в виду, не шериф. Тогда бы в него поместился плащ, и не пришлось бы сейчас думать.

За прошедшие несколько часов погода наконец улучшилась. Ветер все еще пытался вырвать полы накидки из рук и забраться под юбку, но зато закончился дождь, облака стали выше и кое-где пестрели голубыми прорехами. Все это вполне отвечало моему настроению: до сих пор жизнь была сера и угрюма, но, кажется, наметился просвет. Забавное совпадение.

— Скажите, Адриан, а вы планируете отыскать того... черного человека? — спросила я в порядке поддержания светской беседы.

— Которого?

— Ну, с которым покойный ругался в Фонте.

Шериф неопределенно повел плечом, потряхнул головой, но потом все же ответил словами:

— Не вижу смысла.

— То есть как?

— В поезде его не было? Не было. Поэтому убить он совершенно точно не мог.

— Почему? Подкинул этот брелок на вокзале, и все.

— Даже если и так, даже если убийца подготовился и пересадил пожирателя в брелок прямо перед отбытием поезда, тем более вы упоминали, что Морриг Вист едва не опоздал, это все равно не может быть он. Или уж как минимум он действовал не один, а с сообщником. Кто-то же обеззвучил купе. Конечно, если док найдет на трупе что-нибудь вроде следов отложенного ментального воздействия или какого-нибудь хитрого зелья, это опять бросит подозрение на того черного типа. Но начинать все равно надо не с него.

— Что вы имеете в виду?

— Просто так заявиться в привокзальное кафе и пытаться искать некоего мужчину в черном, даже не зная его лица — а вы ведь его не видели и проводница тоже, — гиблое дело. Да и возле вагона перед отправкой никто не терся. Конечно, стоит выяснить, почему покойный чуть не опоздал на поезд и где перед этим был, — не исключено, что встречался с убийцей. Только вряд ли нам так повезет, что кто-то их запомнил. Для начала попробуем выйти на него, отталкиваясь от личности убитого. А бегать по вокзалу и искать непонятно кого...

— Да, я понимаю. Извините, мне просто любопытно.

— Я так и подумал, — усмехнулся шериф. А потом наклонился и подобрал длинный хвост моего плаща, помогая забраться в фургон.

Внутри некромант тоже сел рядом, причем не вплотную, оставив некоторое пространство для маневра, мне или себе — не важно, но в этот момент я стала немножко меньше его бояться. Так, глядишь, еще несколько часов общения, и начну наконец реагировать на него нормально.

Клари при свете дня и в хорошую погоду оказался симпатичным городком. Фургон ехал по его улицам, словно качаясь на волнах, — дорога то поднималась вверх, то стекала вниз, прихотливо извивалась и огибала крошечные площади с круговым движением. Каменные дома в два-три этажа где-то лепились друг к другу, а где-то стояли свободно, разделенные палисадниками. Нарядные, покрытые цветной штукатуркой, с орнаментом из выступающих некрашенных камней или кирпичей, под черепичными крышами. Легкая обшарпанность и небрежность облика удивительно им шла и город совсем не портила.

Сначала мы остановились у огромного, по местным меркам, белого четырехэтажного здания казенного вида, но при этом не лишнего изящества, которое придавали округлые арки над окнами и обычные для местной архитектуры бортики из выступающих камней. От дороги его отделяла низкая кованая ограда и живая изгородь. Здесь выскочил только Завр, зато не с пустыми руками — прихватил сумку с уликами. Ждать его возвращения не стали.

Видимо, любопытство на моем лице было написано настолько крупными и четкими буквами, что Блак ответил, не дожидаясь вопросов.

— Это госпиталь, — кивнул он в сторону здания. — Государственная лаборатория в городе одна, там чаще всего для больницы анализ проводят, ну и для нас экспертизу, если что. И морг тоже один, тут же.

— Да, и патологоанатом один, он же хирург, — не удержалась я от смешка.

— Да, и эксперт — тоже он.

— Когда он все успевает? — Я уважительно качнула головой.

— Этого никто не знает. Но ходят слухи, что он одержим каким-то древним духом и потому такой энергичный, — охотно поддержал разговор оставшийся полицейский, чьего имени я так до сих пор и не

знала. — И лаборанты у него только для отвода глаз, а всю работу делают ночами духи.

— Звучит заманчиво, — заметила я. — Интересно, а к уборке они пригодны? Я бы тогда домой одного одолжила...

— Вы зря иронизируете, — неожиданно поддержал подчиненного некромант. — Как минимум один дух в подчинении у Траса есть.

— Но это же незаконно, — растерялась я.

— Он доброволец, из застрывших.

Застрывшими некроманты называли тех, кого официально именовали «разумными духами стихийного воплощения», — души людей, по каким-то причинам задержавшиеся в нашем мире и сохранившие прижизненную личность. Их положение было закреплено юридически, и к таким духам во многом относились как к живым людям. То есть владеть собственностью или, например, вступать в брак они по понятным причинам не могли, но развоплощение души без ее согласия приравнялось к убийству (хотя доказать это было сложно, но некроманты сами редко на такое шли, суеверно считая очень дурным делом, за которое мстили другие духи), нарушение ею закона каралось по тяжести преступления, а показания в суде учитывались наряду с показаниями обычных людей.

Довольно редкое явление, но не настолько, чтобы считать его уникальным. В моей практике таких дел было несколько, и лучше всего запомнилось, конечно, то, где главным свидетелем обвинения по делу об убийстве выступал сам покойный. Причем поначалу он еще и врал напропалую, пытаясь оговорить совсем не того, кто действительно совершил преступление.

Фургон притормозил возле дома в три этажа с деревянными ставнями на окнах, кажется, до сих пор используемыми по назначению.

— Гостевой дом Клари, — представил Блэк, ставя мой чемодан на светлую брусчатку. — Вас проводить?

— Спасибо, не нужно, — поспешила заверить. — Не хочу тратить ваше время, у вас вон одних допросов на несколько дней. До свидания. Спасибо большое, что подвезли!

— До скорой встречи, — как-то странно усмехнулся шериф, и я заспешила к тяжелой деревянной двери с большой блестящей ручкой.

Чемодан на стыках брусчатки весело подпрыгивал и жутко громыхал, заставляя меня нервно морщиться. Хорошо хоть идти недалеко!

К счастью, дверь только выглядела тяжелой, но поддавалась легко, почти без усилия. Кажется, за это стоило благодарить специальный артефакт, облегчавший посетителям жизнь. Мелодично тренькнул колокольчик.

Внутри, в небольшом холле, оказалось почти пусто. Деревянная стойка, напротив нее низкий диванчик, вот и все. Приятно пахло старым деревом, а фантазия тут же нарисовала уютный номер с широкой кроватью со столбиками. И, конечно, отдельной ванной комнатой. Творец, как же я хочу в ванну...

— Добрый день. Чем могу быть полезен? — выглянул из-за стойки скучающий полноватый мужчина неопределенного возраста.

— Здравствуйте! Я бы хотела снять номер.

— Номер зарезервирован? — вопросительно выгнул он темные густые брови, очень странно смотревшиеся на светлом лице при светлых глазах и полном отсутствии других волос на черепе.

— Нет, я...

— В таком случае прошу прощения, но я ничем не могу помочь. Свободных номеров нет.

— Совсем? — после пары секунд молчания все-таки задала я этот дурацкий и нелепый уточняющий вопрос, который так раздражает всех, кто работает с людьми.

— Боюсь, что так. — Портье оказался достаточно вежливым, чтобы не только ответить, но даже изобразить сочувствие.

— А другие гостиницы в городе есть? — спросила без особой надежды.

— Есть еще две, но я бы не советовал вам тратить на это время, — ответил он и расщедрился на объяснения: — В «Тихой гавани» вы наверняка встретите ту же ситуацию, что у нас: номера для приезжающих служащих зарезервировал завод, у них там какое-то собрание или большая проверка и прибыло очень много людей. А в «Родном гнезде» если и есть номера, то вам они вряд ли понравятся.

— Почему?

— Здание ветхое, там нет воды и сервис, боюсь, оставляет желать лучшего, — развел руками мужчина. — Прежний хозяин умер, а его

сын — весьма посредственный управленец. Они уже за гранью разорения.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Возможно, вам стоит обратиться в «Огонек», это бар неподалеку, — предложил портье. — Повернете направо и прямо по улице, он будет на этой же стороне.

— Зачем? — спросила мрачно. Потому что мысли по этому поводу возникли... Но мне кажется, этот мужчина слишком хорошо воспитан, чтобы всерьез предлагать какие-нибудь гадости.

— Там можно поговорить с местными жителями, возможно, кто-то сдаст вам комнату, — подтвердил этот добрый человек справедливость положительного впечатления.

— Спасибо. Хорошего дня!

— Надеюсь, вам улыбнется удача.

Да, я тоже на это надеялась. Но верила слабо.

Путаясь в длиннющих полах плаща и волоча за собой стучащий колесиками чемодан, на улицу я буквально вывалилась. Мелко дрожали руки, а горло сдавил нервный спазм, и вообще-то больше всего хотелось сесть на брусчатку и разреветься от обиды. Но я мысленно обругала себя тряпкой и истеричкой, напомнила, что ничего по-настоящему ужасного не случилось: у меня есть цель и хороший шанс все-таки найти жилье. Хотя бы на несколько дней, а там, может, шериф все-таки поймает убийцу и я смогу вернуться домой. Пусть и Блэк оказался не так ужасен, и Клари довольно милый, но... нет, хватит! На погребальном костре я видала такой отпуск!

Надо только что-то сделать с этим плащом, а то я или сама в нем запутаюсь и упаду, или им за что-то зацеплюсь и порву чужую вещь. И тоже упаду.

— Номеров нет?

Я так увлеклась борьбой с одеждой, что прозвучавший почти над головой знакомый низкий голос показался громом среди ясного неба и заставил подпрыгнуть от неожиданности.

— Что?.. Шериф? А вы как тут... — начала я и осеклась, обнаружив полицейский фургон на том же самом месте. — Вы что, знали, что номеров нет?

— Знал, — не стал отрицать он и спокойно подобрал мой чемодан.

— Но почему не сказали? — Я так растерялась, что даже возмутиться как следует не сумела.

— Вы бы все равно не поверили и пошли проверять. — Мужчина пожал плечами.

В фургон я лезла молча, потому что крыть было нечем. Действительно, некромант прав, вряд ли бы я... Нет, не то чтобы решила, будто он меня обманывает, но понадеялась бы на чудо.

— Портье сказал, что тут рядом есть какое-то заведение, называется «Огонек», и там можно договориться с кем-то из местных о найме жилья.

— Нечего вам там делать, — поморщился Блак, который забрался в фургон следом и остановился на верхней ступеньке сказать что-то водителю.

— Но...

— Капитан правильно говорит, — неожиданно поддержал шерифа подчиненный. — Местные — неплохие люди, но днем в баре вы вряд ли встретите кого-нибудь стоящего. В серьезные неприятности вряд ли попадете, да только хорошего вам в тех разговорах будет мало. Ну, сами понимаете, там в основном забулдыги, бывшие рыбаки, а тут вы — молодая красивая женщина... — Он слегка смутился, а я наконец поняла, о чем речь.

На несколько мгновений прикрыла глаза, справляясь со вновь взбурлившими эмоциями. Да что же это такое, а? Вчера я явно держалась лучше. Настолько устала, что ли?..

— И что мне делать? — пробормотала, скорее размышляя вслух, чем действительно спрашивая совета.

— Сейчас приедем в одно тихое место, отдохнете до вечера. А там решим, куда вас поселить, — сообщил шериф.

— Спасибо, — только и смогла ответить ему. И закусила щеку изнутри, боясь раскиснуть окончательно, потому что в глазах подозрительно щипало.

«Тихим местом» оказался небольшой домик, отгороженный от улицы невысокой живой изгородью и лужайкой. Два этажа под несимметричной пологой двускатной крышей и, кажется, чердак. Зеленые ставни, зеленая крыша, на окнах первого этажа — длинные горшки с плетистыми растениями с красно-розовыми цветами, их

названия я не знала. Соседние дома стояли далеко, отделенные какими-то деревьями. Кажется, плодовыми.

К низкому крыльцу вела дорожка, выложенная крупными плоскими камнями. Я с любопытством оглядывалась, гадая, что это за место. Пока Блак, подойдя к двери, не начал открывать ее своим ключом.

— Это ваш дом? — спросила растерянно.

— Не волнуйтесь, тут вас никто не побеспокоит, — заверил шериф.

— Мр-ря! — раздалось из-за двери приветственное.

— Хм. Никто из людей, — поправился он. — Я не подумал. Как вы относитесь к животным? У вас нет аллергии?

— Положительно отношусь, аллергии нет, но... — Войдя следом за хозяином в прихожую, я запнулась, наблюдая, как выписывает у него под ногами восьмерки пушистая рыжая кошка. А через пару секунд к ней присоединилась еще одна, серая с полосками — здоровенная, раза в два больше первой. Она прибежала откуда-то сбоку, задрав хвост знаком вопроса.

— Но? — подбодрил шериф, поднимаясь по лестнице.

Рыжая переключилась на меня — ткнулась носом в полу плаща, чихнула. Опомившись, я подобрала одежду и поспешила за хозяином дома.

— Но это неожиданно. Они не попытаются меня выжить? Говорят, животные ревнивы.

— Которая рыжая, Гайка, грозна только тем, что может прийти спать к вам на голову, она очень ручная. Серую зовут Кактус, и если вы не мышь и не крыса, бояться нечего. Вакса... черная такая, она вообще людей презирает, так что, если не станете хватать ее на руки, она вас тоже не тронет. Вот, здесь гостевая комната. — Блак поставил чемодан за порогом. — Ванная — вон та дверь. Можете спокойно пользоваться всем, что найдете в доме. Если соберетесь на чердак — осторожно, лестница крутая и там пыльно.

— И никаких закрытых тайных комнат? — не удержалась я.

— В каком смысле?

— Сказки вспомнила, — смутилась я. — Там всегда так. Делай что хочешь, главное, не открывай особую дверь...

— Увы, — почти серьезно посетовал некромант. — Хотя одно предупреждение будет: кошек не кормить, как бы ни кланчили. В чудовищ они от этого не превратятся, им просто вредно. Ну и из дома не выходите, но не потому, что это запрещено. Просто я не помню, где запасные ключи, а дверь захлопывается. А впрочем, есть еще задняя, если что — выходите через нее, та без ключа не закрывается. Там небольшой сад и скамейка под навесом, уютно. — За это время мы успели спуститься вниз, к входной двери, и заканчивал свою инструкцию некромант уже на пороге.

— Спасибо. Адриан, я...

— Отдыхайте, вечером поговорим, — ответил он и вышел, предварительно отодвинув от двери рыжую кошку, которая явно не рвалась гулять, а словно пыталась удержать от этого хозяина.

И я осталась одна в доме грозного некроманта. Только бояться его теперь стало откровенно стыдно.

Глава восьмая, в которой шерифу не нравятся улики

Конечно, любопытство не позволило мне уйти в ванную, отодвинув мечты о ней на второй план. Повесив плащ в прихожей, я отправилась на разведку в сопровождении двух кошек, с интересом озираясь в поисках третьей.

Дом действительно оказался небольшим. В прямоугольной прихожей, помимо крутой лестницы на второй этаж, было четыре двери: та, что прямо, вела в кладовую и оттуда в подвал, который меня не заинтересовал, под лестницей втиснулся туалет с умывальником. Левая дверь открывалась в кухню, правая — в гостиную, занимавшую основную часть первого этажа. Эти два помещения в глубине дома, за лестницей, соединялись открытой аркой, возле которой имелась и обещанная задняя дверь, ведущая в сад.

Наверху я ожидала обнаружить кабинет или что-то вроде, но там была только ванная и три спальни: хозяйская — побольше, и две гостевых, явно пустующих. А на чердак, как и в подвал, я не полезла — мое любопытство так далеко не распространялось.

Осмотр дома, даже такой поверхностный, не просто позволил, а буквально заставил изменить мнение о некроманте.

Грубоватый огромный мужчина изначально представлялся эдаким солдафоном и... ну да, медведем, живущим в берлоге. Обычно холостые мужчины — во всяком случае, те, кого я знала, — не заботятся об уюте в доме, это больше женское стремление. Но это утверждение явно не подходило к Адриану Блаку.

Некромант жил один, ничто не указывало на наличие в его жизни постоянной женщины. Однако возле дома имелся ухоженный сад, в доме — цветы в горшках и прочие уютные мелочи вроде подушек на диване в гостиной, в кухне — полный хранильник, причем полный совсем не консервов и прочих «быстрых» продуктов. Я даже всерьез засомневалась, кто все-таки был владельцем комнатных растений в кабинете.

Неужели шериф все это делает сам? Готовит, убирает, следит за садом? Но когда?!

Впрочем, вряд ли в Клари так уж часто случаются серьезные преступления, наверняка в основном здесь довольно тихо и начальник местной полиции вполне может найти время на ведение хозяйства. Вот где ему найти желание на то же самое — вопрос гораздо более серьезный, только перед Блаком он, похоже, не стоял.

Комната, куда некромант принес мои вещи, оказалась очень симпатичной, светлой и уютной, несмотря на откровенно застоявшийся сыроватый воздух нежилого помещения. Старый, немного скрипучий паркет, голубые с бронзой обои, двойные шторы. Большой платяной шкаф, комод и кровать из некрашеного дерева со столбиками, под цветной накидкой. Квадратный стол в углу, стул с высокой спинкой и широкое окно с видом на сад. Все даже лучше, чем я представляла на пороге гостиницы.

Конечно, шериф обещал вечером решить вопрос и придумать, куда меня поселить, то есть это временная мера, но... интересно, будет очень бессовестно с моей стороны попроситься к нему на постой после всего? По-моему, я смертельно устала метаться.

Творец! Я правда всерьез обдумываю этот вариант?!

Тряхнув головой в попытке отогнать эти мысли, твердо пообещала себе решать проблемы по мере их появления. А раз меня пока оставили отдыхать и позволили чувствовать себя как дома, то начать стоило с воплощения мечты: ванны. Завалюсь туда часа на три с книгой, и да начнется наконец отдых!

Первым делом я, конечно, полезла в свой багаж за некоторыми необходимыми вещами вроде халата. Он, правда, был достаточно легкомысленным, я совершенно не ожидала им воспользоваться и положила с остальными вещами просто потому, что попался под руку среди белья и занимал мало места. Еще я запоздало сообразила, что не взяла никакой домашней обуви, но на это оставалось только махнуть рукой: в доме достаточно тепло, полы деревянные, уж как-нибудь обойдусь.

Пока копалась в сумке, выискивая умудрившуюся затеряться расческу и умывальные принадлежности, пару раз в руку ткнулся стеклянный бок пузырька. Я машинально его отодвигала, потом решила вытащить, чтобы не мешал... и замерла.

— Творец, в кого я такая дура?! — пробормотала риторически.

— Мр-ма? — предположила разговорчивая рыжая, тараща на меня большие желтые глаза.

— Иначе не скажешь, — проворчала в ответ и пошла на кухню, приводить в порядок собственные мозги.

Ну вот как, как я могла забыть про таблетки? А потом еще удивлялась, чего я такая нервная и пару дней назад чувствовала себя лучше... Конечно, чувствовала! Потому что именно вчера я с этой пересадкой в Фонте благополучно забыла про лекарства, а менталист честно предупредил, что без них будет гораздо хуже. Вот оно, пожалуйста, обещанное «хуже» во всей красе!

Кошки таскались за мной по дому как привязанные. Вернее, «за» таскалась серая со странным именем, а рыжая путалась под ногами с такой увлеченностью, как будто смыслом ее кошачьей жизни было ронять попадающих на охраняемую территорию двуногих. Интересно, как часто ей удастся опрокинуть хозяина? Или тот привык и с ним подобный фокус не проходит?

В итоге из кухни я поднималась, держа Гайку на руках, против чего та на удивление совершенно не возражала. Наоборот, настырно лезла в лицо, норовя его облизать, и громко тарахтела от удовольствия.

Сопровождали они меня и в ванную. Причем поначалу я попыталась оставить зверей за порогом, но рыжая истошно орала, и слушать это не хватило сил и терпения, так что пришлось делить водные процедуры с ними. При этом Кактус невозмутимо свернулась клубочком в раковине, а Гайка уселась на краю ванны. Третью, черную, я за все время хождения по дому так ни разу и не встретила.

Непередаваемое блаженство — наконец-то погрузиться в горячую воду и расслабиться. Конечно, никаких дополнительных удовольствий вроде ароматной пены или масла у хозяина не нашлось, но это уже мелочи. Главное — наконец избавиться от неприятных ощущений на коже после нескольких дней в поезде.

Немного полежав без движения, я все-таки взялась за книгу, но с ней не заладилось — никак не удавалось сосредоточиться на истории. То ли стоило благодарить за это ванну, то ли лекарство уже подействовало, но мысли успокоились и перестали судорожно метаться вокруг моих собственных эмоций, после чего предсказуемо свернули к вещам более серьезным: к убийству.

Я запоздало осознала слова шерифа о том, что пожирателя нельзя натравить и совсем не факт, что прикончить собирались именно журналиста. Конечно, здравый смысл подсказывал, что вероятность этого невелика: да, Марг предупреждал о чем-то подобном, но вряд ли таинственный недоброжелатель успел бы так быстро отличить подделку и нагнать меня в Фонте, да еще подготовить такой трудный способ убийства.

Впрочем, вот тут я не уверена. Интересно, насколько сложно достать именно такого духа? А то, может, у убийцы их целая коллекция...

Ладно, в любом случае повода для паники пока нет. Даже если этот журналист успел сообщить кому-то, что видел меня в Фонте, все равно вычислить нужный поезд никто бы не успел, и убили наверняка того, кого собирались.

Успокоив себя, я прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить какие-нибудь детали вчерашнего дня, которые могли бы быть полезны: черного человека, слова убитого, пассажиров и каких-нибудь праздношатающихся у вагона. Но увы, моя наблюдательность оставляет желать лучшего: еще один аргумент за то, что хорошего следователя бы из меня не вышло. Все, что я смогла вспомнить, — это ожидавших отправки пассажиров, и то лишь потому, что внимательно разглядывала их, гадая о типах защитных артефактов.

Только уже запрыгивая обратно в фургон, Адриан подумал, что стоило бы задержаться дома, раз его туда занесло, и нормально поесть, но махнул рукой. Потерпит до вечера, зато гостя отдохнет и, может, немного успокоится. В этот раз он и без подсказки друга заметил, что женщина на грани истерики, вот и стоит отойти от нее подальше. А кошки в этом деле куда лучшие помощники, чем он сам: что-что, а успокаивать плачущих женщин некромант не любил, не умел и учиться не стремился. Никакой растерянности или трепета, впрочем, не испытывал, равно как и злости, воспринимал как дурную погоду или иную досадную неприятность, от него не зависящую. И старался по возможности избегать.

— Хороша штучка, — разбавил тишину Дорк. — С норовом. Так держать! — Он насмешливо подмигнул.

— Узнаю про тотализатор — пожалеете, — спокойно ответил Блак.

— Какой тотализатор? — убедительно изобразил удивление сержант.

— Любой.

На этом разговор прервался уже хотя бы потому, что фургон приткнулся на пустую стоянку возле участка.

Заместителя в кабинете не оказалось, наверное, пошел допрашивать свидетелей. Адриан грохнул на его стол книгу убитого, поколебавшись пару секунд, положил сверху записную книжку, а себе взял папку с газетными вырезками. Здравый смысл подсказывал, что все самое интересное, объясняющее приезд журналиста, будет именно там. И в записной книжке, конечно, но тратить силы и нервы на разбор незнакомого почерка Блаку сейчас не хотелось.

Подборка бумаг в папке... мягко говоря, настораживала и не радовала, особенно вкупе со способом убийства. Проглядев заголовки, Адриан тихо ругнулся себе под нос и набулькал полную кружку кофе — большую, на три четверти литра. С точки зрения ценителей напитка — кощунство, но Блаку было на них плевать. Он вообще не любил кофе, но эта горькая черная жижа хорошо прочищала мозги.

Желто-серые вырезки из разных газет со всех сторон освещали единственное событие двадцатилетней давности: появление последнего зарегистрированного одержимого. Случай общеизвестный, произошел на памяти Адриана, и они разбирали его на занятиях, но за давностью лет, конечно, детали забылись. Гораздо лучше помнилось, как мать переживала, что ему придется с этим всем столкнуться, — некромант же, а тут такие ужасы.

Вселение духов в тела живых людей было не слишком уж редким и чаще всего не заканчивалось ничем серьезным. Долго удержаться в живом теле духи не могли при всем старании, собственная душа так или иначе вытесняла интервента. Вероятность того, что этого не произойдет, была ничтожно мала, и обычно подобное происходило при добровольном согласии живого, которому такой обитатель не причинял особого вреда. Изгнать его было легче легкого, несмотря на то что в прежние времена таких людей боялись. И не только их.

Раньше одержимыми называли людей, творящих под воздействием духов всякие страшные вещи. Никто за давностью лет,

конечно, не мог точно сказать, действительно ли там участвовали духи или проблема была в собственной психике, но с появлением Разлома старая сказка обрела новое, по-настоящему жуткое лицо.

Тело человека, которым управляло... нечто. Нечто достаточно разумное, чтобы успешно скрываться и ускользать от некромантов. Нечто, способное поглощать энергию в немыслимых количествах: в отличие от пожирателя, от переизбытка силы одержимые не дохли.

Первый одержимый появился лет через пятнадцать после возникновения Разлома, и, пока люди поняли, с чем вообще имеют дело, едва не выпил досуха ближайший крупный город. Двоих следующих удалось уничтожить ценой меньших жертв — некроманты хоть немного были готовы к появлению этого существа. Последнего, о явлении которого повествовали вырезки, двадцать лет назад поймали на удивление быстро, он не успел убить и сотни несчастных. Последней жертвой стал некромант Дионас Бург, уничтоживший тварь ценой собственной жизни.

Читал Блак медленно. Для человека деятельного эта собственная медлительность была сложным испытанием, но за годы он приноровился. Старательно проговаривал слова про себя, делал паузу после каждого предложения, проверяя, дошел ли смысл прочитанного до сознания, и если нет — перечитывал заново. Газетные заметки в этом смысле были для некроманта почти благословением Творца: хороший стиль, простая речь, недлинные предложения, отсутствие сложных витиеватых конструкций. Так что читал их Адриан почти бегло, если сравнивать с какими-нибудь указами и законами.

Вырезки начинались со статьи об артефакторе Алоисе Мане, который стал сосудом и, соответственно, первой жертвой. Служившие у Разлома некроманты сами обеспечивали собственный быт, но не всё и не всегда они могли сделать самостоятельно, кое для каких работ приходилось звать специалиста, чтобы хотя бы указал место неисправности и проинструктировал, что с ней делать. Алоис Ман был из числа таких специалистов. Доподлинно неизвестно, в какой момент и как он подцепил пассажира, но большинство журналистов и экспертов сходились во мнении, что произошло это где-то в дороге, на обратном пути.

Больше всего рассказов было о жертвах: сотня человек, широкий простор для всевозможной пишущей братии. В основном трагические,

хорошо написанные истории, так любимые обывателями, жаждущими пощекотать себе нервы. Попалось несколько плохих копий протоколов вскрытия и допросов душ убитых, но ничего вразумительного или интересного, на взгляд Адриана, в них не содержалось.

По мнению убитого журналиста, похоже, тоже, потому что во всех этих вырезках были подчеркнуты только места и даты смерти. Пришлось, ругаясь и костеря Разлом с его духами, искать подробную карту того региона, крепить к доске на стене поверх карты Клари, доставать большую лупу и, беспрестанно матерясь, искать населенные пункты. Чтение карт давалось некроманту еще сложнее, чем рукописный текст.

Постепенно лист покрылся криво торчащими во все стороны булавками. Воткнув последнюю, Адриан отошел, зажмурился, потер глаза, пытаясь дать им отдых. Хотя он и понимал, что дело совсем не в глазах, но массаж этот на удивление облегчал состояние. Немного отдохнув, Блак наконец критически взглянул на дело рук своих и озадаченно присвистнул.

Жертвы явственно отмечали путь одержимого. Условную прямую линию вдоль Разлома.

Аномалия эта расположилась в гористой местности. Именно там брал свое начало Ржавый хребет, который тянулся вдоль всего Белого лепестка, на дальней его оконечности отрезал Клари от Фонта и обрывался в море. Но одержимый двигался в другую сторону, в совсем уж дикие места у основания лепестка. Там Разлом упирался в Границу — пространственный шов между лепестком и Сердцевиной.

Покойный Морриг Вист мог быть хоть самым неприятным человеком во всем мире, но наблюдение сделал интересное: подобное поведение одержимого не укладывалось в обычную логику этих существ. Опрометчиво, конечно, выводить статистику из четырех случаев, но тем не менее первые три отличались от этого. Одержимые, как любые потусторонние твари, рвались в толпу, туда, где больше людей, больше пищи, а здесь... Мелкие не городки — поселки, в основном шахтерские, где он не задерживался. Более-менее крупный населенный пункт — Фелет, где и закончился его путь.

Что понадобилось в тех краях одержимому? Очень интересный вопрос.

Надеялся перебраться в Сердцевину? Навряд ли. За пределами Белого лепестка духи теряли свою силу и очень быстро таяли, не в состоянии питаться — черпать энергию из потока, чуждого им, и поглощать силу живых существ. Это разумные сочетали в себе все силы и могли использовать собственные таланты по всему миру, а стихийные порождения, к которым относились и потусторонние сущности, за пределами родных лепестков не выживали. Особенно крупные и сильные.

Хотел что-то сделать с Границей или Разломом? Хотеть он мог что угодно, вот только Граница неподвластна силам смертных, а Разлом... Возможно, конечно, но совершенно непонятно, что именно. Дух хотел позвать друзей? Обеспечить им свободный проход в мир смертных? Теоретически неопределенно, звучит грозно и грандиозно, самое то для газетного заголовка. Но то, о чем громко кричат с первой полосы, обычно отражает действительность очень криво и преувеличенно. А на самом деле... Да творец знает, за каким демоном понесло одержимого в те края!

И в те ли — или цель его лежала где-то ближе, не доходя до края лепестка. Вот только ничего примечательного на этом пути Адриан не видел: все те же редкие черные точки поселений, попавших на карту только благодаря ее крупному масштабу. Какие-то названия казались смутно знакомыми, но скорее за счет банальности и повторяемости. Сам Блак служил на другом конце Разлома, поэтому эту местность не знал.

Но главное, Клари лежал на противоположном от вероятной цели одержимого конце лепестка, и какое отношение имел к той давней истории родной город, Адриан пока даже теоретически не мог предположить.

Постояв минут десять у карты, глядя сквозь нее, некромант встряхнулся и пошел читать дальше.

А дальше закономерно шла история уничтожения одержимого. Трогательный рассказ о жизни обыкновенного парня Дионаса Бурга, молодого некроманта всего второго года службы и, без всяких шуток и оговорок, настоящего героя.

В газетах этого не было, да никто и не стал бы разглашать подробности, а вот его будущим коллегам, осваивающим собственный дар, очень подробно описали, как именно Бург уничтожил опасную

сущность. Просто потому, что любой из них мог оказаться на его месте.

Некромантия и менталистика — это фактически две стороны одной медали, просто первые работают с душами мертвых, а вторые — с душами живых. Работать на границе двух состояний, в момент умирания, способны маги обоих направлений. Оба могут подтолкнуть замершие чаши весов в нужном направлении, но есть одна принципиальная разница: если к смерти подтолкнет менталист, дух, скорее всего, не найдет покоя, застрянет в мире, а если некромант — отправится на перерождение быстрее, чем это случается в естественных условиях.

Подтолкнуть за грань сытого, нахапавшего чужой энергии духа, занявшего здоровое сильное тело, неопытный и не очень сильный Дионас Бург не мог. Но в тот момент, когда порождение Разлома присосалось к нему, некромант толкнул за грань свою душу, и та, благодаря прочной энергетической связи, утащила за собой и паразита, и остатки души несчастного артефактора.

Теоретически далеко не самый сложный фокус, требующий, однако, точности, аккуратности и концентрации. Адриану, к счастью, подобного делать не приходилось, иначе шерифом в Клари служил бы кто-то другой, но он, видевший вблизи множество порождений Разлома, мог представить, какое мужество и сила воли необходимы для этого. Для того чтобы сосредоточенно думать над тем, как убить врага, когда потусторонняя тварь жрет тебя заживо. А на оценку ситуации и принятие решения у Дионаса была всего пара секунд.

Для них, бывших всего на три года моложе Бурга, он стал примером для подражания. Каждый был уверен, что на месте того некроманта поступит так же, и даже вполне искренне хотел на нем оказаться. О том, что это смерть, никто из них совершенно не думал. И уж конечно пропускали мимо ушей то, что наставники старательно вдалбливали в их горячие головы: что подвиг и самопожертвование — это, безусловно, достойно восхищения и уважения, но их дело — как раз подобного не допускать. Тщательно выполнять свой долг, быть внимательными и собранными, чтобы кому-то из товарищей — рядом, на соседнем участке или в городе — не пришлось жертвовать собой.

Это потом уже стало ясно, насколько правы были наставники, когда голова вблизи Разлома очистилась от восторженных глупостей, а

на смену им пришла ответственность и осознанность.

Отвлеченный воспоминаниями, эту часть бумаг Адриан изучал особенно долго. Встряхнулся, только когда в руки попала копия докладной записки капитана участка, где служил погибший некромант, с подробностями расследования происшествия.

— Ишь ты, какой пронырливый писака, — пробормотал Блэк себе под нос.

Документ был не то чтобы секретным, но для служебного пользования, и случайным людям, особенно журналистам, в руки его так просто не давали. Интересно, как и где он достал эту бумажку?

Никаких сомнений и двойственных толкований записка не допускала. Все коротко, по существу и почти так, как им рассказывали во время учебы. Да и какие разночтения, если у трагедии была куча свидетелей, тела опознали, а шлейф смертей прервался?

Последней в папке оказалась пара страниц, вырванных из какой-то книги, — кроме номеров, на них, увы, не было никаких обозначений. Книгу Адриан не опознал, а вчитавшись, понял, что вообще не подозревал о ее существовании, хотя с удовольствием ознакомился бы с полной версией.

Это были мемуары. Действительные или вымышленные — неизвестно, но написанные от первого лица — адъютанта персоны знаковой и более чем неоднозначной, генерала Этеона Отока. Некроманта легендарной силы, командовавшего второй армией в ту последнюю войну Белого и Зеленого лепестков, которая окончилась с появлением Разлома. Тогда же закончилась жизнь и половины личного состава гой самой армии.

Тот период, пусть и сравнительно недавний, был окружен мрачными легендами и противоречивыми слухами. Никто доподлинно не знал, что тогда приключилось и как возник Разлом, а если знал правду и имел доказательства — помалкивал. Вину за трагедию возложили на Отока, а оправдаться тот не мог.

Отношение самого Блэка к этой персоне и этим событиям за всю жизнь менялось трижды. Сначала, в детстве на уроках истории, он верил в официальную версию. Потом заинтересовался и, уже обучаясь в спецшколе для некромантов, переменил мнение на строго противоположное — неофициальное, но тоже очень популярное. Часть даже весьма маститых историков считали Отока жертвой интриг

высшего командования и тогдашнего парламента, которому харизматичный, по отзывам современников, генерал, талантливый оратор и любимец народа, стоял поперек горла: если бы война за приграничные земли с их богатыми золотоносными жилами окончилась победой, он вполне мог на волне народной любви подняться на самый верх и взять власть в свои руки, скинув парламент.

Сейчас, с высоты накопленного жизненного опыта, Адриан считал обе эти версии слишком категоричными и идеалистичными и занимал позицию где-то посередине, склоняясь к тому, что Оток действительно лелеял мысли о власти и в трагедии виноват он, но вряд ли происшествие было делом лично его рук и его собственной инициативой, он наверняка следовал приказу свыше. А потом те, кто этот приказ отдал, узрев результат, поспешили отмежеваться и подчистить следы. Не просто же так через полгода после трагедии главнокомандующий, который отдавал Отоку приказы, скоростижно скончался якобы от старой болезни, но почему-то был сожжен без всякого публичного прощания.

Блак никогда не слышал, что человек, прошедший половину войны рядом с генералом, выжил и больше того — умудрился оставить мемуары. Интересно все-таки, что это? Оригинал? Фальсификация? Или просто художественный вымысел, о чем автор добросовестно предупредил где-нибудь в предисловии?

Впрочем, в последнем случае вряд ли подобный текст мог кого-то всерьез заинтересовать. Литературной ценности он не имел, стилистически был коряв и беден, да и угол зрения на трагедию для художественного вымысла оказался неожиданным и слишком скучным. Писатель бы скорее выбрал образ чудом выжившего свидетеля катастрофы, а этот текст был написан от лица человека, которого отослали с поручением. С каким, очевидно, упоминалось раньше, потому что в отрывке фигурировал «пакет» без пояснений.

Многословно, прыгая с одного на другое, адъютант строил предположения о повлекших катастрофу событиях. Он упоминал некий ритуал, который должен был провести его командир в связке с несколькими боевыми магами, тем самым призвав на помощь армии духов, и предполагал, что ошибка в его составлении или проведении и вызвала появление Разлома. Адриан только досадливо морщился, медленно вчитываясь в ровные строчки и пытаясь в словах нейтрала,

знакомого с магией постольку-поскольку, найти подсказку, что именно и как планировал сотворить генерал, но понятнее не становилось.

К тому же Блак с иронией сознавал, что понимает в той истории гораздо больше, чем автор этих строк. Без всяких свидетельских показаний было очевидно, что некроманты провели какой-то грандиозный ритуал и прорвали ткань реальности. Причем явно не один Оток: как бы он ни был силен, а вызвать такие разрушения в одиночку человек неспособен. Кроме того, сейчас уже вполне достоверно было установлено, что соседи как раз тогда нанесли по позициям белых сокрушительный удар, и наверняка именно в этом — в наложении сил — заключалась причина катастрофы. Блак даже предполагал, что место и время проведения-ритуала соседям слил кто-то из своих, иначе объяснить такую точность не получалось.

Пожалуй, все, что Адриан мог вынести полезного из этого обрывка, — точное местоположение ставки командования и, соответственно, место проведения ритуала. Такие сведения ему прежде не попадались, историки по этому поводу спорили, и разница выходила в несколько десятков километров. Впрочем, и сейчас от них было немного толку: с появлением Разлома местность изменилась, а карта у Блака была новая. Единственное, что приходило в голову, — что точка столкновения сил находилась там, куда двигался последний одержимый, иначе просто не было смысла соединять все эти вырезки в одну папку.

Само по себе наблюдение, конечно, могло бы заинтересовать какого-нибудь историка и даже наделать шуму при правильной подаче. Конечно, можно было — и следовало — поискать старую карту и глянуть уже по ней, но некромант не видел причины с этим спешить.

Ну двигался одержимый вдоль Разлома. Вполне возможно, место проведения ритуала приобрело какие-то заметные энергетические особенности. И даже не исключено, что это давно вычислено теоретиками: некромант уже много лет не интересовался деталями исследований, если те сами не падали в руки. Но почему Моррига Виста понесло с этими сведениями сюда? И, к слову, что он до этого делал в Фонге?

Оставалось надеяться, что записная книжка прольет свет на сложившуюся ситуацию. Адриан полистал ее и нехотя отложил — это

не газетные вырезки, тут он намертво завязнет и ничего полезного не выяснит, надо ждать Кира.

А в Фонт все-таки придется ехать. Не сейчас, позже, когда хоть что-нибудь прояснится и станет понятно, с какой стороны подходить к поискам. Но без вариантов, потому что вопросы только копятся. Вот и в школу надо бы заглянуть и уточнить, совершил ли журналист открытие с этим нестандартным поведением одержимого или изобрел колесо.

Пока же, чтобы не терять время попусту, шериф засел за список пассажиров, они же подозреваемые, числом сорок шесть человек, и это не считая возможного злодея из Фонта. За два списка, которые, впрочем, совпали: составленный полицейскими с соблюдением всех процедур опознания и предоставленный начальником поезда. Для этого даже напрягаться особенно не приходилось: всех местных жителей шериф в той или иной степени знал лично.

В число наименее вероятных злодеев первым делом попали четверо детей с родителями. Все местные, родились и выросли тут, дальше Фон га никуда не ездили, дружили семьями — трое из детей учились вместе в одном классе. Обычные семьи — не идеальные, не проблемные. Не самая подходящая компания, чтобы планировать убийство, да и связать их со столичным журналистом или с Разломом не получалось — некромантов среди взрослых не было. Сразу минус десять человек, уже неплохо. Хотя стоит узнать, что они забыли в Фонте, когда учебный год уже начался.

Следом отправились пятеро бывших студентов, которые тоже вряд ли могли иметь отношение к журналисту. Четверо спокойно отучились, отгуляли последние каникулы, получили все бумаги и сейчас возвращались домой, чтобы начать самостоятельную жизнь и работу, а один вылетел с позором и ехал в сопровождении отца.

Последнего балбеса Блэк знал прекрасно, тот не раз попадался на мелком хулиганстве и регулярно отработывал его на благо города. Шериф с самого начала был уверен, что ничего путного из затеи с его учебой не выйдет, и вот пожалуйста! Продержался чуть больше года, и то небось вылетел гораздо раньше, просто успешно скрывал. Отца его некромант тоже отложил в стопку потенциально невиновных, но сделал мысленную зарубку с ним поговорить. Не о деле — о сыне. Давно хотел предложить сдать парня на перевоспитание кому-нибудь

из капитанов построже, сейчас самое время. А там, глядишь, вдали от материнской юбки выйдет из него что полезное. Мальчишка ведь не так уж плох, просто избалованный и безалаберный.

Еще немного посидев над списками, Адриан сократил число возможных подозреваемых до шестнадцати человек, в число которых вошли и проводница, и отдыхающая у него дома госпожа судья. Всерьез в виновность обеих он не верил, но и ручаться за их невиновность не стал бы. Это если, конечно, убить пытались не столичную гостью, что, с учетом брелока и места происшествия, весьма сомнительно.

Шестнадцать — это много, но все же лучше, чем сорок шесть. Те, кто путешествовал или часто уезжал по делам, кто не всю жизнь прожил в Клари или переехал сюда из иных мест, то есть теоретически мог иметь контакты в столице или даже около Разлома. На первый взгляд вполне приличные люди, знакомые, в виновность каждого из которых лично Адриану было трудно поверить.

Надо, надо ехать в Фонт! Вот как будут готовы результаты экспертизы, закончатся допросы и Кириан посмотрит записную книжку, тогда и ехать. Связаться со столицей по поводу госпожи Шейс, навести справки об убитом журналисте...

А пока все-таки поговорить со старой Дхур — самой перспективной свидетельницей и одной из наиболее вероятных подозреваемых.

Глава девятая, в которой намечаются подозреваемые

Касадра Дхур, ста девятнадцати лет от роду, имела наружность и вела жизнь типичной хрестоматийной старой девы. Она держалась как старая дева, она рассуждала как старая дева и так привыкла уже за последние годы изображать из себя старую деву, что и сама порой, наверное, начинала верить в эту маску. Она жила одна, в маленьком домике с резными ставнями, собирала у себя кошек со всей округи, вела давнюю позиционную войну с соседом напротив — владельцем пары охотничьих собак. Дружила с несколькими похожими почтенными дамами, которых молодежь скопом именovala ведьмосиндикатом, и соперничала с ними за титул лучшего садовода города.

Адриан в детстве побаивался старую каргу с очень острым, пронзительным взглядом, в подростковом возрасте, как и большинство сверстников, — презирал ее вместе с подружками. А позже, вернувшись со службы, стал смотреть с большим уважением и некоторым душевным трепетом.

Мало кто в Клари знал, что старая карга на самом деле — живая легенда. Дар некромантии просыпался в женщинах редко, но уж если просыпался, с лихвой компенсировал количество качеством. Касадра Дхур, в девичестве Смеш, стала широко известна как боевой маг. За время службы — а у Разлома она провела впечатляющие тринадцать лет — Железная Каси собрала все существовавшие на тот момент боевые награды.

Вышла замуж она там же, у Разлома, за одного из сослуживцев, который был моложе ее на десять лет. Брак получился недолгим и трагическим — через три года супруг погиб, оставив жене на память двух мальчишек-близнецов.

Обычно гены в этом вопросе значат мало, но один из ее сыновей тоже оказался некромантом и тоже погиб все там же, у Разлома. А вот второй вроде как был жив до сих пор, проживал в столице, и именно к нему Касадра ездила примерно раз в год. Почему не наоборот, Адриан

не знал и в душу к женщине не лез. Может, вовсе и не желал этот сын видеть свою мать, и совсем даже не к нему она ездила — Творец знает!

С возрастом когда-то легендарный дар почти угас, остались жалкие крохи, которыми Железная Каси, насколько Адриан мог судить, не пользовалась. О героическом прошлом сварливой старухи Блак узнал случайно, от наставников, и ни с кем его не обсуждал, уважая право женщины жить так, как ей хочется. Ну разве что Кира предупредил. Не задавал вопросов и самой Касадре Дхур и в беседах старался по возможности избегать темы Разлома и некромантии.

По службе Адриан пересекался с ней несколько раз, исключительно как со свидетельницей. Оценил острый ум и редкую наблюдательность, а потом... Не то чтобы сдружился, по, в отличие от большинства горожан, нашел с Железной Каси общий язык и даже почти приятельствовал. И благодарить за это стоило кошек: именно с легкой руки Касадры Дхур в доме шерифа в компанию к старой, унаследованной от матери зазнайке Ваксе добавилась Кактус. Ну а Гайка приблудилась сама всего пару лет назад. Поскольку зверье Адриан любил искренне и оно отвечало ему взаимностью, шериф заслужил от госпожи Дхур редкую оценку «хороший мальчик», со временем повывисившуюся до «толкового хорошего мальчика».

Жила старая некромантка достаточно близко, широким шагом Адриана — минут двадцать. Впрочем, за что он особо любил Клари: тут все было близко, не считая раскиданных по склонам гор отдельных домиков, которые считались пригородами, и завода, но все эти места приходилось навещать редко.

К вечеру погода окончательно выправилась, развиднелось, но ветер с моря дул по-прежнему сильный. Пах он остро, сладковато и вроде бы не как обычно, чем будил непонятное и необъяснимое беспокойство. Пока шел, Адриан пытался понять, что именно в этом ветре или, скорее, внутри него самого провоцирует зудящее чувство тревоги.

Интерес покойного журналиста к одержимому, который неизвестным образом привлек Виста в Клари? Может быть, потому, что при одном упоминании этих сущностей у любого некроманта холка вставала колом и в голову лезли сплошь ругательства. Даже если понятно, что никаких одержимых тут не было, иначе город давно бы уже завалило трупами.

Убийство с помощью пожирателя, тоже способного доставить массу проблем, намекающее на то, что у убийцы наверняка припрятаны другие духи? Вполне вероятно. И когда удастся прижать ему хвост, он наверняка воспользуется этим имуществом, а значит, самому Блаку надо быть вдвойне внимательным и беречь своих людей — нейтралы без специальных артефактов против духов бессильны.

А еще госпожа Шейс, которая явилась очень не вовремя и с которой непонятно что делать. И генерал Этеон Оток, не к ночи будь помянут. И неумолимо грядущая поездка в Фонт. Да и погода уж больно резко прояснилась, что для местной осени совсем нехарактерно, и значит, не к добру.

Каждое из этих обстоятельств в отдельности вполне могло послужить поводом для беспокойства, а уж все вместе...

Однако к тому моменту как Блак дошел до нужного дома и дернул за шнур старомодного звонка-колокольчика, он наконец сформулировал, что именно его беспокоило и чем пах ветер с моря. Перемены. Творец знает, что их спровоцирует и куда жизнь вывернется после, но обостренное чутье сильного мага твердило именно об этом — знакомое чувство, которого Адриан не испытывал уже несколько лет.

— Наконец-то вы соизволили явиться, юноша! — сварливо проговорила хозяйка, открывая дверь с видом учительницы, дожидаящейся нерадивого ученика. — Вытирайте ноги и следуйте за мной.

— Здравствуйте, — все-таки вставил шкафообразный «юноша», послушно обивая на коврик служебные ботинки.

Из всего ведьмосиндиката, несмотря на преклонный возраст его участниц, называть так шерифа приходило в голову только Касадре Дхур, даром что все они прекрасно помнили Блака сорванцом Данни. Подчиненные дивились терпению и выдержке шерифа, который никогда не пытался ее исправить, Кир посмеивался, а сам Адриан загадочно молчал. Не объяснять же всем и каждому, что рядом с этой почтенной дамой он действительно ощущал себя зеленым юнцом, да и весь их полицейский участок, на ее взгляд, едва ли вышел из школьного возраста.

— Садитесь к столу, вы наверняка не обедали. Не забудьте вымыть руки, — прежним гоном продолжила госпожа Дхур, и Блак без

возражений пошел исполнять.

Может, если бы ему приходилось общаться с этой женщиной чаще, ее манера поведения и снисходительность в итоге утомили бы шерифа. А так его уважения и некоторого шкурного интереса вполне хватало, чтобы сделать старухе приятно и лишний раз промолчать. Тем более Адриан не стал отказываться от приглашения к столу: готовила хозяйка вкусно, а то обстоятельство, что он при исполнении и пришел для допроса свидетеля и вероятной подозреваемой...

Блак отлично помнил науку старого шерифа, который вышел на заслуженную пенсию и сейчас днями просиживал на волнорезе с удочкой. Инструкции, конечно, дело славное, говорил он, способное заменить некоторым полицейским и прочим чиновникам мозг, но лучше думать головой.

Клари — маленький городок, где все друг друга знают, и полицейский для местных жителей — это в первую очередь сосед и хороший знакомый и уже только потом, где-то в-пятых, должностное лицо, связанное правилами и предписаниями. И относиться к нему все будут именно как к соседу. И если этот самый сосед не может лишний раз поздороваться и по-соседски поболтать о жизни, то и ему — как соседу — совершенно необязательно в чем-то помогать и отвечать на какие-то глупые вопросы.

Завету умного и опытного старика Адриан старался по возможности следовать и поддерживать хорошие отношения со всем городом. И если с кем-то добрососедскими отношениями можно было пренебречь, то уж точно не с госпожой Дхур.

Да и есть ему, чего уж там, хотелось слишком сильно, чтобы вот так отказываться, так что гость порадовал хозяйку отменным аппетитом и от чая не отказался тоже. Хотя последний оказался травяным, вызывал лекарственные ассоциации из детства и приятным не мог считаться даже с натяжкой. Зато печенье к чаю Адриану очень понравилось, он даже в очередной раз подумал, что было бы неплохо научиться печь.

До чая разговор тянулся неспешный и бессмысленный, хозяйка в основном рассказывала о саде, о новых луковицах тюльпанов, которые ждала через декаду, и выражала озабоченность тем, в хорошем ли состоянии они доберутся по почте. Разговор о деле за чаем тоже первой начала она, хотя и с неожиданной стороны.

— Адриан, ты отпустил девочек? — строго спросила Касадра, опять перескакивая на «ты».

— Каких девочек? — искренне озадачился Блак.

С ходу вспомнилась только Аротина Марс со своей неразлучной подружкой Твик, которых регулярно задерживали за нелегальное занятие проституцией, когда те попадались под горячую руку в каких-то драках, и столь же регулярно отпускали после уплаты установленного законом штрафа. Но последний раз их брали декады три назад, неужели...

— Тех, на которых ты рычал в поезде, — с готовностью напомнила госпожа Дхур.

— Отпустил-отпустил, — заверил шериф. — И девочек, и мальчиков, и даже извинился, не волнуйтесь.

Старая некромантка выразительно поджала губы, нахмурилась и укоризненно качнула головой.

— Жениться тебе надо. Жениться, — сделала женщина неожиданный вывод и, вновь качнув головой, отпила из чашки. — Пока беды не вышло.

— И как это связано? — Адриан так удивился, что даже не ощутил раздражения, какое обычно вызывали подобные наставления.

— Если ты сам — упрямый мальчишка, не способный следить за собой, то, может быть, женщина в доме к порядку приучит. От молодой жены небось не побегаешь и спать, может, нормально будешь...

— Кто? — устало вздохнул Адриан.

— Где? — не поняла хозяйка и выразительно приподняла брови.

— Обычно такие разговоры затеваются, чтобы закончить их советом присмотреться к двоюродной племяннице, соседке, помощнице мясника. Давайте не тратить время на долгий путь. Кто? Надеюсь, хоть вы не начнете сокрушаться о Луасе Амер, с которой мы были «такой чудной парой» в младшей школе? — раздраженно закончил шериф.

Касадра немного склонила голову к плечу, со странным выражением лица разглядывая гостя. Несколько секунд помолчала, а потом задумчиво, неуловимо иным тоном проговорила:

— Надеюсь, об этом тебе говорил не кто-то из моих приятельниц.

— А какая разница?

— Не хочу думать, что я общаюсь с такой дурой, — отозвалась госпожа Дхур. Изредка, вот в такие моменты, наружу из-под привычной маски выглядывала Железная Каси, и тогда Адриан испытывал нечто среднее между ностальгией и облегчением: мир представлялся надежной, устойчивой штукой, в которой все идет ровно так, как должно. — Нет, я не собираюсь никого тебе сватать. Просто пока была жива Амальта, ты был более осмотрителен, и я надеюсь, появление другой женщины в твоей жизни опять призовет к порядку. Мать, конечно, не вернуть, но жена тоже полезна. Только, конечно, не эта гулящая девка. Я хочу, чтобы ты наконец перестал вести себя как ребенок и начал более ответственно относиться к своему здоровью. И к здоровью окружающих, — добавила она со вздохом после короткой выразительной паузы. Еще помолчала, наблюдая, как исчезает с блюда очередное печенье, неопределенно хмыкнула и продолжила деловито и невозмутимо: — Так что там стряслось с этим писакой? Траванули его, что ли?

— Что значит «писакой»? — почти не удивился Блак проницательности собеседницы. — И почему вы подумали про яд?

— Про яд... Ну, кого-то к Творцу незаметно отправить — так проще всего.

— Проще, — согласился Адриан. Ему тоже было непонятно, зачем прибегать к таким сложным средствам для убийства одного конкретного человека, а не для кровавой диверсии. Разве что от главного свидетеля — убитого — избавлялись?

— Но его убили не так?

— Не так, — задумчиво подтвердил шериф. — А вы не ответили на вопрос.

— На какой? — изобразила недоумение хозяйка. — И как именно его убили?

— Почему вы решили, что он... писака?

— Нюх у меня на эту братию, — неодобрительно скривилась женщина, отчего морщинистое лицо ее изрыли более глубокие борозды и стало оно каким-то неопрятным, перекошенным.

— Госпожа Дхур, вы так хотите из свидетеля стать первой подозреваемой? — нахмурился Блак. — Учитывая все обстоятельства, вы и так среди них, не нужно усугублять.

— Какие такие обстоятельства?

— Госпожа Дхур, хватит юлить.

— Знаю я его, — нехотя призналась женщина. — Видела пару лет назад, а на память, хвала Творцу, не жалуюсь.

— Где, как, когда? Мне каждое слово из вас вытягивать?

Касадра Дхур, но собственному признанию, не любила вспоминать молодость, потому и встречала исход жизни здесь, в этой сонной глуши, и о былых подвигах старалась никому не рассказывать. Однако спрятаться от мира совсем, когда этот мир жаждет общения, не так-то просто, и полтора года назад ее уговорили поучаствовать в мемориальных торжествах, посвященных столетию окончания Последней войны и возникновения Разлома, на которых вспоминали всех тех, кто погиб в борьбе с бесчисленными тварями из пропасти. Железная Каси, похоронившая по его вине родных и множество друзей, конечно, не могла отказаться.

Ей приходилось вспоминать и рассказывать, рассказывать... В основном атмосфера была сдержанно-доброжелательной, вполне отвечающей скорбному событию, но Морриг Вист особо запомнился. Да его сложно было не запомнить среди остальных, и было вообще неясно, как он попал на эти торжества. Мужчина истекал ядом, упирал на то, что некромантам такое положение вещей очень выгодно, и правительству выгодно — дескать, они зарабатывают на этом деньги.

Но последней каплей стал переход на личности и прямые оскорбления, когда Вист, уже набравшись, начал высказываться о том, что женщины-маги у Разлома занимаются исключительно обслуживанием мужчин и только ноги раздвигают, а лично Касадра...

Вот на этом моменте его и выставили вон.

— Премемерзкий тип, и оплакивать я его не буду, — заверила женщина. — Но и убивать мне его резона не было. Даже если бы он говорил правду, я уже не в том возрасте, когда подобное прошлое может что-то испортить. Если в такие заявления вообще кто-нибудь поверит.

Адриан только задумчиво кивнул. Такую точку зрения на некроманток ему доводилось слышать, и он искренне сочувствовал коллегам по дару. В его представлении борьба с тварями Разлома была совсем не женским делом, и если бы его кто-то спросил, обеими руками голосовал бы за то, чтобы одаренных девушек избавили от этой повинности. Но разве они кого слушают?..

Заявлять подобное мог только человек, ни разу не видевший Разлома вблизи и не представляющий, каково это — постоянно находиться с ним рядом. Даже в дни отдыха секс оставался последним, о чем там думалось, и любая женщина воспринималась или объектом охраны, который хотелось поскорее спровадить подальше, или боевым товарищем, и никем больше. Хотелось крепко выспаться без сновидений, а пределом мечтаний было сгрызть крупный кусок сахара. Сладкое здорово облетало жизнь, и исследователи даже имели какое-то убедительное объяснение, почему так и почему оно служащим объективно необходимо — настолько, что в обязательном порядке и в значительном количестве включалось в рацион.

Так что если кто-то из некроманток и находил свою судьбу среди боевых товарищей, то это было наиболее возвышенным и лишенным плотского подтекста чувством из всех возможных, основанным наличном восхищении и уважении. Поэтому слова покойного хоть и были оскорбительны, но правды заведомо не содержали и вряд ли могли послужить мотивом. Конечно, поручиться за правдивость и откровенность госпожи Дхур Адриан не мог, но и доказательств обратного не имел. Поэтому, оставив пока ее возможную причастность, принялся расспрашивать о происшествии как свидетеля — где была, что видела, кто как себя вел.

Поскольку Касадра Дхур добиралась от самой столицы и предпочитала третий класс, в котором ей, по собственному утверждению, легче дышалось, рассказать она могла многое. И уже по одним ее показаниям количество подозреваемых можно было сократить до семи человек. Кто-то беспробудно дрых, кто-то резался в карты и не смотрел по сторонам, кто-то всю дорогу от Фонта до Клари гадал кроссворды или читал книжку. Конечно, все это предстояло проверить и сравнить с показаниями остальных свидетелей, но уже неплохой результат для первого дня расследования.

Пришлось помучиться, составляя протокол допроса — писать Блаку было так же сложно, как читать, — но зато вышло очень кратко и по существу, всегда бы так. К тому, как старательно шериф выводил буквы, словно школьник на уроке чистописания, хозяйка дома отнеслась с пониманием: об особенностях Адриана она прекрасно знала. Самой Касадре от Разлома на память остался страх замкнутых пространств и аллергия на молочные продукты.

Собственно, почти все в Клари знали, сдержанно сочувствовали шерифу и регулярно предлагали помощь. Блаку такое отношение не очень-то нравилось, но оно определенно было лучше опасения и каких-то других эмоций.

Вернувшись в участок уже в сумерках, после официального окончания рабочего дня, Адриан, к собственной радости, обнаружил там Кира. Заместитель, конечно, уже нашел улики, открытая папка перекочевала на его стол, а сам Кир с интересом изучал книгу.

— Как успехи? — одновременно заговорили они, так же одновременно усмехнулись.

— Давай я начну, — решил Блак. — Экспертизы с обыска никакие еще не приходили?

— Нет пока. Было что-то интересное?

— Как посмотреть...

И Адриан принялся вкратце пересказывать то, что должно было войти в протокол осмотра места преступления, кстати, где он?.. Обсудили, в очередной раз пришли к выводу, что отсутствие криков убитого может быть неплохим следом. Если дело не в нем самом, то следы заглушки стоило искать вокруг, а значит, экспертиза должна найти следы артефакта или зелья. Ну или не найти, и тогда еще придется поломать голову.

Версия об убийце, подбросившем брелок с пожирателем еще на станции, показалась после обсуждения еще более шаткой. Куда подбросили-то?

В чемодан судьи? Так он оставался в вагоне, который проводница, уходя, заперла и открыла только перед самым отправлением, и пролезть туда незаметно было очень трудно и совершенно бессмысленно, проще бросить в сумку. Да и некому: если бы о ее отъезде из Шорры знали, прикончили бы раньше, какой смысл столько ждать? Журналист о ее поездке в Клари тоже не знал, встретил госпожу судью в Фонте, и вряд ли кто-то успел бы подготовить подобное убийство.

В личные вещи убитого? Вероятнее, но так же неубедительно по времени, как и в вещи судьи, да и никаких посторонних проводница перед поездом не видела, там даже провожающих не было. Где-то на вокзале или раньше?

Сомнительно. Все это слишком сомнительно, потому что брелок вряд ли мог удержать пожирателя больше часа... Да и глушилка. Ее нельзя было поставить заранее. Если бы она была магической и замкнутой на духа, то следы бы сразу заметил Адриан. Время воздействия отсроченных зелий — и тех, которые Вист мог принять внутрь, и те, которые могли быть разлиты в купе, — невозможно рассчитать так точно. Сработай оно раньше — и журналист наверняка заметил бы отсутствие звука, позже толку от него уже не было. Артефакт тоже нашелся бы, если бы его подбросили. Вот и выходило, что обеззвучить купе мог только тот, кто ехал в это время в поезде.

— Посмотрим, что найдут на общих силовых картах, я снимал с максимальным разрешением. А пока давай по свидетелям. Есть что интересное?

— Если под интересным ты понимаешь «видел ли кто-нибудь, как убивали журналиста», то нет, ничего такого, — улыбнулся Кир. — В остальном... Не знаю, надо схему составлять, слишком много людей и перемещений. Ты с Дхур поговорил?

Блак опомнился и передал аккуратно составленный и честь по чести подписанный протокол, рассказал о собственных подозрениях и попросил проверить в первую очередь именно тех семерых. Кириан ход начальственной мысли полностью одобрил, хотя и от шпильки не удержался:

— Ты все еще подозреваешь госпожу судью? Не страшно с ней наедине в доме оставаться?

— Страшно, а что делать! Ради общего блага можно и потерпеть, — не поддался Адриан, после чего продолжил уже серьезно: — Моя интуиция на ее стороне, но проверить надо. У нее мог быть мотив, была возможность. Конечно, способ убийства неожиданный, но мало ли что она могла вычитать в этих своих детективах! Проверить надо. И проводницу.

— И Железную Каси, — поддержал Кириан.

— И ее. Она умная, расчетливая, и ей все известно о духах. Последнее, конечно, не аргумент, потому что сейчас информации полно, было бы желание найти. Однако творец знает, в чем она могла быть замешана в те времена! Не хуже меня понимаешь, какой бардак царил у Разлома в первые лет двадцать после войны.

— Хуже, но слухи попадались, — задумчиво согласился заместитель. — И мотив там мог быть не на одно убийство.

— О чем и речь, — поддержал Адриан. — Неприятно думать на Железную Каси, но... если он раскопал подтверждение хоть чего-то, это могло ее подтолкнуть. Не ради себя — так в память о муже, ради сына или из своего понимания офицерского долга.

Слухов о тех временах действительно ходила масса, один другого мрачнее. Послевоенное время — это всегда в той или иной степени разруха, а уж когда приходится при этом противостоять новому, неожиданному врагу... Творец знает, на что могли пойти в верхах в судорожных попытках избавиться от Разлома. Например, они вполне могли попробовать для этого запрещенные ритуалы с человеческими жертвами. А что, военнопленные оставались, «потерять» десяток-другой — не столь большая цена по меркам тех времен, да еще за избавление от такой напасти. Они же не могли тогда знать, что все это не поможет!

Это потом уже к Разлому привыкли, притерпелись и научились с ним существовать. Как утверждали некоторые циники, если бы его не было, его бы стоило создать — как полигон для огранки некромантских талантов.

В Адриане подобные утверждения вызывали омерзение, но малое рациональное зерно в них все-таки было. Некроманты из-за специфики собственного дара гораздо меньше боялись смерти, чем остальные разумные, и дикорастущую молодежь, и без того безалаберную в силу возраста, это часто толкало на редкостные сумасбродства. А в нынешней ситуации... Сначала строгая дисциплина и напряженная учеба, потом — Разлом, где ни на какие глупости не тянет. Ну а после службы уже очень мало у кого оставалось желание искать острых ощущений.

— Ладно, ты лучше вот что скажи: выяснилось, зачем Вист ехал в Клари? — вернулся Блак к более насущным вопросам.

— Начал, но его записная книжка... — Кириан страдальчески скривился. — Расшифровка займет некоторое время.

— Расшифровка? — растерялся Адриан. — От кого он так прятался?

— Да ни от кого, просто бардак у него в голове. Был. Не представляю, как он сам в этих записях ориентировался!

— Странно, а вырезки очень аккуратные, по порядку, кое-где важное подчеркнуто.

— На это я тоже обратил внимание. — Кир кивнул на утыканную булавками карту. — Папка старая, бумажки тоже, может, они вообще не его. Что ты об этом думаешь? — Он опять перевел взгляд на карту.

— Я думаю, что мне это не нравится. Совсем, — заявил Блак. — Даже если речь тут лишь о какой-нибудь старой истории. Ну, вроде открытия о появлении того одержимого по вине какого-то конкретного человека, который сейчас и убил журналиста. Мне не нравится все, что как-то касается этих тварей.

— А по существу? — вскинул брови Кириан.

— А по существу... Очень интересно, какое отношение ко всему этому имеет Этеон Оток.

Некоторое время они увлеченно строили теории, но скорее для развлечения, чем всерьез планируя на них опираться, — для серьезного обсуждения было слишком мало информации. Когда договорились до возможного заговора, направленного на воскрешение легендарного генерала с целью свержения действующего правительства, сошлись на том, что тему пора закрывать. Кириан остался поработать с показаниями свидетелей и с записной книжкой убитого, по вечерам ему лучше думалось, а шериф наконец вспомнил, что у него дома скучает взаперти «столичная штучка».

Шел вызволять гостью он со смешанным чувством неловкости и раздражения. Потому что запоздало сообразил: он ведь обещал подобрать жилье, но выкинул эту мысль из головы сразу же, как покинул дом. Конечно, оставался небольшой шанс, что судья войдет в положение и не начнет опять ругаться, но... очень небольшой.

И главное, как назло, никакие варианты не шли на ум. С кем-то она не уживется, у кого-то дом такой, что взыскательную гостью стыдно привести, а за кого-то опасался уже Адриан — вдруг все-таки чутье его обманывает и госпожа судья окажется мошенницей?

Так ничего и не придумав, Адриан дошел до дома, отпер дверь, зажег свет — и растерянно хмыкнул, оглядывая пустую прихожую. Нет, все вещи оставались на своих местах, а вот встречать хозяина никто не спешил.

Впрочем, нет, на лестнице он запоздало заметил Ваксу: черная кошка прекрасно умела становиться невидимой и не попадаться на

глаза. Сейчас она не пряталась, сидела на ступеньке с независимым видом, обняв лапы хвостом.

— Привет. И где эти мохнатые нахалки? — риторически спросил Адриан, разуваясь. Ответ он и так уже знал: из-за запертой кухонной двери доносился невнятный шум, а в воздухе плыл сладкий запах выпечки. — Да ладно... — недоверчиво пробормотал мужчина, осознав последнее обстоятельство.

Аккуратно, стараясь не шуметь, он открыл кухонную дверь и шагнул внутрь. И замер на пороге, ошарашенный увиденным.

Госпожа Шейс стояла к нему спиной, чуть повернувшись боком. Винно-красный халат чуть ниже середины бедра соблазнительно обтекал складками женскую фигуру, талию подчеркивал узкий пояс. Столичная гостья была занята неожиданным делом — она месила тесто: старательно, увлеченно, налегая всем весом. Короткие волосы пушились, колыхались в такт движению и щекотали концами белую шею. Качались шелковистые складки халата, оглаживая ноги и намекая, что под халатом этим нет больше никакой одежды.

Адриан отстранение подумал, что, кажется, ничего более эротичного он в жизни не видел. Представилось в красках — само, против воли, — как он подходит, задирает короткий подол халата...

Мужчина нервным движением дернул пуговицу, расстегивая воротник формы, который вдруг оказался тугим. Да и вообще, в кухне было как-то жарковаго, наверное, разрядился регулирующий температуру артефакт.

А в следующее мгновение прямо под ногами пронзительно мявкнула Гайка, и от неожиданности некромант дернулся, чуть ли не подпрыгнув на месте. А ожившая неприличная фантазия оглянувшись через плечо и, заметив хозяина дома, испуганно ойкнула.

— Добрый вечер, Адриан! — смущенно улыбнулась она, оборачиваясь. — Это ничего, что я тут немного распотрошила ваши запасы? — спросила, отряхивая руки над столом.

— Какие? — Прозвучало немного сипло. Вид спереди оказался еще более волнующим. Треугольник выреза обнажал ямку между ключицами, мягкий шелк очерчивал полную грудь. Без белья, точно ведь...

— Все. — Улыбка женщины стала еще более неуверенной. — Просто я подумала... Извините, я все возьму!

— Нет, ничего, все нормально. — Некромант с трудом заставил себя собраться и поднять взгляд на лицо гостя. Кашлянул, прочищая горло, в котором вдруг пересохло. — Любите готовить?

— Иногда. На постоянную готовку меня не хватает — и времени жалко, и лень. А так вот, под настроение, бывает находит, особенно с тестом возиться приятно, — сообщила она, поправляя халат и отряхивая с него муку.

— А мне как раз с выпечкой сложнее всего, — рассеянно проговорил Адриан. Взгляд против воли опять переместился ниже, очень внимательно следя за тем, как пальцы женщины быстро пробегают по шелку. Мысли опять поплыли куда-то не туда.

— Хотите, я ужин подогрею? А то пирог будет позже, и он наутро вкуснее, — неуверенно предложила гостя.

— Хочу, — машинально согласился мужчина. Чего именно — уточнять благоразумно не стал.

— Тогда мойте руки и спускайтесь, я быстро! — заверила она.

Адриан послушно развернулся на месте и шагнул к выходу. Ругнулся, запнувшись о возмущенно вякнущую Гайку, чуть не наступил на лохматую рыжую самоубийцу, но все-таки избежал столкновения и вышел из кухни, на ходу расстегивая форму и пытаясь совладать с собой. Предложение помыть руки несколько отрезвило и застучало в голове единственной оставшейся приличной мыслью: вода. Много холодной воды на голову, чтобы как-то призвать мысли к порядку.

Надо думать о чем-нибудь постороннем. О Гайке, например, которая, зараза, достала уже своей привычкой постоянно лезть под ноги. Или о погоде. Или о трупке в вагоне поезда. Или об истории возникновения Разлома... О чем угодно, кроме женщины в его кухне!

Правда, о чем угодно думалось из рук вон плохо. Зато отчетливо вспомнилось, что у него уже с полгода не было женщины: о постоянных отношениях он как-то не задумывался, а ни к чему не обязывающие разовые встречи... Не для него и не в этом городе, где все друг друга знают. Все-таки не шестнадцать лет, чтобы увлеченно прятаться от родителей и шифроваться, а если не прятаться — ему же местные болтушки спокойной жизни не дадут.

В итоге Адриан позволял себе расслабиться в редкие поездки в Фонт по делам, прибавляя к командировке пару выходных. И до сих

пор его как будто все устраивало, во всяком случае, до такого не доходило ни разу. Так с чего же сейчас-то так накрыло?

Контрастный душ прочистил мозги и дал возможность обдумать собственную реакцию спокойно и взвешенно. По всему выходило, проблема крылась в стечении сразу нескольких обстоятельств. Во-первых, госпожа Шейс, на его взгляд, — действительно очень привлекательная женщина, а поскольку еще и незнакомая, не из числа привычных горожан, легко понять, почему он сразу на нее засмотрелся. Во-вторых, в этом своем халатике на голое тело, босая, на кухне — ну в чистом виде ожившая эротическая фантазия, а он все-таки живой человек. Ну и в-третьих, уж очень неожиданно обрушилось это видение, он оказался морально не готов. Попросить ее, что ли, переодеться, от греха подальше?

А впрочем... Надо ли?

Так и эдак покрутив вопрос в голове, Адриан пришел к выводу, что нет, совсем даже не надо.

И вообще, что за глупости? Что он теряется, как подросток? Она женщина взрослая, свободная, живет в его доме, пусть и временно, так почему не воспользоваться ситуацией? Нет, ну конечно не бросаться на нее с порога, но почему не попробовать познакомиться поближе? В конце концов, даже если она убийца, он же не жениться на ней собирается!

Глава десятая, в которой беседуют за чаем

Я так увлеклась, что совсем забыла о времени и о том, что нахожусь в чужом доме. Наверное, вообще не стоило лезть к плите, но я случайно нашла на кухонной полке знакомую кулинарную книгу, в которой были рецепты дивной выпечки, я всегда по такой готовила дома. И началось-то все с безобидного орехового печенья, с которым всей возни на час, а потом я наткнулась на дрожжи и решила — почему бы и нет?.. Вдруг еще не подойдет!

Подошло. И фарш нашелся, и все нужные специи, и...

В общем, когда на пороге возник хозяин дома, я оказалась к этому не готова. А под его тяжелым немигающим взглядом и вовсе почувствовала себя нашкодившим котенком. Выражение лица у некроманта было такое... Убить не убьет, но к ругани и, что уж там, ко вполне справедливым упрекам я морально подготовилась.

Однако ругаться Блак не стал. Вообще, он выглядел как-то странно, словно слегка оглушенным. Может, просто устал? Это я весь день предавалась блаженному ничегонеделанию, а он-то работал!

Мыл руки хозяин дома так долго, что я успела окончательно успокоиться, пристроить пирог в духовку, разогреть ужин и начать беспокоиться о том, куда мужчина пропал. Но, когда вернулся, все вопросы снялись сами собой: некромант банально не ограничился умыванием, и взъерошенные мокрые волосы придавали ему еще более помятый вид, да и щетина к вечеру отросла.

Босиком и в домашнем Блак выглядел странно, но при этом — парадоксально — еще больше походил на медведя. Наверное, благодаря более расслабленному, чем в форме, виду и сильнее заметной лохматости. Светло-серые свободные штаны выглядели обычно, но рубашка в стиле венгов — без рукавов, со шнуровкой на вороте, разве что не приталенная, как носили стихийные создания, а прямая, — открывала заросшие черной шерстью смуглые предплечья. То есть, конечно, волосами, и не настолько уж густыми, но их все равно было много, особенно в сравнении с более гладкими плечами.

Очень впечатляющими, надо сказать, плечами и даже немного пугающими. Творец, да у него бицепс чуть ли не с мое бедро, а я женщина нехуденькая! Страшно представить, сколько в этих руках силищи. Ну точно медведь...

Накрывать на стол самостоятельно я не стала, мало ли где и как хозяин привык есть. Вдруг прямо из сковородки?

Некромант оказался непритязательным, но не настолько. Поблагодарил, уточнил, не желаю ли я присоединиться. Получив отказ, наложил себе полную тарелку овощного рагу с мясом и устроился у кухонного стола. Я пару секунд постояла в растерянности, борясь со смущением, но в конце концов победила и устроилась напротив, грея в руках чашку остывшего уже чая, которым планировала запить печенье, но о котором благополучно забыла.

— Значит, вы любите выпечку? — завел Блэк светский разговор, утолив первый голод, и я окончательно успокоилась. Не ругается, не ворчит, потраченными продуктами не интересуется... похоже, первое впечатление о нем оказалось очень обманчивым.

— Ну да, — отозвалась, пожав плечами. — Конечно, больше всего я люблю есть то, что испекла, но при моей работе на это, к счастью, почти не остается времени.

— «К счастью»? — Некромант выразительно приподнял густые брови.

— Вечная борьба с лишними килограммами, в которой я неизменно проигрываю, — улыбнулась я. К собственной фигуре я всегда относилась философски, осознавая, что тонкой и звонкой не быть никогда, но... это ведь не повод совсем себя распускать!

Пару секунд шериф помолчал, разглядывая меня с непонятым выражением лица, потом как-то невнятно хмыкнул и качнул головой.

— По-моему, у вас очень красивая фигура, — заявил Адриан убежденно.

— Спасибо, — отозвалась я неуверенно. Ничего себе, он еще и комплименты делает... — А вы сами готовите?

— А я, наоборот, с выпечкой не рискую связываться, — поделился некромант. — Простую еду-то легко готовить, если не каждый день по пять блюд. Кастрюля супа, мясо вот, овощи — два раза в декаду можно и потратить время. Ну или даже раз, если случается по несколько дней

вне дома проводить. — Он задумчиво, с подозрением заглянул в свою тарелку. — Хорошо, что хранильник есть, без него было бы сложнее.

— Пожалуй. Но все равно не представляю... — Я осеклась, пытаюсь сформулировать мысль и не обидеть собеседника.

— Чего? — не выдержал Блак.

— Не могу представить мужчину вроде вас за регулярной готовкой, максимум — с чем-то мясным на открытом огне.

— Вроде меня? — Некромант удивленно приподнял брови.

— Ну, такого... — Я опять запнулась, пытаюсь подобрать слово, неопределенно повела рукой в воздухе. Потом все-таки нашлась: — Грозного и сурового.

Адриан озадаченно хмыкнул и улыбнулся — широко, искренне. И мне сразу стало неловко за «сурового», потому что улыбка у медведя оказалась замечательной и невероятно теплой, с ямочками на щеках и лучиками мимических морщин в уголках смеющихся глаз, зазолотившихся искорками. Я замерла в растерянности и попыталась сморгнуть наваждение, но нет — ни некромант, ни его улыбка, словно доставшаяся от совсем другого человека, не исчезли и не изменились.

— Тогда мы в расчете, — весело продолжил Блак. — Я тоже до сих пор не мог представить женщину вроде вас у плиты.

— Вроде меня? — настала моя очередь удивляться, а хозяина дома — пытаться подобрать слова.

— Роскошную, эффектную.

— Вы мне льстите, — пробормотала я, досадливо поморщившись.

— Не имею такой привычки, — возразил некромант, окинув меня непонятым, многозначительным взглядом.

Разговор на этом прервался, но чувство неловкости возникнуть не успело: шериф закончил с ужином и пошел колдовать над чаем. Пока кипятился чайник, хозяин помыл за собой посуду и за мной частично тоже, чем опять поверг в легкое смущение. Но заострять на этом внимание я не стала, вместо этого заговорила о более важном:

— Как продвигается расследование?

— Продвигается. — Блак неопределенно пожал могучими плечами. — Завтра будут результаты вскрытия и экспертизы, уже можно будет о чем-то говорить, а пока — голые теории. Вы не вспомнили ничего об этом типе?

— Нет. То есть лицо его я, кажется, где-то видела раньше, но всерьез прежде не сталкивалась. Когда случилось... все это, я старалась вообще не общаться с посторонними журналистами и не делать им никаких заявлений. А до этого... Нет, не припомню. Обычно с расспросами пристают к адвокатам, прокурорам, к судьям не лезут, тут нам повезло.

— Посторонними журналистами? — уцепился шериф за оговорку.

— Моя подруга работает в крупной газете, все заявления я тогда делала только через нее.

— Наверное, здорово помогли этим ее карьере? — понимающе хмыкнул некромант.

— Зря иронизируете, — обиделась я. — Может, и так, только она мне помогла еще больше, и творец знает, смогла бы я отмыться от всей грязи одним только ментальным сканированием без той шумихи, которую подняла Лика. Я почти уверена, что нет.

— Извините, я не хотел вас задеть, — примирительно проговорил мужчина. — Просто не люблю журналистов.

— Стереотипы?

— Опыт общения в прошлом, — возразил он. — Было пару раз во время службы, сталкивался. Их туда как магнитом тянет, причем ладно бы о Разломе писали, так нет же, им бы какой-нибудь скандал про некромантов раскопать... Но я верю, что они не все такие, просто туда добирался только вот такой тип.

— Мне казалось, обычно про Разлом пишут те, кто там не бывал, — поделилась я. — Потому что некроманты не любят распространяться, а все остальные вряд ли могут сказать что-то по делу.

— Ну, чаще всего так, — согласился он. — Впрочем, и те, кто бывает, обычно сильно приукрашивают действительность.

— То есть там на самом деле еще страшнее?

— Наоборот. — Блэк качнул головой. — Там до смерти уныло и скучно, и Разлом с первого взгляда разочаровывает. Это просто ущелье, постоянно заполненное туманом, и голосов там никаких зловещих нет, и вообще чего-то такого. Страхи вылезают изнутри, от вот этой тоски, уныния и однообразного пейзажа. Да еще туман очень часто переливается через край, и впечатлительный человек может поселить туда таких монстров, каких никакой Разлом не выплюнет.

Монолог этот не мешал ему священнодействовать у плиты. Откуда-то появился пузатый чайник, банка с чаем, только процедура заваривания оказалась куда сложнее, чем обычное мое «кинуть в кружку пол-ложки и залить кипятком». Одной воды налить, слить, залить чай, опять слить...

— Да вы философ, — хмыкнула я. С чайными сложностями это утверждение тоже отлично сочеталось.

— Просто приезжал к нам один художник, порисовать с натуры. Надолго его не хватило, но прославиться все равно помогло. Я потом как-то видел его работы: ничего общего, но очень страшно, пробирает.

— А у Разлома разве не страшно?

— Да говорю же, от характера зависит, — отмахнулся он, выставляя на стол чайник и пару изящных низких чашек. — У меня с фантазией не очень, так что было уныло. Но настолько, что хоть вой, и все это в сочетании с постоянной бессонницей. Но такое тоже довольно часто, не реже, чем страх. Вы настолько не интересовались Разломом? Неужели ни одного знакомого некроманта?

— Ну как-то... случая не было. — Я неловко пожала плечами. — Со знакомыми, я только по делу беседовала, неудобно было в душу лезть, а сами они не заговаривали.

— Ясно. И историей вы, наверное, не интересуетесь?

— Увы. — Я развела руками. Молча проследила за чашкой, которую шериф аккуратно переставил ко мне поближе, и предупредила неуверенно: — Только я чай не очень люблю...

— Вы, наверное, заваривать сто не умеете. Или выбирать.

— Или пить, — насмешливо добавила я, принохиваясь. Пахло, впрочем, приятно, какими-то цветами.

— Или пить, — согласился он и стянул с блюда печенье. Надкусил, задумчиво пожевал — и аккуратно подвинул блюдо поближе. — Очень вкусно. Здорово, что вы решили так себя развлечь. А Гитон Марг что?

— Что? — не успела я за собеседником. — А, Гитон... Мы с ним прежде пересекались только по службе, редко. Для меня стало большой неожиданностью, что он решил принять участие в моей судьбе. Впрочем, я сейчас понимаю, что судьба моя волновала его в последнюю очередь, у него явно какой-то свой интерес в этом деле.

Наверное, если бы я лучше соображала тогда, я бы из него все вытрясла, но... Увы, остается сознавать постфактум.

— «Тогда» — это после сканирования? Вы смелая женщина, сложно решиться на такое, — заметил Блак. Спокойно, веско, без намека на иронию или второе дно этого заявления, и я неожиданно для себя самой согласилась развить тему:

— Ничего подобного. Я просто упрямая как баран, назло и не такое могу натворить. А тут как раз было дело принципа.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Блак. — Когда обвиняют в том, чего ты не делал, — горы свернешь, чтобы доказать.

— Да не в невинности дело, — поморщилась я. — Можно было уйти, смириться, начать жизнь заново. Это же не преступление, мне даже штраф не грозил, только лишение статуса. Я бы, наверное, только ради этого и дергаться не стала, не стоило оно того. Просто... вся эта грязь грозила пересмотром дел, да и затевалась, думаю, именно ради этого. А некоторые обвинительные приговоры стоили мне слишком много нервов, чтобы позволить пустить все это прахом! Что?.. — осеклась я. — Вы так смотрите на меня, как будто вспоминаете адрес психиатра... У меня, если что, есть заключение от менталиста, что я здорова, — попыталась пошутить, но, кажется, неудачно, потому что Блак не улыбнулся даже из вежливости. — Я что-то не так сказала?

— Наоборот. Просто вы сейчас очень не похожи на себя утром, неожиданно.

— Утром... Я просто вчера забыла про таблетки, — призналась со вздохом. — Мне их выписали как раз для этого, чтобы сохранять спокойствие.

— А, так вот что это был за рецепт.

Опять повисла тишина, в которой хозяин дома потянулся за новым печеньем, а я наконец попробовала чай. Ну... Наверное, я и правда не умею его пить, потому что не прониклась даже теперь. Конечно, у некроманта напиток получился более ароматным и не так походил на вареную траву, как у меня, но все равно хотелось всыпать гуда две-три ложки сахара для вкуса. Впрочем, обижать хозяина я не стала — напиток был не настолько уж противным, а печенье неплохо отбивало все лишнее.

— А вы увлекаетесь историей? — нашла я новую тему для разговора.

— Почему?

— Ну, вы у меня что-то такое спрашивали, и про Разлом...

— В некоторой степени, но сейчас просто к слову пришлось.

Убитый вот, похоже, интересовался.

— Историей Клари? — предположила я с сомнением.

— Историей Разлома, одержимых и генерала Этеона Отока.

— Это того самого, из-за которого и возник Разлом?

— Его. Журналист ничего не успел об этом сказать?

— Нет, увы. Я же говорила, мы перекинулись всего несколькими фразами, и мне этого больше чем хватило. Интересно, он успел кому-нибудь сообщить, что видел меня в Фонте? И надо ли предупреждать об этом вашего друга?..

— Какого? — не понял Блэк.

— Гитона Марга.

— Он мне не друг. Нет, не в том смысле, в котором вы подумали, — улыбнулся шериф. — Мы некоторое время служили вместе, я отношусь к нему с уважением, но другом бы не назвал. Да я вообще удивлен, что он сейчас вспомнил именно обо мне и прислал вас сюда.

— Мне все больше хочется вернуться в Шорру и посмотреть ему в глаза, — проворчала я. — Выходит, он меня еще и в этом подставил. И на вас вот тоже свалил лишнюю головную боль...

— Если вы это о себе — напрасно. — Некромант недовольно поморщился. — Просто сложилось все по-дурацки. Если бы не эти идиоты со своей контрабандой, а также Акуля Глотка и труп вашего соседа, мы бы мирно познакомились, обсудили Марга и обошлись без взаимных извинений. Как думаете, почему Гитон решил вас убрать из столицы, причем подальше? Небось и Клари выбрал из-за отсутствия нормальной связи.

— Я уже голову сломала, пытаюсь это понять. Либо он изначально сказал правду и действительно собирается ловить кого-то там на живца, хотя эта мысль представляется мне странной, либо... Либо меня одолевают не очень лестные мысли об этом человеке, и я начинаю думать, что гадость он хотел сделать именно мне, — вздохнула сокрушенно. — Если бы Лика и целитель не поддержали так единодушно эту мысль о перемене места и общества, я бы, наверное,

опомнилась на полпути и вернулась назад, окончательно перестав ему доверять. А вы как думаете, он способен на подлость?

— Я его двадцать с лишним лет не видел и не слышал, так что поручиться не могу, — развел руками Блэк. — Но тогда я очень его уважал, он казался человеком слова. Скрытным, себе на уме, но... как это сказать... Хорошим человеком. А изменился за прошедшие годы или нет — понятия не имею.

— А вам он ничего такого не написал?

— В той записке, которая нашлась в вашей сумке, Марг писал, что вы — единственная в его практике кристально честная судья. Против вас сфабриковали обвинение в нарушении этики, вы сумели оправдаться и доказать собственную невиновность, но Гитон совершенно уверен, что враги ваши на этом не остановятся. Поэтому он, пользуясь необходимостью отдыха для вас, решил убрать вас подальше от столицы, чтобы у него были развязаны руки и он мог спокойно выяснить, откуда у проблемы растут ноги.

— И все? — удивилась я.

— Он был краток, — кивнул шериф.

— А письмо вы, надо думать, не получали? Он обещал предупредить...

— До вашего приезда я три дня не был дома и до сих пор не удосужился проверить почту, — честно признался Блэк. — Поэтому, если и писал, письмо еще не дошло. Но вряд ли он там был более многословен. Если Марг не сильно изменился за прошедшие годы, то текст обоих посланий будет одинаковым.

Мы с минуту помолчали, но неловкости эта тишина уже не вызывала.

— Интересно, неужели это все действительно связано? — пробормотала я растерянно. — Вроде бы никакого уголовного дела с этой подставой не было, с чего он так засуетился?

— Если исходить из того, что он за прошедшие годы не ску... не изменился, то это вполне объяснимо. На такой должности, как у вас, очень немного честных и принципиальных людей, и Марг вполне мог иметь личную заинтересованность. Во всяком случае, я бы на его месте точно постарался вам помочь. Но я не могу пытаться объяснять сто действия, я же не знаю, что там произошло. Как именно вас подставили? Кто?

Я неопределенно повела плечами, поболтала в остывшем чае печеньем, глядя в чашку, а не на собеседника. Вспоминать и разговаривать об этом не хотелось. Но, с другой стороны, вдруг некромант со своим взглядом со стороны сможет что-то предложить? Или хотя бы успокоить меня и избавить от подозрений в адрес Марга, чтобы я не изводила себя мыслями о его злонамеренности. В конце концов, была бы какая-то тайна, а тут... Мою личную жизнь полстолицы мусолило добрую квартиру, что изменится, если посвятить в подробности еще одного человека? Тем более я столько раз все это пересказывала в разных обстоятельствах, что было уже почти не больно.

— С год назад со мной в кафе познакомился мужчина, — рассеянно проговорила, продолжая размачивать печенье. Ни есть, ни пить не хотелось, но требовалось чем-то занять руки. — Он вел себя безупречно, у меня даже мысли не возникло о подвохе. Не задавал лишних вопросов, не выманивал деньги, ухаживал... Я довольно быстро поддалась его обаянию. Влюбилась. Даже вроде бы была счастлива. А меньше квартиры назад вдруг оказалось, что он адвокат, служащий в очень известной и крупной конторе, которая защищала многих обвиняемых по моим делам. И то обстоятельство, что он вообще ни разу не участвовал ни в одном суде, никого, конечно, ни в чем не убедило. Там потом много всякого всплыло...

На этих словах печенье окончательно размокло и развалилось, я поморщилась, наблюдая за крайне неаппетитной коричневой массой, плавающей в чашке. Потом принялась уродовать и оставшийся кусочек.

— В том числе какие-то мои нелестные высказывания про отдельных подсудимых, которые он записывал артефактом, а я их даже не помнила... Да мало ли что скажешь любимому человеку, жалуясь на жизнь после тяжелого дня! — Я криво усмехнулась. — Потом еще какая-то особа объявилась из Сердцевины, которая заявляла, будто он на ней женат, интервью давала. Но я не знаю, насколько это все правда. Да это и не важно. Я с ним не виделась с тех пор, как меня вызвали в коллегия за комментариями. Сначала объясниться хотелось, посмотреть ему в глаза, потом поняла — ну его к демонам, не хочу. Потом я решилась на сканирование, а пока была в исследовательском центре, его кто-то убил.

— Марг поэтому решил, что вам угрожает опасность? — спросил Блак, поднимаясь из-за стола. Невозмутимо забрал у меня чашку и огрызок печенья, содержимое первой вылил в раковину, второе — схрумкал без всякой брезгливости. Поставил передо мной сполоснутую чашку, наполнил свежим чаем...

— Наверное, — очнулась я. — Он очень много всего говорил. Что Тамиана могли убрать, чтобы он не сдал заказчика, подчищая хвосты, и тогда я следующая. Что тот кого-то шантажировал, и этот кто-то мог подумать, что материалы шантажа у меня. Что меня тоже заказали... Скажите, Адриан, а у вас нет чего-нибудь покрепче?

— Есть, но вам я не дам. Не то чтобы мне жалко, но алкоголь обычно плохо сочетается с успокоительными.

— Вот она, старость, — хмыкнула в ответ и поднялась, чтобы достать пирог. — В кои-то веки хочется напиться, а нельзя — доктор не велит.

— По-моему, вам просто надо нормально выспаться, — задумчиво проговорил Блак, очень пристально наблюдая за моими действиями.

— Хорошая идея, думаю, именно этим я сейчас и займусь... Вы не наелись? Хотите пирог попробовать? Он горячий тоже ничего, — не выдержала я.

— С чего вы взяли? — Кажется, удивился он вполне искренне.

— Вы его таким взглядом провожаете, как будто декаду не ели.

Некромант в ответ как-то странно смущенно кашлянул и после долгой паузы, когда я уже вытряхнула плод своих трудов из формы на тарелку, проговорил:

— Да я так просто. Пахнет хорошо. А попробовать... Я бы не отказался, конечно, но уж потерплю. До завтра, — закончил со смешком.

— Кстати, о моем сне. Вы обещали что-то придумать насчет жилья. Наверное, было не до этого, но...

— Простите. Если честно, я вспомнил об этом только уже возле дома, — признался некромант. Помедлил, глядя на меня с сомнением, но все-таки продолжил: — Но одна мысль есть, не знаю уж, насколько хорошая. Вы можете остаться здесь. Места много, побеспокоить могут разве что кошки. А там, может, посмотрите и сами с кем-то договоритесь...

— Спасибо, — растерялась я, но кокетничать не стала. — Я с удовольствием. У вас замечательные кошки, хотя третью я так и не видела ни разу, и комната очень уютная.

— Ну и отлично. — Он улыбнулся, и я опять отметила, насколько веселье преобразует эту угрюмую физиономию в лучшую сторону. — Ключи я сегодня найду.

— Тогда по поводу оплаты. Я...

— Не выдумывайте, — оборвал он. — Я не нуждаюсь в деньгах, а покормить вас — невелики убытки. А если на вас порой будет находить вдохновение воспользоваться имеющимися продуктами, то я тем более не внакладе. — Он выразительно кивнул на заметно просевшую горку печенья.

— Спасибо. — Поколебавшись пару секунд, я не стала спорить. В конце концов, его дом — ему и решать. — Тогда не могли бы вы выделить мне подушку? Постельное я нашла, и одеяло там есть, а вот с ней...

— Пойдемте, конечно. Они есть, но в подвале, и вряд ли в хорошем состоянии, я не подумал. Надо у меня в комнате взять, их там как раз две. Прошу! — Шериф пропустил меня вперед: лестница была узковата, чтобы идти по ней вдвоем.

— Ну, разорять вашу спальню я постеснялась. Вот из тех, которые в гостино-о-ой!.. — взвизгнула я, когда ступенька вдруг с истошным воплем вывернулась из-под ноги, полоснув по ней когтями.

Сердце подскочило к горлу, когда мир вокруг кувыркнулся, я успела зажмуриться... и не упала. То есть упала, но не на лестницу — на идущего следом хозяина, а реакция у него оказалась отличной. Пару мгновений я приходила в чувство, осознавая, что свернутая на ступеньках шея отменяется, потом со смущением нашла себя в объятиях мужчины, крепко прижатой спиной к широкой груди. И если одна рука его держала меня Поперек талии, то вторая устроилась на груди самым неприличным образом.

— Спасибо, — выдавила я с трудом. — Она всегда так делает?

— Всегда. Не спрашивайте, как она выжила, — хмыкнул мужчина, не спеша меня отпустить.

— Пойдемте?.. — пробормотала я негромко, почему-то не делая попыток вывернуться из захвата.

Мгновение-другое — и Адриан все-таки поставил меня на ступеньку. Подчеркнуто аккуратно, словно какую-то драгоценную вазу, и ладони его скользнули по шелку халата.

— Она вас не ободрала?

— А? Да нет, ерунда. — Не оборачиваясь, я нервно оправила халат и преодолела оставшиеся ступеньки, крепко вцепившись в перила.

Подушку я получила у хозяина молча, стараясь на него не смотреть, и мне было плевать, насколько странно и нелепо это выглядит со стороны. Невнятно пробормотала что-то в ответ на пожелание мирных снов и поспешила спрятаться за запертой дверью гостевой спальни. Чувствовала себя при этом очень глупо и неловко, и радовало сейчас одно: что я не краснею от стыда. Потому что...

Да, я не юная девица, в моей жизни были мужчины, и отношения вне брака никогда не казались мне чем-то страшным и предосудительным. Больше того, я вообще не привыкла смущаться, и даже когда моя личная жизнь вдруг стала достоянием общественности, стыд был... другим. Злым, обиженным, со сжатыми кулаками и нервно стиснутыми зубами, а не с горящими щеками и колотящимся в горле сердцем, как сейчас.

С другой стороны, прежде в моей жизни и таких близких столкновений с малознакомыми мужчинами не случалось.

Это в первый момент некромант меня просто поймал, наверное, так, как получилось. А вот потом — уже обнимал и, пользуясь возможностью, невзначай приласкал, перед тем как отпустить. И, тесно прижатая к его телу, я очень отчетливо ощутила, что он совсем не против продолжить.

Но смутило меня не это.

Через тонкий шелк халата прикосновение больших горячих ладоней Блака ощущалось почти столь же остро, как могло бы вовсе без него, и прикосновение это, близость огромного сильного мужчины не оставили меня равнодушной.

Глубоко вздохнув, я в смешанных чувствах сменила халат на кружевную ночную сорочку. В свете последних впечатлений я толком не знала, ругать себя за любовь к красивому белью или, наоборот, отбросить смущение и порадоваться. Потому что халат мой почти ничего не скрывал, и если подумать, совсем не подходил для мирных

посиделок на кухне с посторонним мужчиной, учитывая, какую реакцию мог вызвать. Правда, подумала я об этом только теперь. А все нижнее белье было и того хлеще. Ночнушка, например, могла называться одеждой только по привычке, потому что другого подходящего слова я не помнила. И, кажется, имелись все шансы узнать, как шериф к подобному относится.

Погасив свет, я забралась под тонкое одеяло, до сих пор чувствуя на коже твердость и жар мужских ладоней. Волнующие ощущения. Приятные. Соблазнительные.

Свернувшись калачиком, по-детски спрятала голову под подушку, пытаюсь укрыться от...

А от чего, собственно? От того, насколько взволновала меня случайная близость этого медведя? От того, что он должен был подумать обо мне, обнаружив в этом провокационном халатике в собственной кухне? Или от того, что я согласилась остаться под его крышей и не хочу это менять даже после последнего открытия? Особенно после последнего открытия...

Несколько минут покрутив эти мысли так и эдак, я сумела наконец успокоиться, в который раз напомнив себе простую вещь: я взрослая самостоятельная женщина без брачных обязательств, и все, что я кому-то должна, прописано в своде законов, который я знаю назубок.

Да, прикосновения и объятия Адриана Блака мне понравились, и это совершенно нормально. В конце концов, он очень... мужественен и не лишен определенной харизмы, даже, скорее, животного магнетизма. Я раньше не замечала за собой интереса к подобным типам, но, честно говоря, я и мужчин таких раньше видела разве что на скамье подсудимых, в роли обвиняемых по тяжким статьям, или в лучшем случае среди охраны кого-то из фигурантов. А встретив такого на пустынной улице, предпочла бы перейти на другую сторону — просто так, чтобы не искушать судьбу.

Что до халатика... Похоже, Адриан Блак оказался очень приличным мужчиной и ничего совсем уж плохого обо мне не подумал, иначе эти мысли хоть как-то проявились бы. Пусть не в словах — во взглядах, в намеках. Он же держался так, как будто ничего не случилось. И если бы не столкновение на лестнице, я бы и не сообразила, какую реакцию вызвал у хозяина дома мой халат и то, что под ним. То есть я знала, что красивое белье и подобные вещи

используются женщинами как раз для обольщения, но вообще об этом не думала, когда его надевала! Никогда не приходило в голову пользоваться такими приемами, да и случая не выпадало. До сегодняшнего дня, похоже...

Переживать же из-за возможного будущего — последнее дело. Вешаться на шерифа я точно не собиралась, а все остальное — уже как получится. Может, я вообще зря себя накручиваю и развивать наше знакомство в этом направлении некромант не планирует. Он ведет дело, по которому я прохожу на грани между свидетелем и подозреваемой, и, может, посчитал такое сближение неэтичным. Ну подумаешь, отреагировал на близость женского тела! Вполне естественно и сознательному контролю не поддается.

А если вдруг пожелает сблизиться... Ну, бояться его я окончательно перестала и не сомневалась: если что-то случится, то только по взаимному согласию. И в таком случае вовсе глупо переживать, легкий курортный роман, если верить Лике, пойдет мне только на пользу. Были моменты с полквартиры назад, когда я обещала себе никогда больше не связываться с мужчинами, но это можно оправдать состоянием аффекта.

С этими мыслями я ухнула в глубокий сон без сновидений. Видимо, разум слишком вымотался событиями последних суток, чтобы бурно реагировать на последние впечатления дня и развлекать меня чем-то неприличным. Даже немного жаль.

Глава одиннадцатая, в которой появляется план

Настроение у Адриана с утра было прекрасным.

То есть оно и с вечера было неплохим, и Гайку за ее диверсию не только не отругали, но от души потискали и почесали за ушами. Гостья, конечно, испугалась и даже немного пострадала, но царапалась рыжая не очень сильно, заживет. А у него и так весь вечер чесались руки потрогать то, от чего с трудом удавалось оторвать взгляд, кошка же предоставила отличный повод. Правда, теперь руки чесались еще сильнее от желания повторить в разных вариациях, но это уже мелочи жизни. Зато реакция Лавин ии обнадеживала: женщина хоть и смутилась и растерялась, но возмущаться не стала. А значит, ее все устроило.

Впрочем, как бы ни заманчиво было действовать решительней, но некроманту этого не позволила совесть. Несмотря на то что госпожа Шейс держалась молодцом и проявляла качества настоящего бойца, ее со всей этой столичной историей было искренне жаль. Предательство близкого человека — всегда больно и обидно, а уж если такое циничное, грубое, которое к тому же пытается уничтожить всю привычную жизнь... И не отвлечешься, не забудешься в работе — таком верном и надежном средстве от посторонней хандры. Но Лавиния не сломалась, не сдалась, прошла через ментальное сканирование, рискуя жизнью и собственной психикой, и вышла победительницей.

И, наверное, за эту осторожность утро порадовало Адриана образом гостьи все в том же волнующем халатике, из-под которого порой очень кокетливо выглядывало кружево ночной сорочки. И Блэк считал это хорошим знаком: женщина не попыталась отгородиться строгой юбкой. Да и вела себя утром как ни в чем не бывало, улыбалась и поддерживала разговор.

Ну и пирог оказался выше всяких похвал, что также благотворно сказалось на настроении. Блэк, правда, подозревал, что такое замечательное утро — не к добру. Но радоваться жизни это не мешало.

— Скажите, Адриан, а как у вас тут развлекаются? — спросила гостья.

— Все больше сплетнями, так что всевозможные бары — самое популярное место, — усмехнулся некромант. — Еще по выходным танцы бывают, есть спортивный центр с бассейном, зеркальный зал... Новинки вы там не встретите, конечно, но народ ходит.

Зеркальные технологии вошли в обиход Белого лепестка недавно, уже после войны, и быстро захватили не только его, но и весь остальной мир. Конечно, к обычным зеркалам все это имело мало отношения, но название прижилось. Сложные артефакты, построенные на смещении воздушной и водной силы, могли очень многое.

Зеркальные линии позволяли связываться на большие расстояния внутри одного лепестка, активно велись работы, чтобы обеспечить связь с Сердцевинной, а там уже недалеко до всемирной сети.

Зеркала могли не только передавать изображение и звук, но и сохранять его, и это положило начало зеркальным театрам, где показывали записанные в других местах постановки. Артефакторы работали и над тем, чтобы такие постановки можно было смотреть дома, но существенных успехов пока не добились.

Связь до Клари не добралась, а вот зерзалом, как в последнее время называли зеркальные театры, мэр очень гордился. Небеспочвенно, тот действительно был хорош.

— Можно подумать, я много старого видела! — вздохнула в ответ Лавиния. — А еще что здесь интересного?

— А вам что нужно-то?

— Если бы я знала! — проворчала женщина. — Чем обычно люди занимаются в отпуске и развлекаются в свободное время? Вот вы бы куда пошли на моем месте?

— Вам не подойдет, — улыбнулся Адриан. — Когда у меня выдается много свободного времени и нет домашних дел, я ухожу гулять по горам. Здесь очень живописные виды. Но вы... — Он запнулся, подбирая слова.

— Не надо меня щадить, я прекрасно знаю, о чем вы подумали, — отмахнулась гостья. — Во-первых, я совершенно не умею ходить по горам и, боюсь, далеко не уйду, даже если добуду в магазине подходящую одежду. А во-вторых, я банально заблужусь в ближайших

трех кустах. Поэтому «живописные виды», конечно, звучит заманчиво, но надо здраво оценивать свои силы.

— Вы к себе несправедливы, для прогулки не обязательна особая подготовка. Я бы показал вам пару интересных мест, куда совсем нетрудно добраться, только сначала надо с этим трупом разобраться, — поморщился Адриан. — Но есть простой вариант — сходите к морю. Набережная хороша, и погода позволяет, а если захочется пойти дальше — вдоль воды не заблудитесь.

— И правда интересная идея, — задумчиво согласилась Лавиния. — Я же море видела до сих пор только на картинках... Странно побывать на побережье, но не приблизиться к воде. Главное, в городе не потеряться.

— В любом случае вы всегда можете вернуться сюда. Где мой дом — каждая собака скажет. А запасной ключ я, кстати, нашел.

— То есть вы больше не подозреваете меня в убийстве? Если так спокойно доверяете свой дом вместе с ключом.

— Всерьез я вас не подозреваю, но мои личные ощущения и представления — это не улики. Так что проверять буду, потому что должен, — честно ответил Блэк. — А с домом... Вредить мне, даже если бы вы были виновны, нет никакого смысла, только себя подставлять.

Некоторое время они помолчали, заканчивая завтрак. Точнее, это Адриан завтракал, а Лавиния ограничилась единственным бутербродом с маслом и сыром и теперь не спеша потягивала кофе — к ее счастью, хозяин держал его для гостей, причем хороший сорт. Просто убирал далеко и надежно, и женщина вчера не нашла.

— Вы все еще хотите с кем-то связаться по зеркалу? — На этот раз молчание нарушил Адриан.

— А что, есть возможность? — оживилась Винни.

— Завтра или послезавтра наверняка придется ехать в Фонт, — ответил некромант. — Если хотите, могу взять вас с собой.

— А ничего, что я под подпиской? — озадачилась она.

— Под мою ответственность, — отмахнулся Блэк.

— Спасибо! Я с удовольствием. Надеюсь, Лика к тому времени не рванет сюда мне на помощь, — вздохнула Лавиния. — Вы все-таки попытаетесь отыскать того мужчину в черном?

— И это тоже. Надеюсь, к тому моменту хоть что-то прояснится в записях убитого. Но в любом случае нужно связаться со столицей и отправить несколько запросов.

— Установить мою личность? — улыбнулась женщина.

— И это тоже, — не стал спорить с очевидным шериф. — Но в первую очередь надо выяснить что-нибудь об убитом. Не выйдет так — попросим вашего друга Марга.

— Почему именно его? — спросила она, пропустив «друга» мимо ушей.

— Я других следователей в столице не знаю, а он сам напросился, — весело отозвался Блак. — К тому же у вас наверняка есть к нему вопросы, разве нет?

— О чем вы?

— Ну как же? Посмотреть в глаза прямо не получится, ну так хоть через зеркало. Вы вчера мечтали это сделать.

— Это была минута слабости. — Лавиния раздосадованно поморщилась. — Все равно ничего нового он не скажет, скорее наоборот, сам будет расспрашивать. А мне нечего ему сказать.

— Расспрашивать о чем?

— О ком. О Тамиане, моем бывшем. Марг просил вспомнить, что тот мог сболтнуть, но... не знаю. Кажется, я просто совсем не хочу вспоминать хоть что-нибудь, связанное с этим человеком.

— Вы так сильно его любили? — все-таки спросил Адриан. Невежливо вот так лезть в душу, но лучше заранее оценить настроение гостя.

— Ну-у... — задумчиво протянула та. На интерес собеседника она не обиделась, и Блак счел это хорошим знаком. — Не знаю. Влюблена была, особенно поначалу, да и вообще, но... Скорее нет, чем да. Наверное, если бы я действительно его любила, было бы сложно поверить в предательство, а я приняла его слишком спокойно. Нет, вру, конечно, беспокойно, это было очень гадко. Но отрицать очевидное я не пыталась ни разу, просто следовала презумпции невиновности. Может, я просто такая черствая и рассудочная, творец знает! — Лавиния вздохнула и запоздало насторожилась: — А вы к чему спрашиваете?

— Любопытство, — пожал плечами некромант. Замешкался, раздумывая, продолжать или нет, а потом все-таки рискнул и добавил

прямо: — Вы необычная, очень привлекательная женщина, Лавиния, и мне, безусловно, интересно узнать вас поближе.

Несколько мгновений гостя смотрела на него, не то пытаясь осознать, не то просто не веря своим ушам. Выражение ее лица опять стало потерянно-детским, голубые глаза удивленно и недоверчиво расширились. Блак не удержался от улыбки — а госпожа Шейс смешалась, опустила взгляд и не нашлась с ответом.

— На набережной есть небольшой ресторанчик, называется «Бухта», если соберетесь обедать в городе — очень рекомендую, — заговорил Адриан как ни в чем не бывало, спасая нервно крутящую чашку собеседницу от повисшего неловкого молчания. — Я бы с удовольствием составил вам компанию, но, увы, не сегодня.

— Спасибо, — поблагодарила гостя чашку, по-прежнему не поднимая на некроманта взгляд.

Такая реакция его развеселила и раззадорила, чего уж там. Строгая госпожа судья смущалась так искренне и так выразительно, что Блаку стало ужасно интересно: переборет ли она это чувство и что будет, если все же да?

И как получилось, что эта взрослая и, в общем-то, уверенная в себе женщина столь остро реагирует на откровенное мужское внимание? Неужели никто не пробовал его проявлять? Да, Лавиния явно не из тех, кому вслед сворачивают головы все половозрелые мужчины, но симпатичная ведь! Или все проще и это очередные последствия ментального сканирования, а в нормальном состоянии госпожа Шейс держалась бы уверенней?

Было заманчиво продолжить разговор в прежнем тоне, потому что Адриан тоже отвык от такого общества и таких женщин, которых еще обычно называют «приличными», но — не сейчас, он уже и так опаздывал. Пришлось попрощаться, пожелать хорошего дня и избавить смущенную гостью от своего общества.

Пока Блак добирался до участка, ему пришла в голову другая разумная идея. Да, нет возможности позвать женщину на прогулку или отвести в хороший ресторан, но зато она живет в его доме и вполне можно пообщаться вечером. А главное, ничто не мешает сделать какую-нибудь необременительную приятную мелочь, раз уж он действительно вознамерился немного приударить за своей гостьей. Подарки ей дарить, конечно, неуместно, наверняка не поймет и не

оценит, но можно ведь забежать к Люнгу, тут рядом, и заказать на вечер его великолепных пирожных.

Правда, все эти мысли вылетели из головы, стоило перешагнуть порог кабинета.

Если Блака местные жители уважали, но считали при этом «своим парнем», то к его заместителю относились с куда большим пиететом и часто ставили в пример молодежи. Всегда собран, спокоен, рассудительно-доброжелателен, с аккуратной стрижкой и в безупречно отутюженной форме — великолепный образец для подражания, не то что шериф, и в лучшие дни производивший впечатление некоторой небрежности и взъерошенности, даже когда был умыт, выбрит и одет с иголочки.

Так вот, шагнув в кабинет, Адриан в первый момент решил, что друг мертв. Потому что в каком-то ином случае этот аккуратист просто не мог лежать на столе, плюща лицом открытую книгу, расслабленно уронив руки по обе стороны от нее и — совсем уж дикость — смахнув на пол какие-то бумаги. Впрочем, начать выяснять подробности Блак не успел: потревоженный звуком открывшейся двери, Кир двинулся, устраиваясь поудобнее, и что-то неразборчиво пробормотал себе под нос.

Адриан насмешливо хмыкнул и окинул кабинет иным, уже более внимательным и спокойным взглядом. Отметил две новых карты, появившихся на стене: подробную карту Фонта и еще одну, покрывавшую участок территории на месте Разлома. Судя по ярким цветным стрелкам, карта была исторической и иллюстрировала ход одного из сражений конца Последней войны. Откуда Клет их вообще достал в ночи?..

Блак подобрал с пола листы бумаги, исписанные безукоризненно ровным почерком заместителя, но испещренные таким количеством непонятных пометок и перекрестных ссылок, что не стоило даже пытаться вникнуть. А рядом с локтем спящего некроманта обнаружилось поразительное и даже почти пугающее свидетельство бурной ночи, проведенной Клетом на рабочем месте: опрокинутая кружка из-под кофе, из которой выползла гуща, растеклась бугристой коричнево-черной кляксой и засохла на каком-то документе.

Тихо прикрыв дверь, Адриан еще раз окинул друга задумчивым взглядом и пошел включать кофейную машину.

Шуршание последней заставило Клета вздрогнуть и проснуться. Он выпрямился, сонно потер ладонями лицо, покрутил головой, разминая шею...

— Надеюсь, это того стоило? — не удержался шериф.

Кириан дернулся от неожиданности, обернулся.

— А, это ты... Что стоило? — пробурчал он сонно, опять отвернувшись. И, кажется, наконец заметил погром на столе. — Ай, горелые грешники! Да чтоб вам...

Сонливость как рукой сняло — Клет принялся торопливо и немного нервно устранять погром, тихо ругаясь себе под нос. Блак, хоть его и грызло любопытство, решил повременить с вопросами, пока Кириан уймется и вернется в свое обычное состояние спокойной собранности. Не столько из сочувствия к другу, сколько из мелочного злорадства: обычно именно с шерифом случались подобные нелепицы, а его зам невозмутимо наблюдал со стороны. До сих пор единственное, что выводило Кира из равновесия, — его фобия, при виде крови он терял всякую невозмутимость, но злорадствовать в такие моменты было подло.

На то, чтобы привести в относительный порядок рабочий стол, у Клета ушла пара минут, после чего заместитель шерифа удалился в туалет с грязной кружкой и портфелем наперевес. Стало очевидно, что на этом развлечение закончилось, и Блак, поставив другу на стол кружку свежего кофе, подошел к карте.

Большинство точек, насколько он помнил, остались на прежних местах, но добавилась еще одна — та самая, которая после войны перестала существовать, вероятное место проведения ритуала в самом начале Разлома, почти у Границы. Вышла, как и предполагалось, почти прямая линия. Вот только что она значила?..

— Никаких пояснений касательно сути этой картины я у него вчера не нашел, — сообщил Кириан от входа, выводя начальника из созерцательного ступора.

— А что нашел? — обернулся Блак. И не удивился, обнаружив обычного Клета: подтянутого, чисто выбритого, аккуратно причесанного и совсем несонного.

— Много полной ерунды, не имеющей к нам отношения, — скривился зам, подошел к своему столу и подхватил кружку. — Спасибо, ты настоящий друг!

— Обращайся. Что, ты уснул тут над ерундой?

— Над попытками вычленить драгоценные крупички, — возразил Кириан. — И кое-что нашел. Как госпожа судья?

— Что? — растерялся Блэк от резкой перемены темы. — Да нормально она, какое тебе дело? Специально, что ли, затягиваешь? Цену набиваешь?

— Нет, просто я, как ты видишь, ищу нужные страницы, а в это время можно поговорить на отвлеченную тему. Я правильно понимаю, она осталась у тебя?

— Все-таки ты с кем-то поспорил, — проговорил шериф, скрестил руки на груди и присел на край стола, отчего тот жалобно скрипнул. — Надеюсь, намного?

— А что, уже можно требовать свой выигрыш? — насмешливо вскинул брови Клет.

— Понятия не имею. Я же не знаю, на что именно ты ставил! Да ладно, не смотри так скептически, не было ничего, — хмыкнул Блэк. — У госпожи Шейс довольно сложные жизненные обстоятельства, ей сейчас не до маленьких приключений.

«А жаль, — добавил он мысленно. — Потому что и халатик, и то, что под халатиком...»

— Ладно, можешь не продолжать, я все понял, в тебе выиграло благородство, — с наигранной грустью вздохнул Кир. — И с деньгами я могу проститься.

— Я не пророк, — спокойно пожал плечами Адриан. Конечно, распространяться о собственных планах и об интересе к госте он не собирался. Может, в других обстоятельствах и поступил бы иначе, но не на фоне пари.

— Подробностей не спрашиваю, все равно не расскажешь, — понимающе подытожил Кириан. — Ладно, к делу. Оказалось, не так с этими записями все плохо, как виделось на первый взгляд, некоторая система у него была. Как минимум заметки по одной теме объединены, так что наш блок я все же отыскал. Это хорошая новость. Но записей по нужной теме в блокноте немного, и это новость похуже.

— Чую, где-то у него еще есть записи, — нахмурился Адриан. — Того, что мы нашли, маловато для выводов.

— Согласен. Может быть, даже в Фонте, но я не уверен. Тут есть несколько адресов, первый, жирно подчеркнутый, кажется,

принадлежит обыкновенной квартире, я сверился с картой города. Еще два — это публичная библиотека и архив центрального госпиталя.

— А госпиталь-то ему зачем понадобился? — опешил Блак.

— Представления не имею, — развел руками его заместитель. — Вернее, я немного неточен, одна зацепка тут есть: инкопотензия.

— Звучит как ругательство или название заболевания, — заметил Адриан.

— В точку, это оно и есть. Причем очень редкая штука. Чтоб ты понимал масштабы, Вит это название с ходу не вспомнил.

— А ты его среди ночи, что ли, поднял? Тогда я его понимаю, я бы тоже мало что вспомнил.

— Ну, ты не равняй себя с нашим Трасом, у него врачебный рефлекс: может спать урывками и, просыпаясь, почти сразу нормально соображает. Не суть. Он тряхнул свою библиотеку и все-таки меня просветил. Инкопотензия — это энергетическое недержание.

— Недержание чего?

— Энергии, как нетрудно догадаться, — тонко улыбнулся Кириан. — Это такое редкое врожденное отклонение, которое передается по наследству, при этом остается у большинства носителей в рецессивном, то есть подавленном виде, но у некоторых невезучих людей проявляется в зрелом возрасте. Аура человека неспособна удерживать энергию. Лечения как такового не существует, только поддерживающая терапия: такие больные держатся на специальных артефактах, причем, как правило, не очень долго. Болезнь плохо изучена, она действительно редко встречается и сложно диагностируется, потому что проявления неспецифические. Обычно начинают лечить от других недугов. А вот какое отношение эта болезнь имеет к покойному генералу Отоку, Разлому, одержимым и нашему славному городу — у меня даже предположений нет, уж извини.

— Одержимые и Разлом плохо изучены, — усмехнулся Блак и задумчиво поскреб подбородок. — Да и генерал, пожалуй, тоже. Но я тебя понял, никакой явной связи. Ну разве что одержимые кое в чем противоположны этим бедолагам.

— Ты имеешь в виду их энергетическую емкость? Ну... сам понимаешь, это не очень убедительная связь. Так же можно привязать, например, Отока к Клари, он же бывал здесь до войны.

— Да? — искренне удивился Блэк. — Не знал.

— Бывал-бывал, — заверил Клет, выдержал паузу и продолжил буднично: — И еще в тысяче более-менее крупных поселений. Вспомни, он же перед войной занимался агитацией, поднимал боевой дух и призывал идти на военную службу. Так что в Клари он совершенно точно был.

— А-а, вот ты о чем, — со смешком протянул шериф. — Тоже верно. Ладно, это все?

— Ну в общем да. Есть еще расписание поездов из Фонта в Клари и обратно. Ах да, есть адрес и имя его редактора, не знаю уж, насколько актуальные.

— Короче, я понял, надо собираться в Фонт.

— Пожалуй. А результатов экспертизы ты не хочешь дожидаться?

— Дождусь, — согласился Адриан. — Да я сегодня и не собирался, поздно уже, завтра утром. Надо еще машину проверить перед этим, да и вообще как-то подготовиться. Надеюсь, за сегодня Трас и его команда разберутся с уликами. Хотя я сомневаюсь, что они дадут какую-нибудь зацепку.

Информация начала поступать вскоре. Увы, как и предполагал Блэк, полезного нашлось мало. Аура пассажиров не несла следов близкого контакта с пожирателем, и это говорило лишь о предусмотрительности убийцы: повернуть все так, чтобы не испачкаться, не очень сложно, было бы желание и элементарное знание магических законов. Если человек в курсе, как обращаться с пожирателем, то уж подобная мелочь не составит труда.

Единственно можно было считать окончательно доказанным, что убийца ехал в поезде. Это в совокупности со временем смерти доказывали анализы побрякушки-брелока, который удерживал пожирателя не больше получаса, и пальто госпожи судьи, точнее, пятна на нем. Как именно душу пересадили из изначального вместилища, выяснить не удалось, но это уже не имело значения.

Пятно оставил «Тихий туман» — зелье сложное, но не более редкое, чем дух пожирателя. Его очень любили воры, диверсанты и особые полицейские подразделения, а также всевозможные писатели-детективщики, и потому слышал о нем едва ли не каждый житель лепестка. Разлитое зелье быстро испарялось, создавая едва заметный и почти неощутимый туман, полностью скрадывающий все звуки.

Понятно, что применять его стоило исключительно в помещениях, и купе для этого подходило идеально.

Одним из важных свойств зелья была сложность его обнаружения после прекращения действия, которого хватало, в зависимости от концентрации, также от часа до четырех. Но в этот раз убийце не повезло: пальто госпожи судьи было дорогим, то есть зачарованным от истирания и потери цвета на стадии изготовления ткани. Именно эти чары выступили стабилизатором и не позволили зелью испариться, каковое обстоятельство очень порадовало Траса и обещало вылиться в большую научную статью.

Тут возникал еще один вопрос: как убитый не заметил отсутствия стука колес и других звуков, сопровождающих движение поезда, да даже просто шороха вещей, потому что «Тихий туман» отрубал все звуки без разбора. И ответ на него у Блака имелся один: с момента разлива зелья до смерти журналиста прошло совсем немного времени, и бедолага просто не успел сообразить, что происходит.

Если добавить сюда пожирателя, возникала небольшая вилка событий. Либо убийца держал брелок при себе до того момента, как структура начнет разрушаться, либо точно знал, насколько его хватит, а значит, экспериментировал или был отличным теоретиком. Но в любом случае речь шла о человеке настолько решительном и хладнокровном, что это впечатляло.

А после анализа показаний свидетелей и составления временной схемы количество подозреваемых, располагавших возможностью, сократилось до пяти — тех, кто мог в момент убийства незаметно заглянуть в купе первого класса и подбросить туда все нужное.

Касадра Дхур. Умна, расчетлива, прекрасно разбирается в зельях и духах. Теснее всех прочих связана с Разломом и с темой одержимых — если, конечно, журналиста убили именно из-за нее. Ехала от самой столицы. Могла ли подстроить свое столкновение с журналистом в поезде? Ну... теоретически — да. А еще могла воспользоваться моментом. Касадра вообще казалась человеком-невидимкой: чем она занималась всю дорогу, никто толком не мог сказать, — на сидящую в третьем классе на угловом месте старушку просто не обращали внимания.

Лавиния Шейс. Тоже ехала от самой столицы, могла иметь конфликт с журналистом помимо того, о котором упоминала. Умна,

имеет юридическое образование и без труда могла найти информацию о духах и зельях. Находилась близко к купе первого класса и имела возможность незаметно к нему подойти. Вот только достало бы ей, сидящей на успокоительных, выдержки и хладнокровия? Можно предположить, что да, что она хорошая актриса, тем более ее работа требовала определенной жесткости и стойкости. Но... по сравнению с госпожой Дхур — совсем не тянет.

Татина Грог, проводница. Со слов машиниста, работает в этом самом вагоне уже давно, особых нареканий никогда не имела. Кроме наличия возможности, ей вообще нечего предъявить: совершенно непонятно, какой конфликт мог возникнуть между ней и журналистом, тем более жила девушка в Фонте, а не в столице.

Зенор Донт, аптекарь. Живет в Клари, сколько Блак себя помнит, вроде бы даже местный уроженец. Регулярно ездит в Фонт, сам привозит лекарства, не доверяя это дело почте. Да некоторые средства почтой никто и не отправит, только лично в руки и по лицензии. Со смущением признался в проблемах со здоровьем, поэтому часто ходил в туалет на протяжении всего пути, то есть мимо двери купе первого класса. Прекрасно разбирается в зельях, поэтому «Тихий туман» мог изготовить самостоятельно. Но абсолютно непонятен мотив: в столицу он не ездил и с журналистом познакомиться вряд ли мог, да и к Разлому никакого отношения, судя по всему, не имел. Кроме того, с ним особенно остро вставал вопрос о неожиданном выборе способа убийства. Если он не постеснялся применить такое сложное и специфическое зелье, почему не воспользовался ядом? Уж он-то должен в них разбираться! Подобрал такой, который быстро разрушается, — и все.

Ну и, наконец, Савин Тург, профессиональный шофер. До нынешнего переезда к дочери постоянно проживал в Фонте, но со своей профессией мог объездить пол-лепестка, его вполне могло занести и к Разлому, и в столицу, и вообще куда угодно. Примерно в нужное время ходил к проводнице за чаем. Проблемы те же самые, что и с проводницей: совершенно непонятно, что именно и когда не поделил с журналистом. Человек он, конечно, невозмутимый и кажется очень выдержанным, на заключение вон отреагировал спокойней всех, но это совсем ничего не значит.

— Неужели его все-таки Железная Каси порешила? — задумчиво протянул Блэк. — Что ж он такое нарыл?..

— Не хочешь провести у нее обыск? — без особой уверенности предложил Кириан.

— Бессмысленно, да и оснований недостаточно. Нет, можно было бы на них плюнуть, на основания эти, но она слишком умная женщина, чтобы хранить в своем собственном доме что-нибудь эдакое. Тем более сейчас. Она прекрасно понимает, что под подозрением: она единственная совершенно точно знает, как обращаться с опасными духами, и имеет в этом огромный опыт.

— Значит, в Фонт, выяснять, зачем парня вообще понесло в Клари?

— В Фонт. А сегодня, пока время есть, пойду еще раз поговорю с остальными подозреваемыми и главное — с их окружением. Может, еще что-нибудь всплывет.

Глава двенадцатая, в которой завязываются знакомства

Умываясь утром и спускаясь к завтраку в том же фривольном виде, что и вчера, я прекрасно понимала, что этим поощряю некроманта, даже с искренним любопытством ждала, как он себя поведет и что предпримет. Только легко это было в моем представлении и в одиночестве, а на практике я оказалась совершенно не готова к невозмутимой прямолинейности Блака.

Или вообще — к Блаку? Мне кажется, будь на его месте другой человек, и общаться с ним было бы куда проще, а так... Ощущение, словно со мной сторожевой пес начал флиртовать. Ну или медведь, да. Причем чувство неловкости усиливалось и стыдом перед некромантом за такие странные мысли. Он ведь неплохой человек, да и где-то на подсознательном уровне воспринимался мной совершенно нормально — понравились же мне его объятия вчера! Но...

В общем, когда мужчина ушел на службу, я вздохнула с облегчением, быстро закончила завтрак и пошла одеваться, подхватив вьющуюся под ногами Гайку. Во избежание — потому что сейчас ловить меня было некому.

— Объясни мне, кошка, зачем ты это делаешь, а? — заговорила я, поднимаясь по лестнице. — А если кто-нибудь на тебя все-таки наступит? Тебя покалечит или сам убьется? Ну что «мур»?! Кошка-убийца...

Обняв меня лапами за шею, рыжая вдохновенно урчала и соглашалась со всем сразу, лишь бы ее продолжали чесать за ушами. Потрясающе ручное создание.

— Завести себе дома такую же вот мурлыку, что ли? — спросила я у Гайки, опуская ее на пол в комнате. Кошка потянулась, а в следующее мгновение уже вспорхнула на кровать и свернулась на подушке уютным клубком. — Или нет, — добавила, смерив ее задумчивым взглядом.

Согнать бы, но... смысл? Точно ведь, стоит уйти, она тут же вернется обратно. Тут вон в каждой двери внизу специальная кошачья

дверка проделана, и что-то подсказывает мне — хозяин своим питомцам позволяет абсолютно все.

Я шагнула к шкафу — и, вскрикнув от неожиданности, шарахнулась от быстрого смазанного движения сбоку. Прижалась спиной к дверце шкафа и в ступоре уставилась на возникшую на столе черную статуэтку. То есть, конечно, на кошку, но выглядела она очень... декоративно. С гладкой блестящей шерстью, с узкими треугольными ушами, с презрительным взглядом зеленых глаз сквозь легкий прищур. Готова поклясться, на меня она смотрела с неодобрением и с долей брезгливости. На длинной усатой морде крупными буквами было написано, кто в этом доме хозяйка.

— Нет, пожалуй, мне и без кошки неплохо живется, — проворчала я, отодвигаясь от шкафа. — Так никаких успокоительных не хватит!

Вчерашняя блузка сохла на плечиках, висящих на ручке комода, благо тот был достаточно высоким, поэтому следовало взять что-то ей на смену. А с голубой, под цвет глаз, блузкой я, подумав, достала и другую юбку — бежевую, привычной длины чуть ниже колена, на широкую, в отличие от остальных, самое то для прогулки. А подумав еще, прибавила к этому тонкий белый пуловер с глубоким вырезом, чудом затесавшийся в вещи. Погода хорошая, надеюсь, этого хватит, чтобы не замерзнуть.

Бросив юбку и блузку на кровать, надела белье и, снова накинув халат, пошла укладывать волосы — зеркала в комнате, увы, не было. Короткая стрижка — это, конечно, удобно, но некоторые сложности все равно есть.

— Гайка! Ну и кто ты после этого?! — возмущенно ахнула я при виде кошки, за прошедшие несколько минут перебравшейся с подушки на опрометчиво оставленные вещи.

— Мря? — невинно отозвалась та.

— Полная! — согласилась, выдергивая из-под недовольной таким обращением рыжей юбку. — Хорошо у тебя шерсть под цвет! Нет, ну-ка, брысь! На блузке ты мне тем более не нужна!

Вакса все это время, пока я ходила и воевала с ее подругой, почти неподвижно просидела на столе, причем с таким видом... Кажется, я начинаю ее бояться. Интересно, а животные бывают одержимы духами?

Из окна полицейского фургона сложно было оценить Клари по достоинству, но даже тогда он показался очень симпатичным — низкие чистые домики, много зелени. Мой родной городишко выглядел гораздо менее уютным, а уж после шумной многоэтажной столицы тут и вовсе Сады Творца.

А при ближайшем рассмотрении выяснилось, что Клари еще и очень живой. Местные обитатели громко здоровались друг с другом, шумно что-то обсуждали, по улицам носились дети. Автомобилей почти не было, передвигаться местные предпочитали пешком или на велосипедах. На меня поглядывали с любопытством, шушукались вслед, но беззлобно, просто интересуясь новым лицом.

Дорогу я выбрала, руководствуясь простым принципом: море должно быть где-то внизу, с противоположной стороны от гор. В той части, где находился дом шерифа, Клари занимал широкий и достаточно пологий участок берега, чтобы не обрываться к воде крутыми лестницами и серпантинами, но сила тяжести все равно здорово подгоняла, заставляя с грустью думать о том моменте, когда надо будет идти обратно.

Сегодня погода, безусловно, радовала, словно извиняясь за прошлые безобразия. Небо горело ослепительно-яркой синевой, какой я никогда не видела в Шорре, но жару не позволяли разгуляться порывы освежающего прохладного ветра, которые прокатывались по улицам один за другим. Даже стало немного неловко за свои недовольные мысли о таком замечательном городе. А Тати говорила...

Творец! Татина! Как же стыдно... Я ведь совершенно про нее забыла, даже у Блака не спросила, где она устроилась и что с ней! Нет, вряд ли случилось что-то плохое, но выяснить надо. Это мне повезло, что шериф оказался гостеприимным, а она как?

Некоторое время меня возмущенно грызла совесть, но в итоге удалось с ней договориться. Все равно просто так метаться по городу и звать проводницу бессмысленно, я здесь ничего не знаю, будет куда разумнее вечером спросить совета у некроманта.

А вскоре, немного успокоившись на этот счет, я начала проникаться благодарностью к Гитону Маргу за то, что сослал меня именно в это место. После пары часов близкого личного знакомства Клари очаровывал, и я вскоре поняла выбор того промышленника, который с удовольствием отдыхал в этих краях. Я явственно ощущала,

что с каждым шагом и каждым вдохом словно становится легче и спокойнее на душе безо всяких таблеток. Несмотря на то что под горку шлось быстро, дыхание не сбивалось — как будто воздуха тут было гораздо больше, чем обычно, и это с лихвой компенсировало потери.

Мощные тротуары, небольшие каменные домики, утопающие в цветных ароматных садах. Через низкие заборчики из штaketника или делано-небрежные плетни на улицу выглядывали ухоженные кусты, свисали гирлянды цветущих вьюнов. Где-то заборы и вовсе превращались в низкие декоративные ограды, и тогда взору открывались лужайки и клумбы. Благоухало все это великолепие просто потрясающе, в одном месте я даже узнала отчетливый запах любимых духов, только их составом никогда не интересовалась и опознать цветы не смогла.

По дороге попала пара более тесных улочек, где дома были выше, в три и даже в четыре этажа, и стояли они ближе. Там первые этажи часто занимали магазины всякой всячины, попало несколько баров. Я зашла в пару лавок, продающих одежду, в безнадежной попытке отыскать себе брюки, но лишь в очередной раз убедилась, что эта одежда не для меня и юбки для прогулки вполне достаточно. Я вообще не люблю штаны и чувствую себя в них очень глупо, а тут еще и выбор совсем скудный.

Но зато, памятуя о печальной судьбе пальто, присмотрела себе симпатичную приталенную куртку вишневого цвета и договорилась забрать ее ближе к вечеру. Кроме того, в бакалейном обзавелась бутылкой воды и, почему-то там же, симпатичной соломенной шляпкой — давно такую хотела, но носить было некуда.

Море, дразнясь, вскоре начало мелькать за домами. Обманчиво близкое, оно подмигивало блестящей в ярком свете рябью и пряталось, чтобы серо-синей гладью выглянуть из-за следующего поворота. Под конец меня даже охватило нетерпение, уже хотелось наконец дойти.

Набережная и правда оказалась красивой. От моря ее отделяла низкая белокаменная балюстрада, от города — аккуратно подстриженная живая изгородь и узкая полоса не то парка, не то сквера. Здесь обычную серую брусчатку сменил все тот же белый с прожилками камень, выложенный крупными прямоугольными плитами, а вплотную к живой изгороди, в тени раскидистых деревьев, стояли кованые скамейки.

Отчеркнутое белыми перилами, море казалось пронзительно-зеленым. Со следующего шага — голубым, потом — свинцово-серым. Чувствуя неуверенность и даже робость, неширокую набережную я пересекла гораздо медленнее, чем шла сюда. Правда, следующий, особенно сильный порыв ветра очень быстро заставил собраться и опомниться: он попытался сорвать с меня шляпу, а расставаться с обновкой совершенно не хотелось, так что к балюстраде я подошла, придерживая одной рукой головной убор.

Море... впечатляло. Оно разбивало волны о тяжелые и темные каменные плиты, составляющие тело набережной, внизу, метрах в трех. Шуршало и плюхалось, шептало и шелестело, трепало зеленые пряди прибрежных водорослей.

А еще оно странно пахло. Остро, сухо, холодно. Я только теперь сообразила, что этот замах висел в воздухе всю дорогу, просто раньше мешался с другими — железной дорогой, городом, цветами. Горьковатое и противоречивое сочетание свежести и прелости. Точно не противное, но слишком непривычное и оттого — резкое.

От моря едва ощутимо тянуло холодом. Это освежало, но одновременно будило что-то глубинное, тревожное, жуткое, понуждающее бежать прочь.

Море — одна из самых больших нерешенных загадок нашего мира. Оно омывает все лепестки, кроме Красного, но в каждом лепестке оно свое, и нет никакой возможности добраться до соседей по воде.

Я не знаю, отличаются ли моря разных лепестков, не было случая заинтересоваться: в школе землеписание не было моим любимым предметом, а после я о нем и не вспоминала. Например, совсем не факт, что море — это та же самая стихия, в которой живут обитатели Черною лепестка. И даже, скорее всего, иная, потому что...

Оно враждебно. Ненасытно. И бесконечно.

Нет ни одного достоверного свидетельства, что хоть один из кораблей, отплывших достаточно далеко, чтобы потерять берег из виду, сумел вернуться. Легенд и сказок одна страшнее другой в достатке, но проверенных, убедительных фактов, что происходило с кораблями, лично я не знала.

Это здесь, у берега, море бывает ласковым и теплым, бессильно бьется о камни где-то внизу. Мимо побережья ходят косяки рыб, и

рыбаки добывают их, кормят свои семьи и в конечном итоге весь лепесток. Но что творится там, вдали, в сизой дымке на месте встречи воды и неба, — неизвестно.

Оно выпивает силу из магов, не прочь подзакусить нейтралом. Причем в прямом смысле: как бы хорошо ни умел человек плавать — оказавшись за бортом достаточно далеко от берега, он почти всегда уходит ко дну, даже если команда корабля пытается его спасти.

Редкие счастливицы, которым везет выжить, описывают свои ощущения как холод, сковывающий не тело — душу. Вода кажется им вязкой и топкой, словно болотистая трясина, она с силой тянет на дно, а собственное тело начинает весить гораздо больше, чем на берегу.

Духи, какими бы слабыми и покорными они ни были и как бы ни заклил их пленивший некромант, в море впадают в буйство, и усмирить их бывает очень трудно. Говорят, море связывает реальный мир и потусторонний, подобно Разлому, но само же служит преградой, которая не позволяет двум мирам столкнуться.

Поэтому такая близость моря пугала. Но одновременно манила коснуться воды, узнать, каково оно на ощупь, тем более здесь оно не несло реальной опасности. В конце набережной, например, виднелся светлый, чистый песок, и в воде у пляжа бесечно резвилась детвора. Далеко, впрочем, не заплывала, но взрослые даже не пытались ее остановить. Да и с могучего, темного от воды волнолома, выдающегося вперед как раз перед пляжем, в воду прыгали подростки.

С другой стороны набережной имелся еще один мол, защищавший от моря порт, но он не интересовал ни детей, ни меня, только несколько рыбаков клевали носом над удочками на дальнем конце. А за волноломом виднелся частокор корабельных мачт, ряд каких-то сооружений на берегу, пара кранов — совсем не то, на что я с удовольствием поглазела бы.

Полубовавшись видом обнятой горами бухты, я окончательно решила, что хочу спуститься вниз, но сначала было бы неплохо немного передохнуть. Как минимум выпить воды, потому что ветер подуспокоился и на открытом пространстве стало припекать. И пуловер, наверное, можно уже снять.

Недолго думая я пристроила сумку на перила, достала бутылку. В руку ткнулся еще один стеклянный бочок, и я тихо выругалась себе

под нос: опять забыла принять лекарство! Пришлось браться за пузырек, раз уж вспомнила.

Ветер как будто только этого и ждал. Резкий порыв дернул мою шляпу, рука вскинулась ее ловить... Бряк! — и пузырек безвестно канул в морскую пучину.

— Творец! — тоскливо выдохнула я, перегибаясь через перила. Наученная горьким опытом, в этот момент крепко держала и шляпку, и сумку. — Поздравляю, Винни, зато шляпу сберегла! — добавила ворчливо, повесила сумку на плечо и все-таки отпила из бутылки.

Опять перегнулась через перила, грустно вгляделась в прибой. Почудилось, что в воде мелькнули желтые крапинки пилюль и осколки стекла. И что делать? Собственное поведение без лекарства я уже наблюдала, хватило одного раза. Интересно, можно ли его чем-то заменить?..

— У вас что-то случилось, девушка? — отвлек от мрачных мыслей немного скрипучий, но сильный женский голос.

Я настороженно обернулась и тут же расслабилась, обнаружив рядом... нет, не безобидную старушку, скорее пожилую даму, но в любом случае человека не из тех, от кого принято держаться подальше. Невысокая, сухощавая, с безукоризненно прямой спиной, она производила впечатление эдакой строгой учительницы литературы или даже этикета откуда-то из прошлых времен. Длинное бежевое платье с рукавами и глухим воротом, теплый жилет поверх, белая кружевная шляпка на серебристо-серых, красивого благородного оттенка волосах...

— Ничего серьезного, — заверила ее, но потом недовольно поморщилась и все-таки уточнила: — Я просто пузырек с лекарством уронила.

— А говорите — ничего серьезного! — нахмурилась дама.

— Оно не жизненно необходимое. Хотя, конечно... А вы не знаете, тут где-нибудь поблизости есть аптека?

— Не могу сказать, что поблизости, но есть. Если хотите, могу вас проводить, мне как раз по дороге.

— Нет, спасибо, не хочу вас утруждать, — отмахнулась я, надеясь, что вышло не слишком поспешно. Начинаю думать, что не так уж безобидна эта дама. Сложно поверить, что ей действительно по чистой случайности нужно именно туда, куда надо мне...

— Простите старухе вроде меня ее назойливость, милая девушка, — вдруг весело, очень живо улыбнулась незнакомка. — Мне хочется с вами познакомиться и поговорить, и я посчитала повод удачным. Пойдемте. Я не кусаюсь, слишком мало зубов осталось, приходится их беречь.

— И о чем вы хотели поговорить? — озадачилась я, но зашагала рядом с женщиной. Шла она небыстро, но и не шаркала — явно находилась в отличной для своего возраста форме.

— Разумеется, об убийстве, — пожала плечами она. — Вы меня, должно быть, не помните, мы вместе ехали в поезде. Вы Лавиния Раке, верно?

— Верно. А вы?.. — Упоминание о поезде немного успокоило, теперь хоть понятно, какой ей во мне интерес.

А с другой стороны, чего еще я ждала? Не сомневаюсь, уже весь город знает, кто я такая и при каких обстоятельствах сюда попала, в таких местах новости распространяются мгновенно.

— Касадра Дхур. Я, как и вы, ехала от столицы. Вы не сердитесь на малыша Данни?

— На кого? — растерялась я, пытаюсь вспомнить, были ли в поезде дети и мог ли кто-то из них меня задеть.

— На Адриана, нашего шерифа.

— «Малыша»?! — не сдержала я ошарашенного возгласа.

— Простите! — рассмеялась женщина. — Это прозвучало очень неуместно. Я хорошо знала его мать и прекрасно помню Адриана крошечным карапузом, который едва начал ходить. Он был таким забавным, таким кругленьким...

Больше всего на свете я в этот момент хотела спросить, зачем бы мне могла понадобиться информация о детстве некроманта, но сдержалась. Представить его ребенком я не могла, равно как и понять, каким образом в голове идущей рядом со мной госпожи Дхур этот огромный мужчина может сочетаться со словом «малыш», пусть он даже вырос на ее руках. Но препираться с пожилым человеком из-за такого пустяка не стала.

Собиралась ровно ответить, что не держу на него зла, а потом снова напомнила себе, что новости здесь распространяются мгновенно. Поэтому...

— Госпожа Дхур, скажите сразу, чего именно вы от меня хотите? В жизни не поверю, будто вы не знаете, что я провела эту ночь в доме любезно предоставившего мне кров господина Блака, и уж наверняка не сержусь, раз приняла его приглашение. Если что — нет, мы с ним не любовники, он просто предложил мне пожить в гостевой комнате, потому что все приличные гостиницы заняты.

— А жаль, — совершенно искренне сказала женщина. Насмешливо улыбнулась, бросив взгляд на мое лицо, наверное, красноречиво отобразившее все то, что я подумала о ее прямолинейности. — Не нужно подозревать меня в совсем уж недостойном, милая девушка, — заговорила она неуловимо другим, твердым и почти командным тоном, гораздо лучше подходящим к наружности строгой учительницы. — Я не желаю погреть уши и почесать язык, мой интерес продиктован беспокойством об Адриане и в конечном итоге обо всем нашем городе.

— Не переживайте за свой город, нет у меня никаких... — начала я раздраженно.

— Дослушайте, — резко осадил меня госпожа Дхур. Таким тоном, что... Я по-прежнему не понимала, почему Адриан Блак у нее — малыш, но как-то вдруг признала, что называть она его может как угодно и имеет на это полное право. Причем называть в лицо с полного попустительства некроманта. Странная женщина. — Всем нормальным людям нужны рядом живые души. Близкие. И дело не только в общении. Души не терпят одиночества, в одиночестве они... звереют?

— Я слышала эту теорию, — поддержала я вежливо, потому что спутница вдруг умолкла на этом моменте, хмурясь и явно думая о чем-то постороннем.

— Это не теория. — Женщина гневно поджала губы, но почему-то не сочла нужным обжигать меня недовольным взглядом, как будто злилась не на меня за сомнения, а на кого-то другого или даже на самого Творца за то, что он вот так все устроил. — Это жизнь. И если с остальными людьми это не так заметно и не столь разрушительно, то с некромантами... Когда постоянно работаешь с мертвыми, живые особенно нужны. Адриан — сильный некромант. Очень сильный, из тех, каких рождается десяток на поколение. Ему...

— Простите, госпожа Дхур, но вынуждена вас перебить. Понимаю, вы хорошо относитесь к господину Блаку, желаете ему добра, и это замечательно. Только я по-прежнему не понимаю, при чем тут я? Вас не смущает, что мы с ним знакомы всего день и что через полторы декады я уеду к себе домой, в Шорру?

— Может, передумаете. Она глянула на меня снисходительно и насмешливо.

— При всем моем уважении к шерифу и Кларинет. Вам что, вообще плевать, с кем, лишь бы он с кем-то сошелся? Вы ему всех женщин от двадцати до семидесяти сватаете?

— Вы первая, — со странной улыбкой ответила дама. — Адриан слишком щепетилен и не дает ни малейшего повода.

— Прекрасно понимаю почему. Он с кем-нибудь остановится поговорить, а его уже заочно женили. Представляю, как ему это надоело!

— Простите глупой старухе ее сводничество, — рассеянно и как будто без малейшего расстройств или обиды проговорила госпожа Дхур. — Это, наверное, такой способ самозащиты. Когда смерть дышит в затылок, хочется уцепиться за жизнь. Себе-то уже ничто не светит, но хочется облагодетельствовать окружающих... Из вас вышла бы хорошая пара.

— Вы пришли к этому выводу через пять минут знакомства со мной? — спросила я, все больше раздражаясь и уже всерьез жалея, что не проявила твердость и не отказалась от общества сразу.

— Мне хватило увиденного в поезде. Есть души, которые друг к другу тянутся, и это нетрудно заметить... Впрочем, я совсем вас утомила. Не берите в голову болтовню старухи. Эта погода заставляет меня волноваться и нести всякую чушь.

— А что не так с погодой? — с восторгом уцепилась я за нейтральную тему. — По-моему, она замечательная.

В глазах Касадры Дхур, когда она бросила на меня взгляд, на мгновение мелькнули смешливые искорки, словно она прекрасно поняла мою реакцию и именно ее нашла забавной. Но ощущение было мимолетным, а потом она заговорила с какой-то типично старческой сварливостью:

— В этом-то и беда! Клари не бывает таким осенью, я его как облупленный знаю! Дурное задумал. Буря будет...

— Может, он просто решил встать на путь исправления? — улыбнулась я.

— Еще скажите, будто он так извиняется, — отмахнулась собеседница. — Нет, милая, ничего мутного от него осенью не дождешься. Да еще труп этот...

— Ну, господин Блак, думаю, сумеет во всем разобраться, он производит впечатление разумного человека. Когда в своем уме...

— Разобраться-то он разберется, — раздумчиво проговорила женщина. — Вот только... не будет ли поздно?

— Что вы имеете в виду? — растерялась я. — Вы это на основе погоды предполагаете или есть другие источники?

— Дурное предчувствие, — уклончиво ответила она. — Но довольно о мрачном. Как вам наш славный город?

В последних словах послышалась ирония, но заострять внимание на этом я не стала. И остаток пути, к моему искреннему облегчению, прошел за мирным и неожиданно продуктивным разговором о красотах Клари. Оказалось, здесь имелся исторический музей, по заверениям госпожи Дхур, весьма интересный, и музей моря, в котором выставлялось множество необычных и даже пугающих экспонатов, попавшихся в сети местных рыбаков в разные годы. Кроме того, женщина посоветовала посетить старый городской парк, разбитый недалеко от здания мэрии, — небольшой, но живописный и способный похвастаться несколькими ценными статуями и красивыми фонтанами.

Все-таки не настолько уж обманчивым было впечатление об Адриане как о медведе. Он вон даже отдыхать предпочитает в глуши и другого варианта не видит. Интересно, он вообще не знает о местных достопримечательностях или просто не вспомнил о них?

Аптека располагалась на первом этаже основательного двухэтажного дома с чердаком под зеленой черепичной крышей. Дом был сложен не из кирпича, а из неровных камней, щели между которыми густо поросли мхом, отчего коттедж напоминал большой пенёк и казался не то что старым — древним! Складывалось впечатление, что именно с него начался этот город.

— Необычное здание, — не удержалась я от замечания, когда мы подошли к темно-коричневой двери с витражным стеклом в верхней половине.

— Да, одно из старейших в городе, — подтвердила мои догадка спутница. — К слову, с самой постройки было домом алхимика.

Тренькнул колокольчик, возвещая о визите посетителей. Помещение лавки оказалось под стать общему виду дома. Сквозь витраж двери и пару мутноватых окон проникало немного света, и внутри было сумрачно, а на искусственном освещении хозяин экономил. Впечатление усиливали темные стены, обшитые деревянными панелями, и скрипучий паркет под ногами, укрытый, кажется, не менее древней ковровой дорожкой красно-коричневого цвета.

Вдоль стен почетным караулом выстроились массивные витрины, в которых пузырьки современных лекарств и всевозможные яркие коробки смотрелись потрясающе чужеродно. Они единственные не давали почувствовать, будто мы шагнули в прошлое по меньшей мере на пару веков. А шкафы, казалось, неодобрительно кривились, мечтая выплюнуть эту гадость.

Между витрин нашлось место для пары стульев с высокими спинками, а в противоположном от двери торце прямоугольного помещения разместился широкий тяжелый прилавок со старинным кассовым аппаратом — я такие только в музее видела. Еще там имелась бронзовая настольная лампа, дававшая куда больше света, чем окна.

На звук колокольчика из глубины дома, куда вела неприметная дверка в углу, появился аптекарь. И я с удивлением сообразила, что мы уже знакомы.

— Госпожа Дхур, госпожа... Лавиния, если я не ошибаюсь? — вежливо улыбнулся мужчина. — Добрый день.

— Здравствуйте, а вы... кажется, господин Донт? — припомнила я, сразу узнав аптекаря из поезда.

На вид ему было лет семьдесят: подтянутый, моложавый мужчина с волосами того красивого цвета, который обычно называют «сажа и пепел», — темно-серые с легким серебристым отливом. Оттенок, которого сейчас пытаются добиться едва ли не все столичные модницы, и большинство — безуспешно.

В остальном Зенор Донт был эдаким типичным алхимиком или аптекарем — с аккуратной бородкой и в очках, в белом лабораторном халате поверх рубашки и жилета. Пожалуй, единственной деталью,

которая отличала его от стереотипа, было заметное косоглазие: левый глаз смотрел вверх и в сторону. В здешнем мрачном антураже эта деталь почему-то показалась зловещей. Усугубила впечатление и большая картина, висящая на стене за прилавком, — она настолько потемнела от времени, что почти сливалась с цветом стен. Вот так с ходу даже нельзя было разобрать, что именно там изображено — то ли батальная сцена, то ли нечто пасторальное.

— Да, все верно. Чем могу помочь? Опять захворал кто-то из ваших любимиц?

— Нет, к счастью, — заверила моя спутница. — Я бы, пожалуй, взяла еще вашего славного желчегонного чая, но я здесь больше как проводник. Эта милая девушка лишилась своих таблеток, и я вызвалась проводить ее до аптеки.

— Каких именно таблеток?

— Честно говоря, я не помню название, — поморщилась я, но кстати сообразила: — Зато у меня есть рецепт!

Именно того лекарства в аптеке не оказалось, но Донт предложил замену, и спорить я не стала. Пока он доставал откуда-то из-под прилавка нужные таблетки и чай для моей спутницы, я разглядывала картину. Вблизи оказалось, что это ростовой портрет сидящего в кресле мужчины, причем портрет, судя по пышному воротнику рубашки, по меньшей мере пятивековой давности, уж очень мода специфическая.

— Как успехи у нашего доблестного шерифа? — любопытствовал Донт, когда я рассчитывалась.

— Ищет, — вежливо отозвалась я. — Надеюсь, он быстро разберется в этом деле.

— Мне кажется, тот, кто рискнул связаться с духом, безумен и способен на все, — хмуро качнул головой аптекарь. — Успокаивает только, что наш Блак — редкий профессионал, который справится с любым духом. На случай, если вдруг убийца выпустит еще кого-то. Очень нам повезло, что он остался здесь после службы.

— Кстати, а вы не знаете, как именно на него повлиял Разлом? — заинтересовалась я. — Не бывает ведь такого, чтобы никаких последствий.

— Ну, одно вы видели, — улыбнулся Донт. — Когда он уставший, он не в себе, становится довольно грубым и даже немного буйным.

Хотя на моей памяти никто не пострадал... Да, госпожа Дхур?

— Адриан — хороший мальчик, — поджала губы та. — Он неспособен кого-то обидеть. Даже в таком состоянии.

— Вот и я о том же. Ну и кроме того... — Аптекарь запнулся, но потом махнул рукой: — Да ладно, и так весь Клари знает. У нашего шерифа проблемы с чтением и письмом, ему трудно воспринимать буквы. Но, между нами, это далеко не самое страшное, что может сделать Разлом с человеком. Дрянное место. — Он нервно передернул плечами.

— Вы там были? — изумленно предположила я.

— Очень давно и случайно, проездом. — Донт скривился, на мгновение как будто весь сжался, но быстро взял себя в руки и расправил плечи. — И предпочитаю об этом липший раз не вспоминать. Прошу прощения. — Он вежливо улыбнулся и отвлекся на новую посетительницу — пожилую сухонькую женщину.

Госпожа Дхур тоже тепло поздоровалась с ней, а я предпочла под шумок ускользнуть, попрощавшись и тихо поблагодарив за помощь. Очень-очень тихо, так, чтобы меня не услышали и не решили проводить еще куда-то. Правда, сложилось впечатление, что маневр этот не остался незамеченным.

Глава тринадцатая, в которой выясняются неожиданные подробности

Разговоры с Савином Тургом, его дочерью и зятем добавили Адриану пищи для размышлений и подозрений. Для начала выяснилось, что этот мужчина родился в городке неподалеку от Разлома и службу свою начал в тех же краях: возил грузы некромантским военным частям. Потом его перевели в другие места, но там осталась родня, друзья и знакомые, поэтому малую родину Тург навещал нередко.

По стечению обстоятельств примерно в тех краях он был и в момент появления последнего из одержимых. И хотя уверял, что находился далеко и никакого отношения к тем событиям не имел, проверить это сейчас было невозможно. Как и слова мужчины о том, что он был незнаком с покойным журналистом.

А вот того, что перестал ездить к Разлому именно после тех трагических событий, не отрицал, заявив, что на костре он видал это проклятое место, и раз уж выдалась возможность обосноваться на другом конце лепестка и больше никогда не видеть негостеприимных родных краев, он ею воспользовался в полной мере и с большим удовольствием. Тем более родители к тому времени умерли и никаких нравственных долгов не осталось. Вполне понятное и распространенное желание, Блак прекрасно его понимал, что, однако, не отменяло иных возможных причин такого разрыва.

Примерно в то же время от него в неизвестном направлении ушла жена Зеноя, оставив трехлетнюю дочку на попечение мужа. Матери та не помнила, в сознательном возрасте не видела и видеть не очень-то хотела, искренне обиженная на предательство. Еще лет пять после этого Савин прослужил под Фонтом, потом вышел в отставку и стал гонять грузовик по городу уже в мирных целях.

Обычная жизненная история, которая вполне могла быть правдой. А могла и не быть, если Зеноя не сбежала с любовником, а погибла от рук мужа и канула, например, в тот же самый Разлом. И если

убиенный Морриг Вист как-то раскопал эту историю и попытался мужчину шантажировать...

Однако расспрашивать самого брошенного супруга подробнее Адриан пока не стал, удовлетворившись ответом его дочери на вежливый вопрос: «А почему помогать не приехала ваша мама?» Савин Тург чувствовал себя спокойно и уверенно, незачем нервировать его раньше времени. Все равно завтра ехать в Фонг, а пропажа оттуда родом и наводить справки стоило там.

Аптекарь на прямые вопросы о Разломе смущенно признался, что да, бывал. Почти полвека назад, ведомый юношеским любопытством и максимализмом, уверенный, что парламент скрывает правду о Разломе и на самом деле там...

Приехал и хлебнул впечатлений по самые уши. Он оказался очень чувствителен к воздействию и за ту пару дней, которую провел у Разлома, чуть не рехнулся, тогда же заработал косоглазие и едва не сиганул в пропасть, повезло, что на него наткнулся патруль. Удирал он оттуда, напрочь забыв о своем максимализме, и очень не любил вспоминать краткое знакомство.

Блаку сложно было представить степенного аптекаря юным бунтарем, но повода не верить не было, как не было свидетельств знакомства Донта с покойным и темных пятен в его биографии. Родился здесь, учился в Фонте, почти сразу после учебы поехал к Разлому, после чего вернулся домой и старательно помогал в аптеке отцу, но чьим стопам и пошел, занявшись алхимией.

Покопавшись в памяти, Адриан вспомнил и старшего Донта, очень похожего на собственного сына сейчас. Припомнил даже, что аптекарь приходил к ним в школу рассказывать об алхимии, в которой был отличным специалистом, известным далеко за пределами Клари, и даже вел какие-то исследования.

Алхимию Блак не любил, как, впрочем, и артефакторику. Этим отличались почти все некроманты и менталисты: магически одаренных детей близко к изготовлению полноценных зелий и артефактов не допускали, потому что те могли навредить даже просто присутствием рядом с заготовкой, и это, конечно, не способствовало укреплению симпатии. Теорию Адриан знал — без нее в следственном деле никуда, но не любил и потому к людям, посвятившим свою жизнь этим наукам, относился неоднозначно: это была смесь недоумения, как

такое скучное занятие вообще может нравиться, восхищения чем-то загадочным и недоступным, легкой зависти к нему же, обиды и неприязни.

Собственно, это основная причина, почему шериф так мало знал об алхимике и его отце, хотя фигуры это были заметные в их маленьком городе.

А вот поговорив с проводницей, Блэк еще больше убедился, что она к убийству не имеет никакого отношения. Слишком эмоциональная, порывистая и прямолинейная, такие не убивают с помощью редких духов и сложных зелий. Из списка подозреваемых для очистки совести вычеркивать пока не стал, но сосредоточиться предпочел на трех других именах.

Но завтра. А сегодня его ждал, как Адриан надеялся, приятный вечер в хорошей компании и сборы к завтрашней поездке.

К родному дому некромант подошел в сумерках, когда ясное небо над головой сменило свой дневной бледно-голубой цвет на вечерний темно-лиловый, так что на улицах уже зажглись фонари, не дожидаясь ночной чернильной синевы. Воздух за день здорово прогрелся, а облаков не было вовсе — непривычно для осени в Клари.

К удовольствию Блага, на звон ключей и возню в прихожей не только прибежали кошки, но и выглянула из кухни его гостья. Улыбнулась, поздоровалась — и Адриан поймал себя на том, что видеть Лавинию сейчас и вот так особенно здорово. Не из-за одного халатика. Оказывается, очень приятно, когда тебя встречают не только звери.

Но и из-за халатика — тоже. И сгрести бы сейчас в охапку не громко урчащую Гайку, а едва прикрытую тонким шелком женщину, и уж явно не для того, чтобы почесать за ухом.

«Может, правда жениться пора?» — рассеянно подумал он, проводив взглядом госпожу Шейс и разуваясь на пороге. Гайка, продолжая тарыхтеть, как маленький моторчик, с выражением абсолютного счастья на усатой морде висела в его руке.

— Ну как ваше расследование? — вежливо спросила Лавиния, когда хозяин дома прошел в кухню. При его появлении она поставила чайник, и к тому моменту, как Адриан спустился вниз, переодетый в домашнее, вода уже закипела. Очень кстати к содержимому коробки, едва не забытой им на столике в прихожей.

— Настоячиво требует визита в Фонт, так что завтра утром поеду, — сообщил он, ставя пирожные на стол. — Вы все еще настроены составить компанию?

— Да, конечно, если вы не передумали меня брать. Что это? — Женское любопытство предсказуемо не смогло терпеть долго.

— Откройте. Думаю, вам понравится, — улыбнулся некромант, заваривая чай.

— Ого! — прозвучало восхищенно и озадаченно. — Выглядит вкусно. Но куда столько?!

— На сегодняшний вечер. Не знаю, как вы, а я сладкое с детства люблю.

— Да, я заметила по вчерашнему печенью, — с иронией припомнила женщина. — Очень неожиданно для мужчины вашего типа.

— То есть? — Он вопросительно глянул через плечо.

— Такой... огромный и суровый мужчина непременно должен питаться одним мясом. Причем, наверное, сырым, — улыбнулась Лавиния.

— Вы просто мало общались с некромантами, — охотно засмеялся в ответ «огромный и суровый». — Все некроманты любят сладкое. А те, которые с этим спорят, скорее всего, просто скрывают и стесняются.

— Почему? — опешила женщина.

— Почему стесняются? Ну, наверное, такие суровые...

— Почему «все»? — со смешком перебила она.

— Привычка. У Разлома это здорово помогает, без сладкого там трудно, ну а потом и отвыкать не хочется. А вы в тех краях не были?

— Спасибо Творцу, не приходилось, — поежилась она. — Да мы с вами об этом уже вроде бы разговаривали.

— Да? Может быть, — слукавил Блэк. Разговор он помнил, но лишний раз спросить было полезно. Для очистки собственной совести, чтобы вычеркнуть гостью из списка подозреваемых не из-за собственного предвзятого отношения. — Лавиния, давайте мы уже перейдем на «ты»? А то как-то глупо получается.

— Не возражаю, — вздохнула она как будто с нотками обреченности. — И тогда можно просто Винни.

— Дан, — коротко кивнул некромант. И тут же заговорил на самую безобидную из пришедших в голову тем, чтобы не спугнуть собеседницу: — Как сегодня погуляла?

— Хорошо, Клари очень красивый город, — оживилась та. — Сходила к морю.

— С непривычки впечатляет? — понимающе улыбнулся мужчина.

— Не то слово! Но вам, местным, наверное, сложно это понять...

— Ну почему же? На самом деле к нему невозможно привыкнуть настолько, чтобы перестать замечать. Да и нетрудно забыть за пять лет службы, как оно выглядит, так что мне прекрасно знакомы твои свежие впечатления. Но купаться, надо думать, не пошла?

— Нет, что ты! — Лавиния передернула плечами. — Я вообще плавать не умею, а к нему даже близко подходить страшновато. Я по набережной прогулялась и потом еще в городской парк зашла. А по дороге познакомилась с очень странной женщиной.

— Которой именно? — хмыкнул Блак. — Их тут хватает.

— Касадра Дхур... Почему ты так смотришь? Ты ее знаешь?

— Я их всех знаю. Почему она показалась тебе странной?

— Честно говоря, это я еще смягчила, мне показалось, что у нее с головой не все в порядке. То она мне про некромантов рассказывала, которым живые души нужны, и обиделась, когда я назвала это теорией, то тебя мне сватала, то погоду ругала, мол, не к добру такая ясная осень, у нее, мол, предчувствие... Что-то не так? Это какая-то местная сумасшедшая, которая достала тебя жалобами на соседей, которые наводят на ее участок порчу?

— Нет, наоборот. Эта старуха не просто не сумасшедшая — ее уму можно позавидовать. Мне интересно, почему она так себя новела, — задумчиво качнул головой Адриан. — Поосторожнее с ней в следующий раз, она одна из основных подозреваемых.

— Вот эта безобидная старушка? — изумилась Лавиния.

— Между нами, она совсем небезобидная, — после короткой паузы все-таки ответил Блак. — Об этом мало кто в Клари знает, но Касадра Дхур — боевая некромантка с большим опытом, живая легенда. Касадра Смеш, Железная Каси, ты не могла не слышать.

— Ну ничего себе, — пробормотала женщина растерянно. — Я не знаток истории, но, конечно, имя знакомое... И зачем ей могло понадобиться убивать этого журналиста?

— Выясним, если это действительно она. Мне сейчас больше интересно, чего она хотела добиться таким поведением. — Адриан предпочел сменить тему, чтобы не углубляться в подробности расследования. — Как вы познакомились?

Рассказ много времени не занял, только мало что прояснил. Подойти познакомиться, воспользовавшись удачным поводом, — это было понятно, а вот зачем косить под дуру — уже не очень. Единственный более-менее разумный вариант, который сообща вывели за чаем и кофе с пирожными, сводился к желанию запомниться. Чтобы Лавиния, впечатленная встречей, непременно рассказала о ней хозяину дома.

— Ну, предупредить о своем дурном предчувствии Касадра могла лично, — сказал Блэк. — Про то, что мне жениться нора, она уже выговаривала. Извини, тебе просто за компанию досталось. Они были дружны с моей матерью, и есть ощущение, что госпожа Дхур пообещала той перед смертью присмотреть за мной.

— Говорят, для некромантов такие обещания очень много значат?

— Ну да, говорят, если их не выполнять, начинают тяготить. Но мне повезло не испытать это все на собственной шкуре. Поэтому мы все стараемся не раздавать обещаний. Не представляю, как мать умудрилась выбить его из Железной Каси.

— Мать... А что случилось с твоим отцом? — осторожно спросила Лавиния, глядя немного искоса, настороженно, — боялась обидеть вопросом.

— Он был рыбаком, погиб в море, давно еще, мне было восемь. — Вопрос некроманта не особенно задел. — Он странный был. — Адриан выразительно постучал себя по лбу. — Все рвался исследовать, заплывать подальше, ну и в один момент просто сиганул в воду. Может, случайно упал, но кто с ним был, говорят — сам прыгнул. Звало его море. То ли галлюцинации, а то ли и правда, кто его знает.

— Я теперь буду его бояться еще сильнее, — проворчала женщина, досадуя на себя за проявленный интерес.

— Да ладно, это ты еще местных легенд и страшилок не слышала, — широко улыбнулся Адриан. — Например...

— Избавь меня от подробностей! — поспешила оборвать его Винни. — Еще мне ночных кошмаров не хватало для полного счастья!

Давай лучше опять про госпожу Дхур. Может, она хотела указать на аптекаря?

— А что аптекарь? — Блак вопросительно приподнял брови.

— Он был рядом, когда я нашла труп.

— Я помню, — спокойно кивнул Адриан. — Он такой же подозреваемый, как сама госпожа Дхур. Да и у Разлома бывал, хотя и давно...

— А при чем тут Разлом? Разве такого духа нельзя достать где-то в другом месте?

— Да нет, не в этом дело... — Шериф на мгновение запнулся, но потом махнул рукой и пояснил: — Просто это пока единственная зацепка, при убитом нашлись вырезки из газет, связанные с Разломом, и мы предполагаем какую-то давнишнюю грязную историю, которой он хотел шантажировать своего убийцу.

— Фантастическая версия. — Лавиния состроила скептическую гримасу.

— Может быть, — не стал спорить Блак. — Но других все равно пока нет, поэтому надо ехать в Фонт и задавать вопросы. Раз ты не передумала, кстати, предлагаю уже лечь спать. — Мужчина бросил задумчивый взгляд на ходики на стене. — Ехать долго, лучше пораньше отбыть. Да, и прихвати с собой все, что нужно!

— Нужно для чего?

— Скорее всего, там придется заночевать, слишком много вопросов.

— Ну вот, а я уже настроилась после возвращения сходить в исторический музей... Ты, кстати, не говорил, что он тут есть, — укорила Лавиния.

— Забыл, — простодушно признался некромант. — Я там последний раз был еще в школе, а потом там как-то и делать особо нечего, документы же в основном, что на них пялиться? Скучно, да и с чтением у меня все плохо.

— После Разлома, да, меня уже просветили. Но я не поняла, как ты закончил институт с такими проблемами? — все-таки спросила она, видя, что о своих трудностях мужчина говорит совершенно спокойно. — Там же сплошная писанина и куча чтения.

— Ну, как-то закончил, — поморщился он. — Я могу писать и читать, просто медленно, плюс компенсация началась, я хорошо

воспринимаю информацию на слух и запоминаю. Ну и отношение к некромантам на учебе все-таки куда более снисходительное, ты не могла не замечать, так что мне делали скидку за старание. Была пара вредных типов, которые пытались отравлять жизнь, но от этого вообще никто не застрахован. Но тебе, наверное, как заядлой отличнице, сложно понять подход к учебе безалаберного троечника.

— С чего ты взял, что я была отличницей? — немного смутилась Лавиния.

— А что, нет? Ты такая серьезная и правильная, сложно заподозрить что-нибудь другое, — не удержался он от легкой шпильки, которая совершенно неожиданно достигла цели.

— У меня и четверки были, и я даже занятия прогуливала! — возразила женщина с откровенной обидой в голосе. — И ничего смешного!.. Ну ладно, согласна, глупо прозвучало, — со вздохом признала она.

— Винни, а почему именно судейская карьера? — через пару секунд спросил Блак, все еще улыбаясь. — Ты не похожа на человека, которому хочется власти и положения в обществе.

— Ты опять будешь смеяться, — недовольно поморщилась она.

— Да ладно, что мы, в детском саду? Не буду. Рассказывай, я уже заинтригован.

— Мне всегда хотелось сделать мир чуточку более справедливым, — задумчиво пробормотала Лавиния, разглядывая пустую чашку и непроизвольно немного сжавшись, как будто действительно ждала насмешек. Поскребла ногтем какое-то пятнышко на ободке. — Я не Творец, всерьез что-то изменить не могу, но... Решила сделать хотя бы то, что будет в моих силах. — Она все-таки подняла взгляд на собеседника, но тот даже не улыбался. Смотрел на нее очень пристально. — Что?

— Да я вот думаю... — медленно проговорил Адриан, потерставший к вечеру колючим подбородок. — Что пошло не так?

— В смысле? — опешила женщина.

— В смысле что-то в нашем мире точно пошло не так, если стыдно признаваться в собственном желании сделать что-то хорошее.

С пару минут они помолчали. Лавиния продолжала буравить взглядом кружку, то и дело рассеянно поглядывая на часы, а Адриан

невидящим взглядом рассматривал кухню, чтобы не совсем уж откровенно пялиться на женщину напротив.

— Ладно, давай в самом деле спать, — первым не выдержал хозяин. — Иди собирайся, а я тут приберусь.

— Мирных снов!

Утром, несмотря на выпитый кофе, я толком проснулась лишь в машине, когда та уже покидала Клари, взбираясь по серпантину мимо отдельно стоящих домиков. Вчера я не сообразила спросить, как именно мы поедем, поэтому сегодня был сюрприз: за руль шериф сел сам. И держался, вопреки моим опасениям, спокойно и уверенно, хотя я полагала, что на подобное способны только люди, которые проводят за рулем много времени.

Автомобили, к слову, — тоже изобретение артефакторов из нашего лепестка. Стихийники и перевертыши для личных перемещений предпочитают порталы, но и этим изобретением нередко пользуются, особенно для перевозки грузов. А в Сердцевине, где из-за плотности магических потоков телепортация затруднена, они не менее популярны, чем у нас.

Некоторые умельцы-артефакторы мечтают пойти дальше и подняться в небо, но пока с этим сложности. Нет, подняться-то можно, но низко, а если преодолеть высоту в пару сотен метров, с летательными аппаратами происходит то же, что с потерявшими берег кораблями: они пропадают. Наблюдатели утверждали, что каждый из таких полетов закончился стремительным подъемом, пока аппарат не исчезал из виду вовсе. Я слышала историю, как кто-то из испытателей выпрыгнул из своего аппарата, но ему это не помогло.

Существует теория, что это одно из основных свойств нашего мира, которое мешает ему столкнуться с другими такими же. Поэтому на определенном удалении от суши, вблизи и внутри которой наш мир пронизывают энергетические потоки, все энергетически насыщенные предметы, какими являются любые материальные части нашего мира, начинают отталкиваться. А почему идет дождь и море не убегает от суши... Ну, вода — это вода, какое ей дело до прочих вещей!

— Винни, ты в порядке? — окликнул меня Блак, поглядывая искоса, чтобы не отвлекаться от сложной дороги.

— Да, конечно! — Я встрепелась. — Так, легкая утренняя рассеянность.

— Если хочешь, можешь лечь сзади. Там достаточно места, доспишь.

— Ну нет, я не смогу. Я вообще не могу в дороге спать, тем более в авто. Лучше уж видеть, куда едешь и когда будет следующий поворот, чем ждать, пока мы вылетим с дороги в пропасть...

— Спасибо за доверие! — рассмеялся Адриан. — И сама ты, я так понимаю, не водишь? Жаль. Я бы с удовольствием еще пару часиков вздремнул.

— А почему мы тогда не выехали попозже? Или мы торопимся?

— Торопимся. Я и так боюсь, что в два дня не уложимся, придется проторчать там дольше. Причем никак это не ускорить, все зависит от сторонних сил. Задать все нужные вопросы можно за пару часов, а сколько ждать ответа — не угадаешь.

— И много у тебя вопросов? И что делать все это время мне?

— Вопросов... Хватает. А с тобой решим после разговора с Маргом.

— Ах да, я же подозреваюсь вместе со всеми, — хмыкнула в ответ. То ли за это следовало поблагодарить таблетки, то ли я привыкла, но подозрения шерифа больше не нервировали. Или дело в том, что я понимала формальность этих подозрений?

— Не в этом дело, — предсказуемо отмахнулся Блэк. — Я хочу понять, зачем он тебя сослал именно сюда и именно ко мне. Насколько серьезная тебе угрожает опасность и насколько тщательно тебя надо прятать от общества? Марг в обоих своих письмах просил присмотреть и позаботиться, но явно недоговорил. На него похоже.

— Что именно?

— Он никогда не делился планами и вообще не любил рассказывать о собственных мыслях, — пояснил некромант. — С ним было тяжело работать в команде. Вот в подчинении нормально — приказы выполняй, и ладно, он заведомо знает, что делает. А когда надо сотрудничать — тут дыра. Знаешь, раз нам все равно еще долго ехать, Расскажи-ка, какие серьезные люди у нас в столице крепко присели с твоей легкой руки? Или не очень серьезные, но с серьезными друзьями.

— Я только об этом и думала с самого начала всей этой истории, — поморщилась я в ответ. — Так ни к какому выводу и не пришла. С другой стороны, скрывать там тоже нечего...

Следующий час я пересказывала, кто, за что и на сколько сел после моих приговоров, отдельно отмечая попытки подкупа и угроз и те дела, которые тянулись достаточно долго. Припомнила истории, где влиятельные люди требовали обвинительного приговора и оказались недовольны итоговым вердиктом. Отдельно отметила и пару очень мутных дел, отправленных на следствие, по которым со мной пытались «договориться».

— Немного вариантов, — заключил Адриан.

— Немного? Почти два десятка дел!

— Ну, почти все можно отбросить, — отмахнулся он. — Это же очевидно. Ну смотри, например, Соре, которого ты посадила за изнасилование с отягчающими. Чтобы тварь, которая наслаждается мучениями и унижением заведомо более слабого существа, пошла на такие ухищрения? Да ладно бы ради серьезного куша, но просто чтобы заткнуть какую-то зарвавшуюся суку... — Он осекся, смущенно кашлянул и продолжил: — Извини, это...

— Я поняла, ты вошел в образ, — усмехнулась в ответ. — Я думала об этом, но... как-то недостаточно сосредоточенно, наверное. Вообще, с тех пор, как вскрылась эта история, все словно в тумане. Мне кажется, я вот только в себя приходить начала, спасибо Клари и этому трупу за встряску, — добавила рассеянно, обращаясь скорее к дороге и скале справа, чем к некроманту.

— Это закономерно.

— Наверное. И кого ты подозреваешь в этой сложной комбинации? — все-таки заставила себя обернуться к собеседнику.

— Авер. Знакомая фамилия. Случайно, не Ферейн Авер?

— Нет, сын — Мелит, а отец — Дамар. Но у него вроде есть младший брат, дядя обвиняемого, как зовут — не знаю. Дамар Авер у меня среди основных подозреваемых. А кто такой этот Ферейн?

— Служил у нас такой, — с непонятной интонацией пояснил некромант. — Я его застал, но совсем недолго, его тогда же и списали. А дело, случайно, не Марг вел?

— Марг. Но я все равно не понимаю, при чем тут это. Даже если этот Ферейн — действительно брат Дамара.

— Ты и сама прекрасно понимаешь, что слишком уж резкий вышел переход от сложной долгой интриги к грубой зачистке всех причастных лиц. Может, конечно, смерть этого... Юрда или как его? —

не связана с твоим делом, но такие совпадения редко случаются. Так вот, переход этот намекает, что действовали два разных человека. Ну просто потому, что некто, не пожалевший денег, чтобы нанять тебе любовника и содержать его целый год, вряд ли стал бы мараться. Тем более его план провалился и твоя смерть уже вряд ли что-то изменит, скорее наоборот — окончательно убьет надежду на пересмотр.

— Как он хоть выглядел, этот Ферейн? — после короткой паузы спросила я, признавая справедливость рассуждения.

— Высокий, повыше меня, худой и жилистый, такой железный прут. Волосы светло-пепельные, нос приметный, крупный, птичий.

— По описанию очень похоже, — задумчиво подтвердила я. — Причем на них всех, там семейное сходство налицо. Думаешь, оно вот так совпало? Что это именно та семья?..

С Авером-младшим произошла история с донельзя банальным началом и поучительным концом: сын-бездельник богатого отца решил, что ему все можно, и, когда очередная девица, с которой он познакомился на вечеринке, сказала «нет», сделал вывод, что девица просто ломается, и изнасиловал ее. Отец, может, и откупился бы от самой девушки с ее родителями, и тем бы история закончилась, но все пошло наперекосяк. Сначала пострадавшая испугалась признаться, потом оказалось, что она забеременела. Но опять не призналась родителям, сходила в больницу, но аборт запретили по каким-то медицинским показаниям. И опять, вместо того чтобы поговорить с родителями, попыталась решить этот вопрос сама. Я так и не поняла за время процесса, боялась она их или просто была слишком самостоятельной.

И явилась она, на беду, прямо к Мелиту Аверу. Парень утверждал, что она пыталась его шантажировать и угрожать, все родные и знакомые девушки — что она была слишком принципиальной для такого. Но слово за слово, и Мелит девушку толкнул, а та неудачно упала.

Честно говоря, вот именно в этом я ему верила: для хладнокровного умышленного убийства у мальчишки кишка была тонка, тем более утром на трезвую голову. Но потом уже сам Мелит испугался и попытался представить смерть девушки как самоубийство, сбросив ее с путепровода на железную дорогу.

Учитывая, что между смертью и падением прошел почти час, у судмедэксперта не возникло ни единого сомнения в том, что это имитация. Началось следствие, а следаки у нас, что бы о них ни говорили пресса и обыватели, работают неплохо, особенно когда речь идет о трупе.

И если бы все ограничилось только непредумышленным убийством и его сокрытием, приговор вышел бы мягче, тем более что изнасилование через столько времени доказать уже не получилось бы: всех свидетельств о нем оказалось только утверждение закадычной подружки погибшей. Но за время следствия набрался еще десяток нарушений, от препятствий следствию и хранения наркотиков до нескольких эпизодов нанесения вреда здоровью, еще одного изнасилования и, наконец, сопротивления при аресте, при котором пострадал полицейский.

В итоге дело разрослось в несколько томов, и вместе со следствием все это тянулось почти три года. Да, какие-то эпизоды закрыли за примирением сторон, где-то доказательств, прямо скажем, оказалось недостаточно, но и того, что набралось, хватило по совокупности на восемнадцать лет.

К Мелиту Аверу я никакого снисхождения не испытывала и искренне считала, что он получил по заслугам. Отца этого малолетнего паразита мне было жаль, но умеренно и до первых вежливых угроз с его стороны: сам такого воспитал или, вернее, не воспитал. Тем более, как я со временем поняла, пекся Дамар Авер не столько о ребенке, сколько о своей деловой репутации, на которой сын-уголовник стал очень неприятным пятном. Такой действительно мог подложить мне свинью по имени Тамиан Юрд: эффективно и, даже если вскроется его причастность, привлечь не за что.

— Скорее всего, действительно такая вот ирония судьбы, — помолчав, отозвался Адриан. — Я точно помню, что у Ферейна была семья в столице, и семья эта была очень непростой.

— Но вы же мало общались?

— И это показательно, — выразительно двинул бровями Блак. — Чтобы мало с кем-то общаться там, нужны веские основания — слишком мало людей и слишком тесный коллектив. Его сторонились и недолюбливали, причем за дело, тип всегда был очень самоуверенным, заносчивым и беспринципным. И жестоким. То есть ничего такого он

себе с окружающими не позволял, в маленьком коллективе это слишком рискованно, тем более в таком коллективе. Он же не дурак, понимал, что серьезных ошибок ему не простят. Но... Не знаю, как объяснить. Бывает вроде и ничего человек, но посмотришь на него подольше и понимаешь — дрянь.

— Такое впечатление бывает обманчивым, — возразила я скорее из любви к справедливости, чем действительно из протеста.

— Бывает, — не стал спорить Адриан. — Но тут особый случай, Ферейн — он... Хм. Ты знаешь, что духи могут чувствовать? Даже самые примитивные твари Разлома вроде грешников?

— Первый раз слышу, — озадачилась я.

— Ну, об этом не распространяются, зачем бы рядовому обывателю знать тонкости. Но это факт. В большинстве своем чувствуют не так, как живые, но они могут радоваться или страдать. Голод и, главное, некий аналог боли — да, примитивно, но это уподобляет тварей живому. И мы стараемся убивать их быстро, даже если имеем дело с единственной слабой тварью и другой опасности нет. А Авер развлекался тем, что издевался над ними. Ну знаешь, как дети по дури лягушек надувают или насекомым крылья отрывают. Тупая такая жестокость, абсолютно бессмысленная и чаще всего безнаказанная. Дети не понимают, что вся эта мелочь тоже живая и ей тоже больно. Вот и у Ферейна было примерно так же: он не то чтобы наслаждался мучениями жертв, ему просто было забавно смотреть, как они реагируют. Оно вроде и мелочь, потому что — твари Разлома, чудовища и никто их, собственно, не жалеет. Но все равно...

— Я тебя поняла. Это действительно намекает, что у того некроманта что-то не так с головой. Но как его менталисты пропустили?

— Ну, видимо, не посчитали таким уж серьезным отклонением. Менталисты же тоже не всесильны, а норма — очень расплывчатое понятие, особенно когда речь идет о некромантах у Разлома.

— Значит, ты полагаешь, что это именно его рук дело? Старший брат не справился и Ферейн решил отомстить? Правдоподобно. Странно, что сам Гитон за эту идею не уцепился.

— Почему ты так думаешь? — Блак глянул на меня насмешливо. — Потому что не сказал? Я больше чем уверен, что эта

семья у Марга на карандаше, он уж всяко не глупее меня. И Ферейна знает не в пример лучше.

— Но ведь может быть кто-то другой?

— Может. Но тут еще одна деталь есть. У Ферейна с Гитоном конфликт.

— В каком смысле?

— В прямом. Я, правда, истоков его не знаю, но они друг друга терпеть не могли. Конечно, всякое может быть, и какая-то третья сила, которую ты не учла, ну а я тем более не мог бы. Но... тут все уж больно ладно складывается.

— Что — все?

— Из-за этого конфликта Ферейн мог считать, что Марг утопил его племянника из личной неприязни. И если у него возникли подозрения о твоей дружбе с Гитоном, то это вполне могло спровоцировать желание отомстить еще и тебе лично как пособнице и подружке Марга.

— И то обстоятельство, что он сразу после сканирования явился меня навестить, а потом старательно помогал с отъездом... — медленно проговорила я, глядя сквозь Адриана.

— Ну да. Два варианта: либо Гитон действительно хотел незаметно тебя сплавить подальше и там уже ловить на живца, либо доставить это удовольствие мне.

— Я точно его убью, — выцедила сквозь зубы. Собеседник фыркнул от смеха, а я продолжила, подумав: — Нет, это было бы слишком легко для него. Он у меня все процессуальные нормы вызубрит так, как не знают их составители! И протоколы заполнять будет печатными буквами! — добавила мстительно. Пару секунд помолчала, успокаиваясь, и вернулась к основной теме: — Но почему к тебе, если вы не общались со времен службы? Как он мог вот так легко на тебя все это свалить? И почему был уверен, что ты согласишься?..

— Ко мне... Ну, учитывая характер Марга, я не уверен, что у него много друзей. Творец! Да я вообще не уверен, что у него есть друзья, с такой-то манерой общения! Но решение вполне логичное. Сил у меня более чем достаточно, при этом Клари — мой дом, моя земля, на которой я могу гораздо больше, чем все остальные.

— В каком смысле?

— На этой земле умерло несколько поколений моих предков, поэтому их духи, и мой тоже, связаны с Клари. Надо быть полным идиотом, чтобы связываться с некромантом на его земле. Сейчас, правда, об этом мало кто помнит: люди переезжают туда-сюда, и о смысле корней никто не думает. — Он пожал плечами. — Кроме того, Клари город маленький, любого чужака засекут на раз. То есть это действительно безопасно. Почему не сомневался в моем согласии... Ну, Марг всегда неплохо разбирался в людях, поэтому прекрасно понимал, что женщину в беде я не брошу и, раз он просит приглядеть, пригляжу. И отсутствие подробных инструкций несложно объяснить, если Гитон планировал ловить злодея в столице, а тебя убрал на всякий случай, чтобы обезопасить.

— Выходит, мне не стоило сейчас ехать в Фонт? — вздохнула я.

— Разберемся, — отмахнулся Блэк. Помолчал. — Но вообще, знаешь... Дать в морду Маргу хочется. Очень хочется. Очень знакомое ощущение. Хотя и нельзя сказать, что я по нему скучал...

Глава четырнадцатая, в которой тянут за ниточку

— Что это было? — Адриан нахмурился и бросил на меня вопросительный взгляд, когда на подъезде к перевалу сумка, лежавшая на заднем сиденье, издала тихий переливчатый свист.

— Это то, ради чего я ехала, — призналась со вздохом и нехотя протянула руку между спинками кресел, чтобы достать сумку и, главное, связанное зеркало. — Тут где-нибудь можно остановиться? Надо Лике мигнуть.

— Погоди, здесь связь плохая. Сейчас перевалим на ту сторону, немного спустимся, будет уютный ресторанчик, заодно перекусим. А свистело что?

— Блик. Короткое сообщение. Ты не слышал о таком? — Я удивленно приподняла брови. — Можно написать что-то на зеркале специальным карандашом, и оно отразится у нужного адресата. Удобная штука, чтобы ее получить, необязательно останавливаться.

— Придумают тоже. — Мужчина хмыкнул себе под нос. — Что пишут?

— Ничего неожиданного. — Я против воли улыбнулась, увидев на зеркале алеющие угловатые буквы знакомого почерка, которые складывались в короткую надпись: «ГДЕ ТЫ?!!» Подруга меня потеряла.

Остаток пути до обещанного ресторанчика я под насмешливым взглядом Блака провела как на иголках. Оказывается, за эти несколько дней успела здорово соскучиться. Нельзя сказать, что мы с Ликой так уж неразлучны — случалось декадами не видеться и не разговаривать по зеркалу. Но набралось чересчур много новых впечатлений, которыми хотелось поделиться. А еще — взглянуть на подругу и удостовериться, что привычный мир никуда не делся.

Но больше всего, конечно, хотелось обсудить Блака и собственные впечатления. Это Юрда мы не обсуждали, Ангелике он не нравился, а вот Адриан... Почему-то я не сомневалась, что подруга его не просто оценит, но и мне придаст решимости ощутимым пинком. И я подумывала выбрать для разговора какой-нибудь тихий уголок

подальше от некроманта, чтобы поделиться впечатлениями без стеснения.

Но, пока доехали, передумала. Слово за слово, дойдет ведь до подробностей встречи, а их мне обсуждать не хотелось. Причем ладно само знакомство, его я уже воспринимала как курьез и на Блака совсем не обижалась, но убийство... С Лики станется всполошиться и примчаться мне на выручку. Пользы от этого не будет никакой, а шуму и головной боли шерифу — много.

В общем, когда мы устроились за дальним столиком в углу небольшого пустого зала ресторана, таиться от спутника я не стала, а сам разговор с подругой занял совсем немного времени. Я извинилась, что долго не выходила на связь, честно сославшись на полное отсутствие в Клари зеркальной линии, мы вместе поругали Марга за то, что он сплавил меня в эту глушь. Потом подруга поругала его уже отдельно — за то, что ничего не говорит и не объясняет, сколько еще будет тянуться эта история с «двойником». Причем моя дублерша, с которой общительная Лика успела немного сдружиться, тоже понятия об этом не имела.

Я ничего толком рассказать не могла, боясь случайно сболтнуть лишнего, поэтому ограничилась рассказом о том, как гуляла по городу, смотрела на море и дышала свежим воздухом, что подругу вполне устроило. Она, со своей стороны, рассказала, что в столице все по-прежнему. Скандал вокруг моего имени уже поутих и так, глядишь, к моему возвращению успокоится совсем, на что я очень надеялась: в этом случае будет куда проще вернуться к работе.

Напоследок Лика пожелала хорошего отдыха и «развлечься там с каким-нибудь горячим местным парнем, чтобы уж точно перестать киснуть по этой сволочи Юрду», и на этом мы распрощались. Я с трудом удержала невозмутимое лицо и не покосилась на самого очевидного кандидата, который прекрасно все слышал и только молча посмеивался, уплетая омлет.

Закончив разговор, я с облегчением спряталась за кружкой кофе, которую к этому моменту успели принести.

— Давно дружите? — со смешком спросил Блак через пару секунд.

— С детства. Мы с ней вместе приехали из своей провинции столицу покорять, — отозвалась я. — Но мы подошли к вопросу

разумно, готовились и хотели учиться, так что все вышло в итоге неплохо.

— А ты сама не из Шорры? — Некромант удивленно приподнял брови.

— Нет, а почему тебя это удивляет?

— Ты не похожа на девочку из провинции. — Он пожал плечами. — Явно столичная штучка.

Ну вот опять! Далась ему эта «штучка»...

Однако спрашивать, что мужчина вкладывал в это понятие, я постеснялась, как и вообще продолжать разговор в том же духе. Флиртовать с Блаком получалось плохо, любое развитие темы только еще больше меня смущало и повергало в растерянность.

— Ну что, с Маргом поговорим тоже прямо сейчас? Или уж до города? — спросила я, уводя разговор от щекотливой темы.

— Можно и сейчас, что время терять? Раньше озадачим его вопросами — раньше он сумеет сказать что-то по делу. Вызывай.

Вызвать кого-то через зеркало нетрудно, спасибо менталистам, но требует определенной сноровки. Ментальные чары, вплетенные в структуру артефакта, считывают образ прямо из головы, для связи надо старательно представить адресата и захотеть с ним поговорить. Если с воображением не очень, бывает достаточно назвать по имени: даже если вызывающий знает двух полных тезок, что само по себе случается редко, подсознательно он все-таки их различает. А чтобы окончательно исключить ошибку, перед соединением зеркало отражает своего владельца; конечно, не в том виде, в каком он есть сейчас, это записанная внутри артефакта картинка.

На другом конце линии связи адресат тоже видит, кто именно его вызывает, и может согласиться на разговор или отказать. Можно даже запретить вызывать себя, всем или отдельным людям, и эта возможность порой здорово выручает.

Я еще раз окинула взглядом пустой зал, где мы были единственными посетителями, даже официантка сбегала куда-то в подсобные помещения. Наверное, это с ее стороны было очень непрофессионально, но кстати.

— Что-то случилось? — заметил Блак мое промедление.

— Нет, просто убеждаюсь, что нас никто не слушает, — призналась с некоторым смущением и отправила-таки вызов.

— За это не волнуйся, уж защититься от подслушивания я могу, — уверил мужчина.

Я запоздало сообразила, что некроманту это действительно не составит труда, но ответить не успела; в зеркале отразился столичный следователь. На удивление, лицо у него было мрачным и даже встревоженным.

— Лавиния! Хвала Творцу, вы в порядке!

— А что, были причины в этом сомневаться? — нахмурилась я, сразу вспоминая все, что мы успели обсудить с Блаком по дороге.

— Вы не выходили на связь, — уклончиво ответил Марг, на что я уже не могла не отреагировать:

— То есть вы хотите сказать, что не знали о проблемах в Клари с современными системами связи? И что по зеркалу оттуда вообще нельзя ни до кого достучаться?

— Ну почему же, можно, просто не везде, — возразил Марг.

— На одной-единственной труднодоступной скале — это не «не везде»! — возмутилась я.

— Гитон, расскажи внятно, что происходит, — перебил нас Адриан.

Он придвинулся, навис над моим плечом, обхватив за спиной спинку стула, и это на пару мгновений выбило меня из равновесия: слишком неожиданно и слишком близко оказался мужчина, и уже знакомая реакция на его близость не только не исчезла, но даже усилилась. Я всей кожей ощущала исходящее от мужчины тепло, слышала слабый резкий запах одеколона, смешанный с его собственным.

Достаточно совсем немного откинуться, чтобы буквально оказаться у него в объятиях, коснуться плечами его руки. И пусть на мне блузка, но я ведь прекрасно знаю, что тонкая ткань почти не ослабит ощущений...

А самое главное, я действительно хотела это сделать, но все никак не могла решиться.

— Привет, Адриан, — улыбнулся Марг. — Я не сомневался, что ты примешь участие в жизни госпожи Шейс.

— Ты от разговора не уходи, — одернул его Блак.

Голос над ухом прозвучал громовым рокотом, заставив меня вздрогнуть. Но попытка сосредоточиться на разговоре не удалась,

мысли опять настырно сползали к тому, что Дан слишком близко. И... недостаточно близко, демоны поберите эти противоречивые ощущения!

— Версия с шантажом какого-то третьего лица не подтвердилась, — признался Гитон. — И проверка остальных связей Юрда ничего не дала, я почти уверен, что смерть его связана с историей Лавинии. Что там с этим журналистом?

— Откуда ты про него знаешь? — насторожился Адриан.

— Знаю, — поморщился Марг. — Но если знаешь и ты, выходит, этого ему показалось мало...

— Чего?

— Сообщить своему редактору, что госпожа Шейс сбежала в Фонт. Вам, Лавиния, надо было сразу сказать мне о встрече с ним, как только он вас опознал. Что он еще натворил? Последовал за вами?

— Как сказать, — хмыкнул у меня над ухом шериф. От его дыхания по спине побежали мурашки и как будто в комнате стало на несколько градусов теплее. — Его убили.

Марг на том конце тихо выругался себе под нос.

— Рассказывайте!

— Сначала ты. Что именно происходит вокруг Лавинии? Ты полагаешь, что за дело взялся Авер, так?

— Я почти в этом уверен, — вздохнул Марг. — Ладно, ты прав. Надо было рассказать подробнее сразу, но я надеялся тут разобраться со всем самостоятельно. Кто же знал, что попадется этот проныра! — Он досадливо поморщился.

Собственно, рассуждения шерифа полностью повторяли рассуждения его бывшего сослуживца, разве что у Марга было больше информации. Например, о том, что племянника Ферейн Авер любил очень искренне, даже сильнее, чем родной отец, — они были очень похожи. Даже причина, почему он мог взяться за «восстановление справедливости» именно сейчас, нашлась, причем простая и очень весомая: Дамар вынужден был уехать по делам аж в Сердцевину и до сих пор не вернулся. Причем сделать это ему пришлось незадолго до развязки моей истории, что, кажется, дополнительно разозлило Ферейна.

Гитон хотел поймать его на живца там, в Шорре, аккуратно отослав меня подальше и тем обезопасив. Но появился Морриг Вист, и

все пошло наперекосяк. Какой-то пары суток не хватило или даже меньше. За это время следователь успел окончательно определиться с подозреваемым, вот только никаких доказательств собрать не успел.

— Творец! — сокрушенно вздохнула я. — Гитон, ну почему вы мне сразу все не рассказали о собственных подозрениях?!

— Ладно, что теперь об этом думать, — отмахнулся Блак. — Спасибо хоть сейчас разобрались, я буду примерно понимать, чего ждать. И кого.

А я вздрогнула от неожиданности, когда мужчина легко погладил меня по плечу большим пальцем, не убирая руки со спинки стула. И только сейчас сообразила, что все-таки это сделала: расслабившись и сосредоточившись на разговоре, откинулась назад. Мысленно шикнула на себя, волевым усилием удержав на месте. Что толку дергаться теперь? Тем более приятно ведь...

— Присмотришь? — уточнил Марг.

— С большим удовольствием, — заверил Адриан. И опять погладил, отчего в словах его отчетливо послышался подтекст.

— Теперь я могу узнать, что случилось с журналистом?

Ответный рассказ тоже не занял много времени, тем более в подробности Блак не вдавался. Убежденно заверил, что смерть журналиста никак не связана со мной, и шоррский коллега с этим даже как будто согласился. Гитон пообещал опросить знакомых покойного и перетряхнуть его квартиру, чтобы выяснить, зачем Виста понесло в эти края, заодно проверить на пересечение со всеми подозреваемыми в прошлом. Адриан пообещал, что официальный запрос обязательно оформит, как доберется до знакомого отделения полиции в Фонге, чем заметно меня успокоил: не нравилось мне это неофициальное, междусобойное решение вопросов.

А вот с редактором покойного, раз уж его контакты известны, Адриан хотел поговорить сначала сам, заодно предупредить о визите Марга. На том и распрощались.

— Видимо, надо было мне остаться в Клари, — вздохнула я, нарушив тишину. Покосилась на мужчину. Некромант все так же сидел рядом, не спеша отстраняться и отодвигаться.

— Спорно, — возразил он. — С одной стороны, конечно, журналист этот о Клари проболтаться не успел и вряд ли кто-то мог легко выяснить, что ты там. Но с другой стороны — ведь мог же.

Творец любит пошутить, и за тобой по закону подлости пришли бы именно тогда, когда ты сидела там, не подозревая об опасности, а я уехал в Фонт.

— Может быть. Но зато с планами на эту поездку определились, буду сидеть в гостинице. — Я неуверенно улыбнулась, обернувшись к собеседнику. Лицо его оказалось близко-близко, и я с удивлением отметила, что глаза у него не карие и даже не черные, а темно-синие, цвета ночного неба. И что не так уж сильно нервирует меня вторжение некроманта в личное пространство. Привыкать начала, что ли?

— Наоборот, — улыбнулся Блэк и чуть отстранился, выпрямляясь, чем вызвал во мне сложную смесь досады с облегчением. — Придется составить мне компанию в расследовании.

— Но разве так не опаснее?

— Нет. Так у меня все будет под контролем, а достать человека в гостинице — раз плюнуть.

— Это если они меня там найдут!

— Они тебя все равно рано или поздно найдут, — поморщился Адриан. — Пусть лучше это произойдет под надежным присмотром.

— То есть опять ловить на живца? Только на этот раз на меня?

Усмешка вышла невеселой, но я понимала правоту некроманта. Пожалуй, предложи мне Марг подобное в Шорре, и я согласилась бы послужить приманкой там. Может, именно поэтому следователь и отослал меня подальше. Чтобы соблазна не было, потому что посторонних к таким делам стараются не привлекать, риск неоправданно высок.

— Вроде того, — не стал отрицать очевидное Блэк.

— Но зачем это тебе? Имею в виду, так со мной нянчиться. Из-за Марга? Все же это не твоя работа...

— При чем тут Марг? — Шериф усмехнулся. — Моя работа — расследовать и предотвращать преступления, так что тут ты не права. Ну и кроме того, ты мне нравишься, почему бы не помочь?

— Действительно, — пробормотала я, опять прячась за чашкой. Там осталось меньше глотка на донышке, но кофе меня сейчас интересовал только как способ скрыть смущение. — Если с этим все пока ясно, то какие наши дальнейшие планы в связи с расследованием?

— В первую очередь свяжемся с редактором, а там посмотрим. Можно воспользоваться твоим зеркалом? Свое у меня есть, но оно совсем старенькое, и картинка явно похуже.

— Да, конечно. Только захочет ли он мне отвечать?.. Наверняка ведь знает в лицо. Решит, что я хочу поругаться.

— Тебе он ответит скорее, чем непонятному тину разбойного вида, — жизнерадостно оскалился Блэк, и на его обычную теплую улыбку эта гримаса походила мало. Зато отлично соответствовала грозной наружности, особенно сейчас, когда шериф был в гражданской одежде — в темных мешковатых штанах и синей футболке, эффектно облегавшей широкие плечи, мощную грудь и оставляющей открытыми руки.

Я молча подвинула некроманту зеркало. В огромных ладонях изящная вещица смотрелась откровенно странно и инородно. Блэк очень аккуратно, явно боясь сломать, открыл зеркальце, устроил его на ладони, назвал имя и должность нужного человека. Отражение помутнело, затянутое белесым туманом, а потом вполне отчетливо проступил образ незнакомого мне мужчины средних лет с круглым лицом и редкими светло-серыми, пыльного оттенка, волосами. На неожиданно маленьком носике-пуговке, словно прилепленном от другого лица, сидели большие круглые очки с зеленоватыми стеклами в характерной толстой оправе, говорившей о том, что это артефакт, а не украшение.

— Доброе утро, госпожа Ше... — Редактор расплылся в приторно-сладкой улыбке сразу, как только ответил на вызов. Когда разглядел, с кем именно разговаривает, глаза его удивленно округлились, а тонкие брови нахмурились. Гримаса получилась потешной, я не удержалась от улыбки. Даже странно, что этот забавный и в чем-то милый мужчина — редактор едва ли не самой грязной газетенки в Шорре, ему бы больше подошла роль тихого клерка или воспитателя в детском саду.

Еще одно подтверждение того, насколько обманчива бывает внешность.

— Вы кто такой? — резко спросил он.

— Не спешите разрывать связь, этот разговор в ваших интересах, — спокойно ответил некромант. — Мое имя шериф Блэк, я расследую убийство вашего сотрудника Моррига Виста.

— Убийство?! — Глаза редактора стали еще больше и еще круглее. — Он что, все-таки достал судью Шейс? — С собой он справился быстро, и тонкие губы скривились в сальной ухмылке, разом испортив все приятное впечатление.

— Госпожа судья не имеет к этому делу никакого отношения, она просто одолжила мне зеркало, — поморщился Блэк. — Расскажите, зачем Вист направился в Клари?

— Понятия не имею, — кажется, вполне искренне ответил редактор. — Он со мной последний раз из Фонта разговаривал, говорил, что нарыл какую-то бомбу и скоро у него будет материал века. Чтобы я придержал ему первую полосу в следующей декаде. Собственно, я так и думал, что он в Фонте сидит, а что его в ту глушь потянуло — первый раз слышу.

— А в Фонт он зачем поехал?

— В Фонт... — рассеянно повторил редактор. Снял очки, чтобы протереть их платочком, и стало заметно, что его глаза затянуты мутной белесой пленкой. Похоже, без очков он вообще ничего не видел. — А знаете, есть одна мысль...

Около кварты назад к Морригу Висту в редакцию заявился какой-то дряхлый, жалкого вида старикашка, как его охарактеризовал наш собеседник. Уж на что Вист любил всякие странные истории, но тут даже он решил, что имеет дело с психом. Что-то там этот старик нес про оживших мертвецов, про жуткую секту в Фонте, разоблачению которой он посвятил всю свою жизнь. Дескать, те прознали о его деятельности и теперь собираются убить. Умирать ему не страшно, но не хочется, чтобы труды пропали даром. Подробностей редактор не знал, так как при разговоре не присутствовал, а под трудами подразумевалась пара коробок с какими-то бумагами, которые старик притащил Висту с просьбой продолжить его дело и обнародовать материалы. Чтобы секту наконец нашли и призвали к ответу.

Призывать никого журналист не стал, но бумаги принял — это было проще, чем уговаривать старика успокоиться или вызывать ему психиатров.

Коробки простояли в редакции с декаду, и Вист уже собирался их выкинуть, чтобы не занимали место, когда в криминальной сводке промелькнула история с ограблением этого самого старика, во время которого его убили.

Морриг Вист тут же иначе взглянул на наследство, пару дней с ним разбирался, а потом вдруг умчался в Фонт. В существование секты он вроде как не верил, но что-то интересное в бумагах нашел. В редакции их оставлять не пожелал — утащил с собой. Редактор особых надежд на поездку не возлагал, но командировку Висту оформил. Тем более он в очередной раз умудрился куснуть того, кого кусать совершенно не стоило, и такой отъезд был очень своевременным, как раз шумиха поутихнет.

Прежде в Фонте покойный вроде бы не бывал, в Клари — тем более. Он вообще неохотно уезжал из столицы, если только на модные курорты. Так что нынешнее рвение Виста казалось особенно странным.

Однако кое-что полезное редактор все-таки сказал — дал два адреса в одном доме: съемной квартиры, где останавливался журналист, и ее хозяйки.

Блак в ответ на это задумчиво покивал, записал адрес и распрощался, напоследок предупредив, что местоположение судьи Шейс и информация о смерти журналиста являются тайной следствия, и пригрозив ответственностью. Редактор только поморщился и отмахнулся, здорово успокоив меня тем, что «эта судья уже полдекады никому не интересна, просроченные новости». Мол, заметку о встрече в Фонте он черкнул, но на последних страницах, а дальше мусолить тему уже скучно.

— А предупреждать его о визите Марга ты не стал намеренно?

— Да. Сюрприз будет. А то он сейчас засуетится, следы какие-нибудь заметать начнет сдуру, назаметает лишнего. Спасибо. — Он подвинул мне зеркало. — Себе, что ли, поновее завести... Ладно. Ты все, можем ехать?

— Да, конечно, если больше ни с кем связываться не надо. На квартиру к журналисту?

— Потом. Сначала по другому адресу заглянем, это ближе. У него в записной книжке была отмечена еще какая-то квартира. Я поначалу думал, адрес его собственный, но нет, другой конец города.

— Что ты думаешь про эту секту? — любопытствовала я, когда мы вернулись в машину. — Она действительно может существовать?

— Творец знает, — поморщился Блак. — Вроде звучит как бред сумасшедшего, но это хотя бы объясняет, почему вылезла вся эта

история с одержимым.

— Какая история? — нахмурилась я.

— А, ты же не в курсе...

И остаток пути до города мы обсуждали подробности убийства журналиста, включая те улики, которые полиция Клари успела найти. Хотя, конечно, говорил в основном Блэк, обстоятельно и гораздо подробнее, чем можно было ожидать. Кажется, он просто воспользовался возможностью подвести промежуточные итоги и собрать воедино все, что было известно. Наверное, учитывая проблемы с чтением и письмом, шерифу непросто работать с большими объемами информации.

Впечатление история производила крайне неприятное. Собственно, она с самого начала вызывала беспокойство, уж очень неожиданный способ избавиться от журналиста выбрал убийца, общественно опасный, как это записано в законе. А антураж, который складывался вокруг — секта, вырезки об одержимом и сама возможность наличия у этого жуткого существа какой-то определенной цели, — добавлял мрачных красок и неприятных предчувствий. Даже несмотря на серьезное недоверие, которое вызывали все эти детали: история с глубоко законспирированной сектой больше подходила для приключенческого романа, чем для жизни. Я в своей судебной практике не встречала ни одного дела с какими-то тайными обществами, самое большее — преступные группировки. Причем среди всех дел, которые разбирал наш суд, коллеги тоже ничего такого не вели, и даже во время обучения ничего подобного не попадалось.

Горы отделяли Клари от остального лепестка не только в вопросах связи, но и, кажется, в смысле погоды. Во всяком случае, сегодня граница выглядела довольно четкой: стоило перевалить через хребет, как ясное небо сменилось густой серой хмарью, чуть дальше непогода усилилась ветром, а потом мы и вовсе въехали в густую пелену дождя, который и не думал стихать до самого Фонта, местами лишь ослабевал до легкой мороси.

Первый на нашем пути адрес находился в ничем не примечательном спальном районе. Чисто, тихо и безлюдно. Но это понятно — разгар рабочего дня, да и погода не располагала к

прогулкам: редкие прохожие кутались в плащи и недовольно перешагивали лужи, спеша поскорее обратиться с улицы.

Припарковавшись перед симпатичным четырехэтажным домом, в белой штукатурке с красными декоративными квадратами, Блэк заглушил мотор и покосился на меня с задумчивой насмешкой.

— Что? — спросила непонимающе. Я в этот момент натягивала куртку, радуясь собственной предусмотрительности: пальто мне действительно пока не вернули, а в одной блузке я бы неминуемо замерзла. Даже смотреть в окно было холодно.

— Да вот думаю, как удачно, что я тебя с собой взял. — Шериф улыбнулся шире.

— Почему?

— В дверь звонить будешь ты, а я постою сбоку, — пояснил некромант. — Меня в форме-то за пределами родного города с трудом воспринимают как представителя закона, а уж так — вообще без шансов. — Он дотянулся до заднего сиденья, взял свою куртку, лежавшую там же, и вынырнул под дождь. Я последовала его примеру и состроила сырости недовольную гримасу. Ужасная погода. — Раньше думал еще пару татуировок набить, но так и не придумал что.

— Медведя, — не задумываясь сказала я, разглядывая дом и пытаюсь угадать, какой нам нужен подъезд и этаж.

— Почему?

— Потому что ты на него похож, — ответила совершенно честно и окинула взглядом своего спутника, на ходу надевающего куртку. — Мне кажется, тебя не слишком расстраивает реакция людей на твой облик.

— Порой это неудобно, но я все равно ничего не могу с этим поделать. — Он пожал плечами. В кожаной куртке с заклепками Блэк смотрелся еще внушительней. И действительно больше походил на бандита, чем на полицейского. — А ты как-то подозрительно спокойно отреагировала на слова о татуировке, мне казалось, женщины твоего типа относятся к таким вещам скептически.

Я покосилась на него в задумчивости — признаться или нет?

— Ну, с моей стороны было бы лицемерием ругать такие вещи.

— В каком смысле?

— У меня есть татуировка, — призналась честно и не удержалась от улыбки — настолько выразительно вытянулось в ответ лицо

Адриана.

— Серьезно?

— Ну, мне тоже когда-то было восемнадцать. — Я пожала плечами. — Впрочем, я даже тогда была достаточно здравомыслящей, чтобы не делать ничего такого на видном месте.

— Я заинтригован. Покажешь?

— Посмотрим, — туманно отозвалась я.

— Она наверняка на спине, внизу, — предположил Блак. — Самое очевидное место, если хочется иметь возможность скрыть. А вот что... Мне кажется, должно быть что-то, связанное с правосудием. Меч, весы и мешок? — припомнил он официальный знак судебной системы.

— В некотором роде, — улыбнулась я. — Но ты, кажется, считаешь меня человеком совсем без фантазии...

Пока мы искали нужный подъезд, пока поднимались на последний этаж, Адриан вдохновенно гадал и строил предположения, а я с огромным удовольствием их опровергала, чувствуя неожиданную легкость и искренне веселясь.

Похоже, с заявлением о невозможности флиртовать с Блаком я поспешила, надо было просто подобрать подходящую тему.

— Пришли. — Шериф окинул задумчивым взглядом странного вида дверь — угольно-черную, лаковую, с каким-то абстрактным сложным рисунком, нанесенным серебряной краской. — погоди! — Он поймал меня за руку, когда я потянулась к звонку, выполненному в виде старомодного шнура. — Надо настроиться, — пояснил со смешком. — Ты меня так заинтриговала, что я уже забыл, зачем мы шли. Может...

— Нет уж, страдай так! — весело фыркнула я в ответ и второй рукой все же дернула шнур.

Некромант глянул на меня насмешливо, а сам отступил немного в сторону, чтобы не маячить перед глазком и в поле зрения возможных наблюдательных артефактов. Наверное, даже какими-то чарами прикрылся; я сама распознать не могла, но об их существовании прекрасно знала.

Глава пятнадцатая, в которой находят черного человека

Открыл хозяин не с первого раза. Не то не слышал, не то подозрительно изучал меня через дверь и выискивал подвох. Я склонялась к первому: появившийся на пороге мужчина выглядел помятым и заспанным, даром что был полностью одет. Может, кстати, на это и потратил прошедшее с первого звонка время, потому что прямые черные брюки и рубашка были чистые и тщательно выглаженные, вряд ли спал он в них.

— Я ничего не покупаю! — каркнул хрипло, глядя исподлобья. Черные, глубоко посаженные глаза на худом бледном лице смотрелись зловеще и даже жутковато, и вообще во всей сухощавой фигуре хозяина квартиры ощущалось нечто угрюмо-потустороннее. Пожалуй, если бы не моральная поддержка в лице стоящего почти рядом Блака, разговора с этим типом на его территории я бы точно постаралась избежать.

Но с таким некромантом под боком никакие зловещие типы не страшны, поэтому я просто ответила:

— А я ничего не продаю.

— Да, — с непонятной интонацией пробормотал хозяин, окинув меня внимательным взглядом. Учитывая, что сумка осталась в машине, непонятно, с чего он вообще сделал вывод о цели моего визита. — Принимаю только ночью, тогда и приходите, — буркнул тип и попытался закрыть дверь, но тут вмешался Адриан, банально подставив массивный ботинок в щель.

— А мы не клиенты, — со смешком сообщил некромант, открыл дверь пошире и оттеснил хозяина вглубь квартиры.

Я вздохнула, мысленно помянув нарушенные шерифом статьи, но шагнула следом и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Миновав небольшую темную прихожую, хозяин вместе с незваными гостями попал в очень странного вида комнату. Мрачная, темная, со зловещим тусклым светом от замаскированных драпировками светильников. На полу темный полированный камень с выгравированными на нем узорами, рассмотреть которые

внимательней мешал сумрак; посреди комнаты — резная плита на единственной мощной ножке, больше всего похожая на алтарь. Душно пахло сгоревшим воском и сладковатым дымом, и все это перешибал навязчивый дух тяжелых благовоний, напоминающих о жарких пейзажах Красного лепестка, которые я видела только на картинках.

— Вы кто?! — Голос bruneta дал петуха, глаза вытаращились, и облик его в мгновение утратил загадочность. Обычный мужчина средних лет, сутулый и тощий.

— Адриан Блэк, шериф города Клари. Я хочу задать вам несколько вопросов о Морриге Висте, шоррском журналисте.

— Я не знаю, кто это такой! — попытался возразить brunet. И что он врет, было видно по лицу.

А кроме того, я узнала этого типа. Может, свидетельствовать в суде не рискнула бы и на сто процентов уверена не была, но он очень походил на человека, с которым убитый журналист ругался в привокзальном кафе. Да, лица я не видела, но сложение, жесты, голос и манера держаться были слишком специфичны и похожи, чтобы всерьез сомневаться.

— Дан, это он. Тот самый человек в черном, — предупредила некроманта.

— Тем более, — удовлетворенно кивнул Блэк, с интересом озираясь. — Вы угрожали Висту несколько дней назад в кафе на вокзале, а через несколько часов после этого он был убит. Если продолжите настаивать, что вы его не знаете, я расстроюсь, и разговор мы продолжим в участке.

— Послушайте! — истерически воскликнул хозяин. — Ну да, ну ругался я с ним. Так он пришел и шантажировал меня, что мне теперь, спокойно терпеть?! Но я его не убивал! У меня алиби есть!

— И вы точно знаете, когда именно его убили? Раз успели алиби подготовить. — Блэк ухмыльнулся волчьим оскалом.

Оказывается, мое знакомство с шерифом Клари все-таки прошло удачно: на меня он хоть и ворчал, но явно не пытался запугать целенаправленно. А получилось бы это легко, я даже сейчас искренне сочувствовала хозяину квартиры: когда над тобой нависают сто с лишним килограммов отнюдь не сала, да еще с такой зверской рожей, сохранять спокойствие, наверное, очень трудно. Я бы не смогла.

— Да! Нет! — Хозяин затряс головой. — Я из кафе того к другу пошел, а потом тут был, у меня клиенты!

— Господа, давайте сядем и поговорим спокойно, — вмешалась я, мягко придерживав Блага за локоть. — Если вы никого не убивали, это легко будет доказать. Достаточно рассказать все, что знаете о визите Виста в Фонт. Он ведь к вам приехал.

Некромант бросил на меня взгляд и незаметно для хозяина заговорщицки подмигнул.

— Я ничего не знаю об этом! — попытался возразить хозяин. — И вообще, вы не имеете права вот так вламываться, да!

— Слушай, колдун недобитый, — тяжело вздохнул Благ. — Мне плевать на то, как именно ты разводишь на деньги доверчивых граждан, это вообще не мое дело и не мой участок. Я расследую убийство, совершенное с особой жестокостью общественно опасным способом. Но если ты не будешь сотрудничать по-хорошему, я скажу пару слов здешним друзьям, и свой маленький бизнес тебе придется продолжать в колонии где-нибудь возле Разлома. Хоть на живых некромантов посмотришь.

Пришлось приложить определенные волевые усилия, чтобы не уставиться на шерифа с растерянным восхищением. Род занятий хозяина квартиры лично я поняла уже постфактум, когда Благ в него буквально ткнул, а он вон с одного взгляда понял. И судя по тому, как еще больше занервничал черный человек, понял правильно.

Магия составляет важную часть нашей жизни. Теоретические ее основы, причем применительно не только к нашему лепестку, изучают в школе наряду с другими обязательными предметами вроде математики. Возможности магов ограничены, никого из них нельзя считать всемогущими. Только в сказках волшебные крылатые существа способны исполнить любое желание, а в действительности венги мало отличаются от людей.

Но мечта о чуде живет несмотря ни на что, и в этом явлении как таковом нет ничего ужасного. Плохо то, что в основе его очень часто лежит обычная лень и нежелание решать проблемы самостоятельно. Очень хочется, чтобы пришел какой-то добрый волшебник, щелкнул пальцами и все стало прекрасно. В идеале бы, конечно, сделал это бесплатно, но хватает и тех, кто готов отдавать деньги. И пока такие люди есть, мошенники вроде Ормена Эведа будут процветать.

Он называл себя могущественным некромантом, проводником мертвых и Хранителем Равновесия, был типичным нейтралом и к реальной магии не имел никакого отношения. Зато неплохо разбирался в людях, быстро соображал, обладал своеобразной наружностью и определенными актерскими талантами. Все это позволяло беззастенчиво использовать пугающий образ некроманта из народных суеверий, родившийся еще в те времена, когда маги этой специальности работали с трупами и были в обществе изгоями. Очень живучий стереотип, сохранению которого способствует и то, что о своей работе эти маги не очень-то распространяются.

Эвед оказывал населению очень широкий набор услуг. И разговоры с мертвыми, и предсказание будущего, и всевозможные заклятия на удачу, заговоры от неудачи... Неправдоподобно, бессмысленно, но людям нравилось, и на хлеб с маслом «некроманту» хватало.

С Морригом Вистом случилась классическая история: аферист и мошенник наткнулся на прожженного хитрого дельца и погорел. Причем журналист грозил даже не законом, это бы Эвед еще пережил. Вист явился к колдуну под видом клиента и умудрился стянуть у него рабочие записи, в которых были не только имена и контакты клиентов, но и все, что аферист умудрился на них нарыть. И покойный угрожал передать эти данные конкурентам Эведа, а это автоматически означало полный крах карьеры: располагая таким объемом сведений, переманить клиентов другому «магу широкого профиля» ничего не стоило.

Собственно, друг, с которым «колдун» пошел разговаривать после встречи с шантажистом, работал в местной полиции, прикрывал Эведа и мог посоветовать что-то дельное. Сдавать полезного приятеля «маг» не хотел, да Блэк не особо и настаивал, мы пришли сюда не за этим. Ну а поверив наконец, что с нами лучше сотрудничать, мошенник рассказал следующее.

Сумасшедшего старика из Шорры, который ловил в Фонте секту духопоклонников, звали Миролад Куцин. Тридцать лет назад он был целителем, приехал из Зеленого лепестка, чтобы исследовать влияние Разлома на людей с нашей стороны, у соседей эта аномалия проявляла себя совершенно иначе. Приехал с семьей: женой и двумя сыновьями десяти и пятнадцати лет. И совсем даже не стар он был, если

разобраться, но горе и душевная болезнь не добавляют свежести и бодрости.

Долгое время он жил в городке Фелете неподалеку от Разлома, часто общался с местными некромантами и вообще прижился в тех местах. Жена вроде не роптала, дети отправились учиться: один — в ближайший город, другой — в Зеленый лепесток.

В то злополучное лето семья собралась вместе. Погода радовала и располагала к прогулкам, да еще выходной день, поэтому народу в большом парке было множество.

Именно тогда, именно в этот парк пришел тот самый одержимый, о котором мы так много слышали в последнее время. Именно там на его пути оказался молодой некромант Дионас Бург, приехавший в город в увольнительную.

Одержимый убил семью на глазах целителя, которому совершенно нечего было ему противопоставить. Убил бы и самого Мирорада, но просто не успел, хотя для бедолаги, может, смерть оказалась бы лучшим выходом. Все произошедшее подействовало на Кущина сокрушительно, он тронулся умом. Долго лечился, но менталисты не смогли восстановить его полностью. Конечно, ни о каком целительстве речи больше не шло, да он и магию на почве потрясения утратил безвозвратно и даже оборачиваться больше не мог. Наверное, отчасти поэтому постарел раньше времени, потеряв существенную часть себя.

У Кущина осталась идея-фикс: что некромант не сумел победить одержимого, что дух не ушел, а нашел себе другое вместилище. Не сам, а с посторонней помощью. В нем укоренилась идея существования секты, которая поклонялась духам, причем не просто поклонялась, но стремилась воскресить генерала Этеона Отока и привести его в Белый лепесток во главе армии потусторонних существ. И одержимых призывали тоже они, причем именно с этой целью: одержимые собирали силу, необходимую для вторжения.

Все это Эвед знал от самого старика, который явился к нему несколько лет назад за амулетом для защиты от этих сектантов. То есть рассказывал-то он о секте всерьез, но эти рассказы опытный аферист аккуратно фильтровал и пропускал через призму знания человеческой психологии. С тех пор в бредовой системе бывшего целителя

мошенник занял важное место, оказавшись одним из активных борцов сопротивления, эдаким сказочным помощником героя.

Эвед уверял, что пытался отправить бедолагу к менталистам, но ничего не вышло, и я склонна была ему верить. Мошенник или нет, а Кушину он явно искренне сочувствовал.

— Ваш адрес Вист нашел у Кушина, верно? — Когда мошенник сменил тон и перестал запираться, Блэк тоже заговорил спокойно и деловито, без угроз.

Обсуждение мы вели не в «рабочей» комнате, а в кухне, лишенной малейших намеков на мистику. Среднестатистическая грязноватая кухня, в которой содержат в порядке артефакты и технику, но особенно на чистоте не заикливаются, убираются от случая к случаю. Эвед даже чай нам заварил, и шериф его одобрил.

— Я понял так, — подтвердил Ормен.

Сейчас, ссутулившийся над чашкой и обхвативший ее ладонями, горе-колдун казался совсем молодым и очень несчастным, эдакий щуплый, вечно голодный подросток, которого хочется накормить. Но этот порыв я, конечно, поборола: вряд ли он моложе меня, этот «подросток». Скорее всего, он просто сменил линию поведения и старается прикинуться безобидным и беззащитным, раз уж со всеми остальными вариантами не вышло.

— А почему он считал гнездом секты Фонт?

— Да Творец знает! — отозвался Эвед. — В смысле он уверял, что ему лично Творец сообщил эти важные сведения во сне и благословил на борьбу. Но это нормально, вполне типичная картина бреда величия пополам с преследованием...

— А вы неплохо разбираетесь в терминологии, — заметила я, никак не комментируя диагноз: я-то в вопросах психики и ее болезней не понимала ничего, в случае необходимости полностью полагаясь на заключения менталистов.

— Да мне вообще психиатрия нравится, — смущенно признался Ормен. — Только по этому профилю соваться бесполезно, если не менталист.

— Вист не упоминал, зачем он вообще приехал в Фонт? Не вас же шантажировать.

— Не, это он заодно, — поморщился Ормен. — Я поначалу подумал, что он тоже того, что старик себе последователя нашел, такое

случается. Но нет, увы. Этот соображал. Только что-то он такое, кажется, выискал у старика. Я даже подумал, может, не такой уж псих этот целитель был, он же умный мужик. Может, правда что важное выискал, связанное с этими одержимыми? Не просто же так они появляются...

— Разберемся. И никаких намеков Вист не сделал и вы ни о чем не догадались?

Аферист медленно пожал плечами, хмурясь.

— А вообще, есть одно... Вы только пообещайте мне, если вдруг найдете мой архив, вернуть его, а? Ну хотя бы уничтожьте, — поспешил исправиться он под потяжелевшим взглядом Блака.

— Борзеешь? — мрачно спросил шериф.

— Да ладно, уж и спросить нельзя, — не стал нарываться Эвед. Втянул голову в плечи, проникновенно вздохнул, глядя на некроманта с видом нашкодившего щенка. Но продолжил: — В общем, последний раз Кушин был у меня дней за десять до того, как появился журналист. Я-то подумал тогда, у него просто обострение стряслось, но, может, это важно? Он был возбужден сильнее обычного и твердил, что выследил главаря этой секты. Что он его узнал, что видел его тогда, в Фелете, и он, мол, так и знал, что все это было неспроста и не само по себе. Только кого имел в виду, я так и не понял. Да и сейчас не уверен, что это имеет смысл. Ну он же все-таки псих, с диагнозом и справкой от менталистов. Может, он в газете тогда чей-то портрет увидел, а сейчас встретил похожего человека... Только почему журналюга так уцепился, непонятно.

— Кстати, о Висте. Как вы собирались решать вопрос с ним?

— А... — Эвед замаялся. — Какая теперь-то разница!

— И все-таки.

— Проследить за ним собирались в следующий раз. Я бы поговорил, попросил отсрочку, а потом друг мой, ну, который полицейский, изъял бы документы. Обыск там по анонимному доносу и все такое.

— Разумно, — хмыкнул Блак.

Больше ничего путного из Эведа вытянуть не удалось, хотя он вроде бы искренне стремился сотрудничать.

Напоследок посоветовав аферисту найти другой источник заработка и распрощавшись, мы ушли, ни минуты не сомневаясь, что

советом этим «великий колдун» не воспользуется. До машины спускались в молчании, осмысливая разговор.

— Мы все еще не верим в существование секты или начинаем ловить хорошо организованную группу? — первой не выдержала я, когда Блак завел двигатель.

— Не верим, — отозвался мужчина. — Сейчас еще больше, чем раньше. Чушь это все, с сектами и одержимыми. — Он поморщился.

— Но ведь старика кто-то ограбил и убил, и дом перерыли. И журналиста тоже, причем с помощью духа!

— А ты что, веришь в существование секты? — насмешливо покосился на меня Блак.

— Честно говоря, не особо, — призналась с некоторым смущением. — Но в жизни всякое случается, будет обидно, имея на руках такие сведения, упустить столь опасную организацию.

— Всякое. Но не внезапные, глубоко законспирированные, централизованные организации, о которых ничего не знает полиция, зато осведомлен один случайный сумасшедший. Я уж не говорю про идею воскрешения генерала Отока как основную мысль этой секты. Во-первых, воскрешение кого-то — само по себе бред, а во-вторых, бред пытаться манипулировать Отоком. Он при жизни-то, говорят, был неуправляем и делал только то, что считал правильным, вряд ли смерть способна смягчить чей-то характер. В общем, вся эта история с одержимыми — полная чушь. Но что-то такое Кущин все же нарыл. Неизвестно, за это убили его самого или просто так совпало, но журналиста, я почти уверен, убрали именно за это. Ну или тот псих вообще ни при чем, и Вист пострадал за какие-то собственные прошлые грехи, но, если дело в этом, надеюсь, Марг что-нибудь откопает.

— Значит, пока наша задача выяснить, что же он нарыл?

— Попробуем, да. Очень похоже, что случилось это все в многострадальном Фелете примерно тогда, когда туда пришел одержимый. Полагаю, Кущин увидел тогда нечто странное, до или после столкновения с одержимым, и в его голове все смешалось в кучу. Мне непонятно, как он выжил? Если был рядом с одержимым и с семьей, его бы постигла та же участь. А если нет — то где? Вообще, поговорить бы с тем, кто занимался этим целителем с самого начала и вел расследование в Фелете. Там не так уж много свидетелей было, да

и случай уникальный. Если кто из следователей жив, вряд ли он такое забыл.

— Значит, нужен запрос еще и в Фелет?

— С этим мы точно наглухо завязнем, — неодобрительно поморщился Адриан. — Есть у меня идея получше. Надо поговорить кое с кем из учителей. Есть подозрение, что наш спец по типологии во всем этом участвовал, уж очень со знанием дела рассказывал. А если не сам, то посоветует, к кому обратиться. Да и по одержимым хочется пару вопросов задать, чтобы не тыкаться вслепую. Но сначала все-таки попытаемся выяснить судьбу Зенои Тург, пока день и работают все службы.

Раньше я неоднократно слышала расхожую фразу о том, что следователя ноги кормят, и даже, как мне казалось, прекрасно понимала почему. Но только сейчас на наглядном примере увидела, сколько на самом деле им приходится бегать.

По пути завернув на железнодорожный вокзал и получив там выписку о том, что билет свой покойный журналист купил, кажется, спонтанно, незадолго до отправления поезда, мы полностью сосредоточились на выяснении судьбы Зенои Тург. Дело это заняло остаток дня, и еще повезло, что к вечеру на руках оказались более-менее исчерпывающие сведения. Весьма интересные.

В городских архивах никаких данных об этой женщине не было, уже лет двадцать ее не видел никто из соседей и друзей, а близких родственников, кроме мужа, найти не удалось. Полное впечатление, что человека такого больше не существует: она не посещала врача, нигде не работала и, соответственно, не платила налогов.

Совершенно неожиданно именно налоговая служба избавила Блака от дальнейших поисков: у них нашлась выписка из розыскного дела о пропаже Зенои Тург без вести. Дела, заведенного в городе Фелете двадцать лет назад, летом того года, когда там объявился одержимый.

Подробностей дела, конечно, никто не знал, эти документы пришлось запрашивать, но самого факта было более чем достаточно для серьезных подозрений в адрес Савина Турга.

— Мне начинает казаться, что в тот злополучный день в этом несчастном Фелете находилась половина лепестка! — проворчала я, в очередной раз устраиваясь на сиденье авто, когда мы затемно вышли

из полицейского участка. Там у Блага обнаружилось несколько приятелей, которые хоть и повозмущались, но все наши запросы приняли и пообещали завтра утром отправить — сегодня для этого было поздно.

«Нашими» я их считала уже вполне уверенно и небезосновательно. Как-то так само собой получилось, что составляла их именно я. Сначала предложила просто помочь написать, чтобы некроманту с его проблемами не тратить лишнее время, но записывать формулировки, которые диктовал Адриан, не поднялась рука. Предложение сделать все самой он принял с явным облегчением и воодушевлением и, пока я писала, обсуждал какие-то отвлеченные и непонятные мне дела с парой местных полицейских.

На меня эти двое посматривали с таким интересом, что, того и гляди, должны были прожечь дырку: представления «Лавиния, добровольная помощница» им явно не хватило, но выпытывать подробности не стали. То ли при мне постеснялись шутить и лезть с прямыми вопросами, то ли опасались реакции Адриана. Я больше склонялась ко второму варианту, мое присутствие в лучшем случае смягчило бы формулировки.

Так мы и оставили их наедине с неудовлетворенным любопытством. И почему-то это было приятно.

— Да нет, всего двое — убийца и человек, с которого вся эта история началась, — отозвался Благ. — Так что это закономерное.

— Ты, по-моему, уже уверен, что виноват Савин Тург. — Я неодобрительно качнула головой.

— Ну почему же? Пока не уверен. Я же не лечу в Клари его арестовывать, продолжаю выяснять детали. Но согласись, версия выходит крепкая. Тург под общую шумиху пристукнул свою супругу и спрятал тело, Кушин все это видел, но повредился умом и внятно объяснить не мог. Тург жил в Фонте, и гнездо секты, по мнению Кушина, располагалось здесь, что по-своему логично.

— Ну да, — признала нехотя. — Куда мы сейчас, на квартиру Виста?

— И стоило бы, но отложим на завтра. Честно говоря, я слишком хочу жрать, чтобы продолжать мотаться по адресам, — усмехнулся Благ. — Туда-сюда, поужинаем — вот уже и середина ночи, какие там

поездки, хозяйка квартиры наверняка будет спать! Хватит на сегодня, кое-что полезное мы сделать успели, есть повод гордиться собой.

Такую точку зрения я полностью одобряла и идею ужина приняла с облегчением. Вроде бы почти весь день просидела — то в машине, то на стуле где-нибудь в очередной инстанции, — но все равно чувствовала себя совершенно вымотанной. Наверное, все еще аукалось ментальное сканирование, не просто же так меня выгнали в продолжительный отпуск.

Гостиница, в которую мы приехали, располагалась удобно — вроде бы не в историческом центре, но рядом, да еще со своей удобной парковкой. Судя по тому, как держался Блак и как уверенно находил дорогу, место он знал прекрасно, так что я окончательно расслабилась, не ожидая подвоха. Вряд ли шериф стал бы из раза в раз останавливаться в обшарпанной клоаке с насекомыми, он, по-моему, для такого слишком аккуратен, а все остальное меня не беспокоило.

Впрочем, нет, кольнула тревога, что здесь номера тоже окажутся заняты и придется среди ночи искать другой вариант, но я быстро взяла себя в руки и отложила панику на потом, на тот случай, если действительно что-то пойдет не так.

В небольшом фойе гостиницы стало понятно, что с ее уровнем я вполне угадала: здесь было чисто, строго и без неуместной роскоши. Светлые обои с ненавязчивым рисунком, дощатый пол, покрытый синей ковровой дорожкой, несколько низких кресел, стеклянный журнальный столик. На стойке подставка с буклетами, позади нее — стеклянная витрина с мелкими сувенирами и доска для ключей.

— Добрый вечер. Господин Блак, надолго в этот раз к нам? — улыбнулся некроманту портье, обаятельный мужчина средних лет в белой рубашке и синем жилете почти под цвет ковра.

— Добрый. Как пойдет, — пожал плечами Адриан. — До завтра точно.

— Ваш любимый номер свободен. А госпожа?.. — Портье посмотрел на меня, вопросительно приподнял брови.

— Госпоже отдельный номер, но лучше всего соседний, — не дожидаясь, пока я соображу, чего от меня хотят, ответил некромант.

— Свободен четырнадцатый, дверь в дверь, подойдет? — живо предложил портье. — Вы отдыхать или?..

— Или, — поморщился Блак. — Исключительно работа.

- О, это замечательно, у нас сегодня очень тихо.
- Ресторан, как я понимаю, открыт?
- Да, разумеется. Желаете столик или, может быть?..
- Столик.
- Госпоже помочь с вещами или?..
- Нет, ничего не надо, я сам, — отмахнулся Блак.

На этом расспросы кончились, нас записали в книгу учета и выдали ключи, после чего некромант уверенно зашагал к лестнице, держа в руке две сумки, свою и мою. То есть обе сумки принадлежали шерифу, просто одну он одолжил мне под вещи, чтобы не таскать целый чемодан.

— Он всегда так разговаривает? — любопытствовала я, пока поднимались.

— Кто? — не понял Адриан.

— Портье, неоконченными вопросами.

— А, этот — всегда, — ответил некромант и вперед меня прошел в четырнадцатый номер. Бросил сумку в кресло, обошел комнату по периметру, внимательно осмотрел ванную.

— Что ты делаешь? — не выдержала я наконец.

— Проверяю и сигналку с защитой набрасываю. Так, на всякий случай.

Зря он это сказал, оставаться одной в номере сразу расхотелось. Силам и умениям некроманта я доверяла, не зря его хвалил Марг, а Касадра Дхур не на пустом месте называла одним из сильнейших. Но за день за всей этой суетой я успела выкинуть из головы собственные проблемы, и напоминание о них оказалось неприятным.

Я даже почти готова была попроситься ночевать в номер к некроманту, но пришлось переступить через собственные страхи — остатки гордости воспротивились. Вот если бы он сам предложил, да потом еще и уговорил, потому что я обязательно стала бы отнекиваться... Заверил в чистоте собственных помыслов и остром желании спать на полу, пообещал бы не приставать, но потом, конечно, передумал, проявил настойчивость и терпение...

Творец! Все же как сложно и неудобно быть приличной женщиной!

Но шериф был некромантом, а не менталистом и мысли читать не умел, поэтому о той каше, которая воцарилась в моей голове — от

голода и усталости, не иначе, — не знал. Деловито поинтересовался, требуется ли мне прямо сейчас душ и переодевание или все это может подождать до окончания ужина. Я, конечно, выбрала второе, и шериф радостно поспешил вниз. Мне даже стало его искренне жаль: я-то успела проголодаться, последний раз перекусывали в том придорожном кафе в горах, а Блэк вон какой большой, ему энергии много надо.

Остаток вечера прошел спокойно, за едой в тихом уютном ресторанчике, а потом за разговором о разном. Моих проблем Блэк не касался и явно старался не заикливаться на текущем деле: стоило свернуть к насущным вопросам, и некромант старательно и очень явно уходил от них подальше. Когда я прямо спросила, почему, оказалось — привычная система. Чтобы глаз не замыливался и голова не пухла, Адриан старался в свободное время «отпускать» текущее дело. Сказал, работает. Тоже надо как-нибудь попробовать.

Ну а потом мы распрощались в коридоре между номерами. Как оказалось, ненадолго...

Глава шестнадцатая, в которой приходится справляться с потрясением

Когда в дверь постучали, я успела не спеша, с удовольствием принять душ и переодеться ко сну — и ночнушка, и халат были в вещах.

— Кто там? — спросила напряженно, не подходя к двери.

— Это портье, — слышался знакомый голос. — Госпожа Шейс, мне очень неловко вас беспокоить, но я обнаружил, что неверно переписал номер вашего паспорта, не хватает двух цифр, — виновато проговорил он. — Не могли бы вы?..

— Да, конечно, — вздохнула я, поплотнее запахнула халат и открыла дверь.

Два события произошли одновременно. Я запоздало сообразила, что для регистрации отдавала второй, поддельный паспорт, по которому я совсем не Шейс, и в лицо мне полетела какая-то черная клякса.

Во все стороны пыхнуло белым дымом, пахнущим свежо и остро. От неожиданности и страха перехватило дыхание, я даже не вскрикнула, только запоздало отпрянула и вскинула руки, закрывая лицо, и зажмурилась. Хлопнула дверь; кажется, убийца вошел внутрь, чтобы закончить начатое.

Я ждала боли или окончательного мрака и перехода в потусторонний мир, но слышала только вязкую тишину и странно приятный запах.

Сдавленное ругательство, произнесенное совсем другим, низким хриплым голосом. Холод сковывает сердце, от страха немеют руки...

— Винни! — Крик Блака совсем рядом, за дверью.

Опять ругательство. Одновременно звон стекла и грохот выбитой двери. Тяжелый топот — несколько шагов.

Отмерла я только тогда, когда мои плечи обхватили большие горячие ладони. Запоздало вскрикнула, взмахнула руками, не понимая, что вообще происходит. Забилась, силясь освободиться.

— Ну тихо, тихо, все, — мягко проговорил некромант, легко преодолевая сопротивление. Поймал мои запястья, перехватил их одной рукой, второй, крепко прижал за талию к себе. — Он сбежал.

Адриан показался не просто теплым — обжигающе горячим. Настолько, что в первый момент от этого жара стало почти больно. А потом я запоздало сообразила, что дело не в нем, что у меня трясутся руки и вообще бьет крупная липкая дрожь. И я уже сама подалась ближе, стараясь прижаться теснее.

Мужчина тут же выпустил мои руки, обнял крепче, я же в ответ обхватила его за талию.

— Цела? — спросил тихо. Я только коротко дернула в ответ головой — горло все еще сдавливал спазм, и я сомневалась, что смогу говорить. — Не понял, это значит да или нет?

Адриан слегка отодвинул меня, приподнял подбородок, чтобы заглянуть в лицо.

— Винни, открой глаза, — попросил с легкой насмешкой в голосе. — Все позади.

Сделать это тоже было страшно: а вдруг эта непонятная магия меня ослепила? Но переступила через себя. Сморгнула влажную мутную пелену.

— Ну вот и умница, — проговорил некромант мягко, обнял ладонью мое лицо, ласково погладил большим пальцем по щеке. — Испугалась?

Я невнятно, но утвердительно угукнула в ответ, все еще боясь говорить. Блэк склонился, легко поцеловал меня в висок, в изгиб брови, в середину лба, опять прижал к себе.

От этого проявления нежности я растерялась окончательно, но лишь крепче вцепилась в мужчину. Лишь теперь заметила, что некромант явился мне на выручку босиком и в одних трусах. Кажется, тоже только вышел из душа: кожа и волосы на труди, к которой я прижималась щекой, были мокрыми.

— Пойдем, — заговорил Адриан через некоторое время, когда меня перестало колотить. — Нечего тебе тут мерзнуть. — Он взял меня за плечи и развернул к выходу.

Дверь висела на одной нижней петле, перекошенная. Ответная планка замка торчала из дверного косяка вместе с длинными щепами,

на которые раскололась доска. При виде этой картины меня опять передернуло, а Блэк, уловив дрожь, чуть крепче сжал мои плечи.

В коридоре было пусто. Как ни странно, никто не выглянул поинтересоваться, что происходит. Вряд ли в подобном месте это норма, и вряд ли все номера пустые.

— Здесь тоже магия гасит звуки? — спросила я, всеми силами цепляясь за посторонний вопрос. Голос прозвучал тихо и сипло.

— Да, конечно, как в любой приличной гостинице.

— А почему?.. — пробормотала и осеклась: сложно было сформулировать все кратко.

— У персонала есть специальные амулеты, чтобы слышать и их было слышно. А нападавший взломал защиту, она совсем простенькая. Садись. — Он подвел меня к постели. — Я все улажу, а ты подожди здесь.

— Я с тобой! — выдохнула нервно, успев поймать его запястье.

— Винни, все в порядке. — Вырываться Адриан не стал, наоборот, шагнул ближе, опустился на корточки и оперся локтями о край постели, обнял мои бедра. Я сложила руки на коленях, сцепила в замок — иначе непременно ухватилась бы за мужчину вновь. — На тебе надежная защита, я же обещал не давать тебя в обиду. Он действовал с помощью артефактов, а их недостаточно, чтобы этот щит пробить. Комнату вот как следует прикрыть не удалось, но у меня на больших площадях только активная защита стабильной получается, а это незаконно на чужой территории. В любом случае в ближайшем будущем он не вернется, не дурак же. А мне надо поговорить с портье, осмотреться на месте. Я оставлю дверь открытой и очень быстро вернусь. Хочешь чего-нибудь? Чаю, кофе, сладкого заесть?

Я отрывисто кивнула, не вдаваясь в подробности.

— Не бойся, — тепло улыбнулся он. Подался вперед, легко и внезапно поцеловал меня в уголок губ и пружинисто поднялся.

На то, чтобы натянуть штаны и футболку, у него ушла пара секунд. Тратить время на обувь не стал, вышел босиком. А я медленно подняла руку к лицу, неуверенно коснулась губ. Интересно, вот это уже можно считать поцелуем или еще нет?..

Если Адриан пытался таким образом встряхнуть меня и переключить, у него это отлично получилось. Заторможенные и вялые до этого мысли лихорадочно заскакали от вопроса к вопросу.

Меня правда пытались убить?! Интересно, а как Адриан целуется — если по-настоящему, а не вот так? Как именно на меня напал этот злодей? Дан совершенно точно настроен на сближение со мной, а я?.. Кто был этот нападающий, какой-то наемник?

Я мучительно застонала, потрясла головой и обхватила ее руками — казалось, что от этой каши ее распирает и она вот-вот в прямом смысле лопнет. Стало уже немного не до страхов, и я прошлепала в ванную, чтобы поплескаться в лицо водой и постараться прийти в себя.

Осмотр номера и все прочее заняло на удивление мало времени. Полицию Адриан решил не вызывать, и портье живо поддержал эту идею, так что улики с места преступления изымал сам Блэк. То есть по-хорошему ему следовало бы сообщить в ближайший участок, но самое смешное, что он действительно имел право разобраться самостоятельно: должность шерифа дает достаточно широкие полномочия, причем территориальные ограничения весьма условные, и их можно при желании обойти. А в данном конкретном случае даже я бы при всем желании не подкопалась: нападение совершено почти в его присутствии, а я, с точки зрения закона, в зоне его ответственности. Хотя бы потому, что защиту на меня накладывал именно Блэк, я под подпиской в Клари, а здесь оказалась с его поручительства.

Я сидела на кровати, завернувшись в одеяло, и слушала через открытую дверь, что происходит. Как Адриан диктует, кажется, портье сухой и короткий протокол осмотра, как кого-то называют «господами понятами», то есть все происходило официально, по правилам. И это успокаивало.

Где-то в середине осмотра пришла горничная с подносом, на котором был обещанный чай и пирожные. Но во мне запоздало проснулась паранойя, и к блюду я даже не прикоснулась в отсутствие некроманта. Который пришел довольно скоро, держа в горсти несколько мелких бумажных свертков с надписями — кажется, собранные улики. В другой была пара исписанных листков — наверное, протоколы.

— А ты чего чай не пьешь? — спросил Блэк, ссыпая свою добычу в специальный ящичек, занимавший половину его сумки. Туда же, сложенные пополам, отправились протоколы.

— А вдруг там... — пробормотала неуверенно и смущенно опустила взгляд. Признаваться в страхах было стыдно.

— Понимаю, — серьезно сказал некромант, и не думая насмешничать. Подошел к подносу, поколдовал над ним. — Все нормально, можно есть. Успокоилась немного?

Он сел на кровать. Раздумывала я не дольше секунды, а потом плюнула на все и подвинулась ближе к его боку — это было гораздо более заманчиво, чем чай. Адриан не разочаровал — обнял одной рукой, невозмутимо забравшись ею под одеяло. А потом и вовсе потянул ближе, к себе на колени.

— Немного, — ответила тихо, не то что не сопротивляясь такому перемещению, а с удовольствием устроив голову на широком твердом плече. — Что это было?

— Он плеснул на тебя сложным контактным ядом, убойная штука. Сам был под амулетом с ментальной начинкой. Когда яд не подействовал, видимо, хотел добить иным способом, но тут уже я подоспел. Сбежал через окно, не очень удачно для себя, нам осталась кровь, так что поймать будет проще. Ну а я его запомнил, почую, если приблизится. Кем он прикинулся?

— Портье, — призналась тихо. — Сказал, что-то там неправильно в документах написал. Даже манеру эту дурацкую скопировал. Он меня Шейс назвал, а я поздно сообразила, только когда дверь открыла. Дура, знала же, что...

— Не кори себя, — оборвал Блак. — Говорю же, у него амулет с ментальной начинкой, похоже, довольно серьезный. Почти наверняка там, помимо личины, есть всякие мелочи вроде доверия и усыпления подозрений, они по умолчанию в таких вещах идут. А у тебя еще после сканирования наверняка сопротивляемость воздействию понижена. Надо завтра амулетом озаботиться, кстати, я сразу не сообразил.

— Спасибо, — пробормотала я и тяжело вздохнула. — Не думала, что я такая трусиха...

— Винни, прекрати, — проворчал мужчина. — Обученные профессионалы в экстренных ситуациях теряются, чего ты от себя требуешь?

— И все равно. Мне ведь сколько раз угрожали, всерьез, и я все равно могла держать себя в руках, а тут... Может, это опять

последствия сканирования? Страшно, а вдруг... вдруг это никогда уже не пройдет? Как я буду работать, вздрагивая от каждого злого взгляда?

— Пройдет, — уверенно заявил Блэк, погладил тяжелой рукой по голове, потом закопался кончиками пальцев в волосы, слегка помассировал. — Хотя, видит Творец, противно слышать, что для тебя угрозы — привычная вещь.

— Ну а что я могу с этим сделать? — пожала плечами в ответ. — Как минимум одна сторона всегда недовольна вердиктом, всем угодить в суде принципиально невозможно.

— Это не тебе в укор было, недовольство — несовершенством мира, — со смешком возразил Адриан. — Одна из причин, почему я отказался уезжать из Клари: там все как-то проще и человечнее, а Шорра...

— А что, собирался?

— Меня очень зазывали к охотникам, — пояснил он. — Силы немерено, опыта достаточно, а бумажной работы там гораздо меньше — самое то с моими дефектами буйных духов отлавливать. Но это в столицу перебраться надо.

С минуту, наверное, мы посидели молча. Я, кажется, окончательно успокоилась и взяла себя в руки, потому что опять начала ощущать неловкость.

— Давай спать? — предложила неуверенно.

— Давай, — согласился Адриан, но не шевельнулся.

Тогда я сделала над собой волевое усилие и завозилась, неуклюже сползая с коленей мужчины.

Ойкнула от неожиданности и перехватила полы халата, когда распустился завязанный бантиком пояс, и только потом сообразила, что его поймал за хвостик некромант.

— Что ты делаешь? — Я напряженно замерла.

— Помогаю тебе снять одежду, — ровно ответил Адриан, подцепил уже оба конца пояса и за них уверенно потянул к себе, так что я оказалась почти вплотную, между его разведенных коленей. Положила ладони мужчине на плечи — то ли упираясь, то ли опираясь, а то ли вовсе отчаянно за них цепляясь.

Некромант развязал единственный узел, который и без того уже ничего не держал, развел полы халата. Ладони его легли на галию, скользнули по кремовому шелку ночной сорочки. От этого

волнующего ощущения, от предвкушения, к чему все идет, перехватило дыхание, и даже если бы я хотела возразить, вряд ли смогла бы.

Я рефлекторно крепче вцепилась в плечи мужчины, когда его руки уверенно огладили мои бедра, обжигая прикосновением, заставляя сердце отчаянно колотиться где-то в горле. Когда широкие ладони сдвинулись вверх, чтобы через мгновение накрыть и мягко сжать прикрытую густым кружевом грудь, — и вовсе захлебнулась воздухом, не в силах шевельнуться и отвести взгляд от лица мужчины. А он следил за собственными руками с таким отчетливым наслаждением во взгляде, что от одного этого уже кружилась голова.

Халат скользнул с плеч, потянув за собой одну из бретелек ночной сорочки. Обняв меня рукой за талию, Адриан провел кончиками пальцев по коже вдоль выреза. А потом медленно-медленно, словно смакуя, потянул за эту предательскую лялочку вниз, миллиметр за миллиметром обнажая кожу.

— Дан... — позвала я. Получилось шепотом, не громче выдоха, но он услышал. Не сразу, словно для этого пришлось приложить определенные усилия, поднял взгляд, не прекращая движения пальцев.

И я забыла, что хотела сказать. В совершенно почерневших глазах Адриана было столько искреннего восхищения и желания, что тело отзывалось на них мгновенно — частящим пульсом, тянущим теплом возбуждения внизу живота. Губы заныли в ожидании поцелуя, и именно за это ощущение уцепилось мое сознание.

Если до сих пор еще существовала какая-то, пусть призрачная, возможность остановить происходящее, если где-то внутри царапалась неуверенность и даже робость, то в следующий момент я сама отрезала себе путь к отступлению. Потому что именно я поцеловала его первой, окончательно сдаваясь собственным сиюминутным желаниям. И почувствовала себя совершенно пьяной от восторга.

Халат легким облаком осел у моих ног, бретельки сорочки соскользнули с плеч. Дан на мгновение прервал поцелуй, чтобы стянуть футболку, а после припал к моей груди, лаская. Сначала прямо через ткань сорочки, потом неспешно обнажил кожу.

Я шумно, прерывисто вздохнула, теряясь в ощущениях и в том пламени, которое будили во мне прикосновения. Нервно закусила

горящую от поцелуя губу, запустила пальцы в густые черные волосы Адриана. Объятия стали теснее, прикосновения — более жадными.

Он потянул меня за собой на постель, опрокинул на лопатки. Ночная сорочка окончательно сбилась, собралась на талии, и собственная нагота под взглядом мужчины не смущала совсем, наоборот, казалась единственно правильной. Дан смотрел с таким искренним восхищением, с любованием, и неловко становилось уже перед самой собой: как можно было раньше соглашаться на что-то меньшее?..

Адриан оказался изумительно чутким и нежным любовником. Это было так странно — как бережно касался меня, как целовал, как осторожничал, чтобы случайно не сдавить слишком сильно, — но вместе с тем ожидаемо. В этом был весь он — огромный сильный мужчина в мире маленьких и хрупких вещей, давно привыкший тщательно следить за собой даже там, где можно немного расслабиться.

Ни с кем и никогда прежде я не чувствовала себя настолько красивой, настолько желанной и нужной. И ни один мужчина прежде не вызывал во мне такого трепетного восторга, который быстро и незаметно пришел на смену первому страху. Понимая, что никогда не смогу сказать об этом вслух, я пыталась выразить эти ощущения и свою благодарность за нежность и осторожность единственным доступным способом — через прикосновения и поцелуи.

Это было так ярко, так отчаянно остро, что ощущения буквально затапливали сознание, лишая возможности думать, вспоминать, что-то анализировать. Только невероятно обостренное осязание и после — чистое, пронзительное наслаждение...

Мысли вернулись некоторое время спустя, когда я лежала частью на Адриане, частью на постели и вспоминала, каково это — существовать отдельно. Получалось не очень, и я продолжала жаться к мужчине, цепляясь за его плечо. Дан отвечал тем же: одной рукой крепко обнимал, а второй — медленно поглаживал мой локоть, кажется, просто ленился тянуться куда-то еще.

Вместе с мыслями пришла и неловкость, уже немного иная, подстроившаяся под новые обстоятельства. Смущаться, прикрываться и бояться дотронуться после всего было уже странно и неуместно, но

теперь меня беспокоило другое: как вести себя с Блаком дальше? И как он сам себя поведет?

Не знаю, почувал ли что-то мужчина или просто так сошлись мысли, но в какой-то момент он вдруг мягко перекатился на бок, опрокинул меня на постель и, подпирая голову локтем, навис сверху, разглядывая с внимательным и немного насмешливым интересом. Обнимал, однако, по-прежнему крепко, даже придавил мои ноги бедром — видимо, чтобы уж точно не сбежала.

— Что случилось? — насторожилась я.

— Жду, — насмешливо ответил он. — Мне интересно, какую глупость ты сейчас скажешь. Про последствия потрясения заговоришь, еще про какие недоразумения?

— Почему это? И не думала даже...

Я очень постаралась, чтобы прозвучало твердо и уверенно, но убедить некроманта, похоже, не удалось. Он тихо засмеялся, склонился ближе, чтобы поцеловать — долго, чувственно, даже многозначительно.

— Вот и не думай, — велел, немного отстранившись.

— Почему? — спросила из чистого упрямства и любопытства.

— Ну а вдруг мне станет стыдно?

— За что?! — Предложенный вариант оказался более чем неожиданным.

— За то, что воспользовался обстоятельствами и затащил тебя в постель, — пояснил Адриан, усмехнулся и добавил: — Впрочем, если бы не этот повод, пришлось бы выдумывать новый или обойтись вовсе без него. Невозможно же сдерживаться... — Он с задумчивым видом накрыл мою грудь ладонью, слегка сжал, погладил, а потом и вовсе склонился ниже и неторопливо принялся прокладывать дорожку из поцелуев от ключиц вниз.

— Что, так свербело? — отозвалась я в том же тоне, все же преодолев новый приступ смущения, вызванного откровенным признанием.

— Не представляешь насколько! — Дан тихо засмеялся, щекоча тонкую кожу дыханием, и резко изменил направление движения, провел языком вверх, к уху. — С того момента, как увидел тебя в этом халатике в кухне — просто нестерпимо, — проговорил негромко, интимно, почти шепотом. По спине пробежали мурашки, мягкое,

вязкое чувство возбуждения вновь сжало низ живота. — Нагнуть тебя над столом, задрать халат на талию... — говорил медленно, явно смакуя. И так же медленно провел ладонью по моей талии к бедру, чтобы крепко сжать его и плотнее притиснуть к собственному телу. А я удивительно уверенным и естественным движением обняла его в ответ за плечи. — Это не одежда, это страшное оружие, напрочь отбивающее разум. Запрещать такое надо в цивилизованном обществе...

— Чтобы вообще без него готовить?

— Хм. Ну, без него я бы точно не сдержался, — заявил мужчина и прекратил разговор поцелуем — жадным, напористым. Правда, через несколько секунд вдруг прервался, отстранился и проговорил вкрадчиво: — А кто-то мне, кстати, татуировку обещал показать.

— Я обещала подумать! — возразила недовольно. Ну нашел время, тоже мне!

— Тогда сам найду, — с явным удовольствием заявил некромант и рывком перевернул меня на живот. Так стремительно, что я только взвизгнуть от неожиданности и успела. Прижался сзади, огладил бок и бедро, сжал ягодицу. Поцеловал плечо, шею сзади. По телу в ответ прокатилась волна слабой дрожи. — Здесь нет, — проговорил задумчиво, спустился ниже к лопаткам. От контраста прикосновений колючей щетины и нежных, теплых губ к чувствительной коже меня окатило жаром, я судорожно вздохнула и вцепилась в простыни, закусив губу. — И здесь нет...

Пока он вот так неспешно добрался до копчика, меня уже совершенно не волновало, что он там ищет. Пусть ищет, лишь бы не останавливался! А лучше бы прекратил меня мучить и...

— Это мило, — вдруг прекратив чувственную пытку, с хриплым смешком заметил Адриан и едва ощутимо, кончиками пальцев, провел по коже, кажется, обводя контур татуировки.

Я едва не застонала, на этот раз от разочарования. На то, чтобы сообразить, что вообще происходит, понадобилась пара секунд, не меньше.

— Может, ты потом полюбишься? — прошипела недовольно и дернулась перевернуться.

Только некромант не пустил, продолжая прижимать к постели. Рассмеялся в ответ, с нажимом провел ладонью по моему бедру вниз, надавил сильнее, вынуждая развести ноги шире.

— Ну почему же, мне очень нравится этот вид...

Ладонь медленно, дразня, двинулась вверх по внутренней стороне бедра.

— Дан! — выдохнула я со стоном.

Некромант вновь усмехнулся, на этот раз удовлетворенно, и сдвинулся выше, чтобы целовать шею и плечи, но продолжая издевательски неторопливо ласкать рукой.

Только надолго его выдержки не хватило. Кажется, в первый раз Адриан осторожничал, боясь меня спугнуть, потому что вскоре трепетная нежность сменилась жгучей страстью и желанием острым, яростным, исступленным. А я с жаром и без раздумий ответила тем же. Раз стесняться больше нет смысла, стоило уже расслабиться и получить удовольствие!

Заснули мы в конце концов глубокой ночью, уже ближе к утру. Причем попытка отвоевать немного свободного пространства провалилась с треском, Адриан отказался выпускать меня из объятий. Может, прояви я больше настойчивости, вывернуться бы удалось, но усталость взяла свое...

— Хватит спать, соня! — Насмешливый голос вернул меня в действительность, а тяжелая ладонь провела по бедру и легко потрепала по колену. — Завтрак идет.

— Угу, уже встаю, — пробормотала невнятно, села, потирая глаза и пряча зевки в ладонях.

Дан чему-то засмеялся, погладил меня по голове и поцеловал в макушку.

— Иди умывайся, я еду в номер попросил.

Еще не до конца проснувшись, я набросила халат и побрела туда, куда послали. После бурной ночи непривычные к нагрузкам мышцы слегка ломило, но ощущение было скорее приятным, и до ванной я добралась в очень благодушном настроении. А вот разлепив над умывальником глаза, тихо обреченно выругалась.

М-да. Теперь стесняться Адриана уже совсем поздно, теперь можно сказать, что видел он меня всю целиком и удивить его нечем. Но хоть понятно, что его рассмешило!

Короткие волосы прихотливо торчали во все стороны, кривой клок надо лбом справа вполне убедительно изображал рог, а еще пара на затылке — птичий хохолок. Вид — как у весеннего воробья после

драки и купания в луже. Хорошо еще косметикой я пользуюсь мало, да и ту, что была вчера, успела смыть перед всеми этими потрясениями...

После душа я окончательно проснулась и приобрела гораздо более приличный вид в сравнении с утренним. Зашевелились и попытались вернуться сомнения и смущение, но с ними я быстро справилась. В конце концов, мы с Даном оба взрослые люди, имеем полное право провести вместе, к общему удовольствию, ночь или даже весь мой отпуск. Ну да, не по большой и чистой любви, но это и к лучшему: прошлая моя «большая и чистая» закончилась очень печально.

Когда я вышла в комнату, некромант как раз подкатил к столу сервировочный столик.

— Все-таки необычное место. Гостиница выглядит небольшой и скромной, а тут такой сервис...

— За что и люблю. Ку-уда? — Он со смешком поймал пояс халата, когда я попыталась опуститься в ближайшее кресло, и потянул к себе. — А где мое доброе утро?

Целовались мы долго и жарко, но слишком увлечься не позволили дразнящие вкусные запахи, так что завтрак остыть не успел.

Зато уже точно можно не беспокоиться о том, как поведет себя мужчина наутро. Может, как любят приговаривать сварливые старухи и как повторяла моя собственная мать, и надо ему от меня было «только одно», но явно не один раз.

— Как ты после вчерашнего? — участливо спросил Дан, выпуская меня из объятий и провожая к креслу выразительным голодным взглядом. Но от продолжения удержался и сам сел напротив.

— Лечебные процедуры ночью пошли на пользу, — улыбнулась в ответ, первым делом хватаясь за кофейник. — Творец! Все-таки жизнь прекрасна...

— Это радует, — развеселился некромант. — Я опасался твоей реакции утром.

Отвечать, что я тоже опасалась, не стала. Мне и так по-прежнему немного неловко, не нужно усугублять.

— Какие у нас планы на ближайшее будущее? — спросила деловито. — Поедем на квартиру журналиста?

— Начнем с учебки, — возразил Блэк. — По-дурацки у него эта квартира расположена, на отшибе, ехать неудобно, а школа тут рядом.

Глава семнадцатая, в которой много отдельных деталей

Как именно обучаются некроманты, я знала, но только в общих чертах. Дети учились вместе до тех пор, пока у кого-то из них не просыпался дар, после чего маленьких магов отправляли в специальные школы. Чаще всего случалось это лет в двенадцать-тринадцать, и если некромантам еще давали доучиться до конца года или полугодия, то менталистов забирали сразу же.

Учебное заведение для них представляло собой скорее санаторий, потому что и без того нестабильные подростки в такой период становились особенно хрупкими, уязвимыми и нервными. Такие школы обычно располагались где-то на отшибе, в живописной местности, имели большую и очень зеленую территорию, где ученикам обеспечивалась главная при их даре потребность: побыть в одиночестве, не слыша чужих эмоций.

Школы некромантов являлись, пожалуй, полной противоположностью менталистских. Располагались они в городе и устав имели скорее казарменный, чем школьный. Армейская дисциплина, высокий забор, офицеры вместо учителей, предопределенное ближайшее будущее — не самая приятная картина.

Но при этом еще неизвестно, кто на самом деле больше вызывал сочувствия. Некроманты и на учебе, и после службы жили полноценной жизнью. Да, у Разлома они рисковали собой, и легкой эту службу не назвать, и последствия ее отравляли жизнь. Вот только идеальные на первый взгляд условия существования менталистов становились их приговором и тюрьмой до достижения полного самоконтроля: они не имеют права покинуть стены школы, пока воспитатели не признают их способными на это.

Некоторые проводят там жизнь целиком, не имея шанса даже взглянуть на внешний мир. Некоторые — возвращаются после срывов, порой навсегда. Самоконтроль составляет основу существования этих магов, и многие лишены тех радостей жизни, которые кажутся людям простыми и естественными. Любовь, семья, даже просто дружеское

общение имеет столько оговорок и ограничений, что очень многие из них остаются одиночками.

В общем, если в юности я еще завидовала магам из-за их дара, то это быстро прошло: особых привилегий магия не давала, а вот ответственности добавляла много.

Лично посетить школу для некромантов мне сейчас довелось впервые. На проходной дежурили трое мальчишек разного возраста, одетых в синюю форму. Младший, видимо, был совсем новичком, потому что пытался копировать серьезную сдержанность остальных, но получалось это пока плохо. Он глазел на нас с огромным любопытством и вообще-то совсем не походил на замученного муштрой. Да и остальные выглядели вполне нормально, подростки как подростки.

Тут я, предупрежденная Блаком, предъявила свой настоящий паспорт, нас записали, а потом средний из учеников умчался куда-то на территорию школы. Наверное, разыскивать учителя.

Вернулся он быстро, где-то через четверть часа, в сопровождении крепкого коренастого мужчины самой простецкой наружности, с короткими темно-серыми волосами и скучным лицом. Одет он был в форму, похожую на ученическую, только выглядела она посолидней и поблескивала серебряными знаками различия, в которых я, впрочем, ничего не понимала.

— Какие люди и без охраны! — улыбнулся он, пожимая руку Адриану. — Госпожа?.. — Аккуратно пожимая уже мою ладонь, смотреть он продолжал на некроманта.

— Лавиния. Еварий Есот, — представил Блак. — Мне бы хотелось поговорить с вами об одной давней истории, о последнем случае появления одержимого.

— Даже предположить затрудняюсь, зачем тебе это. — Учитель изумленно приподнял брови. — Ладно, не здесь же, ты очень вовремя пришел, у меня как раз дальше окно. Сейчас я вам пропуска выпишу...

Серьезный разговор, таким образом, отодвинулся на потом, к явному неудовольствию уже наостривших уши учеников. Через широкий школьный двор и потом по коридорам мы шли также довольно расслабленно: Адриан обсуждал с учителем каких-то общих знакомых, а я с интересом озиралась и чувствовала некоторое разочарование, потому что от обычной школы увиденное отличалось

мало. Не знаю, правда, что именно я ожидала увидеть, но внимание цепляла разве что форма на учениках и то обстоятельство, что подавляющее большинство из них были мальчишками, девочки попадались крайне редко. Ну и да — вели себя они заметно сдержанней своих сверстников, по коридорам не носились и не орали, несмотря на перерыв в занятиях. Оживленно общались, что-то обсуждали, только при появлении учителя замолкали и вытягивались по стойке «смирно», хором тарабани приветствие.

Предмет, который вел Есот, явно относился к числу сугубо профессиональных, связанных с порождениями Разлома: вдоль стен в кабинете, куда он нас привел, висели портреты сравнительно молодых мужчин и женщин, а под ними, среди безобидных и непонятных таблиц и схем, — плакаты с изображениями крайне жутких тварей. А в каморке за кабинетом стояла даже пара чучел. Или, вернее, учебных пособий в натуральную величину: я точно не знала, можно ли хоть из какого-то из этих существ сделать чучело, а спрашивать постеснялась.

Между шкафов с книгами и учебными пособиями втиснулся небольшой письменный стол, за которым, кажется, давно уже никто не работал, — он был завален горой записей и тетрадей. Центр же комнаты занимал еще один стол, лабораторный, и вот как раз им явно регулярно пользовались, поддерживая чистоту и порядок.

— Садитесь, — жестом предложил Есот. — Что случилось?

— Я правильно запомнил, что вы имели отношение к расследованию инцидента в Фелете, когда был уничтожен последний одержимый?

— Ну имел, было дело, — поморщился учитель. — А вопрос-то в чем?

— Вы помните такого Миролата Кущина? Как получилось, что он выжил, а семья — нет?

— Помню-помню, — рассеянно кивнул Есот. — Жаль его. Редкий специалист был, уникальный! А получилось просто — он к реке спустился. У жены его шляпу сдуло, вот и пошел доставать из камышей. Старший его с девушкой знакомился, не стал гонять, а младший накануне ногу повредил. И вот так вот обернулось...

— Уникальный специалист в чем?

— Целитель. Специализировался на энергетических проблемах, все надеялся разобраться, почему Разлом так странно на некромантов

действует. И ведь мог бы, наверное, что-то найти...

— На энергетических болезнях? — переспросил Блак. Я тоже сразу вспомнила сложное слово из записной книжки журналиста и подобралась. — Занятно. И насколько редкий он был специалист?

— Да как бы не единственный, со всего лепестка к нему ехали. Точно помню, пара его пациентов там погибла, среди прочих жертв. Такие маги у соседей-то редкие, а до нас вообще почти не добираются. Есть у них там какие-то тонкости, почему востребованность профессии очень высокая, а спецов — по пальцам пересчитать.

— Насчет прочих жертв. А были те, кого не одержимый убил? Утонувшие, например. И неопознанные.

— Нет, не припоминаю, — пару секунд помолчав, качнул головой Есот.

Адриан еще некоторое время его расспрашивал, но выяснил только, что Касадры Дхур в то время в окрестностях Фелета не было. Нет, поручиться за это учитель не мог, но он ее там не встречал и о ее присутствии ничего не слышал. Имена остальных подозреваемых ничего ему не сказали, и по фотографиям, которые были у Блака, он их не опознал, но слишком неуверенно — двадцать лет прошло, люди изменились, да и изображения были не самого лучшего качества, из документов. К тому же самого Есота интересовали не люди, а следы пребывания одержимого.

— А не могло случиться так, что дух сбежал? — предположил Адриан.

— Сейчас отправлю на пересдачу, — поджав губы, мрачно сообщил Есот.

— Официальную версию я знаю, — отмахнулся Блак. — И теорию помню. Но Кушин, который недавно умер, был уверен, что дух этот уцелел. И не надо мне напоминать, что у него диагноз, я даже самые бредовые версии должен рассмотреть и отбросить.

Учитель неопределенно хмыкнул, качнул головой.

— Дионас Бург уволок духа с собой, я видел следы, — заговорил медленно, взвешенно. — И на месте одержимого не было, мы же всех проверяли, а у этих сущностей такой специфический фон, что его не скроешь, если знать, что искать. А если бы успел удрать раньше, его бы все равно быстро нашли по длинному следу из трупов, одержимые не могут не убивать. Во всяком случае, науке и статистике такие

случаи неизвестны. Но мы слишком мало знаем об этом явлении, оно плохо изучено, и какие духи могут выступать в качестве таких вот паразитов — непонятно. Зачем они это делают, насколько они разумны — тоже доподлинно неизвестно. Считается, что это механизм питания, они движутся к большому скоплению энергии, которая нужна им для жизни, и при этом ненамного разумнее пожирателей. Но есть некоторые разрозненные показания выживших свидетелей, уверяющих, что как минимум часть разума носителя они сохраняют. Еще, например, до сих пор не объяснено, почему последний одержимый повел себя не так, как предыдущие, и вместо города свернул вдоль мировой линии, — ответил Есот на вопрос, который Адриан не успел задать. Похоже, «открытие» покойного целителя никаким открытием не являлось, странность поведения последнего одержимого отметили и без него.

— Вдоль какой линии? — не удержалась я.

— Энергетические потоки, пересекающие мир. На самом деле неудивительно, что вы о них не слышали, это довольно непопулярная теория. Не само их существование, а то, что они статичны и их положение можно оценить. Около полутора веков назад один теоретик их обсчитал, кое-кто уточнял после, лет десять назад даже вроде бы косвенно доказали справедливость расчетов. Но мировое научное сообщество все еще в сомнениях.

— Почему?

— Ну вот такое оно, это сообщество, — улыбнулся Есот и развел руками. — Очень инерционное и с трудом принимающее новые идеи. Официально-то до сих пор считается, что энергетический поток сквозь мир сплошной и равномерный. А мне она просто нравится, и я ее разделяю. Совпадение это или нет, а Разлом тянется как раз вдоль этой линии, предсказанной за полвека до его появления, так что идея выглядит как минимум интересной. На чем я?..

— На разумности одержимых.

— Да. Так вот, если даже они более-менее разумны, его бы все равно заметили. Да, куда одержимые девают такую прорву энергии — непонятно, и следа она не оставляет, но... Нет, Адриан. Даже если предположить, что такое случилось и дух-держатель перестал поглощать силу, то я не представляю как. Даже совершенно фантастических версий нет! Ну разве только допустить, что он начал

поглощать силу непосредственно из мировой линии вместо людей. Допущение на уровне того, что человек научился существовать без еды и воды, заменяя их магией.

— И чем это может грозить? Чисто гипотетически.

— Гипотетически? Ничем. Между прочим, есть теория, согласно которой Разлом как раз от этой мировой линии и питается, и если одно из его существ выбралось на поверхность и присосалось в другом месте, разницы никакой.

Мы поговорили еще минут десять, но больше ничего интересного не узнали и на этом распрощались. К выходу Есот нас провожать не стал.

— Какие мы делаем выводы из этого визита? — полюбопытствовала я. Лично для меня совершенно ничего не прояснилось, но мало ли, Блак все-таки опытный.

— Мы узнали печальные подробности из жизни Кущина, — задумчиво проговорил некромант. — А в остальном визит получился довольно бестолковым.

— Ты думаешь, Савин Тург утопил жену?

— Да как-то странно выходит, — поморщился Блак, усаживаясь за руль, но не спеша пробуждать машину к жизни. — Разве что случайно. Вряд ли он начал бы целенаправленно топить ее среди дня в парке или прятать в это время труп. Но как привязать к этой истории Зенора Донта или Касадру, я окончательно перестал понимать. Может, зря я вообще уцепился за эту историю? Может, журналиста и правда убили по какой-то совсем не связанной с тем одержимым причине? Просто так совпало. Сначала Кущина случайно убили, потом Виста. Творец! — Он тяжело вздохнул, навалившись локтями на руль, и боднул лбом собственные запястья.

— У нас еще есть квартира Виста. — Я ободряюще погладила плечо мужчины.

Тот со смешком повернул голову, положив ее виском на свои руки.

— И библиотека. Надо глянуть, что он вообще там брал.

— Ну видишь, не расстраивайся ты так.

— Да я не расстраиваюсь, — насмешливо фыркнул он. — Я просто чувствую себя идиотом, потому что пытаюсь разобраться в бреду человека со справкой и удивляюсь, что это плохо получается. Да ладно, в крайнем случае, если ничего не найдем, я в Клари посажу

всех троих под замок и переверну сверху донизу их дома, земельные участки, потом дома друзей и просто знакомых. Что-нибудь да найдется.

— А если виновный — не из этих трех?

— А кто — ты? Или проводница?

— Татина! — ахнула я, в очередной раз опомнившись. Вспомнила, когда Блак безуспешно расспрашивал учителя и о ней тоже, но тогда задавать личный вопрос показалось неуместно. — Творец, я совсем забыла про нее! Я же хотела узнать, где она остановилась? У нее все в порядке? Как-то нехорошо получилось, она так по-доброму отнеслась ко мне...

— Да все у нее в порядке, — отмахнулся Адриан и выпрямился. — При станции есть небольшой домик для работников железной дороги, там довольно уютно. Кстати, я тоже забыл. Она про тебя спрашивала, я сказал, что ты нормально устроилась, и обещал передать привет.

— Но если ты так скептически говоришь о ее виновности, почему продолжаешь рассматривать как подозреваемую?

— У нее была возможность. Будет глупо упустить убийцу только потому, что я поверил ее безобидной наружности. Ладно, поехали, дела не ждут.

В библиотеке нам не особенно повезло: Вист брал только медицинский словарь и подшивку научного журнала местного института двадцатилетней давности, которые еще и не вернул. Блак пообещал по возможности исправить это досадное упущение.

А вот менталист, о котором я едва не забыла, не просто выдал мне защитный амулет, но совершил одно очень полезное и неприятное открытие. Оказывается, за мной следили с помощью зеркала. О том, что подобное возможно, я теоретически знала, знала, что за это полагается, и даже давала санкции на проведение такой слежки, но почему-то мне и в голову не пришло, что этот инструмент могут обратить против меня.

Блак, который к зеркалам не привык, только сдержанно ругнулся на достижения прогресса, а потом мы вместе пытались сообразить, чем это грозит. По всему выходило — ничем таким уж страшным. Менталист сообщил, что действуют следящие чары недавно и активировались, судя по всему, в момент связи с Маргом. Вероятно,

заложили их туда заранее, еще в столице, но повезло: я очень долго ни с кем не разговаривала по зеркалу, а в Клари оно тем более было бесполезно. И вообще, гораздо больше шансов, что проговорится редактор.

Но зато стало понятно, как именно меня так быстро выследили в гостинице.

От менталиста мы завернули в ближайшее кафе, чтобы перекусить и связаться с Гитоном. Надо было рассказать о ночном нападении и о слежке, ну и, конечно, спросить о его собственных успехах.

Правда, похвастаться Маргу оказалось нечем.

Он, со своей стороны, тоже вышел на историю Миролата Кущина и проверил ее со всей тщательностью, но там действительно имело место совпадение. Обыкновенное вооруженное ограбление, причем даже нападавших вместе с награбленным уже задержали. Они сознались, что старика пасли давно, и подтолкнуло их к нападению его собственное поведение: слишком он нервничал и явно что-то прятал. Правда, ничего ценного у него не нашли и очень по этому поводу горевали. Мол, ладно бы погорели за что-то стоящее, а тут и мужика по голове тюкнули напрасно, и навару с него никакого.

Никаких иных пересечений фигурантов с Морригом Вистом выявить не удалось, и конфликтов — тоже. Конечно, редактор, любовница и многочисленные приятели могли и не знать подробностей, но вряд ли: покойный журналист был довольно болтлив и уж с кем-нибудь бы точно поделился. Дело, выходит, все-таки в записках старика. Какое именно? Оставалась надежда, что это выяснится после осмотра вещей.

С ними нам даже немного повезло, не пришлось тратить время на сборы: разноцветные картонные папки и разрозненные листы были собраны в одну большую коробку, которая стояла едва ли не посреди комнаты. Хозяйка квартиры совершенно не возражала, если мы их заберем, и о скоропостижной кончине жильца не переживала даже для вида. А как свидетель оказалась бесполезна и ничего интересного рассказать не могла: приехал, заплатил вперед, прожил несколько дней, очень тихо и смирно, дай творец чтобы все такими были. И вообще, следующих-то пускать можно?

Блаку явно хотелось отказать и вообще немного проучить жадную особу, но вредничать он не стал. Провел для порядка обыск, изъяс какую-то мелочовку, забытую Вистом, и мы вернулись к машине с коробкой в охапке.

— На сегодня все? — полубопытствовала я, плюхаясь на сиденье.

— Пожалуй. Да и не на сегодня, мне кажется, тоже. На основные вопросы Марг ответил, мы забрали все, что могли, так что я бы домой вернулся. Все равно эти бумаги изучать надо долго и внимательно, за полчаса не посмотришь.

— Прямо сейчас отправимся?

— Зачем? Это не лучшая идея, я не люблю ночью ездить, а там еще дорога сложная, убьемся. И смысла в такой спешке нет.

— А вдруг опять ночью кто-то явится?

— Не бойся, я почти уверен, что ночью они не сунутся. А если попробуют — уж рядом с собой я точно сумею тебя защитить. Ты же, надеюсь, не планируешь сбегать в другую комнату? — Он искоса глянул на меня, насмешливо и жарко.

— Мне вчерашнего хватило, — проворчала в ответ, не поддерживая игру. Днем об этом как-то не думалось, за беготней было не до того, но к вечеру вернулось беспокойство. Вряд ли тот, кто явился ко мне вчера, вот так просто отступится. — Мне кажется, ты слишком легкомысленно относишься к угрозе. Я понимаю, что ты сильный маг, но не всеведущий же. От ножа в спину ты тоже не застрахован. Или, например, можно вывести из строя машину, а потом добить...

— Это ты переоцениваешь бандита, — возразил Блак. — Да ладно, не дуйся. Если хочешь, можем перебраться в другую гостиницу или вовсе в машине заночевать. Или ты все-таки решительно настроена ехать в Клари?

— Не знаю, — вздохнула мрачно. — Мне страшно, и я не хочу, чтобы меня убивали.

— Не бойся, — повторил некромант мягче и серьезнее, поймал мою ладонь, аккуратно пожал. — Если хочешь, давай и правда переберемся в другое место. Можем сказать в гостинице, что едем домой, а сами остановимся где-нибудь на другом конце города.

— А если кто-то проследит за машиной?

— Мы сбросим хвост, — вроде бы серьезно пообещал Блак, но я чувствовала, что разговор его забавляет. И злилась. Причем в

основном на себя — за то, что не могу быть такой же спокойной.

— А если он подложил в машину какой-нибудь ментальный амулет?

— Я выключу ее из потока, — еще серьезней добавил некромант.

— А если... — продолжила я, не желая так легко сдаваться, но поймала новый насмешливый взгляд Блака и осеклась. — Не вижу ничего смешного!

— Давай мы сначала до номера доберемся, — миролюбиво предложил некромант после пары минут неприятного, давящего молчания. — Против того, чтобы собрать вещи, ты ведь не возражаешь? Ну вот и хорошо. Открой мне пока страшную тайну, откуда у тебя все-таки татуировка? И почему такая?

Если даже Адриану это не было на самом деле интересно и вопрос он задал только для того, чтобы меня отвлечь, получилось удачно. Эти воспоминания были из числа светлых, хороших, разве что с легким оттенком грусти о безвозвратно ушедших студенческих годах.

Моя «маленькая тайна» располагалась чуть выше копчика и изображала котенка, который стоял, неуклюже растопырив лапы, и держал в зубах алхимические весы, — такой вот своеобразный символ правосудия. Мастер мне тогда попался талантливый, поэтому котенок вышел очень симпатичным и умильным. Сереньким таким, с потрясающе яркими голубыми глазами.

На такой экстремальный шаг меня подвигла первая любовь. Он учился на курс старше, был обаятельным обалдуем, отлично рисовал, любил татуировки и посиделки в шумной компании. Собственно, именно он и придумал эскиз. Он называл меня котенком и был совершенно уверен, что этот зверек — вылитая я. А мне и в голову не приходило с ним спорить, котенок нравился, и о таком, памятном подарке я никогда не жалела.

— И что с ним случилось? — спросил Блак задумчиво. — Ты говоришь «был».

— Понятия не имею, — честно ответила ему. — Мы встречались около полугода, потом он бросил учебу, и отношения как-то сами собой мирно сошли на нет, даже странно для первой любви. Вдруг оказалось, что у нас слишком мало общего для продолжения вне стен общежития, так что я понятия не имею, где он сейчас и что с ним. Вообще, хотел посвятить себя рисованию и татуировкам. Наверное,

что-то из этого должно было выйти. Даже я, при всем моем занудстве, не пыталась его отговорить, — улыбнулась задумчиво. — Юриспруденция — это явно было не его, они очень страдали друг от друга и расстались с облегчением. А как закончилась твоя первая любовь?

— Трагически, — усмехнулся Адриан. — Она оказалась замужем.

— И ты не стал разрушать семью? — понимающе, сочувственно уточнила я.

— Я пошел в школу, стало не до нее, — рассмеялся некромант.

— Бестолочь! — Я возмущенно фыркнула и ткнула его в плечо, пытаясь сдержать улыбку. Помешать вести машину не боялась — что ему такой тычок! — А я его поддерживать настроилась, сочувствовать...

— Ну и посочувствуй. Я, между прочим, даже плакал от обиды, когда узнал! — не прекращая весело ухмыляться, продолжил он. — Я ей говорил, что очень ее люблю, она отвечала, что тоже любит, а потом вдруг такая подстава. Очень обидно. Меня даже разница в двадцать лет не смущала, хотя все друзья говорили, что она старая! Хотя я тогда, конечно, до двадцати считать не умел. Зато какие она готовила плюшки! — Адриан мечтательно прижмурился.

— Это была воспитательница в детском саду? — Я все-таки не выдержала и засмеялась.

— Ну да, — подтвердил Блэк. — Да она там до сих пор работает. Хорошая женщина, семья у них славная. Ты, кстати, ее среднего сына видела, сержант Завр.

— И как она отреагировала на твою любовь?

— Можно подумать, кто-то из взрослых людей серьезно реагирует на обещание детей «вырасти и жениться», — отмахнулся некромант. — Припоминает иногда, конечно, посмеивается, но довольно странно остро реагировать на подобное.

После этого разговора мне опять заметно полегчало, приступ паники прошел, и в номер я спокойно прошла вместе с мужчиной, не вспоминая о том, что там может быть ловушка.

Что ловушка все-таки была, пусть и поставил ее совсем не убийца, я догадалась уже несколько позже, глубокой ночью, лежа в постели на плече Адриана и листая журнальную подшивку. Облегчить некроманту жизнь я вызвалась сама, не дожидаясь просьбы, и сейчас

вслух читала заголовки и аннотации статей, иногда — выдержки из них, запинаясь на непонятных словах, а шериф, прикрыв глаза, внимал.

Точнее, я вдруг поняла, что хотела сделать что-то важное, а йотом, рассеянно обведя взглядом комнату, запнулась о лежащую в углу пустую сумку.

— Ты чего? — окликнул Блак и потрепал по плечу. — Заснула?

— Нет. Ты с самого начала не собирался никуда перебираться, да? — проворчала с легкой обидой. — Воспользовался поводом со сборами...

— Но ведь хорошо получилось! — рассмеялся Адриан. Отобрал у меня журналы, плюхнул их на кровать с другой стороны, сам же приподнялся на локте и навис сверху, отвлек поцелуем. Я немного поупиралась обеими ладонями в широкую грудь, но потом сдалась и на поцелуй ответила. — Не сердись, — продолжил некромант с улыбкой минуту спустя. — В другой гостинице легче не стало бы, и ты сама это прекрасно понимаешь. Зато гипотетическая угроза перестала тебя так нервировать. Или опять начала?

— Нет, — тяжело вздохнула я. — И я не сержусь, просто неприятно чувствовать себя дурой.

— Сердишься, — возразил он.

— Не... Ну хорошо, да, — сдалась под насмешливым взглядом. — Я расстроена и недовольна собой. Я и без того чувствовала себя глупо из-за своего приступа паники, а ты еще усугубил этим тактическим ходом. Да ладно, не бери в голову, это, наверное, опять мои психические проблемы. Давай еще немного почитаем и спать.

Адриан пару секунд задумчиво меня разглядывал, словно хотел еще что-то сказать, но потом передумал и, коротко поцеловав, повалился на кровать, отчего последняя жалобно скрипнула.

— Смотри, опять про энергетические заболевания, — хмыкнула я, перелистнув пару десятков страниц. — Тут даже посвящение Кушину есть с соболезнованиями!

— Читай! — явно заинтересовался Блак.

Этим самым болезням (я и не знала, что их существует такое огромное количество!) и близким к ним вопросам был отведен целый выпуск, а не одна статья, и весь он посвящался талантливому ученому из Зеленого лепестка. Редакция и авторы выражали соболезнования и

надежду, что целитель сумеет оправиться после потрясения. Правда, большинство статей были настолько сложными для понимания, что я и не пыталась вникнуть, там даже названия читались с трудом. «Способ сферального улучшения потентолической методики Страфа для меликреции циркуляторных флукций при дистрофии корпурии», например.

Зато первая, вводная, оказалась очень простой и познавательной. Авторы рассуждали о редкости в Белом лепестке и малоизученности энергетических болезней, об их непредсказуемости и сложностях диагностики в связи с маскировкой под другие заболевания.

Среди примеров мелькала знакомая нам инкопотензия и недавний на тот момент случай ошибки с диагнозом, когда человеку поставили ее, а потом выяснилось, что болел он совершенно другим и благополучно исцелился. И более давний, когда молодого человека за пять лет едва не залечили до смерти, пока он волей судьбы не столкнулся с Кущиным, который поставил верный диагноз. Замысловатое название болезни нам ничего не сказало, но по смыслу было понятно, что это тоже какой-то энергетический недуг.

Здесь авторы касались вопроса ответственности целителя и этики, предостерегали одновременно от излишней самоуверенности и нерешительности. Причем в весьма знакомых выражениях, заменить отдельные слова — и можно применить к моей собственной работе, у нас в университете преподаватель по этике очень любил эту тему.

— Как думаешь, дело именно в этой статье? — предположила я, дочитав.

— Понятия не имею, — задумчиво пожал плечами Блак. — Но это пока единственное пересечение со всеми остальными материалами дела, потому что тут и Кушин, и болячка эта упоминается... Завтра перед отъездом на всякий случай завернем к этим умникам, попробуем кого-нибудь из них поймать и расспросить. Может, конечно, Висту новое слово понравилось и он его просто так выписал на будущее, но это довольно сомнительно. Много там еще?

— Пара журналов.

— Давай тогда с ними закончим сегодня и потом спать, — решил некромант. — Мало ли что еще попадется.

Глава восемнадцатая, в которой поднимаются медицинские вопросы

Визит в местный филиал медицинского института сожрал прорву времени, но особой пользы не принес. Разыскивая тех, кто отметился в нужной статье, мы потратили там добрых полдня, пытаюсь разобраться в хитросплетениях коридоров старых разрозненных зданий и в еще более запутанной организационной структуре. Один умер, второй оказался каким-то высоким чином, которого поставили в соавторы для солидности и задабривания начальства, еще кто-то давно перебрался на другой край лепестка.

В итоге повезло только с одним: молодой и очень энергичный мужчина был тогда совсем еще зеленым учеником, при покойном профессоре состоял больше как писарь и занимался всеми оформительскими вопросами. То есть статью писал именно он, аккуратно просматривая подобранный руководителем материал, и, главное, прекрасно ее помнил.

Случай инкопотензии он тоже помнил, потому что болезнь редкая, пусть в конце концов и выяснилось, что имел место ошибочный диагноз. Почему? Ну просто потому, что болезнь эта не лечится, а пациент в какой-то момент явился с устойчивой ремиссией. Оказалось, были у него какие-то энергетические паразиты, дающие очень похожую картину, причем выяснилось это только тогда, когда паразиты чисто случайно вывелись. Но имени пациента он вспомнить не сумел и наших фигурантов по фотографиям не опознал, а архив профессора давно уже разобрали его коллеги и разные кафедры, что окончательно сделало поиски бесполезными.

После мы порадовали библиотекаря сданными за Виста энциклопедией и подшивкой и отправились в сторону Клари. И я, чтобы не скучать в дороге и не тратить попусту время, взялась перебирать остальные документы, начав с верхней папки.

Здесь уже пошло легче, потому что папки содержали в основном разрозненные газетные листы и отдельные выписки из книг, которые

как минимум можно было читать уверенно, не по слогам. Но если поначалу у меня еще было какое-то вдохновение и робкая надежда, что вырезки эти окажутся содержательными и подкинут ответ на загадку, ну хоть на какую-то, то к концу второй папки эта надежда кончилась вместе с голосом.

Постичь логику, согласно которой составлялась подборка, пока не получилось ни у меня, ни у Блака, ни у нас вместе. Вперемешку там попадались отрывки из откровенно художественных произведений о жизни и приключениях некромантов, из исторических исследований о Последней войне, заметки о массовых мероприятиях в Фонте, причем тематика сборищ хозяина папок явно не интересовала, интересовало только большое количество участников с разных концов лепестка, и вовсе уж случайные статьи, привязать которые к общей теме не получалось даже при большой фантазии. Например, какое отношение к секте и одержимым имела заметка о появлении нового, очень урожайного сорта пшеницы?..

— Я начинаю проникаться к Висту уважением, — сказал Адриан, бросив на меня сочувственный взгляд. — Сколько там папок? Десятка три, больше? И он не просто все это просмотрел, он даже какие-то выводы сделал!

— Может, ему просто повезло и первой в руки попала самая полезная? — предположила я, с наслаждением прихлебывая горячий сладкий чай, который некромант прихватил из гостиницы в артефактной бутылке, сохраняющей тепло. К бутылке прилагался забавный складной стаканчик.

— Не исключено. Но будет в конце концов весело, если выяснится, что убийца успел от нее избавиться.

— Не говори таких ужасов! — пробормотала я.

— Ладно, давай о приятном. Хочешь немного размять ноги?

— В горы не полезу!

— Далеко идти не придется, — рассмеялся Блак и свернул на небольшую площадку сбоку от дороги, явно возникшую не стихийно. — Одевайся, тут совсем рядом, но ветрено. Давай-давай, не корчи рожи, тебе понравится.

Выходить из машины было лень, но спорить — еще больше, поэтому я послушно натянула куртку. Дождь снаружи поутих, облака были высокими и светлыми, кое-где в прорехах даже проглядывало

чистое небо. Адриан поймал меня за руку и повлек к натопанной тропинке, убегающей куда-то под сень деревьев. Пришлось вяло плестись следом, свободной рукой обнимая себя поверх куртки: сырой холодный ветер проникал во все щели и еще больше укреплял меня во мнении, что выходить из машины было дурной идеей.

Впрочем, слабость эта довольно быстро прошла. Дорожка оказалась ровной и пологой, так что шагать было нетрудно, под сенью деревьев ослаб ветер, а запах мокрой листвы и земли приятно кружил голову. Да и Блэк на этом фоне выглядел так, что очень хотелось остановить его, развернуть лицом и отступить на несколько шагов — полюбоваться. Расслабленный, как обычно слегка взъерошенный, в грубой кожанке, слегка потертой и вытянутой на локтях, он смотрелся очень органично: медведь попал в естественную среду обитания.

Идти действительно оказалось недалеко. Вскоре мы пробрались между двух разросшихся кустов — и под ногами распахнулась бездна. В первый момент я ахнула и попыталась отпрянуть, но Дан не пустил, с улыбкой вытянул на открытое пространство. Первое впечатление быстро прошло, и стало ясно, что бояться действительно нечего: это был не дикий обрыв, а оборудованная обзорная площадка с высокими железными перилами, к которым я подошла уже вполне уверенно. А вот за ними...

Мы очутились на краю ущелья, стены которого обрывались вниз почти отвесно, и от высоты захватывало дух. Наш склон был немного ниже противоположного, и, наверное, глубина тут была не такой уж большой, может, пару сотен метров, но волей-неволей вспоминался бездонный Разлом, и казалось, что это — его природный слепок.

По круче карабкался низкорослый кустарник, растущий прямо из голого камня, с неожиданно толстыми стволами и темными листьями, сложенными в маленькие воронки. Кое-где на плоских участках зеленели куртины других кустов и даже довольно старых, высоких деревьев. Чуть в стороне среди кустарника гнездилась стая некрупных темных птиц, и их гвалт эхом звенел вокруг вместе с монотонным гулом — не то ветра, не то текущей по дну ущелья реки.

Ветер здесь и впрямь буквально сбивал с ног, так что я на всякий случай покрепче вцепилась в перила. Но через пару секунд необходимость в этом отпала: Адриан обнял меня со спины, еще и укрыл широкими полами куртки. Сразу стало теплее, вот только и

интерес к пейзажу заметно ослаб. Я расслабленно прикрыла глаза, наслаждаясь ощущениями, и вдруг отчетливо поняла, что мне... хорошо. Не только в физическом, но в каком-то более глубоком и широком смысле.

Редкое, трудноуловимое чувство, на которое обычно не обращаешь внимания. Не яркая радость от свершения долгожданного события, не острое плотское наслаждение, не пронзительное чувство облегчения и удовлетворения, когда наконец заканчиваешь что-то долгое, важное, сложное. А просто — хорошо. Вот именно в эту минуту, без яркого фейерверка, но во всем. Хорошо дышать, видеть и осязать мир, слышать шум ветра. Хорошо *быть*. И совсем не хочется анализировать, почему это именно так, но хочется, чтобы ощущение осталось навсегда. Наверное, именно его в куда большей степени, чем все остальные, можно назвать счастьем.

Так странно иногда поворачивается жизнь... Я не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала нечто подобное, и тем удивительней было почувствовать это сейчас. Казалось бы, откуда? Почему? Я где-то в глуши, вдали от дома и того, что уже давно является смыслом моей жизни, стою здесь с мужчиной, которого едва знаю и с которым меня связывает лишь расследование убийства, в которое я случайно вляпалась. Ну и спонтанный секс, да, вот уже второй день как. Бесспорно, очень хороший, и я ни о чем не жалела. Но...

Что все-таки происходит в моей жизни? И из чего она состоит, если счастье я испытываю именно здесь и сейчас?..

— Вот видишь, а ты идти не хотела, — со смешком прервал мои раздумья Блак. Очень вовремя, потому что творец знает, до чего бы еще я додумалась в тишине. — Красиво же.

— Была не права, — признала легко. — Красиво, очень.

— Может, передумаешь? — предложил он вкрадчиво, с легкой насмешкой в голосе. — Пойдем гулять по горам, а? Там такие водопады, мм!

— Какой ты романтик, а так и не скажешь, — тихо засмеялась в ответ. — Пойдем лучше в исторический музей.

— А пойдем, — неожиданно согласился Дан. — Может, в нынешнем возрасте это окажется интереснее.

— А как же расследование?

— Да ладно, выкрою пару часов ради такого дела, — заявил шериф. — А то, может, мы сейчас приедем, Тург сразу расколется, и я спокойно закрою дело. И смогу дальше бездельничать в свое удовольствие.

— Ты все еще веришь, что он виновен? — нахмурилась я. Но оборачиваться не стала и вообще не пошевелилась, слишком хорошо было в его объятиях.

— Я просто фантазирую. Даже если он действительно виновен, все равно так не получится. У нас слишком мало фактов, а убийца слишком хладнокровен, чтобы взять его на испуг, нужно что-то посущественней.

— Магией его... Ментальной... — тихо пробормотала я, но Блэк услышал и засмеялся:

— Суровая женщина, а ведь судья!

— Я просто фантазирую, — передразнила его. — Было бы здорово: прочитал мысли человека — и сразу знаешь, виновен он или нет. И никакой преступности. А ментограф можно и обмануть, толку с него... Только не надо мне говорить, что это все невозможно, ладно? Можно подумать, я сама не знаю!

— Зачем такое говорить? — Адриан пожал плечами. — Это ведь просто мечта. Я вот тоже хочу, чтобы Разлома не было, и войн при этом — тоже. И даже немного верю в существование шестого лепестка.

Отвечать на это я не стала. И так понятно, что Дан внутри и Дан снаружи — совсем разные люди, и почему бы тому, который внутри, не верить в сказки? Я ведь в глубине души тоже немного верю. Или даже не немного...

Шестой лепесток — это такая старая легенда. Ведь если существует пять лепестков и в Черный, например, можно попасть только из Сердцевины, никто из смертных не может поручиться, что нет еще одного. Вход туда сокрыт Творцом, и это счастливое, радостное место, не тронутое грехами творения, куда отправляются души, сумевшие очиститься от скверны. А порой — в легендах — такой чести удостоивались и некоторые герои при жизни.

— Знаешь, что меня тревожит во всей этой истории больше всего? — нарушил молчание Адриан. — Почему он так спокоен?

— Убийца? Ну, видимо, уверен, что ты его не вычислишь.

— Это понятно. Но почему? Понимаю, если бы он кого-то очень удачно подставил, а я на это купился. Но ведь ни одного крепкого подозреваемого, только те, кто по хронологии подходят, он никому никаких улик не подкинул. Может, у него алиби есть на время убийства, его видели? Хотя я и не представляю как. Во всем вагоне следы ментального воздействия были только на тебе, и те старые...

— Или он просто слишком самоуверен, — предположила я. — И считает, что никаких улик не оставил и подозревать его ты можешь сколько угодно, но посадить все равно не сумеешь. Сам же считаешь его очень хладнокровным человеком, тогда почему не рассматриваешь именно этот вариант? Ведь так бывает почти всегда.

— Бывает, — эхом откликнулся Адриан. — Но мне вообще это дело не нравится, мутное. А мое предчувствие плюс предупреждение Железной Каси... Ладно, — оборвал он самого себя. — Что рассуждать, делать надо. Поехали?

— Поехали.

И мы оба не сдвинулись с места. Потом Дан все-таки разомкнул объятия, но только для того, чтобы развернуть меня лицом к себе и поцеловать.

Целовались долго, нежно, неторопливо. Я цеплялась за борта куртки на груди мужчины, словно боялась упасть, несмотря на сильные руки, обнимающие мою талию. С наслаждением пила его дыхание, его запах, смешанный с духом горного ветра. И совсем ни о чем не думала, всей своей сутью впитывая сиюминутные впечатления.

Немалую оставшуюся часть пути я продолжала просматривать содержимое папок, но теперь гораздо меньше зачитывала вслух, берегла горло. Все равно ничего, что я могла бы привязать к нынешнему делу, там не было. Сначала предполагала, что есть какая-то система распределения по цветам папок, но подборка в них была примерно одинаковой.

— Дан, а ты не думал, почему Вист взял с собой именно те документы? — спросила, разглядывая стопку из трех разноцветных папок у себя на коленях — синюю, грязно-желтую и зеленую. — Там же, как я поняла, не было ничего существенного.

— Думал, конечно, — отозвался мужчина. — Только, кроме варианта с подменой или кражей, ничего разумного в голову не приходит.

— Может, он сам ее подменил, а? Имею в виду, просто перепутал, схватил похожую?..

— Хороший вариант, — спокойно согласился Блак. — Ну мы же тогда не знали, сколько у него этой макулатуры.

— А какая она была?

— Красная.

Перегнувшись через сиденье, я полезла рыться в коробке, перекладывая папки. Но буквально через несколько секунд ощутила, что мы останавливаемся и съезжаем на обочину, машина запрыгала на ухабах.

— Ты чего? — бросила я через плечо, не отрываясь от своего дела.

— Такой вид, хочу спокойно полюбоваться. А то от дороги отвлекаюсь, — невозмутимо ответил он.

Я угукнула, уже не удивившись внезапному порыву и тяге некроманта к красоте. Вот только еще через пару секунд все же пришлось отвлечься, потому что мне на попу легла горячая ладонь мужчины, сжала, погладила... Плотная ткань юбки хоть и скрадывала ощущения, но совсем недостаточно для того, чтобы игнорировать прикосновение.

— Дан! — укоризненно окликнула я, пытаюсь увернуться от его руки. Но куда там, в замкнутом-то пространстве!

— Я люблюсь, — со смешком отозвался Блак. — Так любоваться мне нравится гораздо больше, и никакой опасности улететь в кювет. И вообще, брось ты эту бумагу... — Он обхватил меня ладонями за бедра, потянул.

Только я упрямо вцепилась в спинку сиденья и воскликнула уже возмущенно:

— Дан! Ну мы посреди дороги...

— Неправда, мы на обочине, — с тем же весельем в голосе возразил некромант. Настаивать на своем и применять силу не стал, но рука оказалась уже под юбкой.

Я опять дернулась, ощутив прикосновение через тонкое кружево белья, а уж когда мужчина окончательно разошелся и, задрав юбку, потянул за резинку вниз, игнорировать его стало совсем невозможно.

— Дан! — Я села, оправляя одежду, и негодуя уставилась на Блака. Но, конечно, ни малейшего проблеска раскаяния в глазах не

увидела.

— Ничего не могу с собой поделаться, уж очень соблазнительный вид. Иди сюда. — Он с улыбкой потянул меня за талию к себе. Вялая борьба, кажется, доставляла мужчине особое удовольствие.

— Дан, ну... Ну не в машине же! — обреченно воззвала я, понимая, что воля к сопротивлению уже на исходе. Потому что мне эта шуточная возня и настойчивость тоже нравились, и тело вполне явственно отзывалось на прикосновения и намеки.

Правда, столкновение головы с потолочным светильником заметно поубавило игривости.

— Ой! — воскликнула я и, зашипев от боли, втянула голову.

— Да, в машине, определенно, тесновато, — вздохнул Адриан и прекратил тянуть, но обхватил ладонью мой затылок и пригнул голову, чтобы взглянуть на место удара, слегка погладил большим пальцем. — Больно?

— Терпимо, — проворчала я и уже сама перебралась к нему на колени. Сидеть, конечно, было неудобно, но пострадать совсем ни за что — совсем обидно.

— А не надо было упираться! — Некромант пригнул мою голову к плечу и поцеловал в макушку. — Романтический момент упущен, а жаль.

Поцелуй в утешение, конечно, случился, но вышел он коротким: я долго не вытерпела сидеть в такой неудобной позе — боком, ногами на соседнем сиденье, а главное, в бедро очень больно упирался руль. И через несколько минут мы уже продолжили путь, а у меня на коленях лежало пять почти одинаковых красных папок, отличавшихся толщиной и оттенком.

Повезло на второй. После статьи начала года о какой-то очень важной конференции анестезиологов, занявшей три листа газеты «Медицинский вестник», в моих руках оказалась толстая и очень потрепанная тетрадь, содержащая, судя по всему, результаты какого-то медицинского исследования. Несмотря на удивительно разборчивый, даже каллиграфический почерк Кущина, вникнуть я не пыталась. Имен там не было, пациенты шли по порядку по номерам, начиная аж с двести сорок второго, дальше указывался возраст в годах и предварительный диагноз, который кое-где занимал несколько строчек, а следом — куча непонятных неспециалисту слов и цифр.

Догадаться, что это результаты неких анализов, моей фантазии хватило, а вот о чем они — не очень.

Истории болезни были разными. Некоторые занимали пару страничек, некоторые — пару десятков. Одни заканчивались оптимистичным «устойчивая ремиссия, продолжить наблюдение», другие — сухим «умер» и подробным пересказом заключения патологоанатома, третьи — малопонятными лечебными рекомендациями и разными по оптимистичности прогнозами.

О последнем пациенте информации было совсем немного, видимо, Кущин не успел взяться за него всерьез, а вот предпоследний сразу заинтересовал и заставил подобраться.

Пациент номер двести восемьдесят девять сорока трех лет от роду, диагноз — пресловутая инкопотензия «поздней клинической манифестации». Записей было немного, чуть больше полутора страниц, а вердикт — неутешительные три года при выполнении поддерживающего лечения.

Жутко все-таки, не дай творец такую судьбу! Медленно угасать, точно зная, что ничто не поможет...

Впрочем, с этим пациентом все вышло иначе, судя по кривоватой нервной приписке поверх: «Полное исцеление?! Невозможно!»

— Дан, а кому из подозреваемых сейчас шестьдесят четыре? — спросила я, разглядывая страницу.

— Не помню, — отозвался Блак. — И Тургу, и Донту что-то около того, в деле должны быть все цифры. Что ты там нашла?

— Судя по всему, незадолго до трагедии у Кущина был пациент с той самой инкопотензией. Прогноз неутешительный — три года при наилучшем стечении обстоятельств, однако есть пометка, что пациент полностью исцелился. Причем явно гораздо более поздняя. Бумага вон какая желтая, потертая, выгоревшая, да и чернила в остальных местах вроде бы слегка выцветшие, хотя, конечно, нужна экспертиза. А вот тут поверх приписка другим цветом. Помнишь, нам в институте...

— Ты о том счастливчике, которому ошибочно поставили этот диагноз, а потом списали все на каких-то паразитов, передохших самостоятельно? — подхватил Адриан. — Помню. Думаешь, это тот же самый? Логично, вряд ли таких появилось несколько одновременно. И диагноз у него все-таки был верный, судя по тому, что его подтвердил лучший специалист своего времени...

— И что это значит?

— Да как будто само по себе и ничего, — медленно проговорил некромант, не отрывая взгляда от дороги. — Ну выздоровел, случилось чудо, Творец вмешался — сама знаешь, и не такое бывает. Но при прочих вводных... Вист-то уцепился именно за эту болезнь!

— Мне непонятно, как он понял, где надо искать и что именно? — нахмурилась я. — Ну смотри, он ведь считал старика психом. Изменить мнение, просто прочитав вот это? — Я выразительно взмахнула тетрадью. — По-моему, он бы открыл и закрыл эти папки не читая. Ну глупо же пытаться разобраться в бреде старика с диагнозом!

— Мы не можем поручиться, что из вещей Виста ничего не пропало, — возразил Блэк. — Это сомнительно, потому что незаметно забрать их из купе и не наследить было практически невозможно, но вероятность существует. А еще неясно, о чем именно они говорили в ту единственную встречу, — напомнил он, бросив на меня задумчивый взгляд. — Да, редактор сказал — чушь, и Вист наверняка тогда посчитал это чушью. Но вдруг Кущин рассказал нечто такое, на что Вист после его смерти взглянул под другим углом? Например, назвал имя этого пациента, рассказал его историю, сообщил, где и как увидел его и сделал эту новую запись. И это открытие вполне тянет на обнаружение главы секты, о котором он говорил горе-колдуну.

— Звучит убедительно, — согласилась я.

— Дальше. Я почти уверен, что убийца встретился с Вистом в Фонте. Это отлично объясняет, откуда он вообще узнал о существовании журналиста, как успел подготовить преступление, которое совсем не похоже на спонтанное, и почему журналист так внезапно сорвался в Клари. Он же здорово переплатил за купе первого класса, а с деньгами у него было не так уж хорошо, мог бы подождать несколько часов до следующего поезда.

— Полагаешь, они поехали вместе?

— Скорее всего. Вист был весьма охоч до легких денег и не брезговал шантажом, а шантажисты редко хорошо заканчивают. Думаю, он вполне мог купиться на щедрые посулы своего будущего убийцы. Ну, скажем, журналист получает крупную сумму и оставляет эту историю в покое, или как-нибудь приукрашивает ее, или хотя бы опускает биографические подробности. А деньги дома, в Клари, убийца не доверяет банкам. И Вист радостно бежит покупать

единственный дорогуший билет, а его новый друг готовит убийство. Непонятно, как вышло, что у него под рукой оказался пожиратель и ничего больше подходящего, но... Всякое случается.

— Тогда остается самый главный вопрос: что же такого в этом чудесном исцелении, если ради своей тайны он готов убивать? Ну не секта же, в самом деле!

— Вопрос, да. Надеюсь, выясним. Посмотри, может, там еще что-нибудь интересное в этой папке есть? Или в тетради.

В тетради, на обратной ее стороне, нашлась единственная, быстро написанная фраза загадочного содержания. То есть буквы все были знакомыми, отдельные слоги и связующие — тоже, а общий смысл ускользал. Два утверждения, противопоставленных друг другу союзом «или», и знак вопроса в конце, выдающий неуверенность, — вот и все.

— Значит, как приедем, первым делом к Виту, пусть переводит, — решил Блак. — Терминологию-то он точно знает, а что не знает — по справочникам найдет. Все, больше ничего?

— Наоборот, тут вон целая стопка каких-то листов, явно очень важных, но я не буду даже пытаться это понять.

— Опять медицина?

— Нет, ты знаешь, по-моему, это больше похоже на физику с электричеством, буквы знакомые, — рассеянно отозвалась я, отставив на вытянутой руке листок, испещренный многоэтажными формулами и мелкими рисунками с прихотливо направленными стрелочками. — Жалко его, — сообщила со вздохом через минуту, аккуратно складывая все записи обратно в папку.

— Кого из них? — уточнил Адриан.

— Кущина. Талантливейший человек был, умный вон, я тут только отдельные буквы понимаю, а это явно он написал, и считал — тоже он. И такая судьба... Сначала семью трагически потерял, потом головой помутился и лишился любимой работы, а потом еще нелепая жестокая смерть от рук грабителей.

— А, его... Да, печальная история.

— Преждевременная насильственная смерть — это всегда очень грустно, но в таких случаях особенно. И еще обидно.

— В каких случаях?

— Когда умирает тот, кто делал что-то очень хорошее и большое и мог бы сделать еще. Особенно врачи. Помню, у меня была история:

пара уродов в подворотне за горсть мелочи и несколько купюр зарезала замечательного хирурга, золотые руки у мужчины были. Сотни, даже тысячи жизней спас. И тут эти. Так тошно на них смотреть было... — Я поморщилась. — Ни капли раскаяния. Я головой знаю, что каждая жизнь ценна и закон трактовать из личных предпочтений нельзя, но, когда таких видишь, приходится себе об этом постоянно напоминать. Вроде бы и тот был человек, и вот эти — люди. А какая разница...

— Надеюсь, тебе не пришлось отпускать их за недостаточностью улик? — покосился на меня Блэк.

— Да нет, им по полной вышло, — отмахнулась я. — Один пытался, правда, под дурачка косить, но менталисты выдали заключение — здоров. И это особенно противно, с сумасшедшего-то какой спрос. Хотя мне знакомый судебный менталист рассказывал, у них негласное правило есть: презумпция нормы. Есть какие-то сомнения и разногласия? Значит, нормален. Можно протащить по самой границе статистической нормы? Значит, нормальный, и пусть отвечает по полной. К ним же отправляют на освидетельствование исключительно по тяжким статьям, если нет совсем уж откровенных предпосылок или требования какой-то из сторон.

— Чтобы наказания не избежали?

— Не столько это, сколько... В спецлечебницах же тоже менталисты работают. Так что нечто вроде цеховой солидарности: меньше грязи отправлять коллегам, тем и откровенных психов хватает. Только ни один менталист в этом, конечно, на трезвую голову не сознается.

— То есть тебе признался на пьяную?

— Ну... они тоже люди. — Я пожала плечами. — И прокуроры. И даже адвокаты. Было у нас шесть лет назад дело серийного насильника и убийцы. Шестнадцать эпизодов, и это только доказанных. Столько грязи, так мерзко... Одно только утешало: такое дерьмо даже в уголовной судебной практике редко встречается. Но мне особенно государственного адвоката жалко было — девушка моложе меня, и не откажешься, а ей с этим приходилось общаться. Когда я приговор зачитала и этого конвой увел, я что-то закопалась, и адвокат у меня что-то спросить хотела, уже не помню. А прокурор там хороший мужик был, опытный, он уже сейчас на пенсии... Так он на нас с ней посмотрел, с менталистом переглянулся, и они нас под локотки взяли и

«лечиться» повели в комнату отдыха для менталистов, у них есть своя в здании суда, хорошо экранированная, тихушкой называется. Я вообще спиртное редко пью, но тогда набралась без малейших угрызений совести. Извини. — Я запоздало смущенно улыбнулась. — Меня редко накрывает о работе вспоминать, но когда накрывает — обычно всерьез.

— Тебе не за что извиняться, — возразил Блэк, бросив на меня странный нечитаемый взгляд. — Сейчас было очень... уместно. Хороший повод задуматься.

— О чем?

— О жизни, — отозвался он. — Да ладно, не бери в голову. Давай лучше о чем-нибудь более жизнерадостном, а то ты совсем загрустила. Лучше что-нибудь забавное расскажи, не может же его не быть.

— Ну почему, хватает...

И до конца пути мы попеременно травили забавные байки из практики, я — из судебной и студенческой, Адриан — из времен учебы в спецшколе, из жизни Клари и, что удивительно, из служебных будней у Разлома. Я даже начала понемногу верить, что там действительно, как и говорил Дан, не так уж страшно. Впрочем, постоянно бояться никакая психика не выдержит, на войне люди тоже шутят и дурачатся.

Глава девятнадцатая, в которой определяется главный подозреваемый

После возвращения как-то так само собой получилось, что я продолжила участвовать в расследовании вместе с Блаком. Мы приехали домой, бросили вещи, поздоровались с соскучившимися кошками, причем даже независимая Вакса маячила рядом — под ноги не лезла, сохраняя дистанцию и собственное достоинство, но взирала на нас достаточно благосклонно, хваля за возвращение. В отсутствие хозяина за ними приглядывала соседка, так что особых причин для жалоб у зверья не было, но Адриану они определенно доверяли больше. А потом я спросила, куда дальше, и некромант не стал поправлять или напоминать, что я в лучшем случае свидетель.

Сначала мы завернули в участок. Там оставили машину на стоянке, потом Блак сдал всю городскую добычу заместителю и узнал последние новости, которые, впрочем, сводились к простому «все тихо». Серьезных происшествий не было, подозреваемые вели себя прилично, подвижек в расследовании тоже никаких.

Пока мужчины обсуждали расследование и Клет готовился всерьез взяться за просмотренные мной и не начатые еще папки, я тихонько сидела на стуле, с интересом оглядываясь и ожидая, когда про меня вспомнят и отошлют уже домой.

Отношение к этой перспективе было двойственным. С одной стороны, на прописанный менталистом отдых участие в расследовании не походило, и вообще это не мое дело, хотелось бы все-таки выспаться и погулять по городу, пока погода располагала: небо потихоньку затягивали высокие светлые облака, но еще было довольно тепло и сухо. Но с другой стороны, было очень интересно наблюдать за процессом и участвовать в нем, а еще на периферии сознания постоянно пульсировала тревожная мысль о том, что меня по-прежнему хотят убить и самое безопасное по этой причине место — где-то рядом с Блаком, вызвавшимися меня защищать.

Оказалось, последнее соображение разделял и шериф, потому что на прямой вопрос заместителя, что я здесь делаю (заданный, конечно, в гораздо более вежливой форме), напомнил о нападении в отеле и заявил, что ему так спокойнее. Опять же, помощь от меня есть — я хорошо вслух читаю.

— Дан, а ты обещал посмотреть, кому из них сколько лет, — напомнила я, когда шериф уже засобирався в госпиталь.

— Точно! А он еще спрашивает, зачем мне твоя компания, — обрадовался шериф.

— Ну да, когда своя голова не тем занята, только и надежды что на чужую, — насмешливо улыбнулся Клет. Он поглядывал на нас обоих со странным выражением в глазах, как будто ему было одновременно смешно, любопытно и очень хотелось что-то сказать, но он изо всех сил сдерживался.

— Ты не зубоскаль, глянь протоколы, вопрос действительно важный, — одернул друга Блак, украдкой показав кулак, но я жест все равно заметила.

Интересное совпадение, но оба мужчины действительно оказались почти ровесниками. Зеною Донту исполнилось шестьдесят пять в начале лета, а Савину Тургу — шестьдесят четыре в его конце.

— Ну что, делаем ставки? — весело предложил Клет. — Как думаешь, кто из них?

— Если выбирать из двоих, то аптекарь, — после секундной заминки решил шериф.

— Интуиция? — не удержалась я.

— Логика, — возразил Блак. — Трагедия в Фелете случилась в конце лета, и если это был предпоследний пациент Кущина, то по возрасту как раз больше подходит он. Не за пару же дней целитель сделал все свои выводы! Хотя мог и за пару, тут не угадаешь. Но... Знаешь, Кир, возьми-ка ты их обоих за шкурку и к нам. Только поосторожнее. Они, конечно, оба нейтралы, но мало ли. Алхимик все-таки алхимик, а убийца наш уж очень ловко общается с духами. Или мне самому заняться...

— Да ладно, иди к Виту, справимся как-нибудь, — со смешком отмахнулся Клет. — Я все-таки тоже боевой некромант, а не учительница младших классов.

— Я, может, потому и волнуюсь, — почти серьезно возразил Дан. — Учителя — люди суровые, они кого хочешь в узел завяжут. А некроманты — существа трепетные и нервные, травмированные службой.

— Хоть бы при госпоже Шейс со своими глупостями не позорился, — укоризненно качнул головой Кириан.

И мы в конце концов все же ушли. Некромант сдержался и не сказал того, что его распирало, только вежливо попрощался. А вот я — не утерпела и на выходе все-таки задала Блаку вопрос о поведении его помощника.

Реакция оказалась неожиданной. Адриан досадливо поморщился, глянул на меня как будто виновато и заметил себе под нос:

— Мне кажется, тебе не понравится ответ. Может, пусть это остается загадкой?

— Вот уж теперь — точно нет, — еще больше заинтересовалась я.

— Ладно, только не ругайся. После твоего допроса Кир мне заявил, что декады не пройдет, как я тебя в постель затащу. Мол, я уж очень откровенно на тебя глазею, а тебя это не возмущает. Ну и учитывая, что он не один такой наблюдательный... Я, конечно, обещал кое-кому устроить сладкую жизнь, если их дури хватит на тотализатор, но почти уверен, что это не помогло.

— Ясно, — вздохнула я. — Коллектив есть коллектив.

— Не сердишься? — спросил Дан, глянув искоса.

— Неприятно, конечно, но глупо всерьез обижаться и ждать от людей чрезмерной тактичности, уж мне ли не знать. — Я усмехнулась с горечью. — Но вообще, оставаясь жить у тебя, было бы странно надеяться, что не пойдут слухи. А что, правда глазел? Я и не заметила...

— Правда, — кивнул Блак. — А ты думаешь, я про халат твой шутил, что ли? Нет, это, конечно, был удар ниже пояса, но в остальное время тоже, знаешь ли, сложно взгляд оторвать.

— А почему ты по Клари на машине не едешь? Быстрее же, — поспешила я уйти от скользкой и совсем уж отвлекенной темы.

— Да неудобно по здешним улочкам. Кое-где, конечно, достаточно широко, но дольше придется искать, где машину приткнуть, чем пешком дойти. А в старой части и не проедешь. Тут

автомобилями пользуются, если что-то крупное привезти нужно или товар в магазин.

Доктора Вистона Траса нам пришлось поискать. Оказалось, за время нашего отсутствия кое-что все-таки произошло: местный хирург, Блесс, ушел на больничный, и эксперту пришлось его подменять. Действительно больничный, а не очередной внеплановый, как они тут говорили, «заплыв». Как рассказала немолодая словоохотливая лаборантка, доктор допился до трясущихся рук и, кажется, наконец что-то осознал. Он не смог начать операцию, швырнул скальпель в угол и выскочил из операционной, бросив и пациента в наркозе, и всю бригаду.

Говорили, устроил натуральную истерику у главврача, тот отпаивал его чаем прямо как был, в стерильном хирургическом костюме и перчатках. Траса срочно вызвали проводить операцию, а Блесса отправили на больничный и в Фонт, лечиться от алкоголизма. В эффективность этого лечения лаборантка не верила, но зато верила в появление настоящего хирурга.

Дело в том, что после операции скандал закатил уже оторванный от своих дел Вист, главный врач поклялся выбить нормального хирурга и, сбросив все дела на заместителей, лично уехал в Фонт требовать специалиста. Судя по всему, его происходящее тоже достало до печенок.

Потом выяснилось, что Трас на срочной операции, и пару минут мы посидели под дверью. А потом Блэк рассудил, что не судмедэкспертом единым, и пошел искать другой источник информации. И это оказалось даже к лучшему.

Первой и единственной жертвой нашего интереса стала весьма харизматичная особа, заведовавшая маленьким диагностическим отделением, которое занимало несколько комнат в подвале здания. Сослали диагностов туда из-за удивительно современной и хорошей светокамеры. Эта штукавина состояла из массивного, на вид стеклянного, ложемент, который требовал под собой надежного фундамента и такой же массивной крышки. В «коробочку» клали пациента, закрывали ее и рассматривали, что у человека внутри. Позволяла она исследовать и внешний вид органов, и даже потоки энергий. С ограничениями, конечно, но все. равно — отличное подспорье.

В ведении госпожи Лунк находились (и составляли диагностическое отделение) эта самая светокамера, пара молодых артефакторов при ней, несколько приборов попроще, один врач и два практиканта. Заведующая отделением была бойкой пожилой женщиной, звонкой и круглой, как мячик, с тугими серебристыми кудряшками, собранными в небрежный пучок, и в тонких круглых очках.

Приняла она нас охотно, а когда уяснила, что именно от нее нужно, еще больше воодушевилась, с интересом углубившись в изучение краткой истории болезни. И реакция оказалась неожиданной.

— Так я все-таки верно диагноз поставила! — обрадованно воскликнула она.

Мы переглянулись.

— Я правильно понимаю, вы знаете, что это за пациент? — уточнил Блак, похоже боясь поверить в такую удачу.

— Разумеется, знаю! — с некоторой обидой в голосе отозвалась она. — За кого вы меня принимаете, милый Адриан?

— Кто? — Шериф заметно подобрался. — Зенор Донт?

— Да, конечно. А что же вы так удивляетесь, если сами все знаете? — озадачилась и явно огорчилась доктор Лунк.

— Я не знаю, мы вычислили его методом исключения. — Блак тоже заметил недовольство женщины и поспешил ее немного умаслить. — А вот ваши слова уже можно считать серьезным свидетельством. Не возражаете, если я проведу официальный допрос, с протоколом?

— Я не уверена, — растерялась доктор Лунк. — Я не могу, а как же врачебная тайна? Я, конечно, проболталась уже, но...

— Этот человек подозревается в жестоком убийстве, — перебил ее шериф. — И без ваших показаний он может уйти от правосудия. Если хотите официальную санкцию...

До официальной санкции не дошло, и на это даже я закрыла глаза. В аналогичной ситуации я и сама бы, наверное, дала разрешение. Впрочем, сейчас его никто не спрашивал, и вообще мне оставалась только работа писаря. Да и то ненадолго, потому что много доктор Лунк рассказать не смогла.

Зенор попал к ней по направлению от терапевта. Такой чудесной светокамеры тогда еще не было не только в Клари, но вообще где-либо

в лепестке, лишь в столице появлялись первые образцы, гораздо менее удобные и эффективные, так что диагностика занимала куда больше времени, а отдельные вещи можно было установить только благодаря чутью и опыту врача. С Зенором Донтом случай был как раз такой, потому что жаловался он на головокружение, упадок сил, сонливость и невозможность сосредоточиться — симптомы, которые могла иметь тысяча болезней.

Анализ и обследований произвели массу, но ни один из возможных диагнозов не подтвердился. Тогда Лунк и предположила, что проблема не физиологическая, а чисто энергетическая, и по косвенным признакам диагностировала инкопотензию. А поскольку установить точно не было технической возможности, они с терапевтом отправили пациента в Фонт.

Как развивались дальнейшие события, заведующая не знала. Но через некоторое время оказалось, что Донт полностью исцелился, причем от совсем другого заболевания. Доктора Лунк смутила такая версия, но она единственная объясняла неожиданное выздоровление и, пусть с натяжкой, укладывалась в картину болезни. Копать женщина не стала, порадовалась за пациента и на том успокоилась. Но интересный случай запомнила и потому сейчас узнала результаты анализов, сделанных покойным Кущиным.

— Но как он в таком случае выздоровел? — закономерно спросила она в конце.

— А вот это — не версия? — любопытствовал Блак, протягивая перевернутую тетрадь.

Доктор без запинки прочитала заковыристую фразу, чем сразу завоевала еще большую симпатию, потом задумчиво нахмурилась, отчего стала похожа на обиженного совенка. Все-таки до чего у нее несерьезная наружность для такой строгой профессии!

— Не знаю, вообще, похоже, но... как это возможно?

— Вы не могли бы пояснить, что именно тут написано? — попросил Блак. — Более понятными, простыми словами.

— Вы же знаете, что такое инкопотензия? — спросила она с таким подозрением, словно отрицательный ответ считался страшным преступлением.

— В общих чертах, но с удовольствием послушаю.

Возражать Лунк не стала.

Все живое находится в равновесии и постоянном обмене с окружающим миром. Мы поглощаем вещество и энергию, преобразуем и возвращаем в окружающее пространство. А болезнь эта заключалась в нарушении баланса: человек начинал выбрасывать в окружающий мир больше, чем поглощал, или не до конца усваивал поглощенное, здесь мнения исследователей расходились. Какое-то время он существовал на внутренних резервах, компенсируя потери из других источников, но постепенно вразнос шел весь организм.

Для того чтобы вернуть баланс, требовалось как минимум понимать механизмы, очевидно, поэтому Кушин такой вариант не рассматривал. Он записал два вполне логичных варианта: принудительно поддерживать нужный уровень переработанной энергии в организме, собирая то, что выделяет человек, или подключить его напрямую к энергетической линии.

Проблема в обоих способах была одна: они накачивали избыточное энергетическое давление в организме, которое ничуть не лучше исходной болезни.

— У нас есть расчеты, — подала я голос, потому что в конце рассказа шериф отчего-то молча нахмурился и пауза уж слишком затянулась. — Наверное, он пытался что-то проверить, но непонятно, к кому с этим обращаться.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовалась женщина, с недоумением поглядывая на Блака. — Любопытно... А оставьте их мне? Я попробую разобраться, — попросила она.

— Дан... — Я тронула некроманта за плечо, потому что на вопрос он не отреагировал.

— Да, забирайте, — встряхнулся Адриан. — Спасибо большое. Пойдем, — а это уже мне, — у нас еще много дел.

— Дан! Дан, да подожди ты! — не выдержала я на выходе из госпиталя, потому что шериф зашагал широко и быстро, так что пришлось догонять его вприпрыжку, а йотом и вовсе ухватить за локоть. — Можешь объяснить, куда ты так бежишь? Нет, если бежать надо — беги, конечно, но я тогда лучше домой пойду.

— Почему? — нахмурился он, проигнорировав вопрос.

— Да я за тобой не успеваю! Что стряслось?

— Извини, — глубоко вздохнул он и снизил скорость. — Не нравится мне все это. Не знаешь, сумасшествие заразно?

— Насколько знаю — нет. Куда мы так спешим?

— К Донту. Мне начинает казаться, что старый целитель был совершенно прав и без духов тут не обошлось. А если так, то лучше успеть к нему мне, а не кому-то из ребят.

— Подожди, при чем тут духи? Ты так решил, потому что Кушин был помешан на одержимых?..

— Нет. Просто напрямую взаимодействовать с жизненной энергией могут только они. Стихийники управляют свободными стихийными энергиями, уроженцы Зеленого лепестка — их смесью, менталисты — разумом. Жизненной силой управляют еще некроманты, но сам Донг нейтрал, а более-менее серьезные чары собственной школы я бы на нем давно заметил.

— Может, у него просто есть какой-то артефакт с заключенным внутри духом? Иначе уж проявила бы себя потусторонняя сущность за двадцать лет, разве нет?

— Я очень на это надеюсь, — проворчал Адриан. — Что у него просто артефакт с разумным духом, и поэтому он не афиширует свое чудесное исцеление. Только вот есть одно «но».

— Какое?

— Даже малограмотный целитель поймет, что имеет дело с артефактом. Энергетическое поле выйдет искаженным. Чтобы быть незаметным, артефакт должен быть равномерно распределен по коже... — Он осекся, а через мгновение сообразила и я.

— Зелье! Он же алхимик! Какая-нибудь эссенция духа, например! Такое возможно?

— Вот сейчас поймем и спросим, — мрачно подытожил Блэк. Получилось неубедительно, он и сам явно не верил в такой простой исход. — Отправить бы тебя и правда домой, — добавил со вздохом.

— Как скажешь, — покладисто пожала я плечами.

— Что, и никаких требований поучаствовать? — Выражение лица стало мягче, губы тронула насмешливая улыбка.

— Вот уж спасибо, но — нет, — поспешила отмахнуться от такого предложения. — Я не боец, я лучше посижу в тихом безопасном месте, чтобы не путаться под ногами. А то еще меня придется спасать. Нет, мне любопытно знать, чем все кончится и как будет происходить, и я бы не отказалась понаблюдать со стороны, но ты ведь мне и так расскажешь, правда?

— Пойдем, — со смешком решил Блак. — Припрячем тебя в надежном месте. Ты же хотела в исторический музей? Ну так он совсем рядом, я тебя туда заведу, а на обратном пути — забру.

Зенор Донт сбежал. Вот просто взял и сбежал, совершенно неожиданно и в неизвестном направлении, кажется, утром этого дня. И Блак не представлял, как к этому относиться: не то радоваться, что обошлось без стычки, которой он опасался, не то злиться на себя за промашку, не то волноваться о том, почему алхимик подался в бега именно сейчас.

В аптеку Адриан пришел, когда там уже вовсю кипела работа, Клет руководил обыском здания. Никакой паники в побеге не было, да и выглядел он очень странным. Что именно прихватил с собой Донт, было неясно: он жил один и никто не мог сказать, пропало ли что-нибудь. Зато обнаружились некоторые вещи, не взять которые с собой было попросту глупо. Например, деньги: приличная сумма нашлась в кассе и в сейфе в небольшой лаборатории.

Казалось бы, таким уходом Донт признал собственную вину, вот только ничего, способного служить уликой, в доме не оказалось. Да, в лаборатории хранились вещества и средства, требующие особых разрешений, но там и разрешения были! Аптекарь производил впечатление обычного законопослушного горожанина, и некроманты уже начали подумывать, что мужчина просто вышел на долгую прогулку, пусть прежде за ним такой привычки и не водилось.

Но неожиданно результат принес поиск тайников с помощью типовых несложных чар. На магию эту никогда особенно не рассчитывали, потому что она легко экранировалась, и спрятать что-то от поиска было нетрудно, проводили для галочки, и поэтому очень удивились успеху. Донта подвела жадность или банальная неопытность в таких делах: тайник оказался целой комнатой посреди дома. Если огибание энергетическими потоками небольшой полости в стене вряд ли почувствует даже очень талантливый и опытный маг, то не заметить такой провал — надо было постараться.

Осмотр, ощупывание и едва ли не обнюхивание стен позволили сделать предварительный вывод, что комната эта — старая и предусмотрена как потайная еще при постройке здания. Но ломать стену, чтобы проникнуть внутрь, не пришлось, довольно быстро

обнаружился вход. Он бесхитростно прятался буквально перед носом, за картиной в торговом зале.

Внутри обнаружилась тесная каморка, в которую поместился шкаф, стол и стул — ветхие, потемневшие от времени, кое-где рассохшиеся. Только никакой секретной лабораторией тут и не пахло, если не считать сваленного внизу в шкафу старого оборудования, частью поломанного и представляющего собой скорее грудку мусора, покрытую толстым слоем пыли.

Зато нашлись бумаги — целая кипа документов с какими-то расчетами и схемами, с многочисленными черновиками и отдельными обрывками. Все явно свежие, скорее всего, выполненные хозяином, и единственная надежда оставалась на них.

— Дан, подойди! — окликнул стоящего в торговом зале шерифа зам, который возился с добычей, но сейчас высунулся в узкий проем. Лицо его было хмурым, сосредоточенным и даже немного взволнованным.

— Ты нашел труп? — предположил Адриан с неудовольствием, но, конечно, подошел, заглянул внутрь, потому что Кир не стал ждать и опять скрылся в сумраке потайной комнаты.

— Не знаю. Смотри. — Он кивнул на несколько листов, поверх которых лежала, кажется, конторская книга.

— На что именно?

— Почерк, — не стал долго мусолить Клет. — Конторская книга заполнена Донтом, на документах этих, из каморки, тоже только его следы. Пока предварительно, эксперты дадут официальное заключение, но ошибка практически исключена.

А почерк был разным. Совершенно. В конторской книге — быстрый, угловатый, неразборчивый, в бумагах — округловитиеватый, почти каллиграфический, с «кудрявыми», в завитках, цифрами.

— У меня бабушка похоже писала, — припомнил Блэк. Ему было сложно читать, а вот если не пытаться искать смысл в письменных завитках, никаких трудностей не возникало. И, не отвлекаясь на смысл, сравнивать почерк у него выходило лучше, чем у нормальных людей. — Может, он просто разными руками умеет писать? Здесь одной, там другой.

— Может быть, но зачем? И вот этот почерк действительно необычный, я бы сказал — старомодный. Да и слишком они отличаются, я не уверен, что так бывает у амбидексгеров. А еще мне кажется, что я его где-то видел. У тебя нет такого ощущения?

— Есть, но я же говорю, у меня бабушка примерно так писала. Может, еще кто-то из стариков. По-моему, так тогда было принято: будешь писать вот такой забор, как у Донта в книге, — чернила потекут.

— Дхур, — обронил Кириан. — У нее похожий почерк, я точно помню.

— Похожий или вот прямо этот? — поморщился Адриан.

— Сравнить надо, не поручусь.

— В любом случае непонятно. Даже если допустить, что писала именно она, почему тут только следы Донта? И почему ты в первую очередь подумал именно о ней? Потому что она тоже подозреваемая? Как-то сложно поверить, что эти двое объединились против журналиста...

— Дан, смотри внимательней, — сказал Кир резко. — Ты что, не узнаешь? Схема ничего не напоминает?

Блак хотел огрызнуться, но тут зацепился взглядом за знакомый узор. Выругался, отложил книгу и поворошил листы. Выругался еще раз.

— Ты уже понял, чего хочет добиться тот, кто это рисовал? — спросил напряженно.

— Нет, тут за пять минут не поймешь, тем более бумаги разрозненные, но явно что-то масштабное. Тут по меньшей мере пять слоев.

— Разбирайся. Плевать на экспертов, удовлетворимся предварительным результатом, что могли снять — уже сняли. Выясни, что это такое и зачем оно нужно. Мне это очень-очень не нравится.

— Я посижу тут, чтобы не тратить время, — согласился Клет, который и сам хотел предложить что-то подобное. — А то во время перевозки все еще сильнее перепутается. Заодно ребята с обыском закончат.

— А я схожу к Касадре Дхур, взгляну на ее почерк. Дай мне какую-нибудь бумажку для образца. — Получив искомое, Адриан

аккуратно сложил исчерканный листок и убрал в карман. — Савина Турга уже задержали?

— Должны были, я отсюда сразу к нему ребят отправил, не хватало еще обоих упустить.

— Хорошо, тогда я от Дхур в участок. Как только что-нибудь прояснится, лови меня там.

Правда, далеко уйти он не успел, Клет опять окликнул с порога комнаты. Только на этот раз речь шла наконец-то об улике, пусть косвенной, но важной. Среди бумаг нашлось короткое письмо от Моррига Виста. Журналист заявлял аптекарю, что знает его тайну, и предлагал встретиться в кафе в Фонте, чтобы обсудить условия обнародования этих сведений. Встреча была назначена на утро в день отъезда Виста в Клари, что косвенно подтверждало предположение Блака: до посадки в поезд эти двое успели познакомиться. Жаль только, никаких намеков на суть тайны послание не содержало.

Какой все-таки ценой Зенор Донт исцелился двадцать лет назад? И выкладки по какому некромантскому ритуалу нашлись у него теперь?..

Глава двадцатая, в которой нависает угроза

Железную Каси Адриан побеспокоил напрасно, да еще и обидел ненароком, отказавшись остаться на обед. Но ему даже не пришлось доставать образец и о чем-то просить: на газетном столике лежало несколько подготовленных к отправке писем, и беглого взгляда вполне хватило, чтобы понять, насколько отличается почерк старой некромантки от нужного. Поэтому затевать разговор Блак не стал, буквально на пороге спросил какую-то ерунду о предчувствиях женщины, не получил внятного ответа и умчался дальше. Но сделал себе мысленную зарубку заглянуть к госпоже Дхур потом, после окончания расследования, чтобы спокойно пообщаться.

Про то, что в музее его дожидается Лавиния, Адриан прекрасно помнил и даже собирался ее забрать, но свои коррективы внесла погода: испортилась, безнадежно и резко. Клари словно отыгрывался за несколько дней затишья, вновь вернув на свои улицы привычную приморскую осень. Шквалистый ветер рвал с деревьев оставшуюся листву, подгонял прохожих и обрушивал на них потоки воды. Но чувалось, что это только начало: воздух пах близким штормом. Местные спешили укрыться от непогоды, и вытаскивать столичную гостью в такое ненастье некромант посчитал жестоким. Лучше он после допроса возьмет машину и прокатится до музея и обратно. Да, использование служебного положения в личных целях, но иногда можно.

Кроме того, присутствие ее рядом неизменно отвлекало от дела. У него, конечно, получалось сосредоточиться, если сделать над собой усилие, но взгляд постоянно сам собой цеплялся за аппетитную фигуру, зря госпожа судья ему в этом не верила. А стоило зацепиться взглядом, и мысли тоже норовили уйти не туда.

Вообще, Адриан все больше понимал, что дело не только во внешности. Лавиния нравилась ему целиком и полностью, во всей совокупности собственной натуры. Женственная, упрямая, честная, гордая и сильная. Искренняя и уязвимая. Очень хотелось посмотреть на нее в рабочей обстановке — строгую, сосредоточенную, в этой

своей умопомрачительной узкой юбке, которая своим видом напрочь отбивала способность к рациональному мышлению. Нет, он действительно всегда любил фигуристых женщин, но никогда не думал, что такая женщина в подчеркнута строгой одежде может выглядеть настолько возбуждающе... Халатик ее, конечно, вне конкуренции, но то ведь халатик...

А еще ее характер и взгляд на мир заставляли задуматься о собственной жизни. Но эти мысли Адриан гнал от себя еще более решительно: они были слишком неприятными и некстати.

Блак ввалился в участок, по-собачьи встряхнулся, ритуально поругался на мерзкую погоду родного города — осенью ее тут ругали абсолютно все, но Клари от этого любили не меньше.

— Шериф! — обрадовался ему как родному дежурный. — Наконец-то вы, а то там задержанный шумит, дочь его еле уgomонили...

— Шумит? — мрачно уточнил Адриан. — Ну, пусть пошумит на меня. Где он, в камере?

— Мы пока в допросную отвели, не было приказа под стражу...

— Отлично. И давно сидит?

— Да уж часа два.

— Совсем замечательно! Хороший клиент, выдержанный, — усмехнулся Блак и, поблагодарив полицейского, как был мокрый и взъерошенный, ввалился в допросную. Он прекрасно знал, что в таком виде выглядит особенно зверски.

— Что вы себе позволяя... — подорвался с места взвинченный Савин Тург, но под тяжелым взглядом шерифа осекся и заметно растерял воинственность.

— Сядьте, — велел Блак, исподлобья рассматривая мужчину. Слегка набычился, сжал кулаки, намеренно давя морально.

Поддействовало безупречно — Тург явно был не из тех людей, кто способен сопротивляться такому давлению, да еще с ходу, без подготовки.

Вдруг — к месту, но не вовремя, — вспомнилась первая его встреча с госпожой Шейс. Вот ей-то как раз хватило упрямства и твердости, даже ругаться на него, злющего, начала.

Отогнав посторонние мысли, Блак подошел к столу, один стул возле которого уже занял... Вот со статусом Турга он никак не мог

определиться, и именно в этом, наверное, была самая большая проблема. Свидетель? Да ничего он не видел. Подозреваемый? После письма у аптекаря довольно нелепо об этом думать. Впрочем, смотря в чем подозреваемый...

— Что случилось с вашей женой? — в лоб спросил Адриан.

— С Зеной? — Савин вытаращился на шерифа с искренним изумлением. — А при чем тут...

— На вопрос ответьте.

— Она сбежала от меня в Фонте, когда...

— Правду ответьте, — перебил Блак. Опустился на стул напротив фигуранта, положил на столешницу ладони, чуть подался вперед. — Правду, господин Тург!

— Я не понимаю, какое... — еще больше занервничал мужчина.

— Я знаю, что вы написали заявление о ее исчезновении двадцать лет назад в Фелете, и после этого не пытались признать мертвой, хотя времени прошло изрядно, а розыскное дело не закрыто. Ее с той поездки не видел никто из друзей и знакомых, она явно умерла. Так как это произошло? Ну? Расскажите или мне рассказать?

— Умерла? — вытаращился на него Тург. — Ничего подобного! Она сбежала, сбежала с любовником, и при чем тут вообще Фелет?!

— А я думаю, что вы ее убили. И спрятали тело. А Морриг Вист как-то пронюхал об этом и начал вас шантажировать. Так?

— Что?! Опять этот журналист? Убил? Я?! Да я души в ней не чаял! Да вы... Да что вы себе позволяете?!

— Сядьте! — рявкнул Адриан, и собеседник едва не промахнулся мимо стула. — Убил. И журналиста убил, который раскопал историю и пытался этим шантажировать. А труп небось в воду сбросил, и с грузом, чтобы не нашли, да?

— Да не убивал я никого! И в Фелете не был! И Зеною к Разлому не возил!

Дан допрашивал его еще с полчаса, меняя темп и тон разговора, даже перебрался вместе с фигурантом в кабинет. Но Савин Тург твердил все то же: в Фелете с женой не был, сбежала она в Фонте, и точка. Он врал настолько грубо и настолько искренне верил в эту ложь, настолько отчаянно отрицал легко проверяемый факт написания заявления о пропаже жены, что Блак вскоре заподозрил неладное и, немного подумав, позвал для консультации менталиста из госпиталя.

Тому не очень-то хотелось по такой погоде тащиться в участок, они некоторое время препирались и сошлись в итоге на том, что кто-нибудь из полицейских заберет его на машине и отвезет обратно. Пока гонец мотался туда-сюда, Блак попытался зайти с другой стороны и попросил Турга рассказать, при каких обстоятельствах пропала Зеня по его мнению. Однако ничего внятного тот ответить не сумел, только еще больше разнервничался и отчего-то окончательно расклеился, так что пришлось плюнуть на допрос, а вместо этого успокаивать и отпаивать Турга чаем.

А прибывший менталист буквально с полувзгляда подтвердил смутные подозрения некроманта: на памяти Турга имелся блок, очень похожий на травматический. Снять — можно, заглянуть под него аккуратно — не стоит и надеяться.

— Пойдите, какой блок? Что за травма? — потерянно спросил Савин.

— Некое событие так сильно вас шокировало и расстроило, что разум предпочел вытеснить его и заменить заглушкой, — спокойно пояснил менталист, флегматичный немолодой мужчина с длинными конечностями и скучающим взглядом, похожий на сонного кузнечика. Он так и приехал в медицинском халате, как был, и оттого выглядел посреди шерифского кабинета особенно внушительно.

— Но что?.. — пробормотал мужчина.

— Видимо, что-то связанное с вашей женой, — ответил Блак. — Потому что заявление о ее пропаже существует и подано именно там, а вы отрицаете это обстоятельство.

— Но как я мог туда поехать, потом вернуться и все забыть?!

— Человеческая память и не такое может, — философски пожал плечами менталист. — Ну так что, будем блок ломать или нет?

Адриану, с одной стороны, хотелось сказать да, рывкнуть на Турга и закрыть уже этот вопрос раз и навсегда. Но делать этого он не стал. Потому что, с другой стороны, никакого права на подобное не имел, дело об исчезновении вел не он, а Турга в убийстве журналиста уже не подозревал. Хотя бы потому, что он точно так же отрицал бы любые заявления возможного шантажиста: психический блок — это не шутки.

А еще Дан поймал себя на искреннем сочувствии к бедолаге. Помятый, небритый, растерянный, совершенно оглушенный

странными предположениями... Даже немного стыдно продолжать, вон до чего человека довел!

— А что вы на меня смотрите? Это ваша память, — буркнул он.

— То есть... Может оказаться, что Зая... что Зеною убил... я? — медленно, запинаясь, пробормотал Тург.

— Вряд ли, — после короткой паузы качнул головой менталист. — Разве что непреднамеренно.

— Я... да. Надо узнать правду, — тихо обронил мужчина, разглядывая свои ладони. — Что же выходит — я и дочке врал?..

— Вы и себе ввали, — мягко возразил маг. — Но тогда вам надо подписать согласие на процедуру, потому что восстановить блок обратно я не сумею.

— Прямо здесь и сейчас? — не обрадовался Блак.

— Это быстро, тем более блок и так уже здорово расшатан. Еще час-другой допроса, и он бы сам развалился, — со смесью укора и насмешки отмахнулся врач.

Документ составили быстро, а работа менталиста заняла и того меньше времени. История же предсказуемо оказалась трагической.

Зеня Тург была очень светлой, энергичной, любознательной особой, порывистой и немного взрывной — потому и неожиданному ее побегу от мужа друзья и родные хоть и удивились, но быстро в это поверили. Савин любил ее искренне и нежно и все не мог поверить своему счастью, что такая девушка выбрала именно его. И потому об утрате искренне и глубоко горевал.

Погубило ее собственное любопытство, очень уж Зеню хотелось взглянуть своими глазами на Разлом. Муж, который бывал рядом с ним неоднократно, в итоге согласился: у него не хватило воли отказать любимой женщине просто так, и не нашлось достаточно веских аргументов, чтобы ее переубедить. В конце концов, там ведь действительно нет ничего страшного — ну пропасть, ну туман. Духи — да, те действительно страшны, но вероятность случайно столкнуться с ними в один-единственный короткий визит настолько мала, что попасть под машину в родном городе гораздо проще.

И они поехали. Оставили маленькую дочку на несколько часов родственнице Савии и отправились на прогулку вдвоем, не говоря никому, куда именно.

Она сорвалась. Или прыгнула?.. Пока возвращался от Разлома к городу, Савин раз за разом задавал себе этот вопрос. Ее все тянуло заглянуть внутрь, в туман, и она подошла к самому краю. Он уговаривал, звал, но... мгновение — и даже понять не успел, как это случилось. Вот только что была — и нет. Ушла. Исчезла. Бросила его одного...

Пока он добрался до города, эта мысль прочно укоренилась в сознании. Она не могла погибнуть — сбежала, бросила. Как он теперь без нее?..

Поначалу вполне отчетливый, рассказ под конец перешел во всхлипы и бормотание. Савин Тург сидел на стуле в метре от шерифа, ссутулившийся и словно за несколько секунд постаревший. Рядом с ним стоял, нависая бессловесным духом, менталист.

Блак хмурился. Было ему сейчас тошно и стыдно, потому что вот теперь — в полной мере довел совершенно непричастного человека до истерики. И главное, непонятно, что теперь делать-то? Извиниться или от этого еще хуже будет?

— Шериф, выйдите, пожалуйста, на пару минут, — тихо попросил менталист. — Не волнуйтесь, ваши ценные бумаги мы не тронем, — усмехнулся он уголками губ, прочитав беспокойство полицейского еще до того, как он всерьез успел об этом задуматься.

Адриан раздосадованно вздохнул, но спорить не стал. И говорить о том, что у него вообще-то есть другие дела, что там убийца и все такое, — тоже. Потерпит несколько минут, ничего. Сам растревожил старый гнойник, ничего не попишешь, сиди теперь и жди, пока специально обученные люди устранят последствия. Ну хотя бы попытаются.

Управился целитель быстро. Ну как «управился»... Более-менее привел Турга в чувство и вывел из кабинета с тем, чтобы отвезти к себе в госпиталь. Блак не стал возражать и повез обоих, все равно ведь собирался взять машину. А на месте увязался за менталистом, и когда тот сдал нового пациента с рук на руки медсестре, все же задал волнующий вопрос: что будет с Тургом дальше?

— Вылечится, думаю, — спокойно отозвался маг. Скупо улыбнулся. — Да вы не волнуйтесь так и не корите себя, ничего ужасного вы не натворили, наоборот, сделали ему одолжение.

— Ничего себе одолжение, он же вон на глазах развалился! — проворчал Адриан.

— Как развалился, так и соберется. Считайте это его состояние послеоперационной реабилитацией. — Улыбка менталиста стала шире. — Любая болезнь имеет инкубационный период или просто не имеет внешних проявлений, пока негативные изменения не достигнут таких масштабов, что это всерьез скажется на состоянии. И чем раньше проблему выявить, тем проще с ней справиться и тем больше шансов на успех лечения. Что телесные, что душевные болезни, без разницы. Господину Тургу сейчас, конечно, плохо, но вскройся все позже — было бы еще хуже. Так что он вам еще спасибо сказать должен за грамотную провокацию. Ну и за то, что меня позвали, разумеется, тоже. Езжайте, шериф, нечего вам тут делать. Или к Тургу остались вопросы?

— Да какие вопросы, — поморщился Адриан, распрощался и вернулся к матине.

Пояснения менталиста несколько успокоили его совесть, но настроение все равно было паршивым. Еще бы придумать, в какое безопасное место спрятать Винни, пока он ловит алхимика! Не таскать же за собой... Они, конечно, только что вернулись, за ними никто не следил, так что некоторое время можно не беспокоиться. Но очень небольшое время: не так уж сложно выяснить его личность и понять, куда именно увезли госпожу Шейс. И уже сегодня ночью убийца вполне может повторить попытку.

— Ну наконец-то ты! — Вздуродная Лавиния встретила его в фойе музея, возле маленького сувенирного киоска. Блак явно прервал оживленный разговор госпожи судьбы с местной продавщицей.

— Извини, раньше не получилось.

— Пойдем, покажу кое-что! — Она ухватила его за рукав и потянула куда-то вглубь музея.

— Винни, может, в другой раз? — вздохнул мужчина.

— Не волнуйся, это быстро. Ты в курсе, что концепцию мировых линий разрабатывал твой земляк? И первый расчет выполнил тоже он?

— Честно говоря, впервые слышу, — растерялся некромант. Он уже настроился неубедительно хвалить какой-нибудь старый национальный костюм или что там обычно с восторгом разглядывают

женщины, и такого поворота совершенно не ожидал. — И что это нам дает? — спросил гораздо живее и действительно с интересом.

— Здесь есть карта, на которую он нанес результаты своих расчетов, — сообщила Лавиния. — И там есть очень ценная деталь. Вот, смотри, видишь? — Женщина едва не бегом протащила его через пару залов и подвела к потертой карте, разложенной в витрине под стеклом.

— Куда именно смотреть?

— Вот эта третья линия, смотри. Вот тут теперь Разлом, а дальше... Смотри, где она заканчивается.

— Клари?... — пробормотал он, изумленно разглядывая карту.

— То есть связь все-таки есть! Правда, совершенно непонятно, что из этого следует и что это должно значить, но мне показалось, информация может быть полезной. Как прошло задержание?

— Никак, — скривился Блак. — Он сбежал. Правда, непонятно куда.

И вкратце объяснил ситуацию, даже показал образец почерка. Лавиния нахмурилась, разглядывая округлые буквы, потом заметно побледнела и подняла напряженный взгляд на некроманта.

— Что? — насторожился тот. Вместо ответа госпожа судья опять ухватила его за рукав и потащила дальше через музей в соседний зал. — Винни, что случилось?

— Смотри! — резко выдохнула она, шмякнув лист поверх очередной витрины. — Я только что эти смешные кудрявые цифры разглядывала!

Блак сначала внимательно взгляделся в буквы и признал полную правоту Лавинии: все завитки, наклон, форма букв — все на первый взгляд было идентичным. А потом он сосредоточился, вчитался в печатные буквы на прямоугольной табличке, описывающей экспонат, и цветисто выругался себе под нос.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила женщина. Получилось жалобно, нервно.

— Да. Мне это все категорически не нравится. Поехали к Киру, может, у него какие-то предположения появились?

— Может, это фальсификация? — с надеждой спросила Лавиния. — Может, он пытался подделать материалы того самого ритуала? Представляешь, сколько это все стоило бы!

— Представляю. Но это глупо, и нет смысла в стольких черновиках. Мне начинает казаться, что Миролад Кущин был самым проницательным и как бы не самым разумным человеком в этом лепестке. Во всяком случае, его теория очень хорошо объясняет, почему ничем не примечательный аптекарь вдруг начал писать почерком Этеона Отока.

— То есть ты думаешь, что Донт... — Голос сорвался, Лавиния кашлянула и продолжила тверже: — Ты думаешь, что Донт одержим духом генерала? А такое вообще возможно?..

— Мы очень мало знаем об одержимых, — после короткой паузы медленно, с расстановкой, проговорил Блак. — Что за духи в этом участвуют? Никому еще не удалось провести исследование, эти существа не жаждут общаться. Может, случаев одержимости гораздо больше, чем это задокументировано, просто одержимость разными духами приводит к разным последствиям?

Они несколько секунд помолчали.

— А куда мы едем? — заозиралась женщина.

— Не знаю, — отозвался Адриан. — То есть едем мы к аптекарю, надо рассказать Киру о твоих находках. Не знаю я, куда понадежнее спрятать тебя, поэтому тащу с собой. — Он кривовато ухмыльнулся.

— Я лучше с тобой потаскаюсь, чем сидеть дома в полном неведении и в одиночестве строить зловещие предположения. Потому что мне представляются только всякие ужасы вроде нашествия духов или продолжения Разлома вдоль мировой линии через весь лепесток до самого Клари.

— Вряд ли Оток соберется такое устроить, — возразил некромант. — Если он столько лет успешно скрывался и ничем себя не выдал, то уж в нынешних реалиях разобрался. Знает, сколько вреда приносит Разлом, и знает, что с зелеными мы сейчас не воюем. А он хоть и был своеобразной личностью, но не фанатиком. О нем даже злейшие враги так не отзывались.

— Ну да. Но в первый раз он тоже вряд ли хотел организовать Разлом.

— Тоже верно, — рассеянно согласился Блак.

Да он и с первым утверждением спорил больше для поддержания разговора и для того, чтобы немного успокоить Лавинию. Потому что поручиться, что одержимый руководствуется именно такой логикой, он

не мог, и сказать, как смерть повлияла на легендарного генерала, — тоже.

Если они, конечно, сделали правильные выводы и все действительно настолько серьезно.

Остаток пути до аптеки прошел в молчании. Внутри торгового зала было тихо и пусто, группа уже уехала, и только одинокий дежурный полицейский вскинулся на звук колокольчика с ворчливым: «Закрывается, не видно, что ли!» Осекся, опознав начальство, слегка смутился, но шериф только махнул рукой и прошел в дальний конец зала, где из открытого потайного хода пробивались лучи света. Госпожа Шейс стучала каблуками следом, не отставая.

— Что-нибудь выяснилось? — с порога обратился Блак к заместителю и подвинулся, позволяя спутнице пройти в комнату. Места было мало, протискиваться пришлось вплотную, и Адриан в последний момент едва подавил порыв поймать женщину и продлить прикосновение: слишком однозначно действовала на него ее близость.

— Ты от меня невозможного хочешь, два часа прошло, — укоризненно глянул на шерифа Кириан. Собранный, спокойный, он покрывал чистые листы уже своим аккуратным убористым почерком и очень органично смотрелся за столом среди разложенных в стопки бумаг.

— Кир, некогда, — поморщился Адриан. — Винни опознала почерк, мы сравнили с образцами. Это Этеон Оток или по меньшей мере очень качественная подделка. И если признать за правду существование мировых энергетических линий, та из них, что тянется вдоль Разлома, заканчивается здесь, в Клари. Интересная картинка, а?

— Ну вот тебе еще пара штрихов, — задумчиво проговорил Клет, смерив друга острым, колючим взглядом. — Я пока не знаю, чего хочет добиться тот, кто все это придумал, но на мелочи он точно не разменивается.

— Сколько? — уронил Блак, помрачнев еще больше.

— Много, — так же лаконично отозвался помощник, без труда поняв вопрос. — Я никогда не работал с каналами такой ширины, нам даже теоретически ничего подобного не давали.

— Уверен?

— Базовый узел на смерть, — развел руками Кириан. — Да, и конечных выкладок тут нет, он явно забрал их с собой. Не хочу

показаться паникером, но... если у тебя есть какие-то мысли относительно места проведения ритуала, я их с радостью выслушаю. По-моему, он не сбежал, а просто закончил свою работу и отправился воплощать задумку в жизнь.

— Это объясняет небрежность в заметании следов убийства. Он не собирался прятаться, он планировал успеть с ритуалом.

— С каким ритуалом? — все-таки не утерпела Лавиния. — Много чего? И что за «базовый узел на смерть»?

— Много жертв, — пояснил Адриан. — Ритуалы могут быть завязаны на разные стихии и разные аспекты стихий, они не только в некромантии есть, но в некромантии их основой служит жизненная сила. Иногда самого мага, чаще — жертв, обычно животных. И людей, если дело серьезное. Сколько, Кир?

— Клари станет одной огромной могилой, — после короткой паузы ответил тот. — В худшем случае.

— Акулья Глотка? Удобно фокусироваться.

— Вода будет мешать, — качнул головой Кириан. — Скорее одна из окрестных гор. Какие у нас самые приметные?

— Старое Седло? Говорят, место сильное и злое, — предположил Адриан.

— То же самое и про Конус говорят, и про Синюю долину, — поморщился Кир.

— Голова Чайки? — неуверенно себе под нос предположила Лавиния.

— Почему? — переглянувшись, уставились на нее мужчины.

— Ну... Она мне запомнилась, поэтому я заметила ее на карте. Если правильно поняла, то мировая линия проходит через нее. Там вообще очень много названий мест, через которые проходит эта линия. Мне подумалось, может, именно из-за этого там зеркальная линия ловит, а больше нигде?..

Мужчины снова переглянулись. Адриан вместо ответа мягко обхватил ладонями лицо женщины и коротко поцеловал ее в губы.

— Умница! Мне нравится эта версия. Я пойду туда, попробую его перехватить. Кир, надо попытаться эвакуировать людей...

— А мне что делать? — возмутилась Лавиния.

— Быть умницей и дальше и подавать пример гражданскому населению, — усмехнулся Блак.

— Я серьезно.

— И я серьезно.

— Дан, ты погоду видел?

— Да какая...

— Какая эвакуация, о чем ты?!

— Она права, — неожиданно поддержал Кириан. — Бессмысленно даже пытаться. Пешком далеко не уйдешь, все равно зацепит. Колесного транспорта в Клари слишком мало, да и дорога в шторм непроходима, машины просто смоем. А корабли в такую погоду из бухты не выведешь, даже если очень постараться.

— Шторм? — нахмурился Адриан.

— Предупреждение утром было. Сейчас должна быть разминка, а через пару часов как раз начнется самое веселье. Пойдем. Вдвоем всяко надежней.

Еще один обмен взглядами, несколько мгновений вязкого молчания — и Блэк кивнул.

— Ты прав, пойдем.

— Дан, а?.. — жалобно позвала его и поймала за рукав Лавиния, не зная, что возразить. Она понимала, что от нее никакой пользы не будет, понимала, зачем и почему мужчины так спешат, но...

Было страшно. Просто — страшно. За них, за себя, за город. Слишком внезапно все перевернулось: еще час назад речь шла об одном убийстве, а теперь вдруг — об огромной катастрофе, которая вот-вот разразится. И жизнь ее тоже перевернулась: Лавиния и привыкнуть-то толком к Адриану не успела, разобраться в мыслях, в себе, а он... Он что, собирается?.. Как Дионас Бург, про которого рассказывал?..

— Не волнуйся, я не думаю, что здесь есть кого бояться. Скорее всего, дорогу из Фонта перекрыли, если еще утром прошла информация о шторме, мы удачно проскочили, — ободряюще улыбнулся Блэк.

— Но... — предприняла она еще одну попытку. Да плевать ей на этого убийцу, не до него сейчас!

— Не бойся. — Некромант снова поймал ее лицо в ладони, опять легко поцеловал. — Мы успеем.

— Вернись. Пожалуйста, — тихо-тихо попросила она, цепляясь за форму у него на груди и не вполне отдавая себе отчет, как именно

выглядит ее просьба и поведение со стороны.

— А ты держи меня. Говорят, помогает. — Адриан подмигнул, еще раз поцеловал женщину, коротко и нежно, и отстранился, освобождая проход. — Пристрой кошек, если что.

Лавиния шагнула следом, растерянная и подавленная, не зная, куда деть руки, и нервно сжимая пальцы. Последним вышел Клет, все это время тактично делавший вид, что прибирается на столе и вообще погружен в чтение. У него на душе было тревожно и гадко, и совсем не тянуло подтрунивать, вспоминая глупое пари. Очень хотелось оставить друга внизу, в Клари, потому что возвращаться должны те, кого ждут, а не убежденные одиночки. Но об этом он не заикался тем более — знал, Блак не оценит. Да он бы и сам на его месте не оценил.

Оставалось надеяться, что удастся обойтись малой кровью. Вдруг они ошиблись, напрасно подняли панику и никакого одержимого нет?..

На улице хлестал дождь, ветер норовил опрокинуть мужчин, сбить с ног. Над морем сверкало и клокотало, грязно-серая, отливающая вороненой сталью пена облаков накатывала на берег, а под ней вздымались маслянистые гряды высоких волн. Не требовалось подходить ближе к воде, чтобы это видеть: расстояние с легкостью покрывала фантазия. Дан и Кир, как и все дети, много раз бегали в шторм к воде, когда выпадала удача ускользнуть из дома. Буйство стихии завораживало, а беспокойство взрослых казалось глупым. Можно было поручиться, что и сейчас вон там, слева от набережной, на камнях сидят мокрые взъерошенные мальчишки, а над их головами с тревожными криками носятся чайки.

— Веди, ты лучше дорогу знаешь! — Кириану приходилось почти кричать, чтобы перекрыть свист ветра.

Блак кивнул и припустил трусцой, не обращая внимания на удары стихии. Всей прочей защите на одежде оба некроманта еще со времен службы предпочитали защиту от воды, а ветер и холод неплохо переносили сами по себе — как большинство уроженцев Клари и других приморских городов.

Им предстоял сложный путь, и оставалось молиться Творцу хотя бы об одном: чтобы с местом ритуала они угадали. Ну или просто ошиблись, вместе с Кущиным увлекшись теорией заговора. Но в последнее, увы, не верилось: слишком аккуратно сходилось все одно к одному и слишком правдоподобной была эта безумная версия.

Глава двадцать первая, в которой приходит шторм

— Да не мельтешите вы так! — не выдержал вскоре полицейский, скучавший на стуле у стены. Он, кажется, пытался дремать, но мешало мое метание от стены к стене и нервное приплясывание возле двери.

— Извините, — пробормотала невнятно, но опять прильнула к окну, силясь разглядеть за ним что-то, кроме мутной серой пелены. Порой ее разрывали отсветы пока еще далеких молний, но гром глушили толстые стены.

Прошло всего несколько минут, но я уже совершенно извелась от беспокойства. Если наша теория верна, то некромантам предстоит столкнуться с самым чудовищным созданием, какое вообще порождает Разлом. Можно ли выжить после такой встречи? В человеческих ли силах побороть столь необъяснимое, чуждое существо, пусть даже сто лет назад оно действительно было человеком?

Творец! Пусть все это окажется неправдой. Пусть Зенор Донт окажется простым убийцей и талантливым алхимиком, пусть поход этот завершится ничем. Ну не может же быть такого, чтобы один безумец оказался проницательней всех вокруг! Ладно, пусть когда-то он был гениален, но...

Мою маету и скачущие мысли оборвала внезапно распахнувшаяся дверь. Колокольчик звякнул как-то придушенно, неуверенно, а я от неожиданности отпрянула, запуталась в собственных ногах и едва не грохнулась, когда на пороге возникла темная фигура в плаще с капюшоном. Новый сполох на фоне черно-серого сумрака на долю мгновения разлетелся брызгами, окутав эту тень зловещим ореолом.

Наваждение потусторонней жути пропало, когда посетитель шагнул внутрь, обеими руками аккуратно снимая капюшон. Посетительница. Знакомая, как это ни странно.

— Аптека закрыта! — тут же всполошился полицейский. — Госпожа Дхур... — растерянно продолжил он, опознав пришельцу.

— Я знаю, — холодно, властно оборвала его женщина. Таким тоном, что бедолага потерял дар речи.

А я именно в эту минуту окончательно поверила словам Блака о биографии этой особы. Вот сейчас передо мной стояла та, что привыкла приказывать и с полным на то правом и основанием носила прозвище Железная. Я и сама еле удержала себя на месте, а не отступила еще на пару шагов, уже из опасения перед конкретным человеком, а не от неожиданности.

— Ушли уже? — мрачно спросила она, окинув полутемный зал цепким взглядом. — Чуть-чуть я не успела... — вздохнула сокрушенно, качнув головой. — А ты почему еще здесь? — требовательно уставилась на меня.

— А где должна быть? — растерялась я.

— Рядом с ним, конечно! Если тебе не все равно, — чуть сощурилась она и склонила голову к плечу, разглядывая меня с подозрением и интересом.

— О чем вы вообще? — Я наконец собралась, взяла себя в руки и ответила старой некромантке прямым пристальным взглядом.

— Адриан отправился к Голове Чайки, да? Полагаю, вместе с Киром. Хотят остановить ритуал. И если ты хочешь, чтобы Блак вернулся, мне непонятно, что ты тут делаешь. Чтобы удержать, надо быть ближе, а не на другом конце города. Душа к душе, знаешь?

— Хочу, конечно, и я бы... — согласилась озадаченно, но снова одернула себя. — А с чего вы взяли, будто у меня получится как-то повлиять на происходящее? И откуда знаете про ритуал?

— Чувствую, — отмахнулась женщина. — Силы во мне, может, и мало осталось, но на чутье пока не жалуюсь. А почему именно там — так самое сильное место в округе, где еще!

— И почему я должна вам верить? — еще больше насторожилась я, быстро нашла взглядом полицейского. Он стоял немного в стороне, с интересом и без малейшего смущения прислушивался к разговору, и такая поддержка придала мне дополнительной уверенности. — Вы подозреваемая, госпожа Дхур, и подозрений с вас никто не снимал. Откуда вы знаете про ритуал? Почему явились именно сюда? Только не надо говорить, что спросили у прохожих, там ни одной собаки нет из-за погоды!

Старая некромантка слушала меня со странным выражением лица. Не сердилась — кажется, это была смесь досады и... одобрения?

— Пойдем без лишних ушей поговорим, — сказала она, выдержав паузу, и кивнула на дверь в потайную комнату. То обстоятельство, что позвала некромантка меня не вглубь дома, а именно туда, насторожило еще больше, но повода возразить не нашлось. Не на улицу же!

А подозревать, что она попытается как-то на меня повлиять... Полицейский — нейтрал, и вряд ли у них тут есть какие-то серьезные защитные артефакты. С одинаковым успехом, если бы хотела и могла, она вырубил бы обоих.

В клетушку без окон, где с ухода Кириана продолжал гореть свет, Касадра Дхур зашла спокойно и уверенно, не выказывая удивления и любопытства. Поверхностным взглядом прошла по разложенным в стопки листам, недовольно поджала губы и опустилась на единственный стул. Я остановилась в проходе.

— Может, зайдешь и прикроешь за собой дверь? — Женщина выразительно приподняла брови.

— Говорите так. Зачем вы пришли? — Поскольку она перестала изображать благообразную чудаковатую старушку, я тоже позволила себе строгий деловой тон.

— Я хочу помочь.

— Почему?

— Потому что после смерти Амальты я чувствую себя обязанной позаботиться о мальчике. Он хороший, но...

— Госпожа Дхур, может быть, вы опустите лирическую часть? — не выдержала я. — Я вижу, вы здесь уже бывали, расчеты вас тоже не очень-то привлекли. Может, начистоту?

Она смерила меня задумчивым взглядом, улыбнулась уголками губ.

— Все же он повзрослел... К делу, значит. Я знаю, что Зенор — одержимый. Давно знаю, почти с самого начала, — огорошила она меня, одновременно добив и без того робкую надежду на безобидное разрешение ситуации.

Отговариваться спешкой некромантка тоже не стала, вкратце рассказала эту историю. Аптекарь тогда уехал вглубь лепестка по какой-то неубедительной надобности вроде посещения дальней родственницы, но местные сплетницы вполне удовлетворились и такой формальной отговоркой. Свой диагноз он не афишировал, хотя

наблюдательная Касадра и отметила нездоровый вид. Но тогда не придавала значения.

Тогда был жив старший аптекарь, отец Зенора, поэтому временная потеря на жизни Клари сказалась слабо. Некромантке нравился желчный язвительный алхимик, это было взаимно, и двое стариков раз в декаду с удовольствием пропускали стаканчик в компании друг друга. В один из таких вечеров аптекарь и пожаловался приятельнице под большим секретом, что единственный сын болен и, скорее всего, не доживет до конца года. Поехал, мол, к какому-то чудо-лекарю из Зеленого лепестка, который аж у Разлома живет, но вряд ли это поможет.

Но Донт-младший вернулся здоровым. Говорил про ошибочный диагноз и собственное везение, что доктор тот оказался действительно толковым, не зря ездил. Старый алхимик вздохнул с облегчением, у него не было никаких причин не верить родному сыну, да и прочее окружение ничего такого не заметило.

Касадра уже точно не помнила, что именно натолкнуло ее на подозрения. Кажется, энергетический фон. Заметив, что Зенор приболел, она на всякий случай на него глянула, и потом, после выздоровления, тоже. Она до сих пор не понимала, что именно ее тогда насторожило — наверное, совокупность мелочей, — но присмотрелась к мужчине пристальней.

Например, перед отъездом Донт-младший всерьез подумывал о том, чтобы жениться, даже как будто нашел женщину, с которой хотел сблизиться, но болезнь испортила план. А после нее на вопросы и на шуточки о свадьбе он начал реагировать очень нервно и непонятно.

А еще он странно двигался. То нормально, а то вдруг так, словно руки его не слушаются. В следующий раз делает что-то привычное, потом замирает, разглядывает так, словно впервые видит. Касадра списывала это на последствия болезни, но получалось плохо. Потом такие промашки кончились, но началась другая странность: он начал двигаться по-разному. И взгляд в такие моменты был разный, словно в одном теле живут два человека. Только никаких признаков душевной болезни и раздвоения личности у него знакомый менталист не нашел, когда Касадра попросила украдкой проверить.

Пару раз она подловила Зенора в разговорах. На незнании каких-то вещей или, наоборот, на уверенных ответах на вопросы, которые

должны были ставить в тупик. Младший алхимик начал ее избегать.

До мысли об одержимости и вселившемся духе дошла не сразу, но как-то быстро. А потом немного наглого блефа — и Донт сам все рассказал.

В нем действительно сидел дух Этеона Отока. Благодаря инкопотензии и нейтральной сути бесконтрольное поглощение энергии извне замкнулось на собственные силы, образовался такой естественный круговорот, который еще и энергетическую структуру изменял, так что опознать в Донте одержимого было невозможно.

Первое время две сущности в одном теле еще пытались бороться, но быстро поняли, что другого шанса не будет у обоих, и договорились. Зенор, уже смилившийся с приговором, радовался каждому дню, Этеон, давно мертвый, считал роль наблюдателя гораздо лучше призрачного полунебытия, в котором генерал застрял в то злополучное утро ритуала. А там, глядишь, с естественной смертью Донта и его «пассажир» отправится на перерождение.

Касадра пожалела обоих, и никакого повода заподозрить во лжи те не давали. И женщина согласилась молчать. Вот только одно дело — покрывать безобидную разумную душу или смолчать о смерти противного человечешки, шантажиста, которого ей ни на волос не было жаль, а совсем иное — то, что они собирались сделать сейчас.

— И чего они добиваются? — хмуро спросила я.

— Я не могу сказать точно, со мной не советовались, — уклончиво ответила Дхур.

— А что вы подозреваете?

— Оток считает то, что случилось, своей собственной ошибкой и как-то обмолвился, что хотел бы ее исправить. А как — я не знаю. Не то отколоть наш лепесток от соседнего совсем, не то Разлом убрать... Он никогда не говорил, чем именно расстроен: появлением Разлома, тем, что застрял в нем, или тем, что не сумел выиграть войну.

— Ладно, и что со всем этим могу сделать я? — перешла к самому насущному.

— Адриан полезет геройствовать. Я не знаю, насколько Донт отличается от остальных одержимых и насколько он опасен, — может быть, получится справиться малой кровью. Но если нет, Дана это не остановит. Я боялась, вообще один сунется, но нет, Кира с собой

позвал. Тот, если что, поймать поймает, но не вытянет один. Якорь нужен, кто-то близкий.

— Вы серьезно думаете, что ради подозрительной тетки, которую он знает несколько дней, Дан вернется с того света? — спросила я мрачно.

— Уж какая есть, других не появится, — возразила некромантка сухо и поднялась со стула. — Мать его умерла, а у кошек мозгов маловато, эти позвать не смогут. Ну так что? Решай! Отсюда точно не дотянешься.

Несколько секунд я стояла неподвижно, рассматривая ее. Собранная, хмурая, с тяжелым цепким взглядом — куда девалась чудаковатая старушка!

Вот только довериться той старушке было бы легче. А сейчас я чувала — или намеренно искала — подвох. Касадра явно недоговаривала, и недоговаривала многое. Она знала куда больше, чем рассказала, она просто не могла не воспользоваться возможностью и не познакомиться ближе со столь неординарной личностью. Мне, которая никогда особо не интересовалась историей, и то было любопытно! И тот, кто вернулся из забвения, наверняка тосковал по нормальному общению и вряд ли мог отказаться от общества близкой по духу женщины.

Но тратить время на выяснение этих подробностей сейчас было глупо. Меня занимал один вечный вопрос: что делать?

Не поверить. Остаться здесь, ждать, надеяться на чудо и не иметь возможности ни на что повлиять. И если Адриан действительно умрет — до конца жизни терзаться вопросом, могла ли я помочь или нет?

Поверить. Наверное, тоже ничем не помочь и тоже терзаться, но с одним небольшим утешением: я хотя бы попыталась.

А если окажется, что Касадра Дхур заодно с одержимым и я понадобилась в качестве дополнительной жертвы или заложницы... Что ж, тут оставалось положиться только на Блака. Шантаж вряд ли его остановит, а со всем остальным некромант справится. В худшем случае я просто умру, а это, по-моему, всяко лучше мук совести.

Молча развернувшись на месте, я прошла в дальний угол зала, где на крючке висела куртка. Проку от нее будет немного, но не в одной же блузке идти!

— Как мы туда доберемся? — обернулась к ступавшей следом некромантке, тщательно застегивая пуговицы. Пальцы подрагивали. — Адриан говорил, что дорога сложная, а там еще и темно. Не говоря уже о погоде.

— Если надо — дойдем. Вот юноша нас до конца Приморской довезет, быстрее получится, — решила она и выразительно уставилась на полицейского.

— Я? — не сразу сообразил тот. — Госпожа Дхур, у меня распоряжение от шерифа, я должен...

— Ваш начальник, скорее всего, не переживет сегодняшнюю ночь. Особенно если вы продолжите пререкаться в том же тоне.

Молодой полицейский совершенно опешил, замер на несколько секунд, и глаза его заметно округлились от удивления.

— Госпожа Дхур, — наконец опомнился он. — Вы хорошо себя чувствуете?..

— Отвезите нас, пожалуйста, — поддержала я старую некромантку, которая на слова полицейского ответила странной обреченно насмешливой гримасой. — Все равно сюда никто не сунется, а вы потом вернетесь, Блак и не узнает ничего.

— Отвезите, юноша, — немного изменившимся тоном сварливо проговорила Касадра. — Не отправишь же ты двух женщин пешком?

Смена тактики с ее стороны оказалась удачным решением, полицейский вздохнул и все-таки поднялся, тихо бурча себе под нос что-то о возможном недовольстве капитана.

В открытую дверь ворвался такой порыв ветра, что ручку лишь чудом не вырвало из моей ладони. Юбка плеснула по ногам, и я с тоской вспомнила некупленные штаны. Какая разница, как они выглядят, главное, было бы так удобно...

Но сокрушалась о собственной непредусмотрительности уже на ходу, поднимая выше воротник куртки и локтем защищаясь от ветра. Творец! Ведь это мы посреди города, а каково будет на скалах?!

Ругая погоду и свою доброту, полицейский, чье имя я так до сих пор и не узнала, трусцой преодолел расстояние до припаркованной рядом машины, которую Блак, на наше счастье, не забрал. Вежливо открывать и придерживать дверь не стал — нырнул на переднее сиденье, предоставив нам рассаживаться самим. Мы предпочли сесть сзади.

— Почему Блак — капитан? — спросила я нашего водителя, когда тот угнездился наконец за рулем, подвинув себе кресло и вообще настроившись. Вопрос этот мучил меня давно, но все время забывался за более важными делами. — Он же шериф.

— Ну, повелось так, — почему-то смутился полицейский, а ответила вместо него Касадра:

— Шериф он уже после, а службу у Разлома закончил капитаном. Там слишком мало служат, офицеров старше почти не бывает, да и части маленькие.

Разговор на этом, не успев начаться, сошел на нет. Машина кралась по улицам медленно, ненамного быстрее пешехода, а водитель наш выглядел напряженным: вцепился в руль обеими руками и нервно подался вперед. Кажется, дело было не только в дожде, заливавшем лобовое стекло так, что артефакты не справлялись, полицейский вообще чувствовал себя в этом качестве неуверенно — с трудом находил нужные кнопки и рычаги, двигался порой рывками.

Касадра крепко держалась за дверную ручку и сиденье и молчала, не делая замечаний, я следовала ее примеру. Все же в такую погоду лучше плохо ехать, чем хорошо идти. А плохо идти нам еще предстоит...

Высадили нас на окраине города, там, где улица упиралась в поросший густым кустарником склон. Я в последний раз глубоко вздохнула и без напоминаний и окриков со стороны заставила себя выбраться в ненастье.

Если за время пути от аптеки к машине на мне еще оставалась какая-то сухая одежда, то теперь об этом стоило забыть. Только куртка благодаря магии пришитого к ней пузыря стойко держала удары стихии, да ботинки пока еще сопротивлялись, и я возблагодарила Творца за то, что опять предпочла их туфлям. Юбка неприятно облепила мгновенно замерзшие колени, по волосам текло, и я постаралась поправить воротник так, чтобы хотя бы не заливало за шиворот.

— Идем! — резко скомандовала Касадра и свернула на нахоженную тропу, ныряющую между кустов.

Я молча шагнула следом.

Казалось, небо, мир и даже сам Творец очень злятся на нас за что-то. Дождь лил стеной, так что ни моря, ни окрестных гор не было

видно. Под ногами хлюпало и текло, и очень быстро я перестала обращать внимание, наступаю я в воду или нет. Ветер выл и рвал не только листву с деревьев, но даже черепицу с крыш. Когда мы выбирались на очередной открытый участок, приходилось пригибаться низко-низко, едва ли не цепляться за камни, чтобы не быть опрокинутой и не покатиться под откос, а то и вовсе в пропасть. Молнии рассекали небо одна за одной, так что преждевременно опустившиеся на землю сумерки не очень-то мешали идти. Первое время я вздрагивала от вспышек и взрывов грома над головой, даже инстинктивно приседала, но вскоре перестала их замечать.

Одно немного радовало: холодно мне не было. Вернее, было, но как-то странно: порой пробирала крупная зябкая дрожь, но по спине и шее тек горячий пот. Противно, но это явно меньшая из проблем.

Сначала я просто молча шла, пытаюсь осознать, куда меня несет и как я до этого докатилась. Дождь, ветер, скользкие под ногами камни, хлещущие по лицу и цепляющиеся за одежду ветки — все это напоминало безумный сон под утро после прочтения какого-то особо красочного и увлекательного романа и просто не могло происходить со мной в действительности, да еще по доброй воле.

Спустя некоторое время я очень устала и принялась ругать себя (конечно, мысленно, потому что воздуха и так не хватало) за пренебрежение спортом, клятвенно обещала больше гулять и дома на свой седьмой этаж ходить исключительно пешком по лестнице. Если когда-нибудь все же вернусь в благословенную Шорру, а не сгину в этой глуши.

Особенно угнетало даже не собственное плачевное состояние, а то, как резво шагала впереди столетняя старуха. Она в три, если не в четыре раза старше меня, а чувство такое, что все наоборот. Но зато я теперь отлично понимаю, за что ее называли Железной. Представляю, что было в молодости!

После этого я просто шла, сосредоточившись на том, чтобы переставлять ноги. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание вырывалось из груди со свистом, и за ним я уже почти не слышала грома. В какой-то момент поняла, что просто больше не могу, и ладно бы идти, так нет — дышать!

Остановилась, оперлась ладонями о дрожащие от усталости колени, жадно глотая воздух. На льющуюся с неба воду в этот момент

мне было уже плевать.

— Эй! — Окликнуть спутницу по имени я даже не пыталась, просто не смогла бы.

Думала, Касадра и этого сдавленного хрипа не услышит, но нет, обернулась. Пару секунд постояла, вернулась на несколько шагов назад, остановилась передо мной в паре метров. Станный серый сумрак, лежавший на земле, позволял идти и не запинаться о камни, но различить выражение лица женщины не дал.

А сколько вообще сейчас времени? Какое время суток? Наверное, еще не ночь, но все равно скоро стемнеет окончательно, и что делать тогда?

— Что случилось? — недовольно спросила некромантка.

— Передохнуть... надо, — выдавила сипло, чувствуя, что дыхание... Не выравнивается, до этого было далеко, но, по крайней мере, перед глазами уже не плавает предобморочная чернота.

— Нам некогда отдыхать, — проворчала она.

— Долго еще?

— Метров сто, — с сомнением проговорила Дхур, и не успела я обрадоваться и взбодриться, как она добавила: — Вверх.

— А прошли сколько? — спросила, подозревая подвох.

— Метров пятьдесят. Самых простых, — вздохнула некромантка. — Адриан мог бы найти себе и более... выносливую женщину.

— А ваш двуличный друг мог бы проводить свои ритуалы поближе к земле, — огрызнулась я.

— Мог. Один-один, — усмехнулась Касадра.

Я даже воспрянула духом и немного ожила от маленькой неожиданной радости: в кои-то веки быстро нашла достаточно остроумный ответ сразу, а не через полчаса после разговора!

— Отдыхалась? Наконец-то! С такой скоростью можно было вообще никуда не идти.

Эту издевку я просто проигнорировала и молча зашагала вперед, сокращая расстояние, так что некромантке тоже пришлось сдвинуться с места. А что обсуждать? Как могу, так и иду. О том, что мне предстоит совершать подвиги по скоростному восхождению на горы, следовало предупреждать года за два, тогда еще был шанс как следует

подготовиться, а так... Ну не могу я идти быстрее! Я и так-то уже не могу...

Вскоре оказалось, что к дороге госпожа Дхур подготовилась не только физически, но еще и технически: после первого короткого привала она достала из сумки маленький рой огоньков, и те рассыпались под ногами текучей светящейся дорожкой. Артефактов для освещения придумана уйма, и это один из не самых популярных. Дорого, нужно нести с собой управляющий кристалл, да и света от них немного, так что в первый момент я отнеслась к огонькам с изрядным скепсисом. Но вскоре выяснилось, что для передвижения по горам они подходили отлично: высвечивали каждый камень и трещину, при этом совсем не слепили.

Такая подготовленность смутила и озадачила, но сил анализировать и сомневаться не осталось. Да вообще эта дорога выматывала так, что я вскоре с тоской вспоминала первые часы после ментального сканирования, которые до сих пор считала худшими в своей жизни. Недолго они лидировали...

Монотонное отупляющее движение по наклонной плоскости вверх вытягивало не только силы, но даже мысли, оставляя бездумный подсчет шагов, в котором я постоянно сбивалась. Пожалуй, Касадра меня в этом состоянии могла завести куда угодно, вряд ли я бы сумела воспротивиться.

Когда в какой-то момент однообразный склон кончился и пришлось карабкаться между камнями, я даже немного этому обрадовалась: все же какое-то разнообразие. В первый момент, правда, испугалась, потому что стена показалась совершенно отвесной, как можно туда взобраться? Но нет, при ближайшем рассмотрении среди камней отыскался пусть и крутой, но явно хоженный подъем. Касадра двигалась уверенно, ей даже карабкаться не приходилось, а меня скользящие под ногами камни откровенно пугали, и цеплялась я за них всеми конечностями. Оскальзывалась, но руки устали не так сильно, как ноги, и пока еще не дрожали.

Следом за подъемом опять потянулась козья тропа, лежащая вдоль скал над обрывом, и вот тут было самое время порадоваться темноте и выбранному некроманткой способу освещения: я просто не видела глубины обрыва. В свете рассекающих небо молний угадывалась

черная бездна, но отличить ее от затененных ровных участков, виденных ранее, я не могла и поэтому не так сильно боялась.

Я постоянно останавливаюсь отдышаться и хоть немного отдохнуть, ловила губами дождевые капли — пить хотелось страшно. Железная Каси понукала и поторапливала, то уговаривая, то ругая; в редкие просветы здравомыслия я понимала, что она пыталась подобрать оптимальный способ воздействия. Вот только проку от подобного было немного: все сказанное ею я пропускала мимо ушей — от ободрений до откровенных оскорблений.

Еще до начала этого безумного восхождения я потеряла счет времени, а теперь казалось, что оно вовсе остановилось. Шторм бушевал над головой, камни блестели в отсветах молний и отражали мокрыми гранями искорки светлячков. Ветер хлестал по спине, мокрые волосы облепили лицо щупальцами, но холода я по-прежнему не чувствовала, причем не могла понять, то ли мне правда тепло, то ли оцепенение бесконечной дороги сказалось и на этих ощущениях.

Когда вдруг остановилась не я с целью перевести дух, а Касадра замерла у огромного валуна, я едва не налетела на нее по инерции. Но, к счастью, отставала прилично, и заторможенное сознание все же успело отреагировать.

— Тихо! — прошипела, обернувшись ко мне, старая некромантка и двинулась вперед осторожно, крадучись.

Я несколько мгновений наблюдала за ней и пыталась понять, кого вообще вижу. Она правда ровесница Последней войны или к Железной Каси внезапно вернулась молодость?

Потом запоздало сообразила, что важно не это, а причина остановки, и сама себе не поверила: неужели пришли?!

От неожиданности и облегчения, что этот кошмар наконец закончился, я очнулась. Во всяком случае, хватило здравого смысла промолчать и двинуться за Касадрой по возможности тихо, пусть я и не понимала смысла такой осторожности: ветер здесь, на вершине, свистел так, что голоса вряд ли кто-то услышал бы.

Из-за громадного валуна мы выбрались на ровную поверхность. Шторм ударил в лицо с такой яростью, что я пошатнулась и испуганно припала к камню, отчаянно обняв его обеими руками. Последний участок подъема был очень крутым, и если оступиться, то по нему предстояло не катиться — лететь.

Мелькнула мысль о том, что камень не только холодный, но еще мокрый и грязный, и прижиматься к нему не лучшая идея. Мелькнула и пропала, потому что за твердость, надежность и несколько удобных выступов я готова была простить ему эти мелкие недостатки.

Через несколько шагов Касадра остановилась, а я к этому моменту наконец обрела равновесие и потихоньку двинулась вперед, на всякий случай придерживаясь за камень и тщательно прощупывая ботинком почву: светлячки совсем померкли и скорее угадывались внизу, чем действительно виднелись.

Я приблизилась, чтобы заглянуть женщине через плечо и посмотреть, что происходит на открытой всем ветрам вершине скалы. Ведь мы как раз до нее и добрались, да?

Видимо опасаясь, что я сунусь, куда не стоило, некромантка обернулась и схватила меня за запястье, без труда отыскав его в темноте. Твердые костистые пальцы сомкнулись, подобно кольцу наручников. Они были холодными и мокрыми, и от прикосновения этого сделалось жутко. Разом подняли голову все подозрения и опасения насчет искренности Касадры, но я постаралась себя успокоить. Если бы она была заодно с убийцей, наверное, ей бы не было смысла красться?

Впрочем, оказалось, это еще не все, и не так уж открыта эта вершина. Некоторое время некромантка тянула меня вперед, петляя между камней и колючих кустов. В какой-то момент в вое ветра слышались отголоски разговора, а через несколько шагов поняла — не слышались. Я даже узнала голос Блака — низкий, мощный, он отчетливо выделялся из общего шума. Вот только слов разобрать не удавалось.

Еще несколько шагов, и я замерла, боясь даже дышать глубоко: мы вдруг очутились слишком близко к месту действия, озаренному жутковатым бледно-зеленым светом, который испускали линии сложного рисунка, нанесенного прямо на камни. Неровности рельефа и погода явно были им не страшны.

Автор всего этого сидел к нам спиной на корточках, буквально в полутора метрах, и продолжал рисовать. Некроманты нашлись поодаль, шериф — чуть справа и ближе, его помощник — почти напротив нас и на несколько шагов дальше. Адриана я видела хорошо,

он пристально следил за художествами аптекаря, а вот фигура Клета за стеной ливня и темноты серела смутным силуэтом.

— Все-таки не успели, — тихо, с досадой выдохнула некромантка почти над ухом.

Спрашивать, кто и что не успел, я не рискнула: слишком близко был одержимый.

Вообще непонятно, как нас до сих пор не заметили. Мы буквально уперлись в тонкую, едва заметную пленку, похожую на стенку мыльного пузыря, окружавшую Зенора Донта и его рисунок. Она слабо мерцала, искажая картинку, и только этим выдавала себя. Наверное, именно эта преграда и не позволяла Блаку подойти ближе.

— ...Ничего страшного? — Здесь шерифа уже было прекрасно слышно. — Смерть нескольких тысяч человек — ничего страшного?

— Это всего лишь смерть, — отозвался алхимик невозмутимо: похоже, разговор его совсем не отвлекал. — Телесная оболочка ничего не значит.

— Ты один раз уже провел ритуал с непредсказуемыми последствиями, хочешь теперь продлить Разлом досюда? Сбросить в него несколько крупных городов? — Говорил Блак веско, размеренно, как будто совершенно не волновался. И медленно, текуче двигался вперед. По сантиметру, терпеливо. А Донт то ли игнорировал, то ли действительно не замечал.

— Тогда была война, и не было времени все рассчитать. И зеленых я учесть не мог... Место хранили в тайне, и знали о нем единицы, кто же мог предсказать, что один из своих решится слить сведения врагу? А потом мне хватило времени все обдумать. Я знаю, в чем была ошибка. Я ее исправлю.

— Совершив новую, более страшную?

Адриан явно заговаривал зубы одержимому с определенной целью, вряд ли ему хотелось просто побеседовать с убийцей. Я силилась рассмотреть, что делает Клет, ведь не зря же именно он не двигается с места, но темнота надежно скрадывала все движения. А магию я просто не видела.

— В этот раз я все предусмотрел. И тебя — тоже, — сказал алхимик. — Писаку вот только этого предусмотреть не смог с тем бедолагой-целителем, но что уж там. Спасибо Творцу, у меня и так все готово.

Мне очень хотелось обернуться, спросить у Касадры, что вообще происходит, зачем мы здесь стоим и почему никто нас не видит. И, главное, чем, как я могу помочь Блаку? Что задумал шериф? Почему-то я не сомневалась, что старая некромантка все это прекрасно понимала.

Но я боялась пошевелиться и привлечь неосторожным шорохом внимание, разрушив план Адриана. Стояла, остолбенев, вплотную к тонкой пленке защиты, и страх мой ширился, рос с каждой секундой. От понятной боязни быть обнаруженной к потустороннему ужасу, холодом сжимающему сердце. Пугало непонимание природы сидящего передо мной существа, пугало равнодушие, с которым оно говорило о смертях. Пугали бледные светящиеся линии на камнях и сполохи молний. Пугал дождь, который лил стеной, клокотал где-то совсем рядом, пугал ветер, жаждущий опрокинуть не только нас, но, кажется, всю эту скалу. Пугана холодная рука на запястье и странно ровное дыхание старухи, которое я не могла слышать, но словно ощущала всей кожей.

А она вообще живая?..

— Не подведи! — едва слышно выдохнула Касадра, но прежде чем я успела спросить, о чем она, хрупкое равновесие мира было разрушено сильным толчком в спину.

Одновременно с этим — или мгновением позже — лопнула радужная пленка. Адриан кинулся вперед, но я была на несколько метров ближе, и эта фора оказалась решающей. Я запнулась о камень, потом — об алхимика, рухнув прямо на него. Вскинула руки, пытаюсь защититься и смягчить падение. Ударилась плечом, услышала словно издалека ругань Донта и окрик Адриана. Попыталась отодвинуться подальше от одержимого, встать... но не успела. Ничего не успела.

Между лопаток, куда пришелся толчок, вспыхнула боль — острая, резкая. Обожгла, пробила грудь насквозь, хлынула от сердца ледящей волной. Я еще успела заметить, что до нас добежал Блак, а йотом окружающая темнота сгустилась, ударила в лицо густой маслянистой жижей, не давая дышать.

Навстречу надвигающейся тьме плеснул глубинный, иррациональный ужас осознания неминуемой гибели. И через мгновение я умерла.

Глава двадцать вторая, в которой добро побеждает, но осадок остается

Увы, в своих предположениях полицейские не ошиблись. Они действительно нашли Зенора Донта за подготовкой ритуала на Голове Чайки, и теперь, когда контроль над телом взял дух, сомнений в одержимости аптекаря не возникало, пусть и проявлялась она странно. Что Клет, что Блак многое отдали бы за то, чтобы изучить феномен в спокойной обстановке. Хотя, конечно, совсем не столько, сколько могло запросить это существо...

К приходу гостей Донт подготовился основательно и совсем не так, как можно было ожидать от алхимика. Место ритуала окружал крепкий и очень хитрый щит, даже дотошный Кириан вот так с ходу не смог разобрать его плетение, а пытаться пробить сырой силой было глупо. Поэтому Клет, которому тонкие плетения давались лучше, сразу занялся щитом, а Адриан начал заговаривать преступнику зубы. Вряд ли удастся всерьез отвлечь его и сбить с настроения, но немного рассеять внимание, подобраться поближе для решительного броска — почему нет?

Сомнений у Адриана не было. Четкая цель, несколько возможных вариантов удара и готовность идти до конца. А чувство локтя и поддержка напарника добавляли уверенности.

Одна только мысль не давала покоя: откуда в одержимом столь специфическая магия? Насколько Блак знал со слов очевидцев, одержимые никогда не пользовались чисто некромантскими чарами и не умели строить сложные магические конструкции, они вели себя как духи и оперировали только сырой силой. Тогда откуда?.. Все дело в необычности конкретного одержимого? Или они что-то упустили?

Донг — или все же Оток? — разговаривал охотно. Толи был не против так развлечься, то ли просто соскучился по общению...

Да, убил журналиста. Не вовремя эта жадная сволочь появилась, пришлось из-за него спешить с ритуалом. Если бы не писака, то не

вышел бы на него Блак ни за что. Где духа взял? Да какая разница, мало ли мест!

Старого целителя? Нет, не трогал. Даже не знал о нем. Да и зачем убивать? Сумасшедший же, кто ему поверит! Вот журналист...

Ради чего напрасные жертвы? Что бы ты понимал в жертвах, мальчишка! Застрять между жизнью и смертью в ничто, осознавать течение времени и сходить с ума от невозможности что-то предпринять — вот это по-настоящему страшно. Вот это — подлинная кара Творца. Всем, кого зацепило заклинанием, своим и чужим. И если кто-то должен умереть, чтобы прекратить это, — пусть. Он согласен отвечать за это перед Творцом. Но именно он, а не те, кто исполнял его приказ.

Чей приказ исполнял он сам? А это уже не важно. Это их поступок и их вина.

Другие одержимые? Слышал, но только уже здесь, воплотившись. Ничего такого не помнит. Было ничто — а йотом город и осознание себя в чужом теле.

А смерть... Смерть — это всего лишь конец телесной оболочки.

Адриан почувствовал слабый энергетический импульс — легкий, едва заметный, и если бы не ждал его, то непременно пропустил бы. Как и едва ощутимую рябь на поверхности щита, сигнал о том, что чары скоро лопнут.

Он был готов, он уже собрал силу для удара, но — не успел.

Лавиния словно возникла из воздуха. Рухнула на одержимого, безжалостно ломая рисунок ритуала, нарушая потоки и оттягивая на себя то, что успели в них влить. Болезненный энергетический удар, а уж для неподготовленного человека... В такие моменты никогда не знаешь, сработает ли вообще естественная защита нейтрала и если да, то как?

Дан вдруг сообразил, что совсем не так должен выглядеть взлом щита. Что разрушаться он должен от точки воздействия, а не испаряться разом, как было сейчас, а это значит...

— Держи ведьму! — крикнул Киру уже на бегу, заметив сухощавую фигуру в стороне, за неоконченным узором. Опознать ее не составило труда. Да Клет и сам уже увидел и двинулся в том направлении за мгновение до оклика шерифа.

Адриан в несколько прыжков преодолел расстояние до барахтающегося на земле мага. Движимый уже совсем другим стремлением — убрать случайного человека из радиуса поражения чар. И ладно бы еще постороннего...

И опять не успел. Но здесь у него просто не было шансов.

Уничтожить душу не способен ни один маг, а вот вырвать ее из тела — легко, для этого не надо даже особого умения и сил. Не труднее, чем ударить ножом. Немного знаний, умение держать оружие и готовность убить — вот и все.

А вот как удержать душу, которую не только ничто не держит, но гонит прочь чужая магия?

Адриан, наверное, впервые в жизни жалел о своей боевой специальности. Его — вытаскивали, случалось, не раз и не два. А так, чтобы самому...

И ведь душа не одна! Три, связанных в узел. И лучше бы не отвлекаться на мысли о том, что Дан сделает со старухой, если сейчас не справится.

Как отличить? Как понять? Души растекаются непослушными ключьями тумана, смешиваются, путаются, не даются в руки.

Но если приглядеться внимательней, аккуратно удерживая весь этот клубок...

Назад рвется совсем не та, которая нужна. И не сама, а словно какая-то сила тянет ее прочь. Искореженная, изодранная, словно траченная молью, она тесно сплелась, буквально проросла в другую — тонкую, слабую, тусклую. Но нужна третья — живая, яркая. Та, которая пытается ускользнуть, изгнанная волей старой ведьмы. Та, за которой стремятся, раздираемые двумя силами, и остальные, лишь бы не кануть... куда? В Разлом?.. Куда-то вниз и в сторону — если здесь и сейчас, на тонкой зыбкой грани между миром и потустороннем, вообще можно говорить о направлениях.

Грань тонка. Грань незрима. Грань не существует. Это лишь упражнение ума, попытка осознать часть того, что выше человеческого разума и человеческих сил.

Здесь не имеет значения сила и опыт, они лишь позволяют прикоснуться, немного выглянуть за пределы привычных измерений. Попытаться удержать, вырвать из потока ту душу, которой... Которой что?

Слишком рано уходить? Жизнь скоротечна, плоть — тленна. Мгновение, год, полсотни лет — слишком ничтожные величины, чтобы говорить о своевременности.

Нельзя уйти? Да нет же, можно, поток примет всех. Даже вот эту, измученную и истерзанную, которая высшей волей привязана к якорю. Которую поток треплет, не в силах унести, словно ветер — старый флаг, обрывая и превращая в лохмотья по краю. Все из него родилось и в него уйдет.

Которую он не хочет отпускать. И вот это, пожалуй, единственная правда. Изо всех сил держит, тщетно пытаясь освободить от приказа и распутать узел.

Глупо. Нелепо сопротивляться воющему вокруг урагану. Тонкое, слабое деревце, отчаянно вцепившееся ветвями в одинокий лист. Еще немного — унесет следом.

Зачем держит? Если бы он мог знать!

Потому что должен. Не умеет, но должен хотя бы попытаться.

А главное, потому что хочет. Потому что где-то внутри становится теплее от мысли, что она где-то здесь, в этом мире. Потому что этот мир без нее станет немного хуже. Или все же не мир, а только он сам?..

Адриан толком не понял, что произошло. Пронзительно-острое ощущение, словно на него кто-то смотрит, а потом мужчина вздрогнул от яркой вспышки и грохнувшего буквально над головой грома — молния ударила в корявое старое дерево в паре десятков метров сбоку. Некромант пару секунд растерянно стоял, смаргивая заливающую глаза воду и осознавая сосущую пустоту в груди — верный признак магического истощения. Стоял и молча смотрел на распростертые у его ног тела. Вокруг медленно тускнели линии так и не законченного рисунка, а висящий над головой белый световой шар очерчивал сцену колкими тенями.

А осознав, тихо выругался себе под нос и, холодея, опустился на колено. Чтобы удостовериться, что упустил, не справился и...

Когда пальцы на шее лежащей навзничь женщины ощутили тепло и биение пульса, он в первый момент не поверил самому себе. Проверил, собрав остатки магии, — оказалась истощена, но жива. А вот аптекарь умер, в этом он на всякий случай тоже удостоверился.

Стаскивая с себя куртку, огляделся по сторонам, поймал напряженный взгляд Кириана.

— Ну что? — тревожно спросил тот, придерживая за локоть старуху, зябко кутающуюся в плащ.

— Она жива, он — нет, — ответил Блак коротко. Завернул женщину в форменную куртку, поднял осторожно...

Точнее, попытался. Прежде вот так носить бессознательные тела некроманту не доводилось. Одно дело боевые товарищи: Блаку как самому здоровенному порой приходилось выступать в роли ломовой лошади, когда кто-то сильно выкладывался или получал ранение. Но там все просто, поднял на плечи — и даже не очень тяжело. А вот взять женщину на руки так, как обычно пишут в книгах, оказалось затруднительно: она выскальзывала, буквально стекала из объятий. Пару раз попытавшись, Адриан тихо ругнулся себе под нос и просто закинул спеленатую курткой женщину на плечо.

— С этими двумя что будем делать? — Кириан, до этого молча наблюдавший за мучениями товарища с ироничной улыбкой в уголках губ, подошел ближе, продолжая держать Касадру за локоть.

Блак покосился на покойника, потом смерил взглядом некромантку. Мотнул головой, стряхивая капли. Бесполезно, конечно, — лило как из душа.

Железная Каси неловко сжимала лацканы плаща сухими тонкими пальцами, на запястьях отблескивали глянец черные антимагические наручники. Но смотрела из-под капюшона прямо и спокойно — она явно не чувствовала за собой никакой вины. Или уж как минимум была готова нести за свой поступок ответственность. Кто бы сомневался...

Адриан, разумеется, злился на некромантку, но уже не так, как несколько минут назад. Если бы у него не получилось каким-то чудом вытянуть Винни, тогда да, тогда бы он поручиться за свои действия не мог. А сейчас... Все обошлось малой кровью, и это благотворно сказалось на настроении. Сейчас ему в гораздо большей степени хотелось не свернуть старухе шею, а узнать, чего и зачем она пыталась добиться. И какова ее роль во всем случившемся?

А она, безусловно, была, сейчас в этом сомневаться не приходилось. Блак не вполне понимал, что представлял собой нынешний одержимый, да тот и сам вряд ли понимал, но от всех предыдущих он отличался. Слишком много в нем было человеческого, слишком пассивно отреагировал он на нападение — как будто не видел

или не мог ответить. Плюс щит. Плюс пожиратель, которого он уж точно никак не мог призвать самостоятельно. Зато Касадра Смеш — могла. Силы у старухи осталось совсем мало, но остроты ума и опыта — более чем достаточно.

Главный вопрос, который не давал покоя: зачем? Но он вполне мог подождать.

— Пойдем, — решил наконец Блак. — Часа за два обернемся туда-обратно, ничего за это время не изменится. Рисунок не жажнет, ты посмотрел? А то у меня сил не осталось совсем.

— Проверил, все в порядке, — не разочаровал его Кириан.

— Тогда этого оставим тут, хуже ему уже не будет. А госпожа Дхур сама дойдет, раз уж сюда добежала. Верно?

— Да уж не рассчитывала, что на руках понесете. — Морщинистые губы скривились в неприятной колючей усмешке. — Спасибо ногами перед собой не катите.

— Пожалуйста, — спокойно ответил Блак и выразительно дернул головой, показывая помощнику идти первым.

Спуск с двумя женщинами оказался сложнее, чем некромант ожидал. Во-первых, Лавиния на плече очень мешалась и требовала повышенного внимания, чтобы случайно ее обо что-нибудь не стукнуть, а тропа от дождя раскисла и стала слишком скользкой. А во-вторых, старая некромантка хоть и старалась идти уверенно, но получалось плохо: поддерживать быстрый темп она явно не могла, запиналась, да и наручники явно мешали, пусть на сложных участках Клет и помогал.

Адриан некоторое время терзался сомнениями, что с ней делать, но решение принять не успел: в очередной раз оступившись, Касадра подвернула ногу. Она, конечно, поджала губы и заявила, что прекрасно может идти, но в итоге на плечи пришлось брать и ее. Клет, впрочем, не возражал и сам предложил этот вариант.

Пока спустились, пока Кир оформил в камеру госпожу Дхур и вызвал к ней дежурного врача, а Адриан, удостоверившись, что Лавинии нужен только отдых, устроил ее в собственной спальне, пока собрали группу, решив не будить Вита, — шторм успел кончиться, так что второе за сегодня восхождение на Чайку прошло в спокойных погодных условиях.

Рассвет Блак встретил на вершине. Если бы не мрачные мысли, даже порадовался бы, потому что он порой проделывал подобное для собственного удовольствия.

Ему нравилось наблюдать за тем, как густая темная синева ночного неба проклевывается прямо над головой, посередине, синью, пронзительно-яркой на фоне ночных чернил. Как небесный купол расчерчивается ветвящимися светлыми трещинами от центра вниз, к горизонту, и каждый раз рисунок новый, не похожий на предыдущий. Потом свет становится ярче, и чернильные пятна светлеют следом, протаивают прорехами, чтобы вскоре слиться в сплошной темно-голубой и за пару часов разгореться до чистой лазури...

Нет, определенно, рассвет — гораздо более яркое зрелище, чем вечернее затмение, когда небо просто заливает мраком, словно в воду по капле добавляют темную краску.

— Дан, ты нормально себя чувствуешь? — Кириан подошел к шерифу, стоящему чуть поодаль от занятых делом полицейских. Блак неподвижно пялился в небо, да и вообще с момента смерти одержимого выглядел и вел себя... Не то чтобы совсем странно, но вызывал беспокойство.

— Выложился. — Не переводя взгляда, Адриан неопределенно пожал плечами.

— Дан?.. — с нажимом повторил помощник, сжал его плечо. — Я же вижу, что-то не в порядке.

— Да говорю же, устал просто, — встряхнулся Блак и наконец посмотрел на друга. Глаза у него действительно были больными, с полопавшимися сосудами и слегка мутными. И добавил через пару секунд: — Ну и так вообще состояние паршивое. А у тебя нет?

— Я на грани полчасика не торчал, — хмурясь, качнул головой Кириан.

— Полчасика? — недоуменно переспросил Адриан.

— Я точно не засекал, но долго, — пожал плечами помощник. — Что там было? Как ты вообще умудрился ее вернуть?

— Понятия не имею, — вздохнул Блак. — Я просто держал, сколько хватило сил, а потом очнулся от удара грома. Мне казалось, прошло несколько секунд, как обычно. Но это многое объясняет, конечно. Хотя и не все...

— Надеюсь, какие-то пояснения нам Дхур даст. Она, во всяком случае, выглядела так, словно понимала, что именно происходит. Очень просила меня не лезть к тебе. Как будто я бы рискнул...

— Что? — Адриан нахмурился.

— Помнишь, когда Смай в кучу сосунов влез?

— Ну.

— Так вот, совсем не похоже.

— Кир!

— Да ладно, шучу. Выглядело примерно так же, только с учетом твоей силы, продолжительности и погоды — еще более зловеще.

Сосуны представляли собой жирных энергетических пиявок. Поодиночке они были неопасны, но поодиночке они почти никогда не существовали, сбиваясь в стаи. А Смай был живой легендой Разлома и буквально чем-то вроде талисмана: прослужил он к моменту появления Блака уже лет пятнадцать и остался после его ухода. Редкий случай, человек был там на своем месте и не испытывал никаких неудобств от близости Разлома. Более того, ему искренне нравилось это место и даже стычки с духами. При этом менталисты уверяли, что он нормален, просто — вот такой. Насколько знал Блак, выяснить, какие такие особенности помогали Смаю спокойно жить в тех местах, не удалось, хотя попытки были.

С местными тварями безбашенный тогда уже подполковник управлялся лихо, чаще пользуясь наитием и личным опытом, чем инструкциями. Последние при встрече с сосунами предписывали укрыться довольно специфическим герметичным щитом, к которому твари не могли прилепиться, и спокойно перебить по одной.

Смай сам их высасывал. Позволял прицепиться, а потом тянул энергию к себе. Подобное ни до него, ни после никто так и не сумел проверить, а подполковник так развлекался.

Случай, который вспомнил Клет, произошел в первую кварту его службы. Смай нашел стаю из трех десятков сосунов, то есть такую, которая считалась по-настоящему опасной и в одиночку с которой связываться не стоило. А тот влез, и не просто влез, но радовался, как ребенок новой игрушке. И выглядело это по-настоящему впечатляюще: крепкая коренастая фигура Смая, вокруг которой завиваются вихрем черно-серые ленты — его сила пополам с сосунами, похожими на крупных полупрозрачных пиявок. Шевелящаяся разнородная масса

искрилась, шипела, то и дело вспыхивая облачками, когда лопался очередной энергетический паразит; кое-кого из новичков зрелище впечатлило тогда чуть ли не до истерики — они все рвались спасать подполковника.

А самому Блаку лучше всего запомнилось выражение лица Смая: азарт и подлинное наслаждение. В тот момент Адриан окончательно утвердился в мысли, что менталисты насчет подполковника врут, он действительно псих. Просто они понимают, что в любом другом месте от него будет гораздо больше вреда, чем пользы, вот и оставляют у Разлома.

Мысли эти он, впрочем, озвучивать не стат. А Клета впечатлило тогда совсем не это.

— Не знаю, что тебе по этому поводу сказать, — поморщился Блак. — Все нормально, насколько это может быть нормально в такой истории. А у тебя что, осадка не осталось совсем?

— Наоборот, все это очень грустно, — спокойно отозвался Кириан. — Но мне проще, я старуху почти не знал. И Отоком никогда не интересовался. Как думаешь, то, что он рассказал, поможет закрыть Разлом? Не с помощью вот этого, а вообще?

— Допросим Касадру, все выясним и доложим наверх, — отмахнулся Блак.

— Доложим всё? — спросил помощник с нажимом.

— По обстоятельствам, — легко развеял его опасения шериф. — Есть что-нибудь интересное? — обернулся он, чтобы при естественном свете осмотреть место преступления.

Он прекрасно понимал, что имел в виду Кир и что его тревожило. Откровения Отока о Разломе могли многое изменить. Новость о том, что души солдат, погибших в той войне, привязаны к этой аномалии, здорово встряхнет весь лепесток и наверняка заденет соседний. Плюс известие о предательстве в верхах, о котором и без того говорили некоторые поклонники Отока. А уж если схема ритуала окажется рабочей...

Впрочем, нет, Блак не подозревал всерьез, что кто-то там, наверху, примет решение стереть с лица мира какой-нибудь некрупный город, чтобы проверить теорию практикой. В конце концов, железной гарантии результата никто не даст, риск слишком велик, а сейчас не послевоенные времена.

А еще существовала одна «маленькая» деталь. Творец. Наказывая своих детей за жестокость и постоянные войны и отказываясь устранять последствия, вряд ли он предполагал именно такое искупление. Вряд ли исправить человеческую ошибку, повлекшую такие жертвы, можно еще большими жертвами. Оставалось надеяться, что в парламенте это тоже понимают.

В остальном же...

Кирово «все это грустно» исчерпывающе описывало ситуацию, но совершенно не отражало настроения и состояния Блака. А было ему противно до тошноты и настолько же обидно. От всего. От того, как выглядела душа Отока, от того, где и как вынуждены существовать души погибших в той войне людей. От того, что генерал взял на себя вину тогда и едва не совершил сейчас еще одну крупную ошибку, будучи при этом отчасти правым. Блэк понимал его логику и мотивы, понимал, что в такой ситуации Оток и не мог думать иначе: когда ты уже мертв, смерть вряд ли способна тронуть или напугать. И от этого тоже было противно. Потому что одержимый пытался убить уйму людей и стоило бы испытывать праведное негодование, но — не получалось.

И Адриан старался отвлечься от угрюмых мыслей. Думать и анализировать он сейчас не мог, слишком устал, зато вот выкинуть вообще все мысли из головы и погрузиться в созерцание удавалось прекрасно. Так ведь не дают...

Впрочем, осмотр места происшествия тоже взбодрил и отвлек. У убитого, что дополнительно подтвердило причастность Касадры, имелся десяток стандартных покупных энергетических накопителей и свернутых заклинаний — хрупких кристаллов, похожих на льдинки. Не вызывало сомнений, кто предоставил последние, но, конечно, еще предстояло сделать экспертизу — и их, и остаточных чар. И пары артефактов-ловушек, в которых сидели пойманные духи. То ли одержимый собирался с их помощью обороняться здесь и сейчас, то ли просто предпочитал не оставлять такие вещи дома.

Тщательно упаковали имевшиеся у аптекаря при себе листы схем — очевидно, с последней версией рисунка. Взяли пробы всего, чего можно, тщательно обмерили и задокументировали рисунок. А когда ничего интересного больше не нашлось, погрузили тело на носилки и двинулись в обратный путь.

Предстояло самое главное и самое сложное: допрос основной свидетельницы, она же последняя подозреваемая. Адриан метался, не зная, отложить на завтра, когда отдохнет, или провести по горячим следам. Или вовсе отдать Клету, потому что смотреть на госпожу Дхур было тошно. Но в итоге решил отмучиться сразу, а допрос проводить вдвоем.

Несмотря на то что участок в Клари был мал и выглядел не особенно впечатляюще, организовано тут все было тщательно: имелась амагическая камера для содержания преступников-магов, а в допросной стояло специальное заземляющее кресло.

Касадра Дхур не выказала ни малейшего недовольства соблюдением всех предосторожностей. Спокойно подставляла руки для наручников — во время перевода из камеры, а после — для той цепочки, которая связала ее запястье с креслом. Села, сдержанная и невозмутимая, с ровной спиной, сложила ладони на коленях. На полицейских смотрела прямо, не опуская глаз.

— Скверно выглядите, юноша, — обратилась она к Блаку, который просто молча ее разглядывал, пытаясь заставить себя начать допрос по всей форме. Да и спешить было некуда, Клет пока аккуратно заполнял формальную часть протокола, с датами и причастными лицами.

— Вашими стараниями, — хмуро отозвался Адриан. — И какова же ваша роль в этой истории? Только давайте сразу отбросим тот кусок, где вы пытаетесь уверить меня, что просто проходили мимо. Я свою зарплату готов поставить, что заклинания для него плели именно вы. И духов доставали — тоже. Своих сил вам уже недостаточно для такого, но наверняка найдутся интересные связи. И про ритуал знали, и даже помогали его составлять и доставать все нужное. Зачем?

— В подготовке ритуала я не участвовала, — возразила Дхур. — Я никогда их не любила и толком не понимала все эти художества, можете полюбопытствовать, это должно быть в моих характеристиках. А духи, заклинания — да, мои, отрицать не буду. Только связей никаких нет, это остатки старых запасов, еще со времен службы. Тогда с хранением пойманных у Разлома духов проще было: их не учитывали.

— И зачем они вам были нужны?

— Сначала мы их просто коллекционировали, — со смешком ответила некромантка. — Соперничали, у кого лучше и разнообразней. У меня тогда была одна из лучших коллекций. А потом... Не для протокола: неплохая прибавка к пенсии.

— А ваш сын что, не помогает? Или его не существует?

— Отчего же, есть, не такая уж я жалкая одинокая старуха. — Она улыбнулась уголками губ. — Только я не привыкла просить помощи, а у него большая семья. А что видимся редко и он сюда не приезжает... характер у меня скверный, невестка меня не любит, да и сыну со мной тяжело. Вот и стараюсь особо не лезть. Впрочем, то, что вы нашли у Донта, — это все, что оставалось, так что подпольную торговлю мне пришить не получится.

— Учитывая покушение на убийство и содействие в массовом убийстве, для которых полно доказательств, этот маленький грешок ничего не решает.

— Я не знала, что именно будет входить в ритуал. Правда не знала, — медленно качнула головой Дхур. — Поначалу и не интересовалась особо, ну считает он там что-то, его дело. Он всегда был очень осторожен в высказываниях. О цене человеческой жизни и своем отношении не говорил, обмолвился случайно, когда я про журналиста этого спрашивала...

— Предположим. Как с этим согласуется попытка убийства госпожи Шейс?

— Я не хотела ее убивать. Надеялась, что ты сумеешь вытянуть, — так и вышло. Я много думала о том, как его можно остановить, такого не похожего на остальных одержимых. Если бить по нему прямо — был слишком велик шанс окончательно добить Донта и превратить безобидного мужчину с раздвоением личности в смертельно опасную тварь. Справились бы вы с ним? Не поручусь. Да и не хотелось возвращать его обратно в Разлом, хотелось дать шанс на перерождение. Единственный способ, какой я смогла найти, — отправить его с другой душой. И ты бы нашел. Только ты бы не выжил...

— Я бы еще поверил в какие-то благородные мотивы, если бы вы пожертвовали собой, а не окружающими, — поморщился шериф. — А это... Поберегите свое благородство для суда, может, там поверят.

— Я не могла пойти против него так прямо. — Вздохнув, женщина на несколько мгновений прикрыла глаза, словно собираясь с силами. Адриану стало не по себе — это в чем же она намеревалась признаться?.. — Я присягала ему кровью. Не бедняжке Донту, конечно. Этеону Отоку. Еще тогда, перед войной.

Поверить в сказанное было трудно. Присяга кровью, она же кровная клятва верности, имела широкое распространение несколько веков назад. Она фактически вверяла жизнь вассала сюзерену, исключая предательство. Потом от этой практики отказались, полной гарантии не давала даже она, а пару сотен лет назад и вовсе запретили законом.

— Вы одна? — после недолгой паузы хмуро спросил Блак.

— Да. Мне тогда было шестнадцать, я боготворила его и была с детства влюблена. От него тогда все женщины были без ума... Когда он приехал в нашу школу, уговорила принять мою присягу. Он не знал, что именно я задумала, а потом уже поздно было что-то менять.

— А если не для протокола? — спросил Адриан тихо.

— Не для протокола... — пробормотала Касадра. — Тогда для людей Оток был идеалом. Он никогда не искал власти, но не бегал от ответственности. Кто везет — на том и едут, вот и оказалась на нем непомерная ноша. И если бы не его смерть, поднять его могли очень высоко. Мы искренне в него верили и искренне считали его лучшим. После той катастрофы... Очень многие говорили о том, что его намеренно подставили, что это не его ошибка. И я тоже.

— А теперь?

— А теперь я в этом уверена.

— Это он вам сказал, что его подставили?

— Он не хотел об этом разговаривать и не отрицал своей вины, — поморщилась женщина. — Тот ритуал придумал не он. Но он выполнил приказ, и все пошло не так, как должно было. Никто не мог бы предсказать подобного исхода, и вряд ли кто-то его на самом деле хотел, это верно, но... Случайно ли удар зеленых пришелся именно на то время и место? Или все же кто-то слишком боялся за свою должность и воспользовался случаем, чтобы избавиться от Отока?

— Он вынудил вас помогать, пользуясь присягой? — задумчиво проговорил Кириан.

— Не говорите глупостей, юноша! — Касадра облила его холодным, презрительным взглядом. — Я сама предложила помощь. Генерал заслужил покой и перерождение и не заслужил того существования, на которое был обречен. И он хотел отпустить тех, кто попал в ловушку вместе с ним. Жаль, выбрал именно такой способ...

— Ладно, в общих чертах ясно, — встряхнулся Блак. Разговор грозил зайти куда-то совсем не туда, в дебри морально-этических норм и всевозможных «если бы», а он для этого слишком устал. — Давайте по порядку. Когда и как вы поняли, что Донт — одержимый?

Несмотря на то что Касадра не уходила от ответов и в полном смысле шла следствию навстречу, допрос затянулся. Подробный рассказ о налаживании контакта с одержимым потянул за собой множество деталей, пусть не связанных с делом напрямую, но тех, не уточнить которые было невозможно. Например, как вообще душа Отока оказалась в теле алхимика? И кем, наконец, были прежние одержимые?

Точного ответа на эти вопросы некромантка дать не могла, но теория, к которой она склонялась, вполне заслуживала отдельного разговора. Все-таки у нее одной была возможность и время понаблюдать за единственным в своем роде одержимым достаточно долго.

Касадра предположила, что прежние одержимые были из тех жертв последнего ритуала, кому удалось вырваться из своего вечного заточения. Только воплощение в таком качестве не позволяло им в полной мере сохранить разум, вел их не то инстинкт, не то какие-то другие, недоступные человеческому пониманию мотивы. Отсюда и бездонность этих душ: напрямую связанные с Разломом, они фактически сливали всю полученную силу обратно в мир.

А вот в последний раз из Разлома выбрался сам Этеон Оток. Это вполне объясняло отличия в поведении: желание генерала вернуться к истоку катастрофы и исправить ошибку было столь велико, что вело его именно оно. С Зенором Донтом у них сложился удачный симбиоз, и обретший равновесие покойный некромант «пришел в себя». Увы, как именно душа генерала сменила оболочку, вместо того чтобы отправиться туда, куда тянули его Дионас Бург и якорь, ответить не мог ни сам генерал, ни Касадра.

Про журналиста заранее она не знала, объявился он в ее отсутствие, и о том, что Оток решил устранить его самым эффективным способом, тоже не догадывалась. Узнать Виста она узнала, но в тот момент не предполагала, зачем его понесло в Клари, а Донт с ним в вагоне не общался. Появления духа тоже не почувствовала, а вот когда нашли труп — заподозрила Отока.

Отрицать очевидное генерал не стал, и именно тогда Касадра впервые узнала, что изыскания его близки к успеху. Заподозрила неладное, но предать мертвого генерала не могла, да и не хотела. А вот когда догадалась, чем именно это все грозит, решила действовать. Опосредованно, потому что прямо — мешала присяга. Лавинию ни в коем случае не собиралась убивать, ничего против нее не имела и верила, что Блак справится. И рада, что не ошиблась.

Клет в этот раз неожиданно для шерифа изменил своей обычной исполнительности и скорости, так что протокола к концу допроса фактически не было.

— Я хочу кое-что с тобой обсудить, — пояснил он. — А протокол можно будет и попозже принести, вы не против?

— Мне некуда спешить, — уголками губ улыбнулась Касадра.

Глава двадцать третья, в которой не удастся отдохнуть

— Дан, я не знаю, что писать в протоколе, — с ходу начат Кириан, когда госпожа Дхур вернулась в камеру, а шериф с помощником — в кабинет.

— То есть? — Предположения у Блака были, более того, он вполне разделял смятение друга, но предпочитал услышать версию целиком.

— То есть — если написать все как есть, ее еще до суда найдут мертвой. Ты не хуже меня понимаешь, что вскрыть сейчас ту историю, да еще в таком свете, никто не даст. Лично генерал Оток настолько неудобный свидетель, что, даже повторно мертвый, он может перевернуть весь лепесток. Его ведь убрали тогда, тут даже особо думать не надо. Смерть Отока и тысяч людей — как результат того, что парламент боялся потерять власть. Хорошая информационная бомба. Это, конечно, навредит не всем, и тогда не все в этом участвовали. Но есть семьи, у которых место в парламенте буквально передается из поколения в поколение. Думаешь, там, наверху, поверят, что генерал не назвал никаких имен Железной Каси, которая присягнула лично ему? Я уж не говорю о том, что госпожа Дхур, скорее всего, ошибается.

— В чем?

— Готов спорить, всеми одержимыми управляла одна и та же душа. Ее так ни разу и не удалось изгнать, она возвращалась в Разлом и опять начинала путь заново, каждый раз — чуть более осознанно, чем предыдущий. Ты представляешь, чем может грозить обнародование такой информации?!

— Представляю, — хмыкнул Блак. — Мы же с тобой вместе тогда Берку в сортир три пачки дрожжей кинули.

— Наглядно, — без улыбки кивнул Кириан. — Ты хочешь устроить то же самое, но в масштабах побольше?

— Для начала не истери, я тебя не узнаю, — поморщился шериф. — Сядь, в глазах рябит. А лучше навари себе этой черной гадости, успокойся, по-моему, ты тоже слишком вымотался. И мне заодно сделай.

— Хорошая мысль, — встряхнулся Клет.

Несколько минут в кабинете висела тишина, нарушаемая только жужжанием кофеварки. Когда по воздуху поплыл теплый, бодрящий запах свежего кофе, это оказало благотворное влияние на обоих мужчин. Кивком поблагодарив за поставленную на стол кружку, Адриан задал вопрос, которого, видимо, и ждал Кир:

— Ладно. Все это домыслы, но я согласен, повод для беспокойства есть и лучше перестраховаться. Что ты предлагаешь?

— Исключить из дела некоторые детали, — прямо ответил тот.

— Например?

— Личность Огока. Например. А в идеале... Какая разница, что он собирался сделать? Журналиста убил аптекарь, аптекарь мертв, дело закрыто. Что произошло на Голове Чайки, точно знаешь ты, я и Железная Каси. Может, пусть так и останется?

— И Лавиния. Вообще-то старуха пыталась ее убить. Мне кажется, госпожа Шейс имеет право требовать за такое справедливого наказания.

— Она не некромантка и вряд ли вполне поняла происходящее. Думаю, тебе она поверит, если скажешь, что никто ее убивать не планировал. В конце концов, мне кажется, Дхур искренне рада, что твоя судья жива. Сумасшедшая старуха толкнула, потом контакт с некротической энергией — и обморок как результат. Если разобраться, явление Отока важно только для некромантов. Кое-кому в школе можно рассказать и об этом, показав его расчеты. Преступным будет скрывать это, если информация поможет закрыть Разлом или выработать стратегию на будущее, на тот случай, если я не прав и одержимые еще появятся. Но публиковать в открытую — тоже преступление.

— Странное ощущение. Мы с тобой поменялись ролями, — усмехнулся Блак. — Обычно я нарушаю процессуальные нормы, а ты ворчишь, но закрываешь на это глаза.

— Может быть. Ну так что? Ты куда?

— Домой, — проворчал шериф. — До завтра ни Дхур, ни детали расследования никуда не убегут, а принимать такие решения сейчас я не готов. Вот на свежую голову подумаю. Заодно узнаю, что Винни вообще помнит и как к этому относится.

Такой шаг был тем более оправдан, что с каждой секундой Адриан чувствовал себя все более муторно и беспокойно. Своевременно припомнив, чем обычно заканчивается для него и окружающих такое состояние, некромант окончательно решил не перегибать палку и пойти домой сразу, отмахнувшись от мелкой рутины.

Однако намерение немного прогуляться и прочистить голову реализовать не удалось: он то и дело ловил себя на том, что все сильнее ускоряет шаг, стоит перестать об этом думать. Противиться навязчивому желанию мужчина не стал, тем более с каждым мгновением росло и невнятное внутреннее беспокойство.

Адриан пытался и не мог понять, в чем причина такой тревоги. Вроде бы убийца погиб, единственная его сообщница задержана и бежать не собирается, тогда откуда тревога? Откуда муторное ощущение, что он забыл что-то важное?

Это «что-то» нагнало его на пороге дома: дверь была приоткрыта. А ведь он точно помнил, что закрывал! Хуже того, дыра ощущалась и в защите. Толкнув дверь одним пальцем, Адриан медленно шагнул через порог, прислушиваясь.

Мгновение растерянности и смятения — и истошный кошачий вопль со второго этажа оказался целительной оплеухой, которая стронула наконец некроманта с места. Грохот и сдавленную ругань, явно мужскую, он слышал, уже взлетая по лестнице.

Проснулась я оттого, что очень не хватало воздуха. Первая мысль пронзила страхом — я вдруг ощутила себя погребенной заживо. Дернулась, но встать не сумела, открыла глаза...

— Мр? — недовольно спросила серая усатая морда, заспанная и помятая. Ткнулась мокрым носом мне в нос, пощекотала усами и сладко зевнула, впечатлив острыми зубами и размахом челюстей. И, даже не подумав встать, спокойно пристроила голову на моем плече. А через мгновение вообще брякнулась на бок и потянулась всеми лапами, боднув в подбородок. То обстоятельство, что лежала она на мне сверху, кошку не смущало.

— Мр-ря! — поддержала серую ее рыжая товарка, вякнув прямо мне в ухо, и принялась жутко щекотно это самое ухо вылизывать шершавым мокрым языком.

— Сама ты это слово, — проворчала я, пытаюсь увернуться от водной процедуры, но вставать пока передумала. Выпростала руку из-под одеяла, почесала серую. Кошка не возражала.

За время этого короткого общения с животными я вполне успокоилась. Я в доме Блака, в его спальне, жива и чувствую себя сравнительно неплохо, значит, повода для паники нет. И что бы ни случилось на Голове Чайки, закончилось все хорошо. То есть я жива и Клари уцелел: через открытую форточку слышатся невнятные голоса вдалеке и еще какие-то звуки города.

Что основная часть событий не была сном, я не сомневалась: все тело ныло от чрезмерной физической нагрузки, и я вообще-то сомневалась, что сумею встать, потому и не торопилась сгонять кошек — отличное оправдание собственной лени.

Похоже, меня просто шарахнуло магией то ли от защиты, то ли от ритуального рисунка, и я потеряла сознание. Перепугалась, конечно, но легко отделалась. Интересно, зачем вообще старуха меня толкнула? Отвлечь одержимого? Ну... надеюсь, толкала не зря.

Сколько-то я пролежала в постели, ленись шевелиться, порой задремывая, порой опять почесывая кошек. Когда повернулась на бок, серая невозмутимо стекла вниз и свернулась клубком возле живота, а рыжая так и продолжала занимать добрую половину подушки.

Окончательно проснуться меня заставили все те же кошки. Кактус вдруг вскочила, пробежала прямо по мне и замерла в изножье кровати, встав передними лапами на поперечину. Я не сразу поняла, что она же является источником странного гудящего звука: кошка рычала. Гайка, почему-то молча, встала, встряхнулась и спрыгнула на пол.

— Что случилось? — растерянно спросила я, садясь на постели.

Рыжая, стелясь брюхом по полу, подбежала к двери и залегла возле нее, прислушиваясь.

Где-то в недрах дома хлопнула дверь, потом еще одна. Я набросила висевший на столбике кровати халат, потом встала, держась за этот самый столбик, — ноги плохо слушались. Только далеко уйти не успела: дверь спальни распахнулась, и на пороге возникла высокая худощавая фигура — Ферейн Авер собственной персоной.

Я так опешила, что замерла, не попытавшись убежать, пусть даже бежать было и некуда, не попыталась что-то сказать и даже закричать. В разговоре с Даном, когда мы обсуждали эту ситуацию, все казалось

таким логичным и разумным, и я почти не сомневалась уже, что за всем стоит именно этот тип. Но сейчас, в этом доме, он выглядел настолько неуместно и чужеродно, что я не могла поверить своим глазам. Особенно сейчас, когда самого Адриана нет.

Этого ведь не может быть. Он же обещал меня защитить, он уверял, что дом надежен. Неужели?..

— Наконец-то! — удовлетворенно ухмыльнулся некромант, не сводя с меня злого, цепкого взгляда льдисто-серых глаз — чуть навывкате, маниакально блестящих. — Везучая дрянь... Что ж ты никак не сдохнешь?! Ну ничего, сейчас мы это исправим!

Он переступил порог, в руке блеснул нож. Однако на следующем шаге угрозы неожиданно прервались: откуда-то сверху, со шкафа, с воинственным воплем прыгнула черная тень, словно специально метя человеку в лицо. Авер грязно выругался, с болезненным рычанием отодрал от себя Ваксу, с яростью отшвырнув в сторону. Кошка глухо стукнулась всем тельцем о комод, я вскрикнула.

Мужчина провел левой ладонью по лицу, по нескольким глубоким царапинам, из которых текла ярко-алая кровь. Выругался, шагнул в мою с торону — и опять вскрикнул: Кактус с утробным рычанием вцепилась в его ногу. Дернулся вбок — и с грохотом влетел в шкаф, запнувшись о рыжую.

В этот момент на пороге наконец появился Блак. Не тратя времени на оценку обстановки, подскочил к Ферейну и, не прибегая к магии, от всей души двинул тому в челюсть. Опять грохнул шкаф.

А я все-таки очнулась и, неловко заплетаясь непослушными ногами в одеяле, перекатилась на другую сторону кровати: Адриану моя помощь вряд ли нужна, а вот кошка...

Вакса была жива и пыталась встать, но задние лапы не слушались, а на светлом паркете темнела россыпь мелких кровавых пятен.

— Тихо, маленькая, тихо, только хуже себе сделаешь! — чувствуя колющий ком в горле и жжение в глазах, я не задумываясь стащила халат, чтобы спеленать кошку. В ветеринарии я не понимала ровным счетом ничего, но из правил оказания помощи людям точно помнила, что при травме лишний раз шевелиться нельзя.

Вакса не сопротивлялась — то ли понимала своим кошачьим умом, что ей пытаются помочь, то ли на сопротивление не осталось сил. Дышала тяжело, со свистом, и тихонько не то поскуливала, не то

постанывала — я и не знала, что кошки вообще могут издавать такие звуки. Осторожно прижав маленький горячий сверток к груди, я обернулась на грохот и мужскую ругань, все так же сидя на полу на коленях. Очень хотелось окликнуть Адриана, сказать, что нужно спешить, но промолчала, нервно закусив губу, — я его так только отвлеку и сделаю хуже.

Авер, пропустив пару ударов, все же сориентировался и постарался дать отпор. Не физически, тут ему Блаку, кажется, нечего было противопоставить. Магически. Если явился он с ножом, наверное не желая оставлять магические следы, то теперь стало не до этого.

Я плохо понимала, что происходит, потому что не видела заклинаний, лишь редкие, едва заметные внешние их проявления. Воздух в комнате дрожал, словно жаркое марево над дорогой, только неравномерно — полосами, кляксами, тонкими плетями. Порой они шипели и потрескивали, порой вспухали сгустками плотного белесого тумана.

Кактус забила под кровать в дальний угол, Гайка жалась к моему боку и нервно приплясывала, то порываясь понюхать раненую подругу, то втягивая голову в плечи, то гневно молотя хвостом по полу.

— Ну давай, Блак! Я же чую, у тебя сил больше нет, — сквозь зубы выцедил Авер.

— Идиот. Я же дома! — усмехнулся-оскалился в ответ шериф.

Прикрыл глаза, как-то странно отставил руки назад — ладонями вперед, словно упираясь ими в воздух, слегка подался корпусом. По стенам и по полу прокатился низкий, отдающийся в инфразвук, стон, свет заметно померк. Гайка зашипела и попятилась, Авер дернулся и испуганно заозирался. В следующее мгновение откуда-то из незаметных глазу щелей между досками паркета — или прямо сквозь них — начал сочиться густо-черный, плотный чадный дым. Он мягко, едва касаясь прохладными щупальцами, обтекал меня и кошек, повергнув рыжую в истерику: Гайка отчаянно шипела, испуганно таращила глаза, поджимала хвост и била лапой по дымным плетям.

Однако не было ни сажи, ни дерущего горло горького запаха гари — лишь едва ощутимый дух мокрой земли и прелых листьев. Одно мгновение, другое... длинные, вязкие, словно весь мир вокруг замедлился и гулко застучал тяжелым пульсом в ушах, — и черный

дым окутал Авера непроглядным коконом. Уже через пару секунд туман ощутимо поблек и рассеялся, а мужчина осел без сознания.

Шериф проводил его взглядом, тяжело опираясь ладонью о шкаф. Подошел, ткнул носком ботинка, проверяя. Обернулся:

— Винни, ты в порядке?

— Дан, он... — очнулась я. — Ваксу...

Некромант приблизился, опустил на корточки, коснулся тыльной стороной ладони кошачьего носа. Выругался.

— Давай ее сюда.

— Дан, она?..

— Винни, не плачь. Дай ее сюда, она крепкая, выкарабкается. А ты одевайся.

— Ее надо к врачу! — пробормотала я, дрожащими руками передавая кошку хозяину. — Быстрее!

— Надо. Винни, ты голая. Не пойдешь же ты так? — терпеливо повторил Блак.

Но заставили меня шевелиться не столько слова некроманта, сколько тяжелый, строгий взгляд. Если бы Адриан сейчас тихо предупреждающе зарычал, это было бы очень уместно.

Я подскочила с места, спешно принялась натягивать на себя одежду, сброшенную на комод, раздраженно смаргивая и пытаюсь стереть бегущие по щекам слезы. Юбка пестрела грязными пятнами и, высохшая, стояла колом, но я не обратила на это внимания. С трудом попадая пуговицами в петли, застегнула блузку. Кажется, обсчиталась и что-то пропустила.

— Я готова.

— Пойдем. — Адриан, дожидаясь меня, ласково поглаживал Ваксу между ушей кончиком пальца. — Можете ему что-нибудь откусить, — добавил, обращаясь к остальным кошкам.

Ушли мы, впрочем, недалеко. Внизу, в прихожей, Дан почти силой усадил меня на стул, опять осторожно передал Ваксу.

— Ты куда? — всполошилась я.

— За машиной, — коротко откликнулся он. — Не бойся, тут совсем рядом, а он не очнется.

— Но...

— Так получится быстрее. Винни, успокойся и не паникуй. — Наклонившись, мужчина мягко поцеловал меня в лоб.

— Она меня спасла, — всхлипнула я. — Прыгнула на него. А он...

— Выкарабкается, — еще раз пообещал шериф и выскочил наружу, не закрыв за собой дверь.

Несколько следующих минут оказались очень трудными. Я всхлипывала, бормотала что-то ласковое, уговаривала держаться. Краем сознания понимала, что это истерика, что никому я своей суетой и паникой не принесу пользы, что надо собраться, успокоиться и взять себя в руки. Но не получалось, события последних насыщенных суток наложились одно на другое, и сил не осталось ни на что.

Вернулся Блак не один, следом в коридор ввалилась еще пара полицейских во главе с Кирианом Клетом.

— Пойдем. — Дан потянул меня за локоть. Спотыкаясь и шмурыгая незавязанными ботинками, я поспешила с ним на улицу.

В отличие от меня шериф сохранял внешнее спокойствие. Но по улицам гнал отчаянно, сигналив и лихо вписываясь в повороты, — я и не думала, что он умеет так водить, в нашу единственную поездку Блак был аккуратен и нетороплив.

Приехали мы в уже знакомое место, в госпиталь. Задавать вопросы я не стала — раз Адриан привез сюда, значит, точно знает, что делает. Дан забрал у меня Ваксу, помог выбраться из машины.

— Вистон Трас где? — рывкнул Блак женщине, сидящей за регистрационной стойкой.

Та отшатнулась, но, кажется, не от испуга, а от звуковой волны.

— У Траса сегодня приемный день, в кабинете он, — ответила, поправив белую медицинскую шапочку. — Что случилось, шериф? — крикнула она вслед мужчине, поднявшись с места и опираясь на стойку.

Но тот не ответил, отмахнулся, и мы побежали дальше. Точнее, Адриан просто широко и быстро шагал, а вот мне приходилось догонять его чуть ли не вприпрыжку.

Когда мы с шумом ввалились в кабинет врача, там сидела какая-то пожилая пациентка. К счастью, они просто разговаривали, доктор смотрел результаты анализов.

— Дан, ты рехнулся? — недоуменно поприветствовал его Трас, а пациентка молча вытаращилась в крайнем изумлении.

— Вит, помощь нужна. Вот! — Блак кивнул на Ваксу.

— Нет, ты не рехнулся, ты оборзел! — решил врач. — Зачем ты ее сюда приволок? Я что, ветеринар?!

— Вит, пожалуйста! Что хочешь проси, — веско проговорил Адриан. — Ну нет у нас в городе другого хирурга!

— Дан, у меня пациенты!

— Доктор, да как вы можете?! — неожиданно встала на нашу сторону пациентка. — У нее же кровь! — испуганно ахнула она. — Бедная девочка, что с ней случилось?!

— Вит, — требовательно, с нажимом, повторил Адриан.

— Творец! Я с этим вашим городом с ума сойду, нашел спокойную работу! — раздраженно процедил Вистон Трас, швырнув ручку. — Вот я еще только кошек не лечил в своей жизни! Неси ее в операционную, демоны с тобой, — велел он и потянулся к переговорному устройству: — Госпожа Вель...

— Идите-идите, доктор, я со своей коленкой двадцать лет жила, еще поживу, — замахала на него руками пациентка.

Опять короткий спринт по коридору, несколько минут ожидания. Первой прибежала молодая женщина — кажется, медсестра. Немного поворковала над кошкой, погладила по носу и нырнула в операционную. Следом пришел сам Вистон Трас, последним — низкий лысеющий мужчина, недовольно ворчащий и ругающийся себе под нос. Нас он смерил угрюмым тяжелым взглядом, на приветствие не ответил, мрачно буркнул: «Ну и как мне дозы считать?!» — и хлопнул дверью. Через минуту опять выскочила медсестра, забрав Ваксу вместе с халатом.

В коридоре повисла тишина.

— Иди сюда. — Адриан обнял меня и потянул к одной из скамеек, стоящих вдоль стены. Сел сам, силком усадил меня рядом; я не сопротивлялась сознательно, просто чувствовала себя опустошенной и заторможенной и не успевала реагировать на происходящее. Опять обнял, коснулся губами виска. — Ну тихо, все будет хорошо.

— Он ее так швырнул... — снова всхлипнула я, крепче прижимаясь к мужчине. Пока ехали, пока бежали — было не до слез, а теперь они вновь потекли градом.

— Не плачь, ну что ты? Такая решительная, а тут расклеилась... — Он пару секунд поколебался, а йотом все же потянул

меня к себе на колени. Напоминать о приличиях я не стала: так действительно было удобнее. — Очень испугалась?

— Очень. То есть нет, — отозвалась, удобно пристроив голову на широком плече. — То есть не только сейчас, а этот... так неожиданно, и тебя не было...

— Прости, моя вина. Обещал, а сам... Как назло, все одно к одному, — проворчал Адриан, глядя меня по голове.

— Ты его убил?

— Нет. Хотелось, конечно, но тогда проблем не оберешься. Просто вырубил, так что тебе еще придется с ним встречаться во время суда. М-да. Может, и правда следовало убить, он же тебе жизни не даст, даже если посадят...

— Тогда уж всю семью, — вздохнула я. — Справлюсь как-нибудь. Главное, чтобы Вакса выжила... Они у тебя такие отважные, — жалобно шмыгнула носом.

— Да уж.

— Дан, а что там с ритуалом? — попыталась я переключиться на другую тему. Вчерашние страхи были предпочтительней сегодняшних: они остались в прошлом.

— Аптекарь мертв, ритуал сорвался, — отозвался Блак лаконично.

— Это ты меня принес домой, да? Меня магией стукнуло? Я помню, что меня Касадра толкнула. Правда, показалось, что она меня убила, но, видимо, показалось...

— Я принес, да, — медленно проговорил он. — Творец! — пробормотал, слегка стукнулся затылком о стену. — Я хотел все это обсудить завтра, на свежую голову, а то она не варит совсем.

— Обсудить что? — озадачилась я.

— Всю эту историю. До завтра потерпит?

— Потерпит, конечно, — заверила его. — Меня просто разговор отвлекает, замолкаю — и мысли всякие. Прости, это я отсыпалась, а ты... Но хотя бы какой сейчас день?

— Ты недолго пролежала, — не открывая глаз, улыбнулся некромант. — Считай, только ночь, сейчас середина следующего дня.

— Хоть одна хорошая новость, — пробормотала я.

— Ну почему одна? Все не так плохо. Того, кто пытался тебя убить, взяли. С убийством тоже разобрались.

— А Вакса?... Творец, ну почему они так долго?!

— Они только начали. Пойдем. Тут на первом этаже есть маленькое тихое кафе для персонала и посетителей, посидим там. Здесь ты совсем изведешься.

— А если?..

— Если Вит закончит раньше, он кого-нибудь пришлет. Пойдем.

Вставать не хотелось, но только потому, что я пригласилась у Адриана на колених и более-менее успокоилась в его объятиях. В остальном некромант, бесспорно, был прав, сидеть под дверью операционной — последнее дело.

— А как он догадается, где тебя искать?

— Догадается, — отмахнулся Блэк.

— Ты так уверенно тут держишься и ориентируешься, знаешь порядки... — заметила я, когда Адриан толкнул какую-то неприметную дверь без опознавательных знаков и мы оказались на черной лестнице. — Это из-за работы?

— Нет, из-за матери. Она долго болела. Три серьезных операции, пять вмешательств попроще и постоянные визиты к врачам. Я не каждый раз ее сопровождал, но бывал тут часто.

— Извини, — смутилась я. — Ты же говорил, а я как-то не связала...

— Ничего страшного. Во-первых, это было давно, во-вторых, некроманты, и я не исключение, относятся к смерти спокойней. Ты не могла не заметить этого, если общалась с моими коллегами.

— Мы не обсуждали личное, — пожала плечами.

В небольшом и совершенно безликом кафе с простыми металлическими столами и металлическими же трехногими табуретами было безлюдно. Место производило гнетущее впечатление, своей обстановкой напоминая операционную и не давая забыть, что мы в больнице, однако кафе тут оказался неплохим. А пирожное, которое Адриан взял мне после заверения, что «ничего не надо», — свежим и аппетитным на вид.

— Ты хочешь меня раскормить до пугающих размеров, — вздохнула я.

— Я хочу, чтобы ты успокоилась, — возразил Блэк. — Ты опять забыла про таблетки?

— Ну... вчера пила. Только они, видимо, на такое не рассчитаны, слишком слабые. Я совсем неадекватна, да?

— Не то чтобы совсем, но заметно. Мне кажется, в норме ты бы не ударилась в такую панику из-за Ваксы. Переживала бы, хотела помочь, но не настолько.

— Наверное.

Некоторое время мы молчали. Адриан пил крепкий сладкий чай и ел какой-то монструозного вида бутерброд, я запивала свое пирожное кофе. Мне действительно заметно полегчало, не знаю уж, но какой причине. А потом мысли соскользнули в знакомую сторону, я вздохнула и, поморщившись, заела испорченное настроение кусочком сладости.

— Ты чего? — любопытствовал некромант.

— Ничего нового, — поморщилась я снова, а йотом вдруг пояснила: — Я каждый раз в таких случаях чувствую себя неблагодарной дрянью...

— Неблагодарной кому? — удивился он.

— Родителям. Ты сказал про маму, ну я и... Понимаешь, мои родители живы. А еще есть две сестры и старший брат. Только мы не виделись уже лет десять. Когда мы с Ликой последний раз были в родном городе, мать закатила безобразный скандал, и как она меня только не обзывала... Меня и особенно Лику.

Родители полагали, что именно Ангелика стащила меня с правильного пути, уволокла в столицу и толкнула в пучину разврата. Все пеняли на наследственность. Мать Лики вела весьма... свободный образ жизни — мужчины, алкоголь, внезапные исчезновения в неизвестном направлении. От кого нагуляла дочь — не знала и почти ею не интересовалась. Пока была жива бабушка, женщина очень тихая и нелюдимая, о Лике заботилась она, а потом подруга оказалась предоставлена самой себе.

Я только после института поняла, насколько вовремя мы с Ангеликой попались друг другу в детстве. Если бы не она, я бы никогда не набралась решимости уехать и взять жизнь в свои руки, хотя идея со столицей принадлежала мне и журналистикой Лика заинтересовалась с моей подачи. А без меня она, скорее всего, повторила бы жизненный путь собственной матери: горячая, увлекающаяся, действующая вперед размышлений — подруга очень на нее походила.

С той безобразной сцены мы не бывали в родном городе. Просто подхватили вещи, которые даже занести в дом не успели, и пошли обратно на вокзал, где поменяли билеты и вернулись в Шорру.

И очень часто, когда жизнь так или иначе сталкивала меня с вопросом отношений с родителями, я задумывалась об этой истории. Порой с облегчением понимала, что, возможно, сохранила таким поступком себя и убереглась от гораздо более серьезных разочарований, а порой, вот как сейчас, испытывала стыд.

— Может, тебе просто еще раз попытаться с ними поговорить, если тебя это так беспокоит? — пожал плечами некромант. — Не сейчас, когда в норму придешь. И там уже принимать решение.

— Мне и раньше решимости не хватало, а теперь вообще непонятно, когда я ее наберусь... Да оно так, просто к слову пришлось, не обращай внимания. Опять эта проклятая чрезмерная эмоциональность... Надеюсь, с Ваксой все будет хорошо и хоть теперь я смогу отдохнуть безо всяких потрясений!

Глава двадцать четвертая, в которой опять совершаются ошибки

— Да все с ней будет нормально, — отмахнулся от моих нервов хирург. Ваксу вернули замотанной все в тот же многострадальный халат, а вместе с ней выдали несколько бумажек с назначениями. — Заживет как на кошке. Ударилась сильно, кое-что внутри повреждено, но даже не сломано ничего. Пару дней не кормить, ну и лекарства давать для заживления. Творец ее знает, сколько кошке надо, я как на младенца считал.

— Спасибо, Вит. Я твой должник, — серьезно проговорил Адриан, пожимая его руку.

— Да что с тебя взять! — отмахнулся доктор. — Если бы ты мог на начальство в Фонте повлиять, чтобы сюда наконец хирурга прислали, — это да. А ты же не можешь. Хотя... слушай, верни моему анестезиологу водительские права и машину, их же твои охламоны отобрали!

— Завтра сделаю, — спокойно пообещал Блак. — Только ты с ним беседу проводи, чтобы в руках себя держал.

— Он больше не будет, — улыбнулся Вистон Трас. — Да, и если будет такой же «славненький черненький котенок» на примете — Лунк очень просила.

— Ты ее и в светокамеру отнес? — Адриан изумленно вскинул брови. — Спасибо.

— Да ладно, жаль же животину. — Хирург-патологоанатом почесал спящую кошку за ухом. — Я людей оперировать не люблю, и то вон приходится! А звери-то приятней двуногих. Что с ней стряслось вообще? Упала откуда-то?

— Если бы, — поморщился Блак. — Вломился один ко мне в дом, сейчас в участке отдыхает, она попыталась дать отпор. Хорошо вернулся я вовремя, а то бы не только Вакса пострадала. — Он покосился на меня.

— Сумасшедший дом! — вздохнул Вистон. — Перебрался в тихое место у моря, да. То сложные роды, то опасные духи, то сторожевые кошки...

— Пойдем, — обратился ко мне некромант, когда с доктором мы распрощались и тот ушел к своим пациентам, если те еще не разбежались. — Не тяжело?

— Нет, она совсем легкая. Пойдем. А где лекарства брать, если аптека закрыта?..

— Да, точно, дело говоришь! — опомнился Адриан и изменил направление движения. — Здесь тоже есть аптека, маленькая, правда, но такие вещи быть должны.

Пока дошли до нужного места, пока некромант разговаривал с алхимиком, я рассеянно покачивала кошку на руках и пыталась осознать очередные стремительные изменения реальности. Я так толком и не привыкла к тому, что меня собираются убить, а тут раз — и опасность миновала. Но временно, пока Фереин Авер сидит в камере здесь, в Клари. Вряд ли он остановится на достигнутом и вряд ли так легко смиритсся с собственным поражением. Если уж дошел до того, чтобы пытаться убить своими руками, ничто не мешает продолжить охоту потом, после освобождения. Или даже из тюрьмы, если у него найдутся связи. И опять придется привыкать к постоянной угрозе. Или не придется, если экспертиза покажет, что у Авера проблемы с головой и лечение поможет вправить ему мозги...

Но, помимо этого всего, меня занимало еще одно неразрешимое нравственное противоречие. Совершенно дурацкое на фоне прочих проблем, и тем не менее.

— Ты так косишься на меня всю дорогу исподлобья, как будто прицеливаешься, — не выдержал Адриан, когда мы уже погрузились в служебное авто.

— Я думаю. Я, получается, только что стала соучастницей коррупционной схемы...

— Чего? — озадаченно покосился на меня мужчина. — Какой схемы?!

— Ты, должностное лицо, только что пообещал в качестве благодарности совершить мелкое должностное преступление. Правда-то у него не просто так отобрали? Пьяный был?..

— Тьфу, ну ты и выражаешься! — рассмеялся он. — Не был он пьяным. Он просто мужик вспыльчивый и нервный, работа тяжелая. Ехал домой, зашел в лавку, бросив машину абы как. Получился серьезный, по меркам Клари, затор, пара грузовиков застряла, потом

еще разъехаться не могли... Один из ребят ему штраф выписал, а тот не сдержался, попер в ответ. Ну слово за слово, до драки дошло. Полицейский у него права отобрал и машину задержал, а сам потом тоже схлопотал выговор уже от Кира.

— За что?

— За рукоприкладство и неумение работать с населением. А что до нарушения... Так и кошку оперировать Вит не имел права. Начнем с того, что он и людей-то не имеет права оперировать, но ты это кому-нибудь из его пациентов попробуй объяснить.

— Я все это понимаю. Потому и считаю себя соучастницей. Это... удручает.

— Ты что, никогда не оказывалась раньше в таких ситуациях?

— Нет. Мне до сих пор везло решать все вопросы законным путем.

— Хм... — Адриан покосился на меня с каким-то очень странным выражением в глазах. — И правда редкий вид. Я бы даже сказал, уникальная особь...

— Ты о чем? — настала моя очередь недоумевать.

— Честный судья — редкий, исчезающий вид. А ты какая-то совсем уж удивительная выходишь. Винни, ты никогда не задумывалась, что справедливо — это далеко не всегда по закону?

— Задумывалась, — проворчала я. — А еще о том, что справедливость разные люди понимают по-разному, и мое представление о ней может не совпадать с чьим-то другим. И кто я такая, чтобы ставить свое понимание выше? Закон же, может, не идеален, но зато един и объективен.

— Ты точно уникальна, — с легкой улыбкой резюмировал Адриан, останавливаясь на знакомом пустыре у полицейского участка.

— Это плохо, да?

— Наоборот, замечательно. Но сложно. Тебе самой в первую очередь. Давай ее сюда, не настолько уж она легкая, — закрыл он скользкую тему и забрал у меня кошку.

До дома дошли не спеша, по молчаливому согласию не обсуждая ничего серьезного, а разговаривая о погоде и природе. Адриан рассказал, что бури, подобные вчерашней, — обычное дело здесь осенью, после которых сегодняшний сухой штиль с высокими редкими

облаками — совершенно нормально и привычно, и простоит эта хорошая погода не меньше полудекады.

Дома Дан устроил Ваксу на старом одеяле в гостиной, возле миски с водой. Собирался и сам укладываться на диване, но я прогнала его отсыпаться нормально, пообещав, если не справлюсь, непременно разбудить. Хотя я и не представляла, что такое может случиться теперь, когда все преступники пойманы.

Гайка и Кактус все это время вились у хозяина под ногами, обнюхивали свою болезную подругу и чихали от лекарственного запаха. Потом рыжая отправилась с Блаком наверх (после попытки подвернуться под ногу на лестнице некромант взял ее на руки), а серая осталась с нами. Деловито обнюхала забинтованную Ваксу еще раз, вспрыгнула на тумбочку рядом и там устроилась, подобрав лапы, так чтобы видеть и слышать нас обеих.

Некоторое время я пыталась читать, но больше неподвижно пялилась в страницу, погруженная в мысли. Стоило остановиться и остаться одной, как начало потихоньку приходить осознание. То ли благодаря выпитой таблетке, то ли основные эмоции я успела выплеснуть раньше, но процесс этот не был таким уж мучительным.

Последнее нападение вообще, как ни странно, не вызывало почти никаких чувств, кроме жалости к Ваксе. Мотивы понятны, последствия предствимы, дальнейшие действия тоже. Все, что я могла, — это выразить свои опасения Маргу и попросить для Авера тщательной психиатрической экспертизы. Любопытно еще узнать, как именно Адриан одолел противника, это явно было что-то очень необычное, но любопытно скорее для общего развития.

Сейчас гораздо сильнее занимали события вчерашней ночи и непонятное нежелание Блака об этом говорить. Он ведь откровенно уходил от разговора, пользуясь благовидным предлогом. И если все так благополучно и просто разрешилось, почему разговор нужно откладывать? Не настолько уж туго он соображал. А если неблагополучно, то — что?.. Понятно, ничего совсем грандиозного не произошло, Клари выглядел как обычно. Но... Убила я, что ли, ненароком кого-то из участников?

Утомившись в конце концов строить пустые догадки, я решила отвлечь себя полезным делом и пошла готовить, раз уж книжка в этом деле не помогала.

День в итоге прошел совсем не скучно, хотя и довольно суетно. Сначала я рискнула сбежать купить кое-что из продуктов, потом готовила, а потом опять готовила, но постоянно отвлекалась на Ваксу, которая тяжело и долго отходила от наркоза. Сначала жутко вопила, напугав меня и остальных кошек почти до паники, Гайка даже прибежала сверху выяснять, что происходит. Потом на непослушных лапах пыталась куда-то идти, потом...

В общем, скучать не пришлось, и за всей этой суетой я даже не заметила, как наступил вечер. Сообразила только потом, когда облегченно плюхнулась в кресло в намерении немного почитать и дать отдых ногам — они после вчерашнего-то едва слушались, а сегодня я еще добавила. Вакса к этому моменту немного успокоилась и лежала на диванной подушке, которую я уступила ей взамен испачканного одеяла. Рядом с подругой лежала Кактус, которая то и дело пыталась обнять и вылизать ее, как котенка. Гайка к старшим не лезла, но стоило мне присесть, как тут же взгромоздилась мне на колени. И почему я, интересно, до сих пор не завела себе кошку?..

От последней мысли стало грустно. Минувшие дни оказались настолько насыщенными, что не было возможности всерьез задуматься о будущем и вообще о своей жизни, а сейчас вдруг вспомнилось, что я здесь ненадолго. Может, побуду еще декаду, а потом все равно придется возвращаться в Шорру. Хотя бы даже ради следствия по делу о покушении на меня, которое будет вести Марг.

А мне — и это было неожиданно и почти пугало — совсем не хотелось уезжать. Да, я не представляла, чем могу заниматься в Клари, где темп жизни, подобный нынешнему, — редчайшее исключение. Но с другой стороны, совсем не хотела расставаться. С этим городком, к которому невероятным образом успела привыкнуть и прикипеть, но особенно с этим домом и, главное, с его обитателями.

Подумать только, я провела здесь всего несколько ночей, а уже чувствую себя уверенно и спокойно. И кошки уже как родные. Да и их хозяин...

С хозяином сложнее всего. С ним все получилось так неожиданно и так легко, что даже непонятно — как? И, главное, что именно? Декаду назад я не подозревала о его существовании, несколько дней назад испытывала отвращение, а теперь вот сижу в его гостиной с его кошками с таким ощущением, словно мы уже давно и прочно женаты.

А ведь это просто игра случая, и на самом деле мы совершенно чужие друг другу люди. С его стороны — примитивные желания, долгое воздержание и общая порядочность, требующая быть вежливым, аккуратным и обходительным даже со случайными любовницами. С моей... Нежелание спорить, стремление забыть прошлые отношения и доказать самой себе, что я могу нравиться мужчине просто так, безо всяких двойных смыслов. Ну и в конечном счете те же самые примитивные желания, потому что любовником Адриан оказался отличным. И все. Нам просто неплохо вместе, скоро мы расстанемся и забудем друг о друге. Пошлейший и банальнейший курортный роман, пусть этот город совсем не похож на курорт. Так? Так.

Но почему же так тоскливо и гадко, стоит подумать о необходимости уехать? Почему я нет-нет да и задумываюсь о том, чем бы могла себя занять, живя в этом городке? Неужели так не хочу быть одна, что готова вешаться на первого попавшегося мужчину, который проявил ко мне малейший интерес? Почему не могу просто отпустить всю эту ситуацию, не терзать себя неопределенными стремлениями и желаниями, как наверняка не терзается Блэк? Чего я вообще от него жду?..

— И почему я не кошка, а? — спросила тихо, почесывая рыжую между ушей. — Насколько бы все было проще...

— Мр-рмя! Мур! — охотно ответила Гайка.

— Да, ты права. Это надо заслужить, — хмыкнула я. — Может, в следующей жизни повезет, а? Хотя вряд ли, для этого надо уметь радоваться каждому дню и не накручивать себя по пустякам...

В конце концов общество мурчащей и ужасно ручной кошки помогло успокоиться, а потом и книга достаточно увлекла, чтобы выкинуть унылые мысли из головы. Так что, когда на пороге появился помятый со сна и взъерошенный после душа Адриан в домашнем, я обрадовалась ему вполне искренне и не удержалась от улыбки!

— Привет!

— Привет. Как у вас тут дела? — спросил он. Сначала подошел ко мне, наклонился через подлокотник кресла, чтобы поцеловать. Походя почесал за ухом приветственно мявкнущую Гайку и только потом подошел к раненой, опустился на корточки, чтобы погладить и ее, и Кактуса.

— Нормально. Вакса пьет воду, лекарству сопротивлялась, но вяло. Одеядо вот испачкала, но я застирала. Остальных покормила. Да, я там поесть приготовила, ты, наверное, голодный... Что? — осеклась под непонятым взглядом, которым одарил меня мужчина через плечо.

— Ничего. Спасибо большое! Составишь компанию?

Отказываться я не стала, и некоторое время мы уютно провели на кухне. Отрывать некроманта от важного дела я не стала, тем более ел он так, как будто до этого неделю голодал, а вот йотом, за чаем, важную тему все-таки подняла:

— Дан, ты обещал рассказать, что там вчера случилось, на этой горе.

— Все закончилось благополучно. — Он неопределенно пожал плечами. — Наши предположения полностью оправдались, аптекарь действительно был одержимым. В нем вправду сидела душа Этеона Отока. Если ему верить, все, кто пострадал при появлении Разлома, оказались привязаны к этой аномалии, и он хотел таким образом их освободить. Для мертвого жизнь мало что значит, поэтому его даже в чем-то можно понять. Кир предлагает не упоминать имени духа в официальных бумагах, и я склонен с ним согласиться.

— А вдруг кто-то еще узнает почерк?

— Ну, доказать будет очень сложно, можно сказать, что это подделка. Да и ритуал объяснить несложно: хотел закрыть Разлом, благая цель. Кое-кому из некромантов-теоретиков мы, конечно, правду расскажем в частном порядке. Вдруг все это действительно поможет от него избавиться? Не закрыть совсем, а хотя бы уменьшить опасность.

— А Дхур? Она как в этом всем замешана? И зачем она меня толкнула?

— Она толкнула тебя, чтобы отвлечь аптекаря, — проигнорировав первый вопрос, отозвался некромант.

— Ты врешь, — вдруг поняла я. Прозвучало удивленно, и я в самом деле здорово растерялась — и оттого, что Блак вдруг начал юлить, и оттого, насколько неловко у него это получалось.

— Я?..

— Ты. Причем очень неумело. Зачем? Что там такое случилось?!

— Касадра тебя убила, — после короткой паузы все-таки проговорил он. — Изгнать одержимого очень сложно, и она постаралась сделать это с твоей помощью. Рассчитывала, что я смогу

тебя вытащить. Сама она не могла против него пойти: давала присягу, давно, еще когда он жив был.

— А еще тебя она знает всю жизнь, а меня — второй раз видела, — подхватила я. — Понимаю. И почему ты не хотел об этом говорить?

— Мы вообще не хотели вдаваться в подробности истории. Дело изначально — об убийстве журналиста, убийца — Донт, тут никаких сомнений нет, он и не отрицал этого. Убийца погиб во время проведения непроверенного ритуала, вполне штатная ситуация. Полезные детали мы, конечно, сообщим тем, кто работает над проблемой Разлома, но...

— То есть вы хотите подтасовать факты? — спросила ровно.

— Да, — не стал отрицать очевидное Блак. — Просто если вся эта история всплывет...

Подробный рассказ много времени не занял, и на этот раз Адриан рассказал действительно все, четко и по существу. Даже как будто с облегчением, и это не удивляло: учитывая, как неуклюже он начал врать, делал подобное нечасто и привычки такой не имел.

И я даже готова была согласиться: если вытащить все это на поверхность да предать широкой огласке, а подобное неминуемо случится при упоминании столь громкого имени, как Этеон Оток... Может, и Касадру решат убрать, и вообще предсказать последствия один только Творец сможет. И для меня все закончилось хорошо, и если бы Блак чуть лучше умел врать, я бы даже не усомнилась в предложенной версии. Я и без него уже убедила себя, что основные ужасы вчерашнего вечера придумала! Но...

Опять меня пытались убить. А от меня ждут прощения, понимания и сочувствия. Все ведь обошлось, да?

Может, и Авера тоже надо простить? Обошлось же, даже вон Вакса жива осталась. Вот когда убьют — тогда и предъявлять претензии, а так... Спокойствие лепестка, память одного народного героя и жизнь еще одной легендарной особы, конечно, дороже жизни одного человека. По совокупности. Это ведь... справедливо?

— И чего ты хочешь от меня?

— Не упоминать весь этот рассказ в показаниях. И забыть, что ты опознала почерк. Все.

— Хорошо, — проговорила ровно. — Я не стану предъявлять старухе претензии, а все остальное останется на вашей совести. Можешь представить все так, словно меня там вовсе не было. Так, наверное, будет даже проще: не придется врать в протоколе. Не дошли мы до места, и все.

— Наверное, да, — кивнул Адриан, но без уверенности, поглядывая на меня странно, напряженно. Ждал возмущения и негодования? Ну... Наверное, у него были для этого основания.

— Хорошо. Это все?

— Ну если у тебя больше нет вопросов...

— Нет. Я пойду спать, ладно? Устала. И вчера, и сегодня все как-то... А ты с Ваксой посиди, она беспокойная. Доброй ночи.

— Доброй, — хмуро кивнул некромант.

Пока поднималась на второй этаж, пока раздевалась, пока принимала душ и устраивалась в кровати, я пыталась найти ответ на странный вопрос: почему мне так горько? Ведь никаких объективных причин. Я жива, более-менее здорова. Да я, если честно, даже радовалась, что не придется участвовать в еще одном судебном процессе, на этот раз в роли свидетеля и — в очередной раз — пострадавшей. И на воинственную старуху не злилась. В конце концов, это даже хорошо, что она приняла такое решение: Адриан меня спас, а его бы некому было спасти, и шериф с большой вероятностью погиб бы. Можно сказать, имело место досудебное решение в связи с примирением сторон.

А за соучастие и помощь одержимому Касадру, скорее всего, никто и не осудил бы. Кровная присяга — сильная штука, так что скорее некромантку можно было считать жертвой принуждения, которая чудом освободилась от давления чужой воли.

В общем, даже с формальной, законной точки зрения, все это — небольшое и не такое уж страшное нарушение. Но на душе все равно скверно и гадко.

Кажется, сильнее всего меня задела попытка Блака соврать и то, что он даже не извинился за это. Опять ложь, а я знаю его всего несколько дней. Да и вообще, все его поведение во время разговора и после — отстраненность, недовольство, неловкость. А более того — он не пошел за мной...

И то ли таблетки совсем не помогали, то ли я просто достигла предела прочности, но на этой мысли я разревелась. Отчаянно рыдала, душа подушкой всхлипы, вдохновенно жалела себя, даже сильнее, чем после всей этой истории с Тамианом.

А выплакавшись, наконец нашла простое и естественное объяснение своим эмоциям. Можно было списывать все на собственную нестабильность, взывать к логике и здравому смыслу, апеллировать к разуму и вероятностям, но следовало признать один простой факт: я влюбилась. Вот так вот глупо, на ровном месте, но — несомненно. И, пожалуй, только одно это объясняло мои порывы и стремления.

Да, наверное, предсказанная менталистом чувствительность сыграла тут свою роль, потому что более не подходящего именно мне мужчину в этом мире еще поискать, но иметь дело приходилось не с предсказаниями, а с конкретным результатом. И что с этим результатом делать, я не представляла.

Нельзя всерьез воспринимать курортный роман, потому что иначе ждет только разочарование. Причем даже не по вине мужчины — по собственной глупости, что вдвойне обидно. Только как бы суметь последовать этому мудрому правилу?..

Не зря идея обмануть Лавинию не нравилась ему с самого начала. Ну не умел он вот так прямо в глаза врать, не привык. Если умолчать о чем-то, скрыть, схитрить по мелочи — этому научила жизнь еще с младшей школы, то откровенно лицемерить у Блака не получалось. Вот и не стоило начинать, а тут...

И ведь Творец знает, на что она обиделась-то! Он честно хотел спросить, извиниться, но напоролся на злой холодный взгляд — и передумал. Решил дать ей немного времени остыть и перебеситься, а сам пошел в гостиную. Спать все равно не хотелось, поэтому Адриан предпочел заняться уборкой. Может, в былые времена сел бы почитать, но с книгами сейчас не складывалось, а вот возня по хозяйству успокаивала и настраивала на мирный лад.

Потом он дал Ваксе лекарство, буквально на минутку присел на диван погладить рыжую — и незаметно для себя отключился и проспал до самого утра, суетно и сумбурно, но не просыпаясь. Сделал завтрак, хотел разбудить Лавинию — не смог. Так она сладко спала и

казалась такой трогательной, что буквально рука не поднялась. Посидев с минуту на корточках у постели и так и не решившись коснуться, отправился на службу. У него там, в конце концов, целый несостоявшийся убийца недопрошенный! Как раз должен очнуться.

На рабочем месте все было тихо и мирно. Выяснилось, правда, что Клет вчера отпустил Касадру Дхур домой, освободив антимагическую камеру для нового узника, но тут Адриан, поворчав, все же признал правоту заместителя. В отличие от Авера, Касадра вряд ли куда-то денется, да и решили же ее не впутывать. Так чего мурыжить?

Настроение с утра было очень ровным, Адриан отлично выспался, был спокоен и собран, так что к допросу, пользуясь такой удачей, приступил сразу. И зря потратил на Авера ценный ресурс хладнокровия: долго «колоть» его не пришлось, несостоявшегося убийцу буквально распирало от желания высказаться и разъяснить, какая сволочь Марг, его любовница-судья, сам Адриан и тот наемник, который отказался за оговоренную цену связываться с некромантом уровня Блака.

Шериф, конечно, составил протокол, который подозреваемый подмахнул не глядя, но просто потому, что было положено: он сомневался, что от этой бумажки будет какая-то польза. Вспомнит Авер про адвоката, тот составит правильную линию поведения — и привет: от показаний откажется, скажет, надавили и вообще не в себе был. То ли дело результаты экспертизы! Клет вчера аккуратно, с понятиями и с соблюдением всех формальностей, собрал магические отпечатки и прочие следы, и вот их оспорить уже будет труднее.

Сам Кириан пришел на рабочее место где-то в середине допроса, там его Адриан и нашел после. Некоторое время они сосредоточенно систематизировали все, что имели, и раздумывали, как лучше это оформить, чтобы ни у кого не возникло претензий. В конце концов подобрали складную версию, которая не противоречила уликам, а пару тех, которым противоречила, можно было легко изъять.

Адриана подмывало посоветоваться с Лавинией о том, насколько все это будет правдоподобно звучать для стороннего наблюдателя, но он держал себя в руках. Если женщина вчера так нервно отреагировала, то вряд ли она порадуется продолжению истории и охотно примется составлять непротиворечивую версию. Это они тут

живут в своем маленьком, изолированном мирке, где личные взаимоотношения значат зачастую куда больше законов, а госпожа Шейс к такому не привыкла. Да и привыкать ей не стоит. Даже не из каких-то этических соображений, просто в таком случае это будет уже не она...

И творец знает, сколько бы мужчины просидели за бумажками, если бы не явилась Касадра Дхур.

Вчерашняя слишком резвая пробежка по горам сказала на женщине удручающе: сегодня она, скрюченная, еле ковыляла, опираясь на трость, и прекрасно иллюстрировала собой выражение «старая карга».

— А, госпожа Дхур, — поприветствовал ее Адриан. — Вы вовремя, как раз подпишете протокол со своими показаниями...

— В задницу себе засунь эту бумажку, — нелюбезно огрызнулась Железная Каси, тяжело опускаясь на стул напротив шерифа. — Поглубже.

Подобное поведение и лексикон были столь нехарактерны для некромантки, что мужчины потрясенно переглянулись и не сразу нашли слова для ответа.

— Вы в порядке? — неуверенно спросил Адриан.

— Нет, разве не видно? — отозвалась она, недовольно хмурясь. — Как ты мог?!

— Мог что? — еще больше озадачился Дан.

— Упустить ее!

— Кого?

— Лавинию!

— Не понял. — Поморщившись, шериф тряхнул головой. — А что она такое сделала, что я должен был ее задержать?

— Идиот недоделанный, прости Творец! — вздохнула женщина, на пару мгновений устало прикрыв глаза. — Что ты такого натворил, что она уехала?

— Как — уехала? — опешил Адриан. — Вот утром же...

— Я только что разговаривала с твоей соседкой, Стуг. Она сказала, что твоя жиличка утром съехала, отдала ей ключи от дома. Да куда ты теперь подорвался-то? Все, ушел поезд, утром еще! Я спрашивала.

— В полдень шел местный, до Фонта. Ну и вагон тот я разрешил увезти, — виновато пожал плечами Клет, на которого шериф бросил непонимающий взгляд. — Его сразу и утащили, наверное... Дан, ты куда? Я машину в Фонт отослал за конвоем, Авера-то надо сдать!

Но Блэк только отмахнулся, выходя из кабинета, и хлопнул дверью. Кириан вздохнул и задумчиво качнул головой.

— Надеюсь, я никогда не влюблюсь. Удручающее зрелище.

— Куда ты денешься! — скривилась в ответ старуха. — Ладно, давай свою бумажку. Что вы там насочиняли?..

Адриан и сам не понял, зачем его понесло домой. Повода не верить Касадре не было, зачем бы ей врать, но внутри возникла странная иррациональная надежда, что все как-то не так и кто-то что-то неправильно понял. Что он придет, а она окажется там, и можно будет нормально поговорить, и...

На пороге его встретили кошки, все три. Гайка, как всегда, громко орала, Кактус бодала колени, а Вакса сидела в сторонке и молча вздыхала. Показалось — укоризненно.

Обходить дом не понадобилось, Дан уже в прихожей понял, что действительно уехала. Шоколадного цвета ботинки и маленькие изящные черные туфельки, аккуратно стоявшие в углу, пропали. Зато на тумбочке нашелся сложенный пополам лист записки, написанной крупными, очень аккуратными и почти печатными буквами, — Лавиния явно старалась писать разборчиво, помня о его проблеме.

«Прости, что уехала вот так без предупреждения, боялась опоздать на поезд. Из меня плохой отпускник, наверное, не стоило и пробовать. Спасибо за гостеприимство, у тебя чудесный дом и кошки. Ваксе здоровья!»

Дата, подпись.

Адриан медленно прочитал письмо два раза, словно надеялся, что это очередной выверт его испорченного Разломом восприятия и с первого раза он пропустил что-то важное. Перевернул, но с обратной стороны не было никаких надписей. Вздохнул, опустил на корточки, чтобы почесать за ушами вьющихся под ногами кошек.

— Не стоило ей врать. Или правду рассказывать не стоило, а надо было лучше подготовиться? Или я еще где-то напортачить успел? Как это все понимать, а? — пробормотал, показывая питомицам письмо. Кактус принялась и попыталась отереться об лист мордой, а Гайка уставилась на хозяина и коротко выразительно мявкнула. — Думаешь, Каси права, идиот? Ну да, у кого я спрашиваю! Женская солидарность же. А мне-то что теперь делать?..

Глава двадцать пятая, в которой происходит неизбежное

— Лавиния, ну как же вы так? Я же говорил — отдыхать надо! — Менталист скорбно выгнул брови домиком. — Я вас в клинику положу на декаду, ну что это такое?! Больше декады прошло, а у вас состояние не улучшилось совсем! Хорошо еще не ухудшилось...

— Извините, отпуск не задался, — покаянно пробормотала я. — Я честно пыталась, даже уехала, но как-то... С положительными впечатлениями не сложилось.

— Ладно. Попробуем проверить, помогут ли вам родные стены, благо журналисты поутихли, — вздохнул он. — Таблетки выпишу посильнее, придете, скажем, через три дня, и посмотрим на динамику. Если улучшений не будет — положу в стационар.

Одна польза от моей поездки и впрямь нашлась: за декаду основной шум улегся, и новость благополучно покинула не только первые полосы газет, но вообще повестку всех более-менее значительных изданий.

В клинику я явилась на третий день после возвращения в Шорру. Не то чтобы чувствовала необходимость, просто хотелось чем-то занять время: находиться одной дома было мучительно.

Первые сутки я разбирала вещи, мылась, отсыпалась и убирала накопившуюся пыль, потом закупалась продуктами и готовила. Вчера прошлась по магазинам в поисках нового пальто, изо всех сил стараясь не вспоминать при этом Клари, где осталось предыдущее. Выслушала на работе на удивление искренние заверения, что меня ждут обратно.

Сегодня наконец должна была вернуться из какой-то местной командировки Ангелика, мы договорились встретиться ближе к вечеру, а день оказался совершенно свободен. Вот и принесло меня к целителю. К лучшему, наверное. Может, совсем идеально было бы, если бы он сразу запер меня в клинике, но настаивать на этом я не стала, даже несмотря на то что слабо верила в собственное исцеление в родных стенах: слишком они давили.

В просторной квартире было пусто. Я раньше никогда этого не замечала, наоборот, радовалась открытому пространству и большому

количеству места, с удовольствием выбирала обстановку. Собственно, я потому и предпочла жилье на окраине, что оно гораздо дешевле, нежели в центре, и я могла позволить себе приличную площадь.

Но сейчас все это угнетало. Особенно ночью. Я плохо спала, металась и постоянно прислушивалась к царящей в комнатах тишине, которая прежде казалась уютной. Я всерьез жалела, что не могу сейчас выйти на работу, и, направляясь к менталисту, где-то в глубине души лелеяла надежду на выписку. Только, конечно, не всерьез: я прекрасно понимала, что не в том состоянии. Никаким спокойствием и душевным равновесием даже не пахло, выдержка моя канула в Разлом, и в таком настроении заниматься разбором уголовных дел — весьма паршивая идея.

Самое обидное, я даже осознавала, что мой нелепый побег из Клари — это тоже форма истерики, что взрослые люди так себя не ведут, что надо было поговорить или хотя бы спокойно попрощаться. Но при мысли об этом накатывала паника. Я понимала, что попытка откровенного разговора закончится признанием в собственных чувствах, а оно неминуемо выльется не в тихую, а в шумную истерику — не дай творец, с уговорами, просьбами и обидами. А устраивать некрасивые сцены и, более того, вешаться на мужчину было гораздо противнее, чем тихонько удрать.

Творец! Да я всю дорогу до Фонта и даже до Шорры нелепо надеялась, что Адриан догонит, вернет, скажет... Какая разница вообще, что он скажет, потому что все это было глупо, по-детски и нелогично! Не говоря уже о том, что невозможно.

Может быть, позже, когда — если — я приду в себя, то смогу вернуться в тот город, спокойно поговорить с тем человеком. Но не сейчас. Сейчас мне было даже тяжелее, чем после известия о предательстве Тамиана, и это пугало.

Поскольку до встречи с подругой оставалась еще пара часов, я направилась в сторону нужного кафе пешком, бездумно заворачивая в магазины и глаза на всякую мелочовку. Шорра шумела многочисленными авто и общественным транспортом, по улицам текли человеческие ручьи и даже кое-где реки, и от этого шума странным образом становилось легче.

В кафе тоже было немало народу, так что я порадовалась заранее заказанному столику. Явилась, несмотря на все старания, раньше, так

что пришлось немного подождать. Хорошо хоть Ангелика отучилась опаздывать.

— Привет, милая! — бодро поздоровалась Лика, обнимая меня со спины за плечи, и звонко чмокнула в щеку. — Я жутко соскучилась! Ты выглядишь... — Она плюхнулась на стул напротив, осеклась, обвела меня удивленным взглядом. — Хм. Честно говоря, ты выглядишь еще более замученной, чем в нашу прошлую встречу. Ты точно отдыхать ездила?!

— Я пыталась, — виновато улыбнулась ей, разводя руками.

Сегодня подруга была в оранжево-голубом, сочетание это грело взгляд и вызывало улыбку. Все же ей очень идут такие сочные цвета...

— Рассказывай давай, что у тебя стряслось!

Я до последнего не могла определиться, рассказывать Лике все или кое о чем умолчать. «Кое о чем», конечно, касалось моих личных отношений с шерифом. Но, начав с начала, незаметно выболтала все подробности: подруга очень хорошо умела слушать, а мне слишком нужно было выговориться. Вываливать эти глупости на менталиста было неловко, а Лика... Да она знала меня лучше меня самой, уж тут-то чего стесняться!

— Да уж, ну ты и начудила, — подытожила Ангелика, размешивая сахар в кофе. За время разговора мы успели поужинать и сейчас дошли до десерта. — Зря тебя целитель в стационаре не запер, ох зря!

— Зря, — покладисто согласилась я. — Знаешь, самое обидное, я понимаю, что никакой логики в этом поступке не было, сплошные нервы. Но я просто не смогу с ним спокойно поговорить. Вот еще не хватало мне в жизни за мужиками бегать и в любви признаваться!

— Нет, это-то я все понимаю. Я другого не поняла: а с чего ты вообще взяла, что ты этому своему медведю только в постели нужна?

— Не знаю, — устало пожала плечами. — Я вообще в каком-то тумане чуть ли не всю последнюю квартиру. Такое чувство, что несет потоком, а я ничего сделать не могу и ничего не понимаю в происходящем. Привычная жизнь канула в Разлом, а как построить новую — непонятно...

— Бедная Винни, — сочувственно качнула головой подруга. — Ну, может, тебе стоило для разнообразия начать с устройства личной жизни?

— Может быть. Только вряд ли. Даже если Адриан действительно ко мне неравнодушен, ну какой в этом прок? Он там, я тут, только еще обидней...

— Слушай, ну даже деревья пересаживают, а вы оба неукорененные! Кто-то может и переехать!

— И что мне там делать, хозяйством заниматься? — проворчала я. — Это сейчас кажется интересным, пока я не в себе и работать не могу. А там кварта-другая, и я начну маяться от безделья. Да и... Стоило ли уезжать за мечтой, полжизни к ней стремиться и отстаивать право заниматься любимым делом, чтобы потом вернуться к той перспективе, с которой начинала? Вот мать бы позлорадствовала — мужняя жена в глуши, только в другой. Вся цена идеалам и устремлениям, да...

— Ну, во-первых, мне кажется, довольно глупо ломать свою жизнь только ради того, чтобы насолить матери и доказать, что она была не права, — рассудительно возразила Лика. — А во-вторых, почему ты уверена, что он не согласился бы перебраться в Шорру?

— Ему там хорошо, он на своем месте. Для некромантов, оказывается, родная земля многое значит, и он очень неодобрительно высказывался о переездах. В общем, не обращай внимания, глупости это все. Временные неудобства. Психику свою подлечить надо нормально, а не вот так, как с этим отпуском получилось. Я вообще, думаю, поехать, что ли, в какой-нибудь тихий пансионат для стариков здесь, в пригороде. Я смотрела проспекты, их тут много...

— Вот это точно. После такого отдыха нужно отдыхать в два раза дольше, — усмехнулась подруга. — А с Маргом ты еще не связывалась?

— Да ну его, — отмахнулась недовольно. — Надо будет — вызовет повесткой. Все равно у него следствие еще тянется, и разбираться с Аверами еще долго. Он меня так подставил и в такую историю втравил, что я ему это долго припоминать буду. Я теперь с ним только официально общаться буду, никаких одолжений!

— А прогнозы какие? Избавит он тебя от этого психованного некроманта?

— Шансы есть. — Я задумчиво кивнула. — Наемника, который напал на меня в Фонте, задержали. И он так зол на нанимателя за столкновение с Блаком, что добровольно пошел на сотрудничество со

следствием и дал показания. По Юрду в том числе. И Дамар Авер на брата настолько сердит, что и слышать не хочет о помощи ему, слишком тот его подставил. Он даже наймом адвоката не озаботился, а у Ферейна своих денег на дорогого нет, пришлось довольствоваться государственным.

— И в чем же подстава?

— Убийцу для меня Ферейн оплатил из средств брата. Дамару еще здорово повезло, что он все это время неотлучно находился в Сердцевине, да и наемник его не упоминал. Мне по секрету намекнули, что Авер-старший даже подумывает как-то передо мной извиниться за всю эту историю. Не знаю, правда, как, но вряд ли лично и очень искренне...

— А ты что? — Ангелика вопросительно подняла брови.

— А что я? Можно подумать, у меня есть выбор, — поморщилась в ответ. — Сволочь он, конечно, редкая, но, учитывая невменяемого братца, лучше пойти на мировую. Больше шансов избежать в дальнейшем внимания Ферейна. И выжить.

— Творец, когда же закончится эта история? — Лика сочувственно качнула головой и погладила меня по руке. — А на Марта не сердись, не так уж он и виноват. Не он же тебе этого журналиста и одержимого подсунул, просто совпало. Сейчас успокойсь, подлечишься и опять начнешь его уважать и идти навстречу. Если не решишь переехать в Клари, убедившись, что счастье именно там. Да и безопаснее, с таким-то защитником, — лукаво подмигнула она.

— А в чем оно, счастье? — отозвалась я. — Мне всегда казалось, что главное — это возможность быть собой, а в Клари... Лика, ну сама подумай. Я же там устану, потом начну винить во всем Дана, потом любовь перейдет в отвращение, и закончится все разводом... Не говоря уже о том, что противно бежать из столицы из страха перед одним уродом.

— Творец, взгляни на эту женщину! — Вместо осознания и покаяния Ангелика весело рассмеялась. — Она всерьез сомневается, что мужчина вообще в ней заинтересован, но уже планирует развод! Другие имена детям подбирают на второй день знакомства, а ты — кого первым сожгут. Винни, может, тебе оптимизма надо побольше, а?

— Отсыпь, — вяло улыбнулась ей. — У тебя его явно с избытком.

— Да с удовольствием. Например, тебе надо попробовать новые отношения...

— Что, опять?! — Я вытаращилась на подругу с ужасом. — Творец! Лика, я тогда на принудительное лечение отправлюсь!

— А может, третий раз, наоборот, счастливый? Мужиков-то вокруг полно! Вон, например, глянь, какой фактурный, а? Ну глянь, глянь, вон у двери стоит!

Я вздохнула, выразительно закатила глаза, давая понять Ангелике, что думаю про ее болтовню, но обернулась. Тут проще было согласиться, чем продолжать сопротивление.

Да так и замерла, нелепо изогнувшись. Потому что у входа в кафе стоял, внимательно оглядывая посетителей, Адриан Блэк собственной персоной. Одетый в гражданское, почти так же, как ездил в Фонт. Большой, массивный, угрожающий, хмурый — ни за что не догадаешься, что там на самом деле внутри.

Шериф словно почувствовал мой взгляд и обернулся. Мгновение — и он решительно устремился в нашу сторону, а я торопливо отвернулась к подруге.

— Винни, ты чего? — озадачилась та. — Ты так побледнела... Это что, какой-нибудь из твоих обвиняемых освободился, что ли?! — встревожилась она. — Может, полицию вызвать?

— Не надо полицию... — севшим голосом успела ответить я, а потом Адриан все же добрался до нас через зал кафе, проложив путь между столиков.

— Попалась, — проговорил с непонятной интонацией, а мне на плечи легли большие тяжелые ладони, будто случайно обхватив шею. Потом он взял стул за спинку и, скрежетнув по полу ножками, выдвинул из-под стола вместе со мной.

— Эй, мужчина, а что это вы себе... — начала Лика возмущенно.

— Дан, какими судьбами? — одновременно с ней вымученно улыбнулась я, торопливо поднялась с места и обернулась к мужчине, нервно оправляя юбку.

— Ах Дан! — тихо, с явным весельем в голосе, протянула подруга себе под нос, тут же успокаиваясь. Я не видела, но готова была спорить, что Лика обвела некроманта новым оценивающим взглядом и довольно улыбнулась, одобряя. А после — подперла голову ладонью и

с интересом уставилась на нас, даже не думая изображать незаинтересованность.

— Догадайся, — невозмутимо отозвался некромант. Смотрел спокойно, с легким прищуром, но я почувствовала себя еще более неуверенно, чем в первую встречу с этим типом в поезде.

— По поводу алхимика сообщить? — предположила, нервно сцепив пальцы и не зная, куда деть взгляд.

— Не угадала, — ответил он.

Пару мгновений висела тяжелая, вязкая тишина. Потом шериф мягко обхватил ладонями мое лицо, поднял и поцеловал в губы — осторожно, на пробу, явно ожидая, что я начну сопротивляться.

Зря. Я нервно зажмурилась, судорожно вцепилась в его запястья и, не раздумывая, ответила — отчаянно, выплескивая все свои переживания, тревоги и страхи.

Через несколько долгих секунд Адриан прервал поцелуй, провел большими пальцами по моим щекам, стирая влажные дорожки.

— Эх, Винни-Винни! — вздохнул он неопределенно, обняв. Я крепко прижалась к широкой груди, обхватила его за талию. — Госпожа судья, ты можешь объяснить мне, почему так внезапно удрала?

— Нет, — пробормотала я. — А почему ты отпустил?..

Адриан промолчал, кажется, просто не находя слов. Зато насмешливо высказалась Ангелика:

— А что вы на меня так смотрите? Я эту логику тоже не поняла. Идите уже поговорите где-нибудь спокойно, может, хоть вы на эти измученные менталистами мозги положительно повлияете, а то ну я не знаю уже, что с ней делать!

— Попробую, — серьезно пообещал Дан, невозмутимо подхватил со спинки стула мою куртку, сумку и, обняв одной рукой за плечи, повел к выходу.

А я послушно пошла, неловко вытирая щеки рукавом блузки и не оглядываясь на Лику. Потом встретимся, поговорим, никуда не денемся.

И чувствовала я себя при этом очень глупо, но очень счастливо.

— Ну что, куда едем? — спросил Адриан, останавливаясь возле припаркованного неподалеку авто и открывая дверь. Темно-зеленое, потертое, оно казалось смутно знакомым.

— А мы поедем? — спросила неуверенно. — Зачем?

— Отношения выяснять, — заявил он. — Садись, не будем же мы посреди улицы разговаривать.

— А есть что выяснять? — еще более неуверенно продолжила я.

Я была согласна, что нам нужно поговорить где-то в спокойном месте, но опять не могла поверить, что все это происходит на самом деле. На этот раз, правда, в хорошем смысле, а не как у меня в последнее время было...

— Винни! — Блак выразительно нахмурился, и я наконец залезла на сиденье. — Ну так что, где тут можно поговорить? Я-то города не знаю.

— Поехали ко мне. — После нескольких секунд размышлений я устало махнула рукой. Плевать, какой в этом можно отыскать двойной смысл, просто ничего больше не приходило в голову.

— Показывай дорогу.

— Как ты меня нашел? — спросила несколько минут спустя, когда мы вырулили на прямой участок.

— Незаконно, — признался Адриан. — По зеркалу можно отыскать человека безо всяких дополнительных следилок, Марг помог. Конечно, без судебной санкции. — Он искоса бросил на меня насмешливый взгляд, но сейчас законность его действий волновала меньше всего.

— А зачем вообще приехал? Неужели только для того, чтобы поговорить?

— Не только. Ты так быстро и внезапно сбежала, даже не намекнув на причину... Не было никакой гарантии, что ты согласишься со мной разговаривать. Может, тебя так сильно задело нарушение закона и процессуальных норм, что ты меня больше знать не желаешь! Нет, я бы, конечно, приехал и только за этим, очень ты меня озадачила своим демаршем, но тут совпало.

— С чем? С делом Авера? — предположила осторожно.

— Да ну, при чем тут он. Нет. Просто события последней декады и главным образом ты заставили меня задуматься о жизни и своем месте в ней.

— В каком смысле?

— Я ведь паршивый шериф, — проговорил он спокойно. — То есть шериф-то, может, неплохой, но паршивый следователь, это

точнее. Я не могу, да и не люблю возиться с документами, я не люблю обыски и вообще всякую мелочовку, которая требует кропотливости и сосредоточенности. Могу, но не очень хорошо и без самоотдачи. Да и с опросом свидетелей в Клари не было проблем только потому, что меня там хорошо знали. Ну, ты в курсе, как на меня реагируют незнакомые люди. Зато я сильный боевой некромант и, честно сказать, хорошую драку уважаю гораздо больше, чем всю эту беготню с разговорами. Выходит, мы со службой охотника буквально созданы друг для друга. Но это я давно понимал, просто решиться не мог, а тут ты еще одну хорошую вещь сказала, и мне стало стыдно.

— Какую еще вещь?

— Что ты выбрала эту работу, желая сделать мир чуточку лучше.

— И что? — не уловила я связи.

— И все. То есть ты, слабая и уязвимая женщина, стараешься ради хорошей, благородной цели, выдержишь серьезное давление и не жалуешься, а я там сижу, бездельничаю и наслаждаюсь жизнью.

— Ты какие-то глупости говоришь, — фыркнула я, пытаюсь скрыть за этим неловкость. — Польза не измеряется количеством страданий, и никакая я не благородная, просто мне нравится эта работа. А ты в Клари не бездельничал... На перекрестке налево!

— Ты просто в такой момент туда приехала, — возразил Адриан со смешком, бросив на меня непонятный взгляд. — Неприятности серьезней драки в баре случаются там пару раз в году от силы, а тут просто особенно повезло. На самом деле основную работу — возню с бумажками — все равно выполнял Кир, так что справедливо, чтобы именно он занял это место. И с прочим тоже справится.

— Значит, ты уже твердо решил?

— Да. А ты, значит, не так уж сердита за подтасовку фактов и нарушение закона? — вроде бы с легкой усмешкой, но явно очень серьезно спросил некромант.

— На светофоре направо. Нет, не сердита, хотя и стоило бы, — проговорила, разглядывая через стекло отлично знакомые улицы.

Напряглась, ожидая вопроса «почему?», на который не смогу вот так ответить, но его не последовало. Блак вообще прекратил разговор, делая вид, что очень сосредоточен на дороге, а я... Чем ближе мы подъезжали к дому, тем сильнее нервничала и тем более неловко себя чувствовала.

Пока парковались, молча поднимались в грохочущем лифте на нужный этаж, заходили в пустую тихую квартиру и снимали в прихожей верхнюю одежду, я чувствовала себя хрустальным бокалом, сброшенным на каменный пол. Мгновение — и в стороны брызнут осколки.

Но падение все длилось и длилось, не спеша заканчиваться.

— Чаю? У меня, кажется, где-то был подаренный, вроде бы неплохой... Правда, давно, — не выдержала молчания, провожая гостя в кухню. — Садись. Чай вообще портится? Год-другой может постоять?

Адриан послушно сел на стул, но долго изображать случайного гостя не стал. Дотянулся, поймал меня с банкой чая на пути от шкафа к столу.

— Поставь, — велел спокойно, забрал из вмиг ослабевших ладоней банку, продолжая одной рукой удерживать за талию. — А теперь объясни мне наконец, почему ты сбежала? Только не надо выдумывать всякие глупости про срочную работу, я прекрасно знаю, что ты к ней еще не приступила и не приступишь еще как минимум полквартиры.

Не зная, куда деть руки, я не придумала ничего умнее, чем положить их мужчине на плечи. Стало еще более неловко, я отвела взгляд и принялась разглядывать одинокую банку на столе.

— Так получилось, — пробормотала через некоторое время, потому что Блак продолжал молча смотреть на меня, ожидая.

— Ну да, — рассмеялся он. — Вот они — слова умной, самостоятельной взрослой женщины! «Так получилось», — передразнил, кривляясь. — Я голову сломал, что не так, а у нее... Ну стой, куда ты? Винни, я сильнее. И все равно тебе некуда бежать, даже если отпущу. А я тебя отпускать не планирую.

— Статья... — начала я, но некромант оборвал сразу:

— Да плевать. Я сказал — ты услышала.

— А если я против?

— Против чего? — усмехнулся он. — Да и в любом случае, уж прости, не верю. Была бы по-настоящему против — не мямтила бы так. Я прекрасно помню, какая ты, когда происходящее тебя не устраивает. А сейчас... Тоже что-то не так, но я не понимаю что. А ты не говоришь.

— Дан, ну чего ты от меня хочешь? — вымученно улыбнулась я. Но посмотреть ему в глаза так и не смогла.

— От тебя я хочу тебя. — Улыбка некроманта стала шире и веселее. — И это, пожалуй, главная причина, зачем я сюда приехал. Как минимум гонять от тебя всяких подозрительных хмырей. Вот увидишь, найдется очень мало желающих угрожать жене боевого некроманта.

— Вот прямо так сразу жене? — Я настолько опешила от радикальности Адриана, что даже о стеснении своем забыла, уставилась на него с недоверием. — Дан, мы знакомы всего ничего...

— То есть это единственное, что тебя смущает? — по-своему истолковал он сказанное. — Я запомнил.

— Но...

— Винни, мне уже давно не семнадцать и даже не двадцать пять, я могу здраво оценить степень своей симпатии к женщине. И могу отличить, когда просто хочется секса, а когда — не только его. Так что не знаю, как ты, а у меня было достаточно времени подумать и все взвесить.

— А если бы я вообще отказалась с тобой разговаривать?

— Ну, сейчас отказалась — через декаду-другую согласилась. — Некромант философски пожал могучими плечами. — Нашел бы способ. Но я надеялся, что ты немного поостыла, и был настроен оптимистично. Правда, рассчитывал с тобой поговорить раньше. По плану ты должна была выспаться, успокоиться, вечером высказать мне все свои претензии и объяснить, на что именно обиделась, а то у меня было несколько вариантов, я бы очень искренне извинился и пообещал больше так не делать... Ну а дальше по обстоятельствам. Я же не знал, что ты решишь удрать при первой возможности! Хорошо хоть я знал, где тебя искать.

— Что ты делаешь? — спросила я, поймав его ладонь и заодно юбку, которую мужчина уже успел незаметно расстегнуть.

— Разряжаю обстановку, — улыбнулся он. — Ты слишком напряжена, а я знаю прекрасный способ расслабиться и вытряхнуть из твоей головы все эти глупости.

— Да ничего подобного! — возмутилась я скорее от смущения, чем действительно от недовольства. — Пусти мою юбку, мы... Ай! Пусти немедленно!

Адриану окончательно надоел разговор, а извиняться он предпочитал деятельно и сразу за все, поэтому легко подхватил меня на плечо и понес из кухни прочь, начисто игнорируя ворчание и попытки освободиться. Спальня нашлась быстро, не такая уж у меня большая квартира. А там...

Ну кого я обманываю?! Всего моего упрямства и принципиального сопротивления хватило до первого поцелуя, а там я уже сама потянула с него футболку, целуя, оглаживая ладонями широкие плечи. Понимая, что ужасно, невозможно соскучилась, и...

Творец, я же именно этого ждала от него с самого начала, еще тогда, когда поднималась тем злополучным вечером в гостевую комнату старого дома! И потом все время ждала и глупо надеялась, что догонит, что я для него — больше чем случайное развлечение. И как же здорово, что он оказался таким упрямым...

К разговору вернулись много позже, когда я, разнеженная и приятно опустошенная, лежала на груди мужчины, не в силах лишний раз пошевелиться. Собственно, продолжать разговор тоже не хотелось, но Адриан проявил завидное упрямство:

— Ну так что, Винни? Расскажешь, почему сбежала?

— Я больше не буду, честно, — попыталась замять тему.

— Ловлю на слове, но это не ответ на вопрос. Да что случилось-то?! Я уже окончательно заинтригован.

— Я испугалась, — призналась тихо.

— Чего? — опешил он.

— Себя. Тебя. Всего... — вздохнула протяжно и ткнулась лбом ему в шею, радуясь, что нет необходимости смотреть в глаза. — Я расстроилась, что ты решил мне соврать. А если меня это так задело, значит, не получается относиться к тебе как... относиться легко, в общем. Я не знала, как воспринимаешь меня ты, и... Не могла же я сама об этом заговорить! А если бы заговорила и оказалось, что это все глупости, просто не смогла бы сохранить спокойствие, опять расплакалась бы. Я и так из-за этого сканирования у вас там слишком много плакала, но то хотя бы наедине с собой. А так...

— Ну ты хоть сейчас не продолжай, — тяжело вздохнул он, глядя меня по голове.

— Да я... так, немного, — смущенно шмыгнула носом в ответ.

— Прости меня, — попросил он тихо, погладив меня по макушке. — Плохая была идея — тебя обманывать. Вообще, с этой историей все вышло демоны знают как. И меньше всего мне хотелось из-за всего этого ссориться с тобой.

— Да уже простила, — пробормотала я и потерлась щекой о твердое плечо. — Только пообещай больше так не делать. Не врать, не хитрить и не ставить меня перед фактом. Со мной можно договориться любовно, если ты, конечно, не собираешься всерьез нарушать закон...

— Обещаю, — серьезно сказал он. — Говорить прямо и стараться не нарушать закон, — хмыкнул иронично. Помолчал и продолжил: — Значит, ты согласна?

— На что? — опешила я.

— На мужа-некроманта в моем лице. Как я уже говорил, могу отпугивать всяких подозрительных личностей. Еще готовить умею, по хозяйству тоже. Опять же, я большой и теплый, на мне удобно лежать...

Чушь, которую нес некромант, настолько озадачила, что я даже о смущении забыла, — приподнялась, чтобы заглянуть ему в лицо. Выражение его оставалось серьезным, но глаза откровенно смеялись.

— Самое дурацкое предложение, которое я слышала, — призналась честно.

— Ну, я все-таки первый раз, можно сделать скидку на неопытность, — улыбнулся он. — Могу немного потренироваться.

— На ком? — вырвалось у меня подозрительное.

— На тебе, — рассмеялся Адриан. — Буду тренироваться, пока не согласишься. Я-то не спешу, а Марг потерпит.

— Потерпит что?

— Меня и кошек. Хотя, конечно, он мне еще спасибо сказать должен. Не представляешь, какой у него дома свинарник и чем он питается! — весело поделился Блэк. — Я решил не спешить с поисками жилья, один-то на чемоданах посижу, а Гитон мне здорово задолжал. А что-то более серьезное с тобой согласовывать надо.

— Почему со мной?

— Потому что жениться я собираюсь на тебе, логично же, — ответил Адриан, опять рассмеялся, опрокинул меня на спину и навис

сверху, прижимая к постели. — Видишь ли, я люблю тебя и уже вполне определился с планами на будущее.

— То есть отказ не принимается?

— Ну почему? Можешь и отказаться. На первый раз откажешься, на пятый — согласишься. Говорю же, я вполне определился в жизни. Ну, не на пятый — так на десятый, куда ты денешься!

— Действительно, — вздохнула я, с трудом выдавливая улыбку, и потянулась за поцелуем.

И как бы ни было мне любопытно, но проверять фантазию и упорство Адриана не стала. Пусть их. Пусть говорил он глупости, зато искренне, и смотрел, целовал с такой жадностью, что я не променяла бы все это даже на самую красивую форму самых высоких слов.

И главное — зачем тянуть с ответом, если я тоже его люблю? Пусть знакомство наше началось странно и всего кварту назад, пусть он и кажется совсем неподходящим, пусть события в Клари совсем не способствовали моему выздоровлению, но... Он вытащил меня с того света и пересек лепесток, чтобы быть рядом. И, пожалуй, это лучшее, что случилось со мной в жизни.

Примечания

Кварта — мера времени, четыре декады. Год состоит из четырех сезонов по две кварталы в каждом, сезоны отделены друг от друга межсезоньем, составляющим также около декады. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Грешники — одна из самых распространенных тварей Разлома. Самые человекообразные, самые тупые и самые материальные. Считаются наименее опасными. При необходимости с ними может справиться и обычный человек.